

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

А. А. Тишкин

**СОЗДАНИЕ ПЕРИОДИЗАЦИОННЫХ
И КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ СХЕМ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ
ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ
И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ АЛТАЯ**

Монография

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2007

УДК 93+902(571.1/5)+008
ББК 63.3(051)+63.48(253.7)+71.0
Т473

Научный редактор:
доктор исторических наук **Ю.Ф. Кирюшин**

Рецензенты:
докт. ист. наук **И.Г. Глушков**; докт. ист. наук **А.И. Мартынов**;
докт. ист. наук **Л.А. Чиндина**; докт. культурологии **Л.С. Марсадалов**;
докт. филос. наук **Л.Е. Гринин**

Т473 Тишкин, А.А.

Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая : монография / А.А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 356 с. ISBN 978-5-7904-0731-4

Монография демонстрирует опыт разработки периодизационных и культурно-хронологических схем при изучении истории разных регионов Евразии. В ней отражен процесс накопления и поэтапного обобщения археологических материалов, которые были получены несколькими поколениями исследователей на территории Южной Сибири. Все проанализированные данные и результаты собственных раскопок позволили автору представить современную концепцию истории развития древних и средневековых народов Алтая на протяжении более 2200 лет (от раннескифского до монгольского времени).

Издание рассчитано на специалистов в области археологии, музеологии и культурологии, а также на широкий круг исследователей, интересующихся кочевниками Азии и проблемами структурирования истории.

ББК 63.3(051)+63.48(253.7)+71.0

Монография подготовлена и издана при частичной финансовой поддержке РФФИ (проект №07–06–00341 «Применение естественно-научных методов при изучении кочевников Алтая эпохи поздней древности и средневековья») и РГНФ–Алтайский край (проект №06-01-60105а/Т «Древняя и средневековая история Алтая»), а также в рамках реализации научно-исследовательской работы кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ по теме «Комплексное изучение материальной и духовной культуры древних и традиционных обществ Сибири»

ISBN 978-5-7904-0731-4

© Тишкин А.А., 2007

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2007

ВВЕДЕНИЕ

Нет ничего более необходимого
и нет ничего более сомнительного
в историческом познании,
чем периодизации.

Н.С. Розов

В настоящее время перед исследователями многих регионов Евразии стоит задача создания культурно-хронологических схем, основанных на изучении различных источников и отражающих закономерности фиксируемых исторических процессов. Наиболее актуальна такая задача для территорий, где существовали народы, не имевшие письменности, а воссоздание прошедших времен базируется главным образом на археологических материалах. Кроме этого, осуществляются попытки обобщения многочисленных данных на более высоком уровне осмысления структуры мировой истории. В ходе выполнения такой работы важно уяснение опыта подобного рода построений для более эффективного решения имеющихся современных проблем обозначенной темы.

История человечества отражена разными хронологическими отрезками (фазы, вехи, стадии, этапы, периоды, века, время, эпохи, эры и др.), которые составляют периодизацию – деление процессов развития на основные, качественно отличающиеся друг от друга периоды в соответствии с объективными закономерностями природы и общества*. В данном издании рассмотрен имеющийся многогранный опыт структурирования истории и обозначены в ходе такого изложения существующие проблемы в этой области знаний через представление различных построений зарубежных и отечественных исследователей, опираясь на свидетельства древних и средневековых мыслителей, а также на разработки нового и новейшего времени. В этом плане важным источником информации является сборник научных статей «Время мира» (2001), вышедший в Новосибирске под редакцией Н.С. Розова. В нем сосредоточены теоретические исследования по истории и отражены современные подходы к периодизации в основном зарубежных ученых. Кроме этого,

* Все приводимые определения обозначенных понятий основаны на устоявшихся данных, нашедших свое отражение в справочных изданиях (см. приложение).

следует отметить монографию И.М. Савельевой и А.В. Полетаева (1997), в которой представлен глубокий анализ многогранного исследовательского опыта в области структурирования истории. Несомненно, актуальной стала недавно опубликованная работа Ю.Л. Щаповой (2005) «Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель», в которой определенным образом аккумулированы современные взгляды на обозначенную тему и предложена математическая модель в качестве решения проблем хронологии и периодизации. Основательная статья Л.С. Клейна (2005) с характерным названием «Концепции времени и археология. Структурно-семиотическое исследование» существенным образом расширяет круг имеющихся представлений о времени, в том числе в рамках археологических интерпретаций. Использование математических методов в исторических и обществоведческих исследованиях продемонстрировано в коллективной монографии «История и математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов» (2006).

В ходе изложения такого специального раздела будут упомянуты и другие публикации, затрагивающие обозначенную тематику и способствующие пониманию многих современных проблем. Представленный в книге обзор важен для уяснения используемых в монографии некоторых методологических положений и терминов. Он определенным образом направлен и на решение вопросов, возникавших в ходе развития отечественной археологии.

Периодизация относится к числу наиболее важных и наименее изученных теоретических разделов истории (Грин, 2001а, с. 39). Она связана с хронологией (человечество внедрило в сознание каждого факт течения времени и без этого обойтись уже чрезвычайно трудно) и используется для деления процессов развития общества и природы на периоды, качественно отличающиеся друг от друга на основе определенных признаков или принципов. Периодизацией называют и саму процедуру структурирования истории, ее результат, а также отнесение каждого события, явления и общества к установленному этапу с определением хронологических рамок (Гринин, 1996). «Периодизация – путь к укрупнению единиц познания, что обязательно в современных условиях лавинообразного роста информации» (Щапова, 2005, с. 86–87). Она необходима для систематизации знаний о событиях и процессах в качестве организующей и упорядочивающей схемы (Савельева,

Полетаев, 1997, с. 141). Поэтому следует признать важную роль периодизации при обобщении накопленных исторических сведений, ее можно рассматривать как метод и «инструмент» при уяснении соотношений значимых показателей, существенно продвигая наши представления о прошлом. «Периодизация – очень эффективный способ упорядочения материала, обладает большой эвристической и методологической силой при условии, что она не противоречит фактам, составлена по единым основаниям и без логических ошибок, опирается на естественные рубежи» (Гринин, 1996, с. 6).

Периодизация является источником и продуктом теории, а также отражением практических нужд общества. Она связана со многими вопросами, демонстрирует приоритеты, ценности, понимание сил постоянства и изменения. Существует масса подходов при реализации такого рода построений. Как показывает анализ периодизационных схем, критерии для их создания могут быть различными, и зависят они от количества и качества источников, от уровня развития исторической науки, а также от определенного социального или политического заказа. Кроме того, существует значительный спектр объективных оснований для осуществления такого деления в зависимости от полученных материалов, демонстрирующих географические, этнокультурные, политические и другие характеристики. Имеются и реальные закономерности, которые отражают устойчивые связи и повторяемости в явлениях социокультурного плана. Есть определенно реализуемые и хорошо фиксируемые циклы, стадии, периодичности (Савельева, Полетаев, 1997): смена поколений; начало, расцвет, упадок; стабильность, кризис, возрождение и т.д. Эти и другие стабильные показатели (внешние и внутренние структуры – по Н.С. Розову (2001а, с. 7)), лежащие в основе системного выражения истории, являются предметом изучения и способствуют организации наших представлений о процессе развития всего человечества, который в настоящее время выглядит следующим образом: доисторическая эпоха (первобытность), древнейшие общества, классические древние (античные и современные им) цивилизации, Средневековье, Возрождение, Новое и Новейшее время (Розов, 2001а, с. 8).

Однако существует множество вопросов относительно того, какое место и время занимает то или иное историческое явление в весьма обобщенной и линейной системе. Следует также указать, что имеющийся опыт исторических периодизаций в значительной

мере базируется на европоцентризме, что является односторонним подходом и порой затрудняет восприятие событий и процессов развития обществ в других частях мира. Особенно уязвимыми в данном контексте представляются археологические материалы и другие свидетельства бесписьменных культур. В этой связи автором монографии предлагаются пути преодоления подобной практики через поэтапную реализацию обобщений имеющихся многоплановых данных и построение синхронизированных с историческими показателями культурно-хронологических схем, которые при определенной унификации и корреляции между собой смогут обеспечить решение важных проблем структурирования истории Евразии. Осуществление этой задачи требует значительного количества времени и сил. Конечно, проблема не может быть решена в ближайшее время, но работа обозначенного плана во многих регионах проводится, и уже имеются существенные результаты. В данной ситуации важно также уяснить сформировавшиеся направления в делении прошлого на определенные культурно-хронологические отрезки. Стоит заметить, что широко представленный в монографии обзор такого исторического опыта носит демонстрационный характер и отражает обобщенные результаты деятельности предшествующих поколений исследователей, знание которых и обеспечивает продвижение вперед.

Европоцентризм в современной истории заложен теми работами, которые предприняли западные общественные деятели при создании периодизаций. Они оказались построены на основе конфликтов между религиозными и светскими ценностями, а также между региональными и всеобщими направлениями в истории. Довольно подробно становление периодизации в европейской и мировой практике изложено в работе В. Грина (2001a). Основываясь на ней, отражены концепции формирования интересующей нас и принятой на Западе трехчастной модели (Древность, Средневековье, Новое время), которую мы регулярно (невольно или сознательно) используем в своих общих формулировках. Сведения из указанной публикации будут дополнены обзорами, представленными в работах М.А. Барга (1987), И.М. Савельевой и А.В. Полетаева (1997) и других исследователей.

Опираясь на многогранный опыт проведенных исследований в области периодизации истории на основе различных источников, автор придерживался следующего системного соответствия при

построении конкретной культурно-хронологической схемы: эпоха, период, время, культура, этап. *Эпохи** (Древность и Средневековье) отражают самый высокий уровень обобщения и восприятия известных многочисленных данных. Они включают в себя довольно значительные по времени и содержанию *периоды* (ранняя, развитая и поздняя древность; раннее, развитое и позднее средневековье), в рамках которых обозначались культурно-хронологические отрезки, названные *временем* с использованием известного этнического или условного (по ярким памятникам) обозначения: аржано-майэмирское время, пазырыкское, хуннуско-сяньбийско-жужанское («гунно-сарматское»), тюркское, кыргызское, монгольское. В каждой выделенной для Алтая археологической *культуре* обозначены *этапы* (отрезки времени, озаменованные каким-либо качественным изменением, событиями). Такой подход является одной из традиционных форм современного исторического мышления. Он демонстрирует различные *стадии* зафиксированного явления (процесс становления, формирования и расцвета, а также видоизменения, трансформации и упадка), что отражает содержание любой объективной периодизации. Кроме этого, при изложении обобщенных материалов использовались близкие по значению термины и понятия, заимствованные из других схем или концепций. Для более конкретного понимания данной ситуации приведем такие соответствия: период поздней древности – ранний железный век (эпоха раннего железа) – скифо-сакское и «гунно-сарматское» время – эпоха ранних кочевников; раннее и развитое средневековье – поздний железный век – тюркское, кыргызское, монгольское время – эпоха поздних кочевников. Как показал опыт работы, никаких противоречий нет у сложившихся и используемых обозначений. Все они направлены на адекватное понимание истории, но отражают разные подходы.

Принцип «триадности» при выделении этапов указанных для Алтая культур в представляемой концепции строго не соблюден. Это связано с тем, что не все обозначенные культуры наполнены репрезентативным материалом, а историческое развитие народов демонстрирует многообразие причин изменений и форм существования. Тем не менее мы согласны с тем, что трехчастная структура может быть основным содержательным стержнем любой периоди-

* Все выделения в книге сделаны автором. – *Ред.*

зации особенно на начальных этапах осмысления достаточных сведений, так как «...каждое явление имеет свое начало (период появления или формирования), период расцвета (время наибольшей концентрации присущих ему особенностей) и конец (период распыления и упадка или, наоборот, последнего взлета «творческих сил» носителей культурной традиции)» (Савинов, 2005а, с. 28).

При написании книги и в ходе работ с полученными материалами использовались общеисторические и традиционные археологические методы. Основными реализованными подходами стали диалектический, материалистический, системный, этногенетический, пространственно-временной, культурологический и комбинированный. Хронология комплексов определялась путем привлечения широкого круга аналогий, часть которых датирована радиоуглеродным и дендрохронологическим методами. Отдельно в приложении книги представлены результаты радиоуглеродного анализа образцов, отобранных из памятников Алтая. Часть калибровочных данных получена автором с помощью специальной программы, разработанной в лаборатории Вашингтонского университета (RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAMM REV 4.3).

Следует отметить важность использования синхронизации для установления хронологического соответствия выделенных этапов с хорошо датированными историческими событиями и процессами.

Современная система знаний позволяет диалектически использовать комплекс проверенных методологических положений из различных концепций. Поэтому теоретической основой нашего исследования послужили рациональные разработки отдельных направлений эволюционизма, позитивизма и исторического материализма, которые не противоречат друг другу, а, наоборот, существенно продвигают наше понимание реально существовавшей действительности. Они были реализованы при изучении предметов, явлений, процессов и при наиболее полном раскрытии содержания обозначенных культурно-хронологических систем. Основным подходом при реализации комплекса исследований стал типологический метод, который был направлен на расчленение выделенных комплексов и на их группирование с помощью обобщенной модели. Этот метод традиционно используется в археологии в целях сравнительного изучения как отдельных категорий предметов, сооружений и явлений, так и их совокупности. Особенно это касается рассмотрения развития конкретных типов изделий во времени и

пространстве. В ходе такой работы выявлялись связи, функции, отношения и уровень организации привлекаемых объектов. Реализованный подход способствовал выявлению закономерностей культурного развития кочевых скотоводческих общностей. В результате осуществлялась проверка имеющихся теорий однолинейной, двухлинейной и многолинейной эволюции, а также концепция культурного релятивизма, исходящая из положения о том, что пути развития отдельных культур уникальны и нужно изучать только их индивидуальные черты.

В данной книге аккумулированы разработки автора, которые нашли отражения в многочисленных статьях (Тишкин, 1991–2007; Тишкин, Горбунов, 1999–2007; Тишкин, Дашковский, 1997, 1998, 2002, 2003, 2005, 2007; и др.), монографиях (Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Тишкин, Дашковский, 2003б; Тишкин, Горбунов, 2005б), диссертациях (Тишкин, 1996б, 2006б, в) и учебных пособиях (Тишкин, 2001; Тишкин, Дашковский, 2004; Тишкин, Горбунова, 2004). Плодотворным результатам способствовала конструктивная поддержка коллег кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ, а также научные контакты с исследователями различных учреждений Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Томска, Кемерово, Иркутска, Улан-Удэ, Владивостока и других городов России. Автор выражает огромную благодарность рецензентам и научному редактору монографии за высказанные замечания, предложения и за обсуждение проблем, обозначенных и решаемых в данной работе, которая является началом систематизации полученных на Алтае археологических материалов, в рамках выработанной концепции.

Раздел I
ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО
И ПРАКТИЧЕСКОГО СТРУКТУРИРОВАНИЯ ИСТОРИИ

Глава 1
ПЕРИОДИЗАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ЕВРОПЕЙСКИЙ
ОПЫТ И НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Древнейшая дошедшая до нас попытка построения исторической хронологии – знаменитый список шумерских царей. Затем необходимо указать последующие перечни об ассирийских, вавилонских и египетских правителях. Эти сведения изначально служили не для измерения времени, а подтверждали легитимность правящей династии. Исследователи подчеркивают, что в таких текстах имеется множество ложных данных, появление которых вполне понятно и объяснимо. В то же время отмечаются и более надежные хронологические указания. Например, Олимпийские игры, проводившиеся в Греции, служат в качестве объективных временных сеток (Гудсблом, 2001, с. 119). «Эра олимпиад» была сконструирована в последней трети III в. до н.э. греческим историком Тимеем Сицилийским и математиком Эратосфеном, используя списки победителей Олимпийских игр (Савельева, Полетаев, 1997, с. 189). Тем не менее в древности история многих народов в основном базировалась на династийном представлении и учете жизни царствующих особ. При этом в качестве инструмента использовался счет поколений, что задавало не только единицу исторического времени, но и формировало первичные представления о цикличности исторического развития (Савельева, Полетаев, 1997, с. 361–362).

В середине III в. до н.э. жрец Манефон создал первую хронологию Древнего Египта (Бикерман, 1975). Его труд включал полный список египетских фараонов с годами их правления и охватывал период с начала V тыс. до н.э. и до III в. до н.э. Имена примерно 300 фараонов оказались распределены на 30 династий, которые в свою очередь были сгруппированы в три царства – *Древнее*, *Среднее* и *Новое*. Стоит отметить, что представленное структурирование носило условный характер, так как династии обозначались не по принципу кровного родства, а чисто механически. Во II в. н.э. александрийский астроном Клавдий Птолемей (ок. 90–160 гг. н.э.) в приложении к своему трактату, содержащему звездный каталог,

поместил «Царский канон» – таблицу, в которой были указаны имена и годы правления вавилоно-ассирийских, персидских, греческих и римских правителей. Позже этот перечень продолжили христианские историографы вплоть до падения Константинополя в 1453 г. (Савельева, Полетаев, 1997, с. 186–187). Анализу многочисленных данных по хронологии основных событий древней истории Ближнего Востока, Греции и Рима и сопоставлению их с датами нашего летоисчисления посвящена работа Э. Бикермана (1975). Правда, исследователь обозначил и проблему достоверности целого ряда таких показателей и характеристик. Тем не менее следует указать, что подобный подход имеет рациональные зерна и его можно в подобном виде до сих пор использовать в практике изложения канвы синхронизированных исторических событий для других периодов и регионов. Это, например, касается истории тюрков (Гумилев, 2002, с. 475–503) и других кочевых общностей.

Античную культуру представляет периодизация, основанная на историческом, экономическом и духовном развитии общества. Она включает архаический (VIII–VI вв. до н.э.) и классический (V – 1-я половина IV вв. до н.э.) периоды, а также ранний (2-я половина IV – 1-я половина II вв. до н.э.) и поздний (2-я половина II – I вв. до н.э.) эллинизм (Шталь, 1990, с. 5). В эпоху греческой архаики жил Гесиод – создатель произведений в стиле так называемого дидактического (назидательного) эпоса. В поэме «Труды и дни», которая была написана около 700 г. до н.э. (Гесиод, 1990а), нашло отражение повествование о пяти этапах (веках), последовательно сменявшихся на земле, – золотом, серебряном, медном, героическом и железном (Ярхо, 1983, с. 330).

По Гесиоду (1990а), сначала «вечно живущие боги» создали «...поколение людей золотое». «Недостаток был им ни в чем неизвестен». Затем наметилась негативная тенденция в эволюции человеческого общества: «Поколение другое, уж много похуже, из серебра...» сотворили великие боги Олимпа. Несмотря на целый ряд «отрицательных» характеристик, эти люди также оставались «в почете у смертных». «Третье... поколение людей говорящих, медное создал...» родитель Кронид. Оно не было похоже на предыдущее. Люди отличались могуществом и воинственностью. Из меди у них были орудия труда, доспехи и жилища. После гибели этого поколения «создал Кронион... славных героев божественный род». Погубили этих полубогов «война и ужасная битва». В пятом веке

землю заселили «...железные люди». Им была уготована тяжелая жизнь, облегчить которую смогли бы лишь праведные и знающие правители. В таком виде до нас дошла одна из архаичных схем истории, наполненная религиозными, мифологическими представлениями, а также в какой-то мере реальными сведениями и психологическими восприятиями прошлого. Гесиод, формируя свое видение предшествующих периодов, зависел от многих факторов (знания, идеология, экономическое развитие и т.д.). В подобном положении, впрочем, и сейчас находится каждый исследователь. В другом произведении «Теогонии» (Гесиод, 1990б) представлена другая концепция. Там отражена сакральная история развития от «низших» божеств к высшим, от «диких» титанов к «цивилизованным» богам-олимпийцам. Изложенные Гесиодом концепции развития человечества имели социальный смысл и оказались типологически сходны с другими подобными представлениями древности (Шталь, 1990, с. 18). Можно привести еще целый ряд примеров из греческих мифов и произведений мыслителей, которые демонстрируют прогрессивную, регрессивную и циклическую модели представления исторического движения (Барг, 1987; Савельева, Полетаев, 1997, с. 286–287).

Античные историки и философы старались упорядочить известные им события и использовали различные ориентиры и характеристики, демонстрировавшие смену или развитие недалекого прошлого. Следует учитывать в таком случае и субъективный фактор, который заключен в том, кто именно занимался поставленной темой. Олимпийские игры в Греции, смена консульств Римской республики и другие сведения служили схемами, отражавшими историю отдельных эпох. Кроме этого, существовал и другой подход, который обозначил древнегреческий философ Платон (428 или 427 гг. до н.э. – 348–347 гг. до н.э.): пастухи → крестьяне → горожане. Аристотель (384–322 гг. до н.э.) использовал свой принцип систематизации данных о развитии человеческого общества, выделив три стадии в его организации: семья → деревня → город (Гудсблом, 2001, с. 120–121). Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что даже в древности существовали разные критерии периодизации, не говоря о нынешнем состоянии в этой области знаний (Время мира, 2001). Тем не менее ясно прослеживается тенденция, заключающаяся в необходимости разбить историю и/или ее отдельные периоды на понятные, логически последовательные отрезки

времени и довести полученную конкретную схему до многих членов общества. Изучение данного процесса показывает то, что «...вся периодизация основана на прочно усвоенных представлениях о непрерывности и изменении. Чтобы исторические периоды были осмысленными, они должны различаться при помощи важных длительных непрерывностей» (Грин, 2001а, с. 39–40).

Несколько концепций периодизации возникло из Библии и других религиозных текстов. Они базируются на поступательном представлении о сотворении мира до Второго пришествия. Вариант периодизации, очень схожий с выше представленной схемой Гесиода, зафиксирован в книге пророка Даниила (в библейской мифологии – проповедник и мудрец, единственный прочитывавший и истолковавший таинственную надпись). Человечеству предопределено пережить золотой, серебряный, медный, железный и глиняный века, в ходе которых вырождались моральные нормы, представленные в символе каждого материала. Пророк Даниил представлял мировое устройство в виде четырех мировых монархий, приходивших на смену одна другой (Барг, 1987, с. 102–103). Следующая разработка принадлежит Св. Августину (Августин Блаженный (Augustinus Sanctus) Аврелий (354–430 гг.)), христианскому теологу и церковному деятелю, родоначальнику христианской философии истории. Он отделил понятие священной истории от земной, отверг предыдущую схему, определил два мира (профанный и сакральный) и рассматривал шесть эпох в гармонии с шестью днями творения, а седьмую – как время райского блаженства, которое начнется со Вторым пришествием:

1. От сотворения мира до потопа.
2. От потопа до Авраама.
3. От Авраама до Давида.
4. От Давида до Вавилонского пленения.
5. От Вавилонского пленения до рождения Христа.
6. От рождения Христа до Второго пришествия.

Каждой из этих шести эпох приписывалась протяженность в тысячу лет (Грин, 2001а, с. 43–44). Эта периодизация до XIV в. не подвергалась сомнениям (подробнее о средневековой исторической мысли см.: Барг, 1987). Определенным образом она продолжает использоваться и ныне (Библейская энциклопедия, 1996). В VIII в. англосаксонский историк Беда Достопочтенный дополнил периодизацию священной истории, унаследованную от Св. Августина,

характеристикой каждого из «шести веков мира». По мнению М.А. Барга (1987, с. 169–170), Беда, как и Св. Августин, знал и другой способ периодизации истории, который базировался на соответствии с жизнью человека: «...младенчество (время, находящееся за пределами памяти), детство (появление языка), юность (начало поколения патриархов), зрелость (появление королевского правления), пожилой возраст (время растущих огорчений) и старость (упадок и разложение, предшествующее «веку» вечного покоя)».

Св. Августин попытался объединить библейскую мифологию и языческую историю Рима в одну ойкуменическую историю, описав превратности судьбы человечества от истоков до времени его жизни (Гудсблом, 2001, с. 117). Представленная схема была пересмотрена только итальянскими гуманистами, в работах которых уже использовались термины «античность» и «средние века». Протестантская Реформация также сыграла свою роль в таком процессе. Жан Боден (французский историк-гуманист) обеспечил возможность создания модели для французской истории в XVI в., призывая изучать подъем и гибель государств и отказаться от периодизации, основанной на религиозной мифологии. В его работе «Метод легкого изучения истории» нашел отражение принцип деления истории на *древнюю, среднюю и новую* без датировки соответствующих эпох (Савельева, Полетаев, 1997, с. 206).

К концу XVII в. сложились условия для создания трехчастной периодизации. Немецкий филолог Кристоф Келлер, обычно называемый Целларием (Cellarius, 1638–1707), был первым ученым, который собрал воедино все части и ввел периодизацию истории, близкую к современной (Грин, 2001а, с. 47). При этом он применял так называемый агрегатный подход, т.е. сведения излагались по схеме «эпизод за эпизодом». Определенный этап истории, по Целларию, заканчивался царствованием последнего византийского императора Константина XI (1403–1453) из династии Палеологов, погибшего при обороне Константинополя от турок. Но затем в процессе работы Целларий передвинул границу Средневековья и Нового времени от 1453 г. почти до 1500 г., утверждая, что великие открытия, политические перевороты в европейских монархиях и протестантские реформы оказали большее влияние на западную цивилизацию, чем падение Константинополя.

Предложенная Целларием трехчастная схема приживалась очень медленно. В начале XVIII в. большинство ученых продолжали рассматривать падение Рима как границу между эпохами. Все, что было до этого, – древняя история, а после – новая.

Рационализм эпохи Просвещения в XVIII в. усилил критику религии. Английский историк Э. Гиббон (1737–1794) и другие его коллеги выделяли такие периоды, как Древность, Средневековье и Новое время, но у них были разные датировки. Следует сказать о периодизации Й.-К. Гаттерера, который возглавлял кафедру истории Геттингенского университета. Немецкий исследователь обозначил и описал четыре великих эпохи в мировой истории:

- эпоха творения, которая включала всемирный потоп;
- эпоха зарождения наций;
- эпоха переселения народов, связанная с миграцией германцев и славян в V в. и потом с завоеваниями мусульман и монголов;
- эпоха, начавшаяся открытием Америки (Грин, 2001а, с. 42–49).

Упорядочение обширной истории Европы предпринял профессор Королевской кафедры в Кембридже лорд Актон. В результате он признал, что западная историческая непрерывность прекратилась примерно в 1500 г. (Грин, 2001а, с. 52). Можно привести еще не мало различных примеров подобных разработок. Однако совершенно ясно, что к 1-й половине XIX в. на Западе закрепились весьма обобщенная и универсальная схема исторического времени, основанная на обозначении трех эпох: *Древность*, *Средневековье*, *Новое время* (Савельева, Полетаев, 1997, с. 222–226). В рамках этой триады существовали более частные построения, основанные в том числе и на привлечении археологического материала.

С середины XVIII в. оформилась и стала распространяться идея общественного прогресса (Барг, 1987, с. 331–332). Ее автор, французский философ-просветитель и экономист А. Тюрго (1727–1781), рассматривая развитие человечества как закономерное поступательное движение по восходящей линии, признавал, что бывают времена упадка, войн, бедствий, которые, однако, не меняют путь к большему совершенству (Савельева, Полетаев, 1997, с. 300). Первым систематическим изложением идеи прогресса было сочинение А. Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (Барг, 1987, с. 332–333). Позже концепцию ли-

нейного прогресса развивали многие философы, экономисты, энциклопедисты, и в XVIII–XIX вв. она стала господствующей догмой, что не могло не оставить глубокий след и в периодизационных теориях. И. Кант (1724–1804) определял смысл всеобщей истории как процесс саморазвития человеческого духа, благодаря которому человеческая раса постепенно становится все более рациональной и потому все более свободной (Савельева, Полетаев, 1997, с. 301).

«Прогрессивные» концепции исторического процесса предполагают, что настоящее превосходит (по определенным критериям или параметрам) прошлое, а будущее будет по тем же показателям превосходить настоящее. Следует еще раз указать на то, что философы значительно раньше XVIII в. оперировали этим и другими («циклическими» и «регрессивными») образами исторического процесса или их комбинациями (Савельева, Полетаев, 1997, с. 282–283).

В XVIII в. Дж. Вико (1740) в своей работе «Основания новой науки об общей природе наций» попытался совместить идеи циклического кругооборота и линейного развития, а Гегель (1770–1831) наряду с линейной концепцией, состоявшей из четырех стадий (в рамках концепции «четырёх царств»), выделил три периода внутри последней, отразив историю Германского мира (Савельева, Полетаев, 1997, с. 305). Подобные шаги были предприняты для более эффективного отражения реальных исторических ситуаций. У Гегеля история начинается с образования древних государств и «движется» с Востока на Запад. Первая эпоха – детство (деспотизм) – Восточный мир, включая Древний Китай, Индию, Персию, Сирию, Египет. Вторая эпоха – юность (демократия) – Греческий мир. Третья – возмужалось (аристократия) – Римский мир. Четвертая – старость (она же и зрелость духа) – Германский мир (Савельева, Полетаев, 1997, с. 336). В этой концепции просматривается соединение нескольких подходов на развитие истории.

В 1840-х гг. французский философ, один из основоположников позитивизма, О. Конт (1798–1857) выделил три стадии развития общества по типам мышления. Теологическая стадия, по его мнению, охватывала древность и раннее Средневековье (до 1300 г.) и могла быть разделена на три периода: фетишизм, политеизм и монотеизм. Метафизическая стадия (1300–1800 гг.) являлась переходной и отражала разрушение старых верований, анархию. Позитивизм

тивная стадия (с 1800 г.) связывалась с распространением наук, развитием промышленности и с гармонизацией всех сторон жизни общества (Савельева, Полетаев, 1997, с. 338). В философии позитивизма прогресс человечества рассматривался как результат простого развития основного порядка. У этой идеи были серьезные противники: Ф. Ницше, О. Шпенглер, З. Фрейд, Х. Ортега-и-Гассет и др., которые выступали в антипрогрессивном духе (Савельева, Полетаев, 1997, с. 302–304).

Во 2-й половине XIX в. наметились довольно крупные периодизационные концепции, в основе которых лежали разные теории. Для создания целостной картины развития человечества исследователи пытались выработать и использовать наиболее оптимальные схемы мировой истории. Можно назвать целую когорту ученых, занимавшихся данной проблематикой. Существует довольно много периодизаций, основанных на разных принципах и подходах к определению последовательности событий, явлений и изменений в жизни человеческого общества. Такие разработки, несмотря на изъяны и критические замечания, отражают положительный опыт понимания исторического процесса в целом.

Особую популярность имели экономические и «биологические» подходы при членении «всемирной истории» (Савельева, Полетаев, 1997, с. 340–341, 346–347). Кроме этого, получила дальнейшее развитие «схема трех веков», озвученная в I в. до н.э. римским поэтом и философом Титом Лукрецием Каром и обоснованная датским ученым Христианом Томсенем, который в 1836 г. по материалам изготовления орудий труда разделил первобытную эпоху на три периода (каменный, бронзовый и железный). «Технологический» принцип деления истории нашел отражение в работах археологов Дж. Леббока, Г. де Мортилье и других исследователей, занимавшихся периодизацией от палеолита до средневековья. Имели место и другие подходы. Например, концепцию четырех стадий развития человечества обосновал шведский профессор зоологии, директор зоологического музея С. Нильсон. Используя метод этнографо-археологических аналогий, он на основе способов производства средств существования выделил: 1) время охотничье-собирательского и рыболовецкого хозяйства – «дикость»; 2) период кочевого скотоводства – «номадизм»; 3) стадию развития земледелия; 4) этап появления государства, разделения труда и чеканки монеты – «цивилизация» (Генинг, Левченко, 1992). Однако вне-

дренная в практику система Томсена–Ворсо получила широкое распространение. И.М. Савельева и А.В. Полетаев (1997, с. 234) считают, что используемая до сих пор схема «веков» выступает как вполне строгая и определенная, т.е. обладает признаками научной периодизации. Она «работает» на огромном историческом пространстве. Однако попытки продолжить ее не принесли успехов.

Развитию идеи прогресса в конце XIX в. значительным образом способствовал эволюционизм. Под влиянием теории Ч. Дарвина оформилась «эволюционная» схема истории, в которой исторический процесс предстает в виде постоянных изменений. Такая модель «...имеет целый ряд несомненных достоинств и во многих случаях лучше соответствует реальному историческому процессу...», но недостаток заключается в том, что «...она операбельна только в рамках календарного, качественно однородного времени, так как не задает никакого способа качественного членения исторического времени» (Савельева, Полетаева, 1997, с. 449).

В работах К. Маркса, опубликованных при его жизни, никакой детальной схемы всемирной истории не излагалось, хотя отдельные обозначения предпринимались. Кроме того, ученый высказывал неоднозначные взгляды на последовательность этапов истории и на критерии периодизации (Гринин, 1996, с. 3). Тем не менее они сыграли огромную роль в создании различных теорий. В этом плане особенно следует отметить концепцию социально-экономических формаций, широко распространенную в советское время. В работе «Немецкая идеология», созданной К. Марксом и Ф. Энгельсом, на основе классификации форм собственности выделены пять ступеней в развитии общества: 1) племенная собственность; 2) античная (общинная и государственная); 3) феодальная (или сословная); 4) буржуазная (или чистая частная); 5) коммунизм (общественная) (Савельева, Полетаев, 1997, с. 337). Кроме этого, существовали и другие произведения классиков марксизма-ленинизма, в которых затрагивались вопросы периодизации истории (Периодизация..., 1984, с. 34–55). В историческом материализме формально существовало основание для периодизации по уровню развития производительных сил. Хотя, по мнению Л.Е. Гринина (1996, с. 7), такое деление больше учитывало производственные отношения и формы собственности на средства производства. Поэтому им была предпринята попытка создания периодизации исторического процесса на основе изучения уровня производительных сил, способных к созданию определенного объема и качества благ.

Еще одним фактором, который определял развитие культур отдельных народов и получил широкое применение в конце XIX в. и в начале XX в. особенно в этнографических и археологических исследованиях, являлись заимствования достижений других социумов в ходе миграций, контактов, завоеваний и других взаимодействий. Диффузионистское направление имело сильное влияние и на отечественных ученых. Однако позднее многие представители марксистской науки стали противопоставлять его своей концепции, основанной на внутренних закономерностях развития конкретного общества. Такой подход породил локальные культурно-хронологические схемы, представлявшие автохтонные линии изменения историко-культурного облика различных этносов на протяжении длительного времени. Данное состояние сохранилось до сих пор и очень трудно преодолимо, хотя и в методологии марксизма, и в теории диффузионизма представлено диалектическое понимание влияния обоих факторов. Главным является определение причины и следствия произошедших изменений.

XX в. принес несколько новых подходов в построении периодизаций истории (Время мира, 2001), хотя ряд концепций являлся продолжениями предыдущих разработок. В этом процессе приняли участие многие, в том числе и отечественные, представители науки (Розов, 2001б). К сожалению, мы не можем остановиться подробно на всех полученных результатах. Изложим лишь наиболее показательные.

В 1920-е гг. огромную известность получила работа немецкого философа О. Шпенглера (1993) «Закат Европы». В ней обозначены восемь «культур»: индийская, китайская, вавилонская, египетская, греко-римская (античная), арабско-византийская, западно-европейская и культура майя. Каждая культура, по О. Шпенглеру, подобно человеку, переживает детство, юность, возмужалось и старость. На основе комплексного анализа духовной жизни, искусства и политики им была рассмотрена античная и западная культура (Савельева, Полетаев, 1997, с. 347). О. Шпенглер (1993, с. 49) назвал схему «Древний мир – Средние века – Новое время» невероятно скудной и лишенной смысла. Но он признавал и ее «абсолютное владычество» над историческим сознанием (Савельева, Полетаев, 1997, с. 222).

В 1930-е гг. в марксистской литературе была канонизирована схема пяти общественно-экономических формаций (первобытно-

общинная – рабовладельческая – феодальная – капиталистическая – коммунистическая), которая претендовала на глобальный и антиевропоцентричный вид (Савельева, Полетаев, 1997, с. 341). Каждая формация отражала своеобразный исторический этап, который характеризовался совокупностью материальных и духовных ценностей, а также способами деятельности для их создания (Гринин, 2000).

Широкую известность получил труд английского историка и социолога А.Дж. Тойнби (1889–1975), стимулировавший деятельность многих исследователей. В нем отражена теория исторического развития и дана многогранная характеристика цивилизаций, критерием для выделения которых выступала прежде всего религия. Каждая цивилизация, по мнению ученого, проходит четыре стадии: генезис, рост, надлом и распад (Савельева, Полетаев, 1997, с. 348–349). А.Дж. Тойнби (1991) выделял доисторию (до 3000 г. до н.э.), древнюю эру (3200–1200 гг. до н.э.), классическую эру (1200 до н.э. – 1000 г. н.э.) и новую (современную) эру.

Стоит представить популярную схему немецкого философа и психиатра К. Ясперса (1883–1969), построенную по принципу выделения «ядра». В ней «всемирная история» отражена в четырех эпохах:

1. «Прометеевская» эпоха – относится к доистории.
2. Эпоха «великих культур древности» – началась с 5000 г. до н.э.; «мир» состоял из народов, живших в долинах великих рек – Нила, Хуанхэ, Инда и в междуречье Тигра и Евфрата.
3. Эпоха «осевого времени» – началась между 800–200 гг. до н.э.; «мир» состоял из так называемых осевых народов – китайцев, индийцев, иранцев, иудеев и греков, которые образовали три культуры «Восток–Запад», Индия и Китай, причем блок «Восток–Запад» позднее делился на Запад, Византию и Ислам.
4. Эпоха «науки и техники» – началась в Европе с конца XVIII в., постепенно в «ядро» включались другие народы (Савельева, Полетаев, 1997, с. 338–339).

В связи с рассматриваемой темой укажем мнение К. Ясперса (1991, с. 52), в котором отмечено определенное понимание обозначенного исследовательского направления: «Попытка структурировать историю, делить ее на ряд периодов всегда ведет к грубым упрощениям, однако эти упрощения могут служить стрелками, указывающими на существенные моменты».

Важную роль в представлении развития человечества в свое время сыграла концепция индустриального общества, делившая историю на доиндустриальную и индустриальную (Дж. Фурастье, Р. Арон, Дж. Гэлбрейт и др.). Позже она была дополнена постиндустриальной стадией. По мнению Л.Е. Гринина (1996, с. 3), вариант четырехэтапной периодизации, где доиндустриальная фаза делится на доаграрную и аграрную, является более правильным.

В конце XIX в. и начале XX в. очень много писали об эффективности использования смены социальных поколений в изучении истории. Эта тема пользовалась успехом у философов, историков, социологов, искусствоведов, экономистов и др. Однако уже к середине XX в. сформировалось понимание того, что систематическое деление исторического процесса на поколения-интервалы вряд ли приемлемо с научной точки зрения (Савельева, Полетаев, 1997, с. 364–370).

Обзор современных подходов к структурированию Всемирной истории зарубежных исследователей представлен в уже упомянутой статье В. Грина (2001), а также в разделе, подготовленном Н.С. Розовым (2001б) для сборника «Структуры истории» и в других работах (Альтернативные пути..., 2000). Вслед за Н.С. Розовым отметим фундаментальный подход В. Макнила – ученика А.Дж. Тойнби. Несмотря на то, что В. Макнил специально не занимался теорией и методологией периодизации, его труд по объему использованной и проработанной информации исторического характера до сих пор остается недосягаемым для последователей. Н.С. Розов (2001б, с. 226–227) на основе книг и статей В. Макнила представил картину исторического процесса от подъема первых цивилизаций до явного господства Запада и развития космополитизма в глобальном масштабе. В связи с нашей темой интересен факт выделения периода с 500 г. до н.э. по 300–600 гг. н.э., характеризующегося подъемом и упадком эллинистических культур, вхождением Китая в «великое общество» вследствие караванной торговли, распространением эпидемических болезней и великим переселением народов. Следующие два хронологических отрезка (300–600–1000 гг. и 1000–1500 гг.) связаны с восстановлением роли Среднего Востока, гегемонией исламских обществ, степными завоеваниями, развитием Китая и началом подъема Запада. В. Макнил особое значение придавал диффузии при изучении межцивилизационных связей.

Другой современный исследователь В. Грин, работы которого уже неоднократно упоминались, специально занимается исто-

рией и теорией периодизаций и считает, что в основе периодизации должна лежать некая теория исторического изменения, а при ее построении важно использовать агрегатный подход или подход лидирующего сектора (Розов, 2001б, с. 227–228). Опираясь на разработки М. Ходжсона, В. Макнила и используя миросистемные идеи И. Валлерстайна, он предлагает четырехчастную модель периодизации, которая в определенной мере воспроизводит устоявшуюся на Западе схему: приблизительно 3000 – 1000–800 гг. до н.э. (доклассическая эпоха (архаика) или ранняя древность); 1000–800 гг. до н.э. – 400–600 гг. н.э. (классическая эпоха (античность) или поздняя древность); 400–600 гг. – 1492 г. (постклассическая эпоха или средневековье); с 1492 г. до настоящего времени (современность).

Стоит кратко представить довольно популярную до недавнего времени концепцию И. Валлерстайна. «Мир-система» состоит из трех компонентов: «ядра» (наиболее развитые, «центральные» регионы, народы, страны), «периферии» (страны или регионы, занимающие маргинальное положение в системе и не играющие в ней практически никакой роли) и «полупериферии», находящейся между двумя первыми и оказывающей влияние на системы в той мере, в какой она связана с «ядром» (Савельева, Полетаев, 1997, с. 331).

Другой блок подходов, рассмотренный Н.С. Розовым (2001б, с. 228–231), связан с именами Д. Уилкинсона, А.Г. Франка, Б. Гиллса, Дж. Модельски. Первый из них – известный исследователь – весьма оригинально соединяет в своей концепции цивилизационный и миросистемный подходы. Два других рассматривают в качестве движущей силы развития мировой системы накопление прибавочной стоимости и выделяют в более крупных периодах фазы расширения и сокращения. Последний из названных является специалистом в области социальной эволюции, анализа мировых систем и длительных геополитических циклов. По мнению Дж. Модельски, именно человеческие поколения задают ритм истории. На основе деления истории (по Шпенглеру, Тойнби и др.) он получил схему трех эр (Ближневосточная, Евразийская, Океаническая).

Другие периодизационные концепции базируются на развитии межкультурных взаимодействий (Дж. Бентли и П. Мэннинг), на жизненном цикле новшеств в истории (Й. Гудсблом), на фазах социального развития (К. Чейз-Данн и Т. Холл) и др. Остановимся только на представлении одной схемы. Джерри Бентли развивает

геоэкономический слой трехуровневой периодизации П. Стернза, который занимается выделением крупных аспектов Всемирной истории и соответствующих «каркасов». В результате получилось шесть периодов, которые, правда, не имеют четкого критерия для их выделения:

- период ранних сложных обществ (3500–2000 гг. до н.э.);
- период древних цивилизаций (2000–800 гг. до н.э.);
- период классических цивилизаций (500 г. до н.э. – 500 г. н.э.);
- постклассический период (500–1000 гг. н.э.);
- период трансрегиональных кочевых империй (1000–1500 гг.);
- современный период (с 1500 г. до наших дней) (Розов, 2001б, с. 235–242).

В отечественной науке определенное значение имела работа Л.Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» (1989), в которой отражена теория жизненных циклов этноса. По мнению И.М. Савельевой и А.В. Полетаева (1997, с. 349), концепция Гумилева, если не считать оригинальных названий фаз исторического развития и использования категории «этноса» вместо обычных «цивилизаций» и «культур», была запоздавшей и сводилась к традиционной схеме «жизненного цикла» (юность – зрелость – старость – дряхлость). Отличия и абсурдность заключались в биокосмической детерминации: причиной начала жизненного цикла этносов (т.е. процесса «этногенеза») назывались «пассионарные толчки», связанные с космическим излучением. Обозначая данную оценку, все же отметим, что идеи Л.Н. Гумилева имеют как противников, так и своих сторонников (Учение..., 2002).

Из-за того, что в советское время в нашей стране методологии и методике периодизации как специальной проблеме уделялось мало внимания, в Казанском университете было издано учебное пособие, написанное коллективом авторов (Периодизация..., 1984). Несмотря на идеологический контекст работы и множество цитирований классиков марксизма-ленинизма, в ней при желании можно найти полезную информацию историографического плана и некоторые разработки методологического и методического характера. Установлено, что исторический процесс конкретен. Он протекает во времени и пространстве, и это хорошо демонстрирует диалектика качества и количества. История представляется «как совокупность тех или иных отношений, действий, идей, предметов, явлений, взаимосвязь между которыми образует события в их множест-

венности». При этом каждое событие имеет количественные свойства, например, длительность по времени и протяженность в пространстве. Понятие *событие* рассматривается как важнейшее для исторического процесса, который представляет собой движение от события к событию. Периодизация же является формой количественного обозначения исторических процессов, и она может быть линейной, иерархической, тотальной, локальной, общей, специальной и т.д. (Жигунин, 1984, с. 5–19). Количественной основой периодизации рассматривается историческое время – одна из форм существования материи. В связи с этим представлен обзор понятий, используемых при обосновании темпоральной (момент, период, эра) и стадияльной (этап, стадия, эпоха) структуры периодизации (Периодизация..., 1984, с. 128–204).

Одним из опытов периодизации, основанной на имеющихся к тому времени знаниях и рассчитанной на широкую аудиторию, стала книга-лекторий «История Древнего мира» (1989). Она состояла из трех частей «Ранняя древность», «Расцвет древних обществ», «Упадок древних обществ», каждая из которых подготовлена под редакцией соответственно И.М. Дьяконова, И.С. Свенцицкой, В.Д. Нероновой. Авторами коллективного труда «История древних классовых обществ» поделена на три этапа, отражавших их складывание, расцвет и упадок. Ранняя древность (с IV по I тыс. до н.э.) включала историю цивилизаций в окружении первобытности. Отдельно в ней отмечены два периода. На I тыс. до н.э. пришелся расцвет древних рабовладельческих обществ. Поздняя древность типологически резко отличалась от ранней, и ее окончание обозначено V в. н.э.

Стоит сказать, что до сих пор существует проблема «демаркационной линии между Древним миром и Средними веками». Она имеется даже в рамках европейской истории. Обычно начало Средневековья относят к IV–V вв., но хронологические рамки могут варьироваться от II до VI в. Существует концепция «переходного периода», когда III–V вв. относят и к античности и к средневековью. Подобная ситуация находит отражение и при определении времени конца средних веков. Существует несколько точек зрения. Например, обозначается конец XV – начало XVI вв. В 1985 г. Ж. Ле Гофф выдвинул понятие «долгого средневековья», т.е. до XVIII в. и далее. В марксистской историографии рассматриваемая дата определяется серединой XVII в. и связывается с Английской

революцией 1649 г. При всем разнообразии датировок наиболее принятым можно считать разделение средневековья на три периода: раннее, зрелое (классическое или развитое. – *А.Т.*) и позднее (Савельева, Полетаев, 1997, с. 209–212).

Концепцию хода исторического процесса от палеолита до современности в отдельной книге представил И.М. Дьяконов (1994). Она была основана на марксистских позициях и отражала механизм смены восьми восходящих фаз социального развития в истории человечества, которые отделены друг от друга переходными периодами:

- первая фаза – первобытная;
- вторая фаза – первобытнообщинная;
- третья фаза – ранняя или общинная древность;
- четвертая фаза – поздняя или имперская древность;
- пятая фаза – средневековье.

– шестая фаза – стабильно-абсолютистское постсредневековье (И.М. Дьяконов (1994, с. 152), признавая время с XVI по XIX в. особой фазой исторического процесса, отмечает нежелательность использования термина «Новое время»);

- седьмая фаза – капиталистическая;
- восьмая фаза – посткапиталистическая.

Критериями указанной схемы наряду с уровнем развития технологии и связанных с ним социально-экономических отношений являлись развитие общественного сознания и производство оружия. По мнению Н.С. Розова (2001б, с. 239–242), среди претензий к концепции И.М. Дьяконова главной стоит назвать игнорирование «сущностного характера взаимодействий между обществами и складывающихся на этом уровне интерсоциетальных структур», чему уделяют внимание миросистемный, цивилизационный и геополитический подходы. Кроме того, была смешана периодизация истории и классификация обществ по стадиям. Учитывая это, а также используя разработки и отдельные идеи отечественных и зарубежных ученых, Н.С. Розов (2001б, с. 267–302) сначала обосновал шесть фаз нелинейного развития обществ на основе многоплановых оценок и затем представил «стержневую периодизацию Всемирной истории», в которой указанные ниже эпохи разделены на периоды – формативный и основной (с выделением стадии упадка):

- эпоха (доминирования режимов и обществ) первобытности;

- эпоха (доминирования режимов и обществ) варварства;
- эпоха (доминирования режимов и обществ) ранней государственности;
- эпоха (доминирования режимов и обществ) зрелой государственности;
- эпоха (доминирования режимов и обществ) сквозной государственности;
- эпоха (доминирования режимов и обществ) социальной сензитивности.

Данная схема является попыткой преодолеть множество противоречий, существующих в современных концепциях понимания мировой истории. В определенной мере она направлена на разрушение сложившейся системы деления развития человечества на Древность, Средневековье, Новое и Новейшее время. Однако построения подобного характера всегда воспринимаются в среде исследователей довольно критично, и они должны будут пройти проверку временем.

В заключение данной главы необходимо указать, что все способы разбиения истории человечества, конечно же, субъективны, и они отражают ценности каждого автора периодизации. Совершенно ясно, что пока нет такой теоретической модели, которая смогла бы целостно охватить все имеющиеся факты истории (Грин, 2001а, с. 56; 2001б). Да и в принципе этого не нужно делать, хотя подобные попытки предпринимаются, в том числе и на глобальном общемировом уровне. Историк должен сам определить, какие аспекты жизни наиболее приоритетны при делении конкретных исторических отрезков на части, учитывая философские и научные требования к периодизациям (Розов, 2001б). Как видно из обстоятельного обзора, сделанного И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым (1997, с. 349–351), одних авторов больше всего интересовала культура (Форстер, Шпенглер), других – религия (Августин, Тойнби), третьих – государство (Иероним, Гегель), четвертых – политическое устройство общества (Платон, Вико), пятых – национальная идея (Гегель, Данилевский), шестых – экономика (Смит, Лист), седьмых – научно-технический прогресс (Ясперс, Тоффлер) и т.д. Отмечаются попытки и нетрадиционного способа временного членения истории. Например, простейшую «арифметическую» периодизацию эпох предложил А.Г. Франк: 1500–500 гг. до н.э. – ранняя древность, 500 г. до н.э. – 500 г. н.э. – античность или поздняя древ-

ность, 500–1500 гг. – средневековье, с 1500 г. – новое время (Савельева, Полетаев, 1997, с. 227). Имеющийся разброс мнений позволил Ю.Л. Шаповой (2005, с. 86) сделать следующее заключение: «Коль скоро критерии исторической периодизации могут быть разными, то и самые периодизации могут быть разными по масштабу». Хронософия постмодернизма, например, предлагает относиться к прошлому как к общечеловеческому «архиву», элементы которого могут извлекаться и произвольно комбинироваться отдельными исследователями в рамках доминирующего направления общественной мысли, культурной и теоретической «моды» или в силу прагматической потребности (Савельева, Полетаев, 1997, с. 307).

Стоит указать, что многие историки и археологи вообще не приемлют какие-либо схемы общего порядка и считают их некорректными, умозрительными. Для них самым удобным инструментом при создании концепции всемирной истории было и остается хронологическое время, гомогенность (однородность, непрерывность) и необратимость которого позволяют проследить ход событий и поделить протяженность его на отрезки, отличающиеся определенным качеством. Единая шкала времени позволяет увязать эпохи и отдельные эпизоды в целостную общеисторическую систему (Подольский, 2003, с. 14).

К этому добавим, что более продуктивным при изучении древности и средневековья, на наш взгляд, является комплексный подход в фиксации изменений, основанный на диалектическом учете оптимального количества показателей, среди которых выявляются внешние и внутренние индикаторы перемен, а также при опоре на высказанные выше соображения. Данная позиция реализуется автором монографии при создании культурно-хронологической схемы археологического изучения Алтая эпохи поздней древности, раннего и развитого средневековья включительно. Некоторые такие разработки апробированы и уже опубликованы (Тишкин, 1996б; 2005в, ж; 2006б; 2007а, б; Тишкин, Горбунов, 2002а, 2005б), другие найдут отражение во втором разделе этого издания, а также в готовящемся обобщающем коллективном труде кафедры археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета «Древняя и средневековая история Алтая». Как показывает опыт, обновление периодизаций происходит при накоплении новых материалов, содержание которых идет вразрез по отношению к предыдущим схемам или дополняет ранее

обозначенные представления такого обобщенного вида. Этот процесс объективен и неизбежен. Концепция, изложенная в данной книге, также не может являться окончательным итогом, а лишь будет отражать определенный современный уровень знаний в области древней и средневековой истории Алтая.

Любая модель или схема, как известно, является только условным аналогом реальных процессов. Ее выбор определяется вкусами и знаниями исследователя, а также задачами его работы (Савельева, Полетаев, 1997, с. 358). Механизмы представления моделей различны. Они могут быть построены на конкретных или смешанных (нескольких) теориях. В современной отечественной научной литературе по археологии отражен поиск оптимальных форм периодизационных схем (Алексеев, 2003; Сарматские культуры..., 2004; Щапова, 2005; и др.). Учитывая методологический и практический опыт, можно последовательно выйти на уровень реконструкции исторического процесса в разных историко-культурных областях Евразии от палеолита до современности, так как существует общественная потребность осмыслить и упорядочить накопленные многочисленные сведения. На наш взгляд, важным является создание локальных схем, основанных на археологических материалах отдельного комплекса или региона в целом, которые предоставляют возможность корреляции их со многими другими систематизациями, а также с общими тенденциями и характеристиками всего исторического процесса. Данная работа актуальна особенно для тех областей, где основу исследований составляют археологические материалы, где есть лакуны и «белые пятна» и идет систематизация имеющихся данных. Алтай в этом плане соответствует указанному положению дел.

Следует указать, что к настоящему времени так и не разработана универсальная общемировая схема понимания исторического развития человечества, хотя приведенный анализ свидетельствует о наличии такого потенциала. Существует несколько концептуально представленных систем, идет поиск закономерностей, критериев их выявления и категории для их объяснения. Однако из-за многолинейности истории, огромного разнообразия социальных и культурных форм, различной скорости процессов, неопределенности терминов, понятий и целого ряда других специфических показателей привести все к одному «знаменателю» чрезвычайно трудно (Розов, 2001б, с. 222–223; Грин, 2001б). Кроме всего, существует масса

различных подходов (однолинейный, двухлинейный, многолинейный, нелинейный и др.) на эволюцию социального развития (Альтернативные пути..., 2000). За всем этим многообразием порой теряется сама идея систематизации знаний и практическая потребность их понимания.

Стоит назвать еще и причину психологического характера. Каждая новая концепция разного уровня всегда воспринимается «в штывки» или сразу же категорически отвергается без внимательного и вдумчивого рассмотрения. Хуже всего если она вообще игнорируется или всеми силами уничтожается. Такие позиции характерны для человеческого поведения и сознания вообще и в соответствующей мере проявляются у ученых, болезненно воспринимающих какие-либо новые идеи, не соответствующие их личным пристрастиям либо идущие вразрез устоявшемуся положению. Выходом в такой ситуации может стать организация процесса последовательного обсуждения проблем и поиска решений путем демонстрации очевидных противоречий между старыми идеями и новой реальностью. В умении понять объективный процесс смены подходов и отработанных концепций и найти точки соприкосновения заключается эффективность исследовательской практики.

Глава 2
НАКОПЛЕНИЕ СВЕДЕНИЙ
ПО ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ
ЮЖНОЙ СИБИРИ И ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ
ОБОБЩЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Уже неоднократно указывалось, что открытия археологических памятников на Алтае были связаны во многом с поиском полезных ископаемых в этом регионе (Демин, 1980, 1981, 1986, 1989; Уманский, 1999). После походов Ермака и разгрома Сибирского ханства началось многоэтапное освоение Сибири разноэтничными народностями (Уманский, 1966, 1999). Переселенцы знакомились с социально-хозяйственными укладами, обрядами и обычаями местных жителей (Кызласов, 1962, с. 43–44), приспосабливались к новым условиям. Однако часть людей в силу ряда причин не смогла обеспечить себе достаточное материальное благосостояние и обратилась к раскопкам древних могил с целью отыскания в них драгоценного металла и различных поделок. Постепенно к поиску «могильного золота» в Сибири присоединились и чиновники царской администрации. Они организовывали группы кладоискателей-«бугровщиков» и присваивали немалую долю найденных ценностей. Обнаруженные вещи продавались купцам, путешественникам, предпринимателям. Тайное «бугрование» продолжалось с середины XVII в. до 20-х гг. XX в. (Демин, 1989, с. 10).

В 1715 г. уральский горнозаводчик А.Н. Демидов подарил второй жене Петра I, Екатерине, по случаю рождения царевича, золотые украшения (Кызласов, 1962, с. 46), найденные, возможно, в курганах из предгорий Алтая (Кубарев, 1991, с. 6), где располагаются грандиозные сооружения скифской эпохи (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 8; Тишкин, 2006г, с. 491).

В 1716 и 1717 гг. сибирский губернатор М.П. Гагарин по поручению царя прислал в Петербург две небольшие партии золотых предметов (Кызласов, 1962, с. 47; Завитухина, 1974, 1977), которые в совокупности с поступлением от А.Н. Демидова составили знаменитую Сибирскую коллекцию Петра I (Руденко, 1962; Матвеев, 1992), переданную в Кунсткамеру. Аналогичную по составу, но значительно меньшую по объему коллекцию сибирских золотых вещей еще раньше собрал голландский государственный деятель и ученый Н.К. Витзен (Борисенко, Худяков, 2001). Однако она со-

хранилась только в рисунках в посмертном издании его книги (Степная полоса..., 1992, с. 161).

В 1-й половине XVIII в. в государственные учреждения Петербурга приходили сообщения о многочисленных находках древностей (Кызласов, 1962; Демин, 1980; и др.). Размах разграбления курганов и переплавка изделий приобрели широкие масштабы. Указы Петра I в 1717 и в 1722 гг., а также распоряжение сибирского губернатора в 1727 г. о запрещении такого вида деятельности не смогли полностью прекратить этот промысел (Авдусин, 1980; Демин, 1989, с. 7).

В то же время было организовано всестороннее научное изучение Сибири. Значительный вклад в это дело внесли участники различных экспедиций: Д.Г. Мессершмидт, Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, П.С. Паллас, И.П. Фальк и другие ученые. Они давали описание древнего горного и металлургического производства, раскапывали курганы, фиксировали наскальные рисунки, каменные изваяния, скупали у «бугровщиков» находки из древних захоронений и т.д. (Дмитриева, Левашова, 1965, с. 225–231; Розен, 1977, с. 23–26; Демин, 1977, с. 28–30; Белокобыльский, 1986; Алехин, 1999, с. 18–19; и мн. др.).

Некоторые из исследователей пытались на определенном уровне обобщить имеющиеся археологические данные. Д.Г. Мессершмидт и Г.Ф. Миллер отмечали хронологическую неоднородность древних памятников, основывая свои выводы на анализе материала, из которого изготовлялся погребальный инвентарь. Они разделили дорусскую историю Сибири на два периода: эпоха меди и эпоха железа (Демин, 1977, с. 28). П.С. Паллас разработал классификацию погребений, археологически обосновал этническую близость первобытных обитателей Сибири и Венгрии (Демин, 1989, с. 22–24, 26–28). Он полагал, что между древним и современным населением Сибири не существовало преемственности. Выступал П.С. Паллас и против некоторых европейских ученых, помещавших легендарную Атлантиду в Сибири и отождествлявших атлантов с древними сибирскими жителями (Демин, 1983, с. 5).

Заметную роль в открытии археологических памятников Алтайя и собирании древностей играли местные краеведы, немногие из которых стали настоящими признанными учеными (Демин, 1981, 1989). Именно эти увлеченные люди оставили нам ценную и порой единственную информацию о замечательных находках. Среди них

особо стоит отметить П.К. Фролова, который собрал рукописи и предметы от эпохи бронзы до XVII в. После назначения в 1817 г. П.К. Фролова начальником Колывано-Воскресенских заводов он передал все свои материалы и коллекции в Императорскую Публичную Библиотеку (Демин, 1989, с. 34; Марсадолов, 1996, с. 10), которые затем поступили в Эрмитаж (Баркова, 2003), Государственный исторический музей и Исторический музей в Стокгольме (Степная полоса..., 1992, с. 161). Первым, кто занялся изучением археологических находок из коллекции П.К. Фролова, был работник Эрмитажа, доктор философии, один из основателей Императорской Археологической комиссии Э.Г. Муральт (1853). Позднее эти материалы привлекали внимание многих исследователей (В.В. Радлова, М.П. Грязнова, С.В. Киселева, С.И. Руденко и др.). Имеется небольшая статья Л.Л. Барковой (2003) о предметах, выполненных в «зверином стиле». Отдельные изделия представлены в каталогах выставок. Однако до сих пор полностью все вещи, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, не опубликованы (ГЭ, коллекция №1122).

В качестве культурного центра Сибири и места собрания различных древностей важное значение имел Барнаульский музей, созданный при участии П.К. Фролова (Фролов, 2001; Попова, Фролов, Гусельникова, 2003). В одном из залов музея демонстрировались находки из древних памятников Алтая. Имевшиеся экспонаты высоко оценили выдающиеся путешественники и ученые того времени – К. Ледебур, А. Гумбольд и др. (Виргинский, 1968, с. 156–165).

В течение восьми лет на Алтае в горном ведомстве Колывано-Воскресенского округа работал Г.И. Спасский (Исследователи..., 2000, с. 200–204), совмещая свои научные интересы со служебными обязанностями. Он систематизировал памятники прошлого по типам, выявил некоторые закономерности в местонахождении курганов, в их внешнем виде и в расположении (Камбалов, Сергеев, 1968, с. 41; Марсадолов, 1996, с. 11). Г.И. Спасский уделял большое внимание наскальным рисункам и руническим надписям. Анализ изображений привел его к выводу о кочевом образе жизни древних людей и о промысловой добыче животных. Он указал на то, что в Южной Сибири в разное время проживало этнически неоднородное население (Демин, 1989, с. 46–49), а также опровергал мнение об импортном характере древних сибирских вещей, счи-

тая, что «сибирская древняя культура имела местную основу» (Алехин, 1988, с. 47). Последнее утверждение должно было опровергнуть претензии Китая на Российские земли (Демин, 1977, с. 40–41).

После переезда в 1817 г. в Петербург Г.И. Спасский продолжил изучение древностей. Он наладил издание научно-популярного краеведческого журнала «Сибирский вестник», а позже «Азиатский вестник». В них публиковались материалы по археологии Сибири (Демин, 1989, с. 41; Алехин, 1995, с. 56). Как и П.К. Фролов, Г.И. Спасский сформировал большую коллекцию старинных рукописей и разнообразных предметов. Собрание Г.И. Спасского было передано сначала в Румянцевский музей, а затем поступило в Государственный исторический музей (г. Москва). Следует указать, что там же хранится и археологическая коллекция известного московского историка М.П. Погодина (Грязнов, 1945, 1947; Марсадолов, 1996, с. 11; Степная полоса..., 1992). Часть предметов этого собрания происходила из Сибири.

В 1826 г. профессор естественной истории Дерптского университета К.Ф. Ледебур, путешествуя вместе с А. Бунге и К. Мейером по Алтаю и Восточному Казахстану, раскопал четыре кургана в Усть-Канской степи (Ледебур, Бунге, Мейер, 1993). Все полученные материалы были опубликованы в специальном атласе вместе с предметами, подаренными П.К. Фроловым (Уманский, 1964).

Немецкий естествоиспытатель, географ А. Гумбольдт в 1829 г. посетил Кольвано-Воскресенский горный округ (Исследователи..., 2000, с. 72–75). В своем фундаментальном труде «Центральная Азия» ученый, ссылаясь на «Историю» Геродота, выдвинул гипотезу, согласно которой на территории Алтая в I тыс. до н.э. проживали таинственные аримаспы и «стерегущие золото грифы», в руках которых находились золотые рудники. По его мнению, алтайские месторождения, наряду с уральскими, были основными источниками, снабжавшими золотом европейских скифов и греческие античные колонии (Демин, 1989, с. 51).

Определенную роль в изучении истории Алтая и в накоплении археологических коллекций сыграла деятельность Ф.В. Геблера, П.А. Чихачева, А.И. Шренка, Г.Е. Щуровского, А.Б. Остермейера, а также некоторых других исследователей, краеведов и коллекционеров (Демин, 1989, с. 52; Алехин, 1995, с. 56; Марсадолов, 1996, с. 11–12; Тишкин, 1997а; и др.).

К середине XIX в. в России возникает интерес к истории страны, что связано с различными причинами социально-эконо-

мического плана. В 1845 г. создается Императорское русское географическое общество, члены которого на протяжении многих лет осуществляли и археологические изыскания (Матющенко, 2001а, с. 25–26). В 1846 г. в Петербурге было образовано Археолого-нумизматическое общество, переименованное в 1851 г. в Императорское русское археологическое общество. Основной задачей, вставшей перед этой организацией, являлась систематизация древностей России (Формозов, 1961, с. 50). В феврале 1859 г. начала свою деятельность Императорская Археологическая комиссия (Матющенко, 2001а, с. 26).

В 1853 г. уже упомянутый Э.Г. Муральт в своей статье «Скифские древности, хранящиеся в Императорском Эрмитаже», опираясь на письменные источники, дал этногенетическую картину развития народов Сибири от скифского времени до позднего средневековья (Марсадолов, 1996, с. 12–13). Изучив коллекцию археологических находок П.К. Фролова, он выделил четыре «различных эпохи образования народа Чуди» (Муральт, 1853, с. 14). К первой Э.Г. Муральт отнес предметы из камня, ко второй – из бронзы, к третьей – из серебра, дерева, кости и рога, к четвертой – вещи из железа. На основе классификации конкретного археологического материала был сделан вывод о том, что древние обитатели Алтая прошли в своем развитии четыре культурно-исторические стадии (Демин, 1989, с. 53).

В 1859 г. из Петербурга в Барнаул приехал С.И. Гуляев, впоследствии ставший активным участником работы 11 различных научных обществ и известным алтайским краеведом (Демин, 1989, с. 66–68; Тишкина, 1997, 2000а–б). Его плодотворная деятельность способствовала сбору сведений о прошлом Алтая и созданию коллекции археологических предметов.

В 1861 г. в Барнаул прибыли участники экспедиции по изучению Азии – Г. Менье, Л. Эйхталь и О. Нейман. За три месяца работы на Алтае иностранцы посетили многие производственные и военные объекты, а также произвели археологические раскопки в пещерах, находящихся в долине р. Ини (приток Чарыша) (Тишкина, 2000в). Г. Менье, по совету С.И. Гуляева, вскрыл несколько курганов неподалеку от Барнаула по дороге в с. Гоньбу (Марсадолов, 1996, с. 13; Тишкина, 1997). Археологические исследования осуществлялись на основании специального разрешения. В них принял участие В.В. Радлов, который потом в течение 10 лет про-

изводил масштабные археологические изыскания и раскопки, имея официальное разрешение и финансовую поддержку (Демин, 1989, с. 78–85; Тишкина, 1997, с. 27–28). С деятельностью В.В. Радлова (1837–1918) связано начало нового этапа в археологии Сибири (Белокобыльский, 1986, с. 60–66; Артюх, 2006).

В течение ряда лет (1862, 1863, 1865 и 1866) В.В. Радлов по поручению Императорской Археологической комиссии проводил исследования на Алтае, в ходе которых им было раскопано свыше ста различных памятников (около 70 на Алтае и в Минусинской котловине; 26 – в Барабинской степи) (Вайнштейн, 1989, с. 671). В 1865 г. В.В. Радлов вскрыл Катандинский, Берельский курганы скифского времени и археологические объекты других эпох (Радлов, 1989). Эти материалы были частично введены в научный оборот профессором А.А. Захаровым (1926; Zakharov, 1928). Уже в советское время в 1954 г. А.А. Гаврилова в составе Горно-Алтайской экспедиции ИИМК и Государственного Эрмитажа под общим руководством С.И. Руденко закончила повторное исследование Катандинского кургана пазырыкской культуры. В результате удалось обнаружить захоронения 22 лошадей, не выявленные в свое время В.В. Радловым (Гаврилова, 1957). В 1959 г. Южно-Алтайской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством С.С. Сорокина (1969б) был доисследован Берельский курган.

В.В. Радлов известен не только своими раскопками, но и попытками осмыслить полученные результаты исследования. Он один из первых представил схему развития народов Алтая на основе периодизации археологических памятников Южной Сибири и север-восточной части современного Казахстана (Радлов, 1989, с. 419–480). В.В. Радлов подразделил все изученные им объекты на четыре хронологических периода: бронзовый и медный, древнейший железный, новейшая эпоха железного века, позднейший железный. Данная схема с небольшой поправкой нашла отражение и была конкретизирована иллюстративными материалами в атласе рисунков сибирских древностей, подготовленном ученым (Вайнштейн, 1989, с. 672). Чтобы создать целостную картину о древней истории Алтая, ученый хорошо изучил публикации и архивы своих предшественников: Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, проводивших археологические изыскания в Южной Сибири в XVIII–XIX вв. (Борисенко, Худяков, 2000, с. 12). Несмотря на то,

что предложенная им периодизация археологических памятников близка к распространенной в то время концепции «трех веков» (каменный, бронзовый (медный), железный), тем не менее она имела вид своеобразной модификации (Савинов, 1998а, с. 113). Это была попытка, используя фактический материал, показать развитие древних культур Сибири (Марсадолов, 1996, с. 14). Данная концепция отражала уровень развития археологической науки в России в конце XIX в. – в начале XX в. С подобными построениями научную общественность познакомили многие исследователи (Д.А. Клеменц, И.Т. Савенков, А.М. Тальгрэн, А.В. Адрианов и др.), положив в основу материалы Южной Сибири (Ковешникова, 1994).

Интерес представляют выводы В.В. Радлова относительно процессов этнокультурной истории Алтая в раннем железном веке. Он отметил, что Катандинский, Берельский и другие каменные курганы совершенно отличны по своим конструктивным особенностям от погребений «бронзового века». Это, по мнению исследователя, дает основание предположить, что «народ, оставивший курганы, проник с юга на Южный Алтай примерно в начале железного века». Пришлое население распространилось по Алтаю, не доходя, вероятно, до Среднего Иртыша, поскольку в этом районе их памятники не обнаружены (Радлов, 1989, с. 461–463). Таким образом, В.В. Радлов впервые указал на то, что культура населения Горного Алтая раннего железного века сформировалась в результате пришло-инокультурного компонента (Тишкин, Дашковский, 2004, с. 21).

В 70-е гг. XIX в. в академической науке возрастает интерес к малоизученным районам Азии. В связи с этим Русское географическое общество и его сибирские филиалы, при содействии Археологической комиссии, организовали ряд экспедиций, маршруты которых проходили через Алтай (Марсадолов, 1996, с. 15–16; Матющенко, 2001а, с. 28–30).

В это время известный путешественник Г.Н. Потанин побывал несколько раз на Алтае (Обручев, 1953) и описал многие алтайские могильники. Обнаруженные в 1879 г. древние памятники он разделил на три вида: чашевидные углубления; писанки на скалах; каменные бабы, или менгиры. По мнению Г.Н. Потанина, Алтай наряду с Саянами, Прибайкальем и Северной Монголией входил в дотюркское время в ареал распространения одной археологической культуры, о чем свидетельствует сходство некоторых древних памятников (Марсадолов, 1996, с. 15–16).

В 1878 и 1880 гг. Н.М. Ядринцев, известный публицист, этнограф и археолог Сибири, во время своих экспедиций зарисовал и описал курганы в долинах Оби, Катуня, Чуи, Чулышмана и Улагана. В Горном Алтае им было доисследовано разрушавшееся захоронение, в котором оказались кости человека, лошади и фрагменты сосуда. Все известные Н.М. Ядринцеву археологические предметы были соотнесены с тремя периодами: каменный, медный и железный. Исследователь предположил разделить археологические памятники на семь типов: 1) могилы и курганы с сопутствующими им каменными бабами; 2) крепости и городки, обнесенные валами и рвами; 3) остатки ирригационных работ и каналов; 4) остатки работ на перевозах, горные проходы и дороги; 5) надписи; 6) древние копи и шахты; 7) пещеры (Марсадалов, 1996, с. 15). В целом для работ Н.М. Ядринцева была характерна публицистическая направленность, а также стремление связать археологические материалы с вопросами современной жизни аборигенов Сибири. Он подчеркивал необходимость сочетать археологические исследования с этнографическим изучением народов данного региона (Демин, 1989, с. 87).

В 1877 г. в Хельсинки был издан атлас «Древности финно-угорского Севера». Автором этого проекта являлся известный финский исследователь И.-Р. Аспелин, который опубликовал рисунки археологических находок скифского времени, обнаруженных около Змеиногорска (Бородаев, 1986; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 10; Тишкин, 2000а). Кроме того, он осуществил ряд экспедиций в Азию. Во время второго путешествия в 1888 г. с целью изучения древних памятников он посетил Алтай (Тишкин, 2001в). Основная идея И.-Р. Аспелина заключалась в поиске прародины финского народа.

В конце 80-х гг. XIX в. в среде барнаульской интеллигенции возникла идея создания научного общества, для того чтобы осуществлять всестороннее изучение родного края. В реализации такого плана участвовал Николай Степанович Гуляев – сын известного краеведа С.И. Гуляева (Тишкин, Тишкина, 1998). Он занимался палеонтологией, археологией, путешествовал, обследовал древние памятники, производил раскопки и существенно пополнил коллекцию отца (Демин, 1989, с. 68–75; Тишкин, Тишкина, 1998, 2000; Тишкина, 2001).

Результаты исследований Н.С. Гуляева до сих пор не систематизированы, а значительная часть археологических находок не введена в научный оборот и хранится в музеях страны (Тишкина,

2007). 25 марта 1900 г. на Общем собрании членов созданного Общества любителей исследования Алтая (ОЛИА) Н.С. Гуляев сделал доклад «О курганах в Алтайском округе и городище, открытом вблизи деревни Большереченской (она же Белокурова)» (Тишкин, Тишкина, 1998, с. 128). В нем, в частности, местный краевед оспорил мнение ряда западных ученых, которые высказывали идею о распространении каменного века с запада на восток и поэтому находимые в Сибири каменные орудия должны относиться к бронзовому веку. Он пришел к заключению, что «...деление периодов на каменный отбивных орудий – палеолитический, на каменный шлифованных (орудий. – *А.Т.*) – неолитический, бронзовый, медный и железный есть выдумка мудрецов XIX века. Человеку с того времени, как (он) ...познакомился со свойствами огня и научился обжигать глину, должны быть известны и свойства металлов. ...Разумеется, периоды эти не имели строгой иерархической последовательности, а возникли, может быть, одновременно. Еще и продолжительность этих искусственных периодов не подтверждает выдуманной иерархии» (ЦХАФ АК. Ф. 86. Оп. 1. Св. 2. Д. 14. Л. 34–36). Для таких заключений у Н.С. Гуляева было «много «доказательств»: использование каменных орудий в исторические времена, залегание каменных орудий выше бронзовых, широкое употребление кости вместо камня и др. В связи с имеющимися проблемами в докладе указано, что «разработка сибирских древностей только начинается...», а наличие собраний археологических предметов в музеях еще недостаточно для обобщений и выводов.

Члены Общества любителей исследования Алтая, а впоследствии Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества, внесли определенный вклад в изучение археологии края (Демин, 1991; Тишкина, 2004). Одним из примеров этого могут быть «Этнические и естественно-географические сведения об инородном населении Алтая», составленные по поручению начальника Алтайского горного округа (ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Св. 6. Д. 43). В них на основе письменных источников, этнографических и других данных кратко изложена история народов, проживавших на Алтае в конце XIX и начале XX вв. Повествование начинается с хунну. Затем дается попытка рассмотреть происхождение и развитие тюрков. Несмотря на скудность сведений и их прерывность, выводом стало утверждение о

том, что алтайские инородцы являются потомками «тюркских кочевников», на которых повлияли «енисейцы, самоеды и ойраты».

В 1889 г. Археологической комиссии предоставлено исключительное право выдавать особый документ, разрешавший производство раскопок, – «Открытый лист» (Матющенко, 2001а, с. 26). Таким образом, стал осуществляться контроль над полевыми работами, а также создавалась система научной отчетности. Археологи должны были проводить точную фиксацию, описание и зарисовку скелетов и всех вещей в погребении, а после завершения всех работ найденные вещи требовалось передать в музей (Марсадолов, 1996, с. 16). Эти меры существенным образом способствовали установлению передовой научной регламентации археологических исследований, а также давали возможность пополнять не только центральные, но периферийные музейные собрания.

Обобщая археологический материал, создатель Музея археологии и этнографии Сибири в Томском университете В.М. Флоринский (Демин, 1989, с. 96–102) в своей работе «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни» (1894 г.) интуитивно определил культурную общность племен предскифской и скифской эпох евразийских степей (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 11). Сибирские музеи являлись местом активной научной деятельности. Вокруг них формировались деятельные группы ученых и краеведов, сыгравших существенную роль в изучении скифской эпохи Евразии (Матющенко, 2001а, с. 30–34).

Особое значение для археологии Сибири имела деятельность Д.А. Клеменца (Дэвлет, 1963; Белокобыльский, 1986; Савинов, 1998а). Результаты осмысления им археологического материала нашли отражение в работе «Древности Минусинского музея: Памятники металлических эпох» (Клеменц, 1886). Правда, в предисловии издания Д.А. Клеменц написал, что по «недостатку... сведений в области сравнительной археологии» он вынужден отказаться от научно-критической обработки материала, предоставляя такую возможность компетентным специалистам. Тем не менее проведенная каталогизация и систематизация объемного материала позволила выйти на уровень существенных для того времени заключений. Была сделана попытка связать археологические материалы со сведениями китайских письменных источников. Это должно было прояснить названия народов, которые проживали в Минусинской котловине и оставили многочисленные древние па-

мятники (Дэвлет, 1963, с. 5). Для этого привлекалась и другая литература. В каталоге археологические находки с определенными характеристиками были сгруппированы в девять отделов: 1) предметы из меди и бронзы; 2) предметы из желтой меди (латунные); 3) предметы из золота; 4) предметы из серебра; 5) предметы из цветных камней; 6) предметы из железа, чугуна и стали; 7) глиняные горшки и вазы; 8) могильные камни и бабы; 9) гипсовые погребальные маски. Кроме того, изделия систематизированы по категориям. Следует указать, что Д.А. Клеменц не стал группировать древности Минусинского музея в соответствии с популярной в то время концепцией трех веков (каменный, бронзовый, железный). По его мнению, такая классификация была искусственной. Основным критерием этой оценки являлось использование каменных орудий в эпоху бронзы и железа (Савинов, 1998а, с. 114). Поэтому Д.А. Клеменц (1886, с. 52) отмечал, что при тогдашнем уровне науки не имеется «...достаточного критерия для классификации каменных и костяных предметов: какие следует отнести к каменному веку, какие к остаткам его в период господства металла». Полемизуя с рядом исследователей (Уваровым, Аспелиным и др.), он поставил под сомнения некоторые их выводы относительно определения времени находок. Д.А. Клеменц также выступал против широко распространенной в то время теории миграций и заимствований, полагая, что культура железного века в долине Верхнего Енисея возникла путем эволюционного развития, а не была привнесена иноземными завоевателями. В древнем населении Минусинской котловины исследователь в отличие от других видел предков кетов, которые в конце XIX в. жили по Нижнему Енисею. Он был сторонником естественно-научной эволюционной теории (Дэвлет, 1963, с. 5–6). Дмитрий Александрович имел личный архив рисунков и фотографий древностей, занимался составлением археологической карты Хакасско-Минусинской котловины и участвовал в экспедициях, он также разрабатывал планы изучения археологии Сибири. Первоначально им предусматривалось сравнительное рассмотрение материалов памятников четырех регионов (Западно-Сибирского и степного, Алтайского, Минусинско-Ачинского и Забайкальского), а затем предстояло решение скифо-сибирской проблемы. Уже сложившимся исследователем Д.А. Клеменц сформулировал задачи археологии, главная из которых заключалась в изучении эволюции первобытных обществ (Дэвлет, 1963,

с. 7). По мнению Д.Г. Савинова (1998а, с. 117), Д.А. Клеменцем были заложены те основы, которые позднее реализованы С.А. Теплоуховым, С.В. Киселевым и другими исследователями.

В течение многих лет изучением памятников археологии занимался известный сибирский общественный деятель А.В. Адрианов (Дэвлет, 1990, 1992, 1993, 1997, 2004; Кладова, 2000; и др.), который не только удовлетворял свое любопытство краеведа, но и целенаправленно исследовал древности, так как после наплыва населения из европейской части России увеличилось число расхищенных и уничтоженных курганов (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 11). Понимая, что при раскопках памятник почти полностью уничтожается, А.В. Адрианов вел подробные дневники и добросовестно собирал все материалы, которые бы заинтересовали специалистов-археологов. Одна из его статей «Курганография Сибири» содержала инструкция по сбору археологического материала и описанию древностей (Жук, 1995а, с. 14).

В 1904 г. в опубликованных «Очерках Минусинского края» А.В. Адрианов, характеризуя древнейшую историю региона, рассматривал каменный и еще «курганный» (или бронзовый, «...когда человек познакомился с медью и научился изготовлению из нее твердых сплавов») период, который затем «...уступил свое место древнежелезному». Используя сведения китайских источников и некоторые данные рунических надписей, исследователем были охарактеризованы этапы развития народов Южной Сибири до прихода русских (Адрианов, 1904, с. 4–7).

В 1906, 1910, 1911 гг. А.В. Адрианов проводил изыскания на территории Юго-Западного Алтая (Семипалатинская обл.). Результаты этих работ были опубликованы в 1916 г. в Известиях Императорской Археологической комиссии. А.В. Адриановым раскопаны курганы в Майэмирской степи, под Солонечным Белком Нарымского хребта, по правому берегу Бухтармы выше д. Черновой. Полученные материалы затем легли в основу представлений о начальных этапах формирования на Алтае культуры скифо-сакского времени и использовались при написании обобщающих трудов (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 11). В 1914 г. А.В. Адрианов переправил свою алтайскую археологическую коллекцию, в которую вошли и предметы из Майэмирского клада, в столицу (Марсадолов, 1996, с. 17; Васильев, 2000). Ныне она хранится в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (коллекция №2406).

Таким образом, в дореволюционный период были созданы определенные основы для дальнейшего развития отечественной археологии. Это заключалось не только в накоплении различных сведений, но и в культурно-хронологическом осмыслении его. Рассмотренный этап является важным шагом для начального изучения истории Южной Сибири. Без уяснения полученных за это длительное время результатов не обходится ни одно исследование. Стоит обратить внимание на то, что значительная часть материалов до сих пор не опубликована. Это касается не только многочисленных коллекций из случайных находок, хранящихся в музеях, но и результатов раскопок. Ближайшая задача заключается в том, чтобы соответствующим образом ввести в научный оборот данные, полученные 100 и более лет тому назад. Такая работа, требующая кропотливого труда, позволит наполнить конкретным содержанием разные этапы истории.

Глава 3
КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ СХЕМЫ
ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ АЛТАЯ, РАЗРАБОТАННЫЕ
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1920–1990 гг.)
И В ПОСЛЕДУЮЩЕЕ ВРЕМЯ

Поступательное археологическое изучение Алтая приходится на 1920–1990-е гг. Начальный этап этого сложного и драматического периода в истории нашей страны связан с широким спектром социально-экономических, политических и культурных преобразований. В то время происходило формирование новой отечественной археологии, которая в определенной степени унаследовала традиции дореволюционной науки. Особо следует отметить участие в этом процессе представителей палеоэтнологической школы, созданной в свое время в Санкт-Петербургском университете и продолжавшей существовать в 1920-е гг. (Тихонов, 1995; Жук, 1987). В это же время в Москве работала группа исследователей, находившаяся под влиянием идей Д.Н. Анучина, которого называли «создателем русской университетской географической школы» (Генинг, 1982, с. 78–79).

18 апреля 1919 г. Декретом Совета народных комиссаров в Петрограде была учреждена Российская (с 1926 г. Государственная) академия истории материальной культуры. В том же году функции Российской Императорской Археологической комиссии, созданной в 1859 г., перешли к РАИМК (Институт..., 2000, с. 4). Важным моментом начального этапа рассматриваемого периода следует считать открытие в стране различных учреждений, которые не только осуществляли археологические исследования, но и готовили специалистов для такой деятельности (Генинг, 1982; Лебедев, 1992, с. 423–427). В это время резко расширилась сеть музеев (Матющенко, 2001а, с. 66–71). Главным археологическим учреждением в Москве был научно-исследовательский Институт археологии и искусствознания, в котором немногочисленное по составу археологическое отделение возглавлял В.А. Городцов. В 1924 г. в связи с организацией Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) в нее был включено указанное учреждение. В 1927 г. туда же перевели ГАИМК (Генинг, 1982, с. 18; Лебедев, 1992, с. 421–423).

В 1920-е гг. С.А. Теплоуховым была создана уникальная периодизация, имевшая значение не только для Южной Сибири (Ки-

това, 1994). Через 50 лет А.П. Окладников (1979, с. 9) так оценивал результаты «эпохальных работ С.А. Теплоухова в Минусинском крае»: «Предложенная им система периодизации памятников бронзового и железного веков стала в полном смысле этого слова классической и сохраняет свое значение как общепризнанная основа всех дальнейших исследований».

По мнению Д.Г. Савинова (1998а, с. 117), культурно-хронологическая концепция Сергея Александровича возникла не на пустом месте, так как в этом процессе свою роль сыграла периодизация В.А. Городцова европейских степных культур эпохи бронзы, а также знакомство с богатейшим собранием древностей Минусинского музея и с разработками Д.А. Клеменца. Хотя сам С.А. Теплоухов (1927, с. 58) отмечал, что подробные классификации надмогильных сооружений Д.А. Клеменца и И.П. Кузнецова-Красноярского ему «...оказались мало полезными». Основной задачей исследователя являлось рассмотрение минусинских древностей в хронологическом порядке. Схема С.А. Теплоухова (1927, 1929а–б) не касалась эпохи камня, а базировалась на подъемных материалах из разных мест и на результатах раскопок памятников эпохи бронзы и железа у с. Батени. Первоначально на основе обозначения культур эпохи бронзы она выглядела следующим образом: афанасьевская, андроновская, карасукская. «Одним из главных элементов при установлении руководящих форм отдельных культур и этапов» являлся погребальный инвентарь (Теплоухов, 1927, с. 61). Кроме этого, учитывались изменения могильных сооружений и погребального обряда. Классификационной единицей была культура, а ее подразделением – этап. Затем к указанной группе культур добавлена минусинская курганная, в которой выделены четыре последовательных этапа. Полностью схема нашла отражение в публикациях 1929 г. В своих статьях С.А. Теплоухов (1929а–б) разделил все памятники минусинских степей на 12 хронологических групп, которые соответствовали сменявшимся культурам или ступеням.

В журнале «Природа» (1929, №6) была опубликована работа «Древнеметаллические культуры Минусинского края», в которой кратко представлена культурно-хронологическая схема эпохи бронзы и железа, основанная на многолетних исследованиях (1920–1928 гг.) погребений в районе с. Батени. «В работе дается схема только древних металлических культур в последовательном по-

рядке», которая основана на анализе могильных сооружений и погребального инвентаря (Теплоухов, 1929а, стб. 540). Предметный комплекс анализировался при помощи «сравнительно-типологического метода». В результате схема выглядела следующим образом:

I. Афанасьевская культура («...развивалась, по-видимому, под влиянием иранского мира за 2000 лет до н.э.»).

II. Андроновская культура («...была широко распространена за 1500 лет до н.э. от Енисея до Урала...») и принадлежала к иранскому кругу культур).

III. Карасукская культура (за 1000 лет до н.э.).

IV₍₁₋₃₎. Минусинская курганная культура развивалась на основе предыдущей и прошла в своем развитии три этапа.

V₍₁₋₂₎. Таштыкская культура отражала четвертый курганный этап и имела два хронологических отрезка. «Все вышеописанные культуры преемственно связаны между собой...».

VI. Могилы V–VII вв. н.э. свидетельствовали о том, что в Минусинском крае обосновались киргизы, культура которых нашла отражение в этой и в следующих выделенных группах.

VII. Могилы одиночные VII в. н.э.

VIII. Киргизские могилы VIII–X вв. н.э.

IX. Могилы XI–XII вв. н.э. и XIII–XIV вв. н.э.

Роль и значение опубликованной С.А. Теплоуховым (1929а–б) классификации трудно переоценить, так как после ее создания появилась возможность изучать историю древних племен и народов Южной Сибири (Грязнов, 1988, с. 73; Субботин, 2001, с. 6).

В 1928 г. С.В. Киселев предложил несколько иную периодизацию для бронзового и железного века Минусинской котловины, в основу которой был положен комплекс взаимосвязанных и взаимосвязанных характерных типов вещей (Степная полоса..., 1992, с. 152). Он использовал вместо названия «минусинская курганная» другое обозначение. Выделенная тагарская культура была разбита на три стадии. В дальнейшем С.В. Киселев уделял большое внимание разработке культурно-хронологической схеме Южной Сибири, о чем будет изложено ниже.

1920–1930-е гг. являются в какой-то мере переломными и в археологическом изучении Алтая. Это связано с различными событиями, а также с деятельностью целого ряда государственных и общественных организаций. В 1920 г. в с. Ойрот-Тура (ныне г. Горно-Алтайск) и г. Бийске были открыты краеведческие музеи.

Их археологические экспозиции содержали незначительное количество случайных находок и предметы, выкопанные из курганов (Марсадолов, 1996, с. 18). Продолжили работу краеведческие организации г. Барнаула (Тишкина, 2004). Развернулись систематические исследования на территории Алтая, в которых принимали участие специалисты из научных центров страны. С 1924 по 1929 г. под руководством С.И. Руденко полевыми изысканиями занималась Алтайская экспедиция Этнографического отдела Русского музея из г. Ленинграда. В ее работе принимал активное участие М.П. Грязнов (Марсадолов, 1996; Тишкина, 1999). Археологические раскопки осуществляли работники местных музеев (Уманский, 1969, с. 90). В 1929 г. в связи с принятием первого пятилетнего плана развития народного хозяйства страны Обществом изучения Сибири и ее производительных сил (г. Новосибирск) была составлена программа археологических исследований в Хакасии, Минусинском, Ачинском округах и на Алтае. В 1930 г. на Алтай впервые приехал С.В. Киселев и в течение нескольких лет проводил раскопки и разведки (Китова, 2003, с. 14, 19–26). В связи со строительством Чуйского тракта Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного исторического музея и Государственной академии истории материальной культуры под руководством С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой в 1934–1937 гг. произвела масштабные исследования памятников различных эпох (Марсадолов, 1996, с. 23–24; Китова, 2003). К сожалению, результаты этих масштабных работ до сих пор полноценно не опубликованы, что существенным образом затрудняет процесс изучения археологии Алтая. Автором была осуществлена работа по систематизации всех этих данных в ГИМе (коллекции №78209 и 79601, описи XXII/807, 808, 830) и архиве ИИМКа (Ф. 2. Оп. 1. Д. 400; Ф. 2. Оп. 1/1935 г. Д. 92А; Ф. 2. 1935. Д. 120; Ф. 2. 1936. Д. 255; Ф. 2. 1937. Д. 210). Введение их в научный оборот существенным образом наполнит содержание выделенных культурно-хронологических этапов.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. среди советских археологов развернулась бурная дискуссия о дальнейших путях развития археологии, о необходимости перехода на позиции исторического материализма, о методах систематизации археологического материала и о других проблемах (Генинг, 1982; Клейн, 1993; Марсадолов, 1996, с. 24; и др.). В ходе таких обсуждений, а также при накоплении и осмыслении новых материалов были выработаны многие

практические, методические и методологические подходы, которые заложили основу для развития советской археологии.

В среде московских археологов во главе с В.А. Городцовым формируется школа формально-типологического метода, к деятельности которой многие современники относились весьма критически, так как она ассоциировалась с западноевропейским направлением (Цыб, 1988).

Представители другого уже указанного палеоэтнологического направления отражали несколько иной подход. Наиболее полно он изложен в работах ученика Д.Н. Анучина Б.С. Жукова. Исследователь считал, что для каждого географического региона прежде всего необходимо построить релятивно-хронологическую шкалу, используя при этом методы морфологического анализа орудий труда и анализа естественных условий, т.е. методы восстановления хозяйственного уклада древних племен. Далее, в процессе исследования, графы этой шкалы должны были служить основой для определения культурных кругов, включающих в себя единообразные культуры, и их территориально-хронологических смещений и совмещений («модификаций»), причем за каждой культурой и культурным кругом теоретически была закреплена возможность представлять отдельную этническую группировку (Цыб, 1988, с. 173–177).

Кроме этого, важно отметить, что в 1920–1930-е гг. широкое распространение в отечественной науке получил стадийный подход к изучению древних обществ, одним из разработчиков которого являлся академик Н.Я. Марр (Глушков, 1983; Цыб, 1988; Бабушкин, Колмаков, Писаревский, 1994). Первоначально теория стадийности была выработана в рамках языкознания. Отводя языку роль надстройки общества, считалось, что смена «видов» производства, вызывая перемены в общественном строе, отображается в коллективном мышлении и соответственно в языковой структуре. Это в свою очередь позволяло заключить, что каждой социально-экономической формации соответствует специфичный языковой строй. Немного позднее, Н.Я. Марр попытался соотнести «лингвистические стадии» с данными по истории материальной культуры (Тишкин, Дашковский, 2003б, с. 19).

Однако эта попытка оказалась неудачной, поскольку, по оценкам некоторых исследователей, она «...определялась непониманием диалектической взаимосвязи между базисом и надстройкой, а также переоценкой идеологической роли языка в развитии

общества» (Бабушкин, Колмаков, Писаревский, 1994, с. 34–35). Постепенно Н.Я. Марр и его единомышленники, в частности И.И. Мещанинов (1928, 1932), В.В. Гольмстен (1933), распространили положения теории стадиальности на изучение истории (Тишкин, Дашковский, 2003б, с. 19–20).

В 1928 г. И.И. Мещанинов опубликовал статью «О доисторическом переселении народов», которая была направлена против миграционной концепции в археологии. В ней говорилось о том, что изменение облика материальной культуры в какой-то момент в некоем районе не всегда указывает на приход нового населения, а может быть связано с трансформацией хозяйственной базы общества или объясняться тем, что памятники, отражающие эволюционное развитие от одного этапа к другому, просто не обнаружены. В принципе данное заключение имело право на существование в качестве объяснения целого ряда проблем. Однако автор пошел дальше. «Он не ограничился предупреждением о неумеренном увлечении миграционизмом в археологии, а провозглашал, что переселение народов вообще наблюдалось крайне редко, ведущая же линия – автохтонное развитие общества с закономерными переходами от стадии к стадии» (Формозов, 2004, с. 48). Эта статья И.И. Мещанинова подталкивала археологов к отказу от изучения конкретных древних культур и их взаимодействия ради конструирования оторванных от материалов универсальных схем (Формозов, 2004, с. 49).

Сторонники теории стадиальности исходили из представления, что процесс развития культуры обладает единством для всех районов Старого Света на начальных этапах становления человечества. Существующие различия в формах развития культуры выводились исследователями из неодинаковых условий и несходного характера их проявления, обуславливающих известную вариабельность в общем ходе развития. Изучение процесса видоизменения форм в их переходах из стадии в стадию предлагалось осуществлять в рамках особого палеонтологического или генетического подхода. Основное содержание такого подхода заключалось в объяснении сущности этого процесса с учетом всех его движущих сил (Бабушкин, Колмаков, Писаревский, 1994, с. 36). Возможности рассмотрения истории древних обществ в рамках палеонтологического (генетического) подхода были в определенной степени продемонстрированы И.И. Мещаниновым (1932) и В.В. Гольмстен (1933)

при характеристике кочевых обществ Евразии скифской эпохи, в том числе и «пазырыкцев» Горного Алтая (Тишкин, Дашковский, 2003б, с. 20; 2004, с. 42–43).

Как уже было сказано, в «новом учении о языке» использовался стадиальный и палеонтологический анализ (Мещанинов, 1949, с. 17–18). По мнению ученых того времени, все явления языка имеют свое историческое обоснование и являются продуктом истории, пережитой человеческим обществом. Исходя из этого стадиальный анализ прослеживал исторически зафиксированные коренные смены в строе языка, потому что язык по своей социальной природе подчиняется законам исторического движения, выявляя моменты диалектического хода развития (Мещанинов, 1949, с. 16). Алгоритм изучения языков, проходивших развитие «эволюционно и трансформационно», переносился на область исторических и археологических исследований. Суть его выражена в многочисленных работах И.И. Мещанинова (1928, 1932, 1949 и др.). В одной из них также указано, что не следует усматривать в смене культур только миграцию или приход нового населения (Мещанинов, 1933).

Главной проблемой 30-х гг. XX в. являлось отсутствие глобальных концепций развития человеческого общества, в русле которых шло бы изучение материальных остатков культур, ушедших в прошлое. Для решения этой задачи в ГАИМК была сформирована исследовательская группа по истории скотоводства. Созданная в то время концепция нашла отражение при подготовке «Истории СССР с древнейших времени до образования древнерусского государства» (1939), которая не была опубликована.

В конце 1930-х гг. ситуация в стране изменилась. В результате были закрыты некоторые специализированные академические институты, прекратили работу многие краеведческие организации, сократился диапазон научных изысканий, начались репрессии на археологов. В 1937 г. Государственная Академия истории материальной культуры (ГАИМК) вошла в Академию наук СССР как Институт истории материальной культуры (ИИМК), отделение которого находилось в Москве. В 1943 г. Институт был переведен в Москву, а в Ленинграде осталось его отделение. Постановлением Президиума Академии наук СССР от 4 сентября 1957 г. ИИМК был переименован в Институт археологии АН СССР (Институт..., 2000, с. 4). В 1940–1950-е гг. оформились основные звенья организацион-

ной структуры археологии в стране, а также расширился спектр деятельности в академических, вузовских, музейных и других подразделениях, связанных с проведением полевых изысканий, подготовкой кадров, охраной памятников и т.д. (Матющенко, 1994, с. 20–22).

В послевоенный период увеличилось число экспедиционных исследований. Возможность накопления широкой источниковой базы позволила ученым сделать существенные открытия в области древней и средневековой истории различных регионов страны. Не стал исключением в этом отношении и Алтай. Именно в 1940–1950-е гг. были получены сенсационные результаты по раскопкам курганов скифской эпохи, а также заложены основные направления дальнейшего изучения различных культур кочевников Центральной Азии. Огромная роль в решении многих вопросов данной проблематики, несомненно, принадлежит трем выдающимся отечественным археологам, получившим еще при жизни мировую известность, С.И. Руденко, М.П. Грязнову и С.В. Киселеву (Тишкин, Дашковский, 2003б, 2004).

Установление хронологии и интерпретация памятников Алтая скифской эпохи являлись центральными темами в научной деятельности С.И. Руденко (Тишкин, Дашковский, 2003б, с. 25; 2004, с. 30; Шмидт, 2006). Понятие «пазырыкская культура» исследователь не использовал. Впервые, по-видимому, это словосочетание употребил В.Н. Чернецов (1954, с. 186) при написании рецензии на одну из монографий С.И. Руденко (Гаркуша, 2001). Сергей Иванович был не согласен с датировками больших «алтайских» курганов (Пазырык-I-V, Шибе, Туэкта-I-II, Берель и др.), которые предлагали М.П. Грязнов, С.В. Киселев, К. Йеттмар, Л.А. Евтюхова, Л.Р. Кызласов, К.Ф. Смирнов. Он также не принял концепцию «ранних кочевников» М.П. Грязнова, в рамках которой выделялось три этапа их развития. По мнению исследователя, критерии для выделения, например, майэмирского этапа (конская узда; форма бронзовых зеркал; полное отсутствие железных орудий) при внимательном их рассмотрении не выдерживали критики (Руденко, 1960, с. 162–164). С.И. Руденко считал, что все имеющиеся материалы позволяют датировать горноалтайские курганы с каменной наброской скифским (VII–IV вв. до н.э.) на западе и ахеменидским в Персии временем (Руденко, 1960, с. 172). Кроме датировки каждого из больших «алтайских» курганов, исследователь, опираясь на результаты дендрохронологического анализа И.М. Замоторина (1952), ука-

зал на последовательность сооружения этих памятников с точностью до одного года (Руденко, 1960, с. 335).

Характеризуя культуру древних кочевников Горного Алтая, С.И. Руденко (1952, с. 257) отметил, что «...они являлись частью родственных им по культуре, а возможно и по происхождению, племен, населявших степные пространства в предгорьях Тарбагатай, Тянь-Шаня, а также Среднеазиатского междуречья и оазисы Бактрии, населенные оседлыми земледельческими племенами». Определяя хронологические рамки скифской культуры Горного Алтая, исследователь указывал, что наиболее ранние курганы с каменной наброской можно датировать VII в. до н.э., а поздние – IV в. до н.э. В качестве обоснования верхней границы культуры он обращал внимание на отсутствие в имеющемся материале китайских вещей эпохи Хань и предметов греко-бактрийского происхождения (Руденко, 1952, с. 257–258; 1960, с. 172). Избрание для нижней границы скифской эпохи VII в. до н.э. не случайно, поскольку в то время эта дата уже устоялась в академических кругах, что естественно оказывало давление на ученого и не давало ему выйти за ее рамки при анализе начальных этапов культуры (Тишкин, 1994а; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 16).

Важно отметить, что С.И. Руденко (1952, с. 27) один из первых высказал мнение о существовании в Евразии единого скифосакского мира, «сложившегося к середине I тысячелетия до н.э. на основе пастушеского скотоводства и обусловленной им общественной организацией и идеологией». Исследователь указывал на изменение экологической ситуации в начале I тыс. до н.э. и, как следствие этого, переход большей части оседлых народов к подвижному образу жизни, связанного с новым типом хозяйства – скотоводством (Руденко, 1952, 1953, 1957). Подробные формы скотоводческого хозяйства у кочевников С.И. Руденко рассмотрел сначала в докладе на заседании отделения этнографии Географического общества СССР в 1958 г., а спустя некоторое время в развернутом виде опубликовал в статье (Руденко, 1961б).

В настоящее время выводы и наблюдения С.И. Руденко, несомненно, нуждаются в уточнении. Тем не менее именно они явились отправной точкой в формировании основных задач и подходов в изучении культуры населения Алтая скифской эпохи.

Основные направления исследований М.П. Грязнова сформировались в середине 1920-х гг. С этого времени и на протяжении

многих десятилетий исследователь проводил экспедиции в различных регионах Сибири, Казахстана и Средней Азии (Шевченко, 1992; Эрлих, 1993; Пшеницына, Боковенко, 2003; и др.). Методологические и методические принципы научной деятельности М.П. Грязнова базировались, с одной стороны, на основе наследия русской археологической, палеоантропологической и этнографической мысли XIX – начала XX вв., а с другой – под влиянием марксистского материалистического понимания истории (Матюшенко, Швыдка, 1990, с. 77–89). Не стоит исключать значительное влияние теории стадильности, получившей распространение в 1920–1930-е гг. Это достаточно четко прослеживается в концепции «ранних кочевников» (Грязнов, 1939). Не меньшее значение для научной деятельности М.П. Грязнова имели эволюционно-этнологические разработки его учителя С.А. Теплоухова (Китова, 1994; Бобров, 1994). В своих культурно-исторических интерпретациях М.П. Грязнов исходил из вывода С.А. Теплоухова о том, что одна археологическая культура сменяется другой – более развитой. При этом исследователь не абсолютизировал эволюционное развитие, а придавал серьезное значение роли этнокультурных контактов и миграций в этом процессе (Китова, 1994, с. 66).

Указанная теоретическая база легла в основу изучения одной из центральных тем в творчестве М.П. Грязнова, посвященной культуре кочевников скифской эпохи. Наиболее заметный вклад в разработку этой темы был сделан в конце 1920-х – 1950-е гг., т.е. в период наибольшего интереса к Алтаю. М.П. Грязнов (1930б, 1937, 1939, 1947, 1949, 1951, 1956, 1978, 1992 и др.) целенаправленно работал над созданием для Алтая культурно-хронологической схемы.

В 1928–1929 гг. М.П. Грязнов опубликовал несколько статей, где рассматривалось своеобразие курганов Алтая, в которых обнаружена мерзлота, сохранившая органические материалы. В 1930 г. он указал на возможность установления относительного возраста древних курганов по сохранившейся в них древесине, исходя из общеизвестного факта, что размер и вид годичных колец деревьев находится в зависимости от климатических особенностей того или иного года (Грязнов, 1930а). Вероятно, такой подход в изучении археологического материала был выработан под влиянием С.А. Теплоухова, который придавал большое значение воздействию экологической ситуации на культурно-исторические процессы (Шевченко, 1992, с. 79; Бобров, 1994, с. 74; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 12).

Влияние научного наследия С.А. Теплоухова прослеживается и в других публикациях М.П. Грязнова. Так, в своей работе «Древние культуры Алтая» (Грязнов, 1930б) он, опираясь на ранее известные материалы и используя периодизации, предложенные В.В. Радловым (Марсадилов, 1996, с. 20) и С.А. Теплоуховым (1929), привлек результаты новых археологических данных и разработал схематическое построение смены культур Алтая. Памятники этого региона были разделены на семь основных этапов или последовательных «культурных стадий»:

- I. Дометаллическая культура (неолит).
- II. Ранняя бронза (андроновская культура).
- III. Средняя бронза (карасукская культура).
- IV. Поздняя бронза (большереченская культура).
- V. Первая стадия железной культуры.
- VI. Вторая стадия железной культуры.
- VII. Третья стадия железной культуры.

Базой для формирования представлений о развитии древнего общества на протяжении трех эпох (камня, бронзы и железа) послужила сводка обнаруженных древних и средневековых вещей. В предложенном М.П. Грязновым делении схематично определена последовательность сменяющихся культур, но отсутствовали конкретные хронологические привязки. Для более совершенной периодизации тогда не хватило единичных и случайных находок, нужен был массовый материал, отражающий различные стороны жизнедеятельности древних и средневековых обществ (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 12–13). Тем не менее этот опыт периодизации археологических памятников Алтая можно считать важным. Публикация М.П. Грязнова заложила основу для дальнейших перспектив в археологическом изучении одного из своеобразных регионов Евразии и не потеряла своего значения до настоящего времени. К ней постоянно обращаются исследователи (Аванесова, Кызласов, 1985; Кирюшин, 1992, с. 7–8; Марсадилов, 1996; Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2002, с. 154; и др.).

В апреле 1930 г. в секторе архаической формации ГАИМКа сформировалась небольшая исследовательская группа, называвшаяся ИКС по первым буквам слов, означающих проблему изучения: история кочевого скотоводства (Артамонов, 1977, с. 4; Жук, 1997, с. 53–54). В этот научный коллектив вошли В.В. Гольмстен (руководитель группы), М.И. Артамонов, Г.П. Сосновский и

М.П. Грязнов. Несмотря на то, что группа просуществовала только до осени 1931 г. (Жук, 1997, с. 57), тем не менее ею были получены важные выводы и заложены дальнейшие направления для развития кочевниковедения в целом. Наиболее существенными результатами работы ученых было признание исторического факта, что до господства в степях Евразии кочевого скотоводческого хозяйства в них процветало комплексное земледельческо-скотоводческое оседлое хозяйство. Кроме того, было установлено, что кочевое хозяйство возникает только в конце эпохи бронзы и окончательно утверждается в период распространения железа в скифо-сарматских культурах (Артамонов, 1977, с. 4).

Существенным вкладом являлось выделение М.П. Грязновым трех хронологических групп могильников Алтая эпохи ранних кочевников (майэмирская, пазырыкская и шибинская), что было изложено при написании параграфа к «Истории СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства» (Грязнов, 1939, с. 399–411). Представленная в популярной форме и без достаточной аргументации схема хотя и имела хронологические определения, но все же требовала существенного обоснования. В 1947 г. был опубликован доклад М.П. Грязнова, сделанный на заседании сектора бронзы и железа ИИМК по поводу выделения наиболее древней (майэмирской) группы памятников. К проблеме периодизации эпохи ранних кочевников М.П. Грязнов неоднократно обращался и позже. Это нашло отражение в нескольких публикациях (Грязнов, 1975а–б, 1978, 1980, 1992). С критикой классификации, основанной на материалах из погребений, в свое время выступил А.Н. Бернштам (1946, 1949), но он, по мнению А.А. Гавриловой (1965, с. 50), не внес нового в разработку этого вопроса.

Стоит более подробно остановиться на реализации программы, задачу которой М.П. Грязнов сформулировал при проведении исследований на комплексе памятников в урочище Ближние Елбаны. Идея заключалась в выявлении и исследовании разных археологических объектов, чтобы полученный материал отражал «...все этапы культурного развития древнего населения Верхней Оби» и «...представлял надежную опору для хронологической классификации памятников...» (Грязнов, 1956, с. 6–7). Итоги такой деятельности сначала были опубликованы кратко (Грязнов, 1949, с. 110–119; 1950; 1951, с. 105–113; 1952; и др.), а затем состоялось и монографическое издание их с привлечением большого количества ма-

териалов (Грязнов, 1956). Сначала в опубликованной лекции (Грязнов, 1950), а затем в статье, вышедшей в 1951 г., М.П. Грязнов представил основательную таблицу обозначенных в районе Верхней Оби культур от эпохи бронзы до телеутов XVI–XVII вв. Там уже даны названия 11 последовательных этапов, имелись конкретные датировки и обозначены некоторые этнические определения. Вместе с комплексами вещей приводились примеры погребальной обрядности. Данная культурно-хронологическая схема выглядела следующим образом:

1. Андроновская культура (XV–XI вв. до н.э.).
2. Карасукская культура (X–III вв. до н.э.).
3. Большереченский этап большереченской культуры (VII–VI вв. до н.э.).
4. Бийский этап большереченской культуры (V–III вв. до н.э.).
5. Березовский этап большереченской культуры (II в. до н.э. – I в. н.э.).
6. Одинцовский этап верхнеобской культуры (II–IV вв. н.э.).
7. Переходный этап верхнеобской культуры (V–VI вв.).
8. Фоминский этап верхнеобской культуры (VII–VIII вв.).
9. Сросткинская культура (IX–XI вв.).
10. XII–XV вв.
11. Телеуты (XVI–XVII вв.).

По сравнению с публикацией 1930 г., это был, конечно же, существенный прогресс в обосновании культурно-хронологической концепции. В монографии 1956 г. некоторые из ранее выдвинутых положений М.П. Грязновым (1956) были переосмыслены и пересмотрены (Тишкин, 2000б, с. 110; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 12–14). Это особенно касалось эпохи развитого средневековья, археологические памятники которой оказались сведены в отдельную главу «Второе тысячелетие нашей эры (первая половина)» и рассматривались все вместе (Грязнов, 1956, с. 153–157). При этом М.П. Грязнов признавал принадлежность объектов к разным историческим периодам, но затруднялся определить их хронологическую последовательность. Свою позицию известный исследователь обосновывал тем, что «...близкие к нам периоды истории сибирских племен и народов в археологическом отношении слабо изучены», «число исследованных памятников невелико» и они относительно бедны, «не разработана их хронологическая систематизация», а в связи с этим «не дано еще историко-культурной периоди-

зации для... XI–XVII вв.» (Грязнов, 1956, с. 153). В результате культура населения монгольского времени уже отдельно не рассматривалась, а могильник БЕ-VI обозначен как погребальный комплекс сrostкинской культуры, и М.П. Грязнов (1956, с. 151) справедливо указал на ошибочность отнесения его к телеутам. Все рассмотренные периоды выглядели так:

1. Андроновская культура.
2. Карасукская эпоха.
3. Большереченская культура с тремя этапами (большереченский, бийский, березовский).
4. Верхнеобская культура с тремя этапами (одинцовский, переходный, фоминский).
5. Сrostкинская культура.
6. Второе тысячелетие нашей эры (первая половина).

Каждый этап характеризовался наличием соответствующих памятников, определялась его датировка и описывалось содержание культуры. На основе исследования одного Ближнеелбанского археологического микрорайона и с привлечением других известных материалов была представлена история культуры древних племен Верхней Оби. Именно эта работа М.П. Грязнова стала базой для многих исследователей. Определенным образом она повлияла на изучение археологии Горного Алтая (Гаврилова, 1965) и других территорий. До сих пор монография не потеряла своего значения и используется при интерпретации получаемых в настоящее время результатов. Тем не менее следует признать, что смоделированное М.П. Грязновым понимание процессов, происходивших на территории Лесостепного Алтая с эпохи бронзы до позднего средневековья, в деталях уже исчерпало себя. Несмотря на то, что ряд исследователей по-прежнему остается в рамках культурно-хронологических разработок М.П. Грязнова, имеющиеся значительные археологические материалы позволяют по-новому посмотреть на ставшие традиционными положения, существенно расширить эти построения, а также определенным образом их переработать. Иначе адекватного процесса осмысления научных данных не получится.

После раскопок кургана Аржан в Туве перед археологами обозначилось довольно много проблем, часть которых, естественно, легла на плечи М.П. Грязнова (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 19–20). В 1978 г. ученый представил свою концепцию сложения куль-

тур скифо-сибирского типа, развивая идеи, тезисно сформулированные в ряде предыдущих работ (Грязнов, 1975а–б). При этом он отметил, что «...начальный этап скифской культуры (VIII–VII вв. до н.э.) ...известен не только в Причерноморье и Туве», но и на Алтае. К числу памятников этого этапа, предшествующего еще и майэмирскому, отнесены «немногочисленные погребения... в могильниках Курту и Усть-Куюм». Завершая рассмотрение поставленного вопроса, М.П. Грязнов (1978, с. 17–18) сделал вывод о том, что «...на обширных просторах Евразии с VIII в. до н.э. синхронно возникают и развиваются сходные в общих чертах культуры скифо-сибирского типа», которые имели черты самобытности и оригинальности за счет особых условий существования. В данном подходе реализована идея полицентризма при объяснении процесса формирования скифо-сибирского мира на огромных пространствах Евразии. В дальнейшем М.П. Грязнов выделил три фазы развития культур VIII–III вв. до н.э.: 1) аржано-черногоровская (VIII–VII вв. до н.э.); 2) майэмирско-келермесская (VII–VI вв. до н.э.); 3) пазырыкско-чертомлыкская (V–III вв. до н.э.). Каждая фаза в археологическом отношении характеризовалась особенностями скифской триады: вооружения, звериного стиля, конского снаряжения (Грязнов, 1979, с. 4–7). В 1983 г. в одной из своих последних опубликованных работ М.П. Грязнов вновь обратился к проблеме выделения начального этапа скифо-сибирских культур, датированного уже IX–VII вв. до н.э. Характеризуя памятники аржано-черногоровской фазы на Алтае, как одной из определенных им культурно-исторических областей, М.П. Грязнов указал, что этот регион, несомненно, прошел такую ступень развития и имел свое своеобразие в культуре. Однако археологические материалы, по его мнению, были еще в недостаточном количестве для обоснования такого этапа применительно к Алтаю (Грязнов, 1983, с. 9).

Завершая обзор культурно-хронологической концепции М.П. Грязнова, можно отметить, что выделенные им фазы по своему содержанию соответствовали стадийному подходу, разработанному учеными еще в 1-й половине XX в. Поэтому попытки археолога наполнить новым археологическим материалом «старые» теоретические принципы исследования приводили к определенным методологическим и культурно-историческим противоречиям. Высказанные идеи не были подхвачены и практически не нашли широкого отражения в работах последователей. Однако, несмотря на

это, вклад М.П. Грязнова в науку, несомненно, значительный, а особенности подхода к интерпретации источников вполне соответствуют традициям советской эпохи и уровню накопления материалов по обозначенным проблемам. Не исключено, что состоится возврат к концепции исследователя и будет осуществлено наполнение ее новым содержанием, так как в ней имеются рациональные зерна.

Следующий исследователь, о котором пойдет речь, С.В. Киселев, считается одним из основателей советской археологии. Он был теоретиком, крупным организатором науки и выдающимся педагогом (Кызласов, 2003). По мнению Л.Р. Кызласова (2003, с. 20–21), вклад С.В. Киселева в создание хронологической классификации минусинских культур эпохи металла не менее важен, чем работы в этом направлении С.А. Теплоухова. Безусловно, соглашаясь с этим положением, приведем также и мнение М.П. Грязнова, который при решении проблем, связанных с датировкой кургана Аржан, указал на методическую ошибку, допущенную в свое время С.В. Киселевым (1928) при оформлении периодизации тагарской культуры. Она заключалась в том, что курганы сначала датировались по отдельности, а затем были объединены в хронологические группы. Получившаяся не совсем удачная схема была С.В. Киселевым (1949, 1951) впоследствии заменена. Но именно этот опыт и разработки других коллег позволили М.П. Грязнову (1980, с. 53) сформулировать необходимый подход к важному этапу научной деятельности археолога: ***«Датировать в цифрах абсолютной хронологии необходимо весь период в целом, всю совокупность памятников, а не отдельные курганы, могилы и т.д. Только после этого можно переходить к более дробным точным датировкам отдельных памятников».***

В 1930 г. С.В. Киселев стал руководителем Саяно-Алтайской экспедиции ГАИМКа, ГИМа и местных научных организаций. Изучая культуру древнего населения Алтая, он основное внимание уделил вопросам хронологии и периодизации. Ученый сначала в своей докторской диссертации, затем в статье (Киселев, 1947) и в монографиях (Киселев, 1949, 1951) наполнил понятие «майэмирский», предложенное М.П. Грязновым, новым содержанием (Тишкин, Дашковский, 2003б, с. 26–28). Это кратко заключалось в следующем. Если М.П. Грязнов (1939) выделял только этап VII–V вв. до н.э. в общности номадов Алтая, то С.В. Киселев предложил рас-

сма­три­вать от­дель­но май­эми­рскую ку­ль­ту­ру, про­шед­шую в сво­ем раз­ви­тии две ста­дии. По­сле нее на­сту­пает «па­зы­рык­ская эпо­ха», ко­то­рую С.В. Ки­се­лев со­от­нес с «гун­но-сар­мат­ским» вре­ме­нем. Па­зы­рык­ские кур­ганы и по­доб­ные им па­мят­ники (Бе­рель, Ши­бе, Ка­танда и др.) уче­ный да­ти­ро­вал III–I вв. до н.э. (Ки­се­лев, 1951, с. 288–303). Не­смот­ря на то, что ука­зан­ная вы­ше ку­ль­турно-хро­но­ло­гичес­кая схе­ма С.В. Ки­се­лева со­вре­мен­ны­ми ис­сле­до­ва­те­ля­ми при рас­смот­ре­нии скиф­ской эпо­хи Ал­тая пол­но­стью не ис­поль­зу­ется, тем не ме­нее не­ко­то­рые его идеи име­ют сво­их сто­рон­ни­ков. По­стро­е­ния уче­ного от­ра­жа­ют опре­делен­ный этап в рам­ках ре­ше­ния ря­да про­блем и де­мон­стри­ру­ют опыт про­ве­де­ния боль­шой обо­б­ща­ю­щей ра­боты.

Су­щес­вен­ны­ми сле­дует при­знать и раз­работ­ки С.В. Ки­се­лева в об­ла­сти си­сте­ма­ти­за­ции зна­ний о древ­ней и сред­не­ве­ко­вой ис­то­рии Юж­ной Си­би­ри (Гиш­кин, 2005г). Опу­бли­ко­ван­ная кон­цеп­ция, име­я в ка­кой-то ме­ре тра­ди­ци­он­ную кан­ву, от­ли­чалась от по­доб­ного ро­да ис­сле­до­ва­ний не толь­ко ана­ли­зом ог­ром­ного объ­ема по­лу­чен­ного и об­ра­бо­тан­ного ма­те­ри­ала, но и прин­ци­пи­аль­но дру­гим под­хо­дом. Изучив пер­вые по­пыт­ки си­сте­ма­ти­за­ции ар­хе­оло­гичес­ких ма­те­ри­алов Си­би­ри, а так­же ра­боты в этом на­прав­ле­нии В.А. Го­род­цова, А.А. Спи­цына, Д.Н. Ану­чина и дру­гих ис­сле­до­ва­те­лей, С.В. Ки­се­лев пре­дос­та­вил на об­суж­де­ние свою схе­му и свое по­ни­ма­ние раз­ви­тия ку­ль­тур Юж­ной Си­би­ри от неолита до го­су­дар­ства кыр­гыз­ов.

Де­лая упор на «ис­то­ризм», ис­сле­до­ва­тель вы­де­лил три боль­ших пе­ри­ода (древ­ность, гун­но-сар­мат­ское вре­мя, сло­же­ние го­су­дарств), в ко­то­рых по­сле­до­ва­тель­но от­ра­же­ны эпо­хи (юж­но­си­бир­ский неолит, а­фа­на­сьев­ская, ан­дро­нов­ская, карасук­ская, та­гар­ская (с вы­де­ле­нием пер­вой, вто­рой и тре­тьей (пе­ре­ход­ной) ста­дия­ми, а так­же май­эми­рской ку­ль­ту­ры на Ал­тае), па­зы­рык­ская, таш­тык­ская), хро­но­ло­гичес­кий от­ре­зок «Ал­тай в V–X вв. н.э.» и ис­то­рия ени­сей­ских кыр­гыз­ов (ха­ка­сов). Дан­ная схе­ма име­ла по­греш­но­сти в ло­гичес­ком по­стро­е­нии и из­ло­же­нии и, на­ряду с об­щей по­ло­жи­тель­ной оцен­кой, вы­звала спра­вед­ли­вые кри­ти­че­ские за­ме­ча­ния. В част­но­сти, А.А. Га­ври­лова (1965, с. 4) ука­зала на то, что, «...ис­поль­зу­я ар­хе­оло­гичес­кий ма­те­ри­ал как ис­то­ри­че­ский ис­точ­ник, С.В. Ки­се­лев из­ла­гает про­из­ве­ден­ную клас­сифи­ка­цию па­мят­ников Ал­тая (эпо­хи сред­не­ве­ко­вья. – Авт.) дек­ла­ра­тив­но, без ус­та­но­в­ле­ния ха­рак­тер­ных осо­бен­но­стей ка­ждой груп­пы», и, кроме того,

«...осталась не выполненной иллюстративная часть этой классификации – не была сделана хронологическая таблица». Учитывая опыт своих предшественников и опираясь на имеющиеся к тому времени материалы, А.А. Гаврилова (1965, с. 4–5) создала свою периодизацию позднекочевнических могил Алтая на основе памятников шести типов: «...1) одинцовского (IV–V вв.); 2) берельского (V–VI вв.); 3) кудыргинского (VI–VII вв.); 4) катандинского (VII–VIII вв.); 5) сросткинского (VIII–X вв.) и 6) часовенногорского (XIII–XIV вв.), с одной лишь лакуной – еще не выявлены памятники XI–XII вв. ...» Имевшиеся археологические материалы исследовательница свела в таблицу, которая наглядно демонстрировала культурно-хронологические комплексы (Гаврилова, 1965, табл. XXXI). Данная работа, несмотря на определенные методологические неувязки, сыграла значительную роль в процессе изучения эпохи средневековья Алтая и других территорий.

Работы С.В. Киселева способствовали продвижению исследователей в понимании многих вопросов общего и частного характера, а также создавали условия для дальнейшей модификации представленных культурно-хронологических схем. Последнее происходило, как правило, при накоплении нового материала, когда его количество позволяло сделать более качественное оформление системы знаний о том или ином обществе. Это обычная процедура в исследовательской практике, но реализация ее занимает разное время. Возврат к ранее представленным идеям и их проверка на новом уровне – необходимый подход при решении актуальных проблем древней и средневековой истории Южной Сибири.

Следует указать, что построением культурно-хронологических схем на археологических материалах в 1950–1980-е гг. занимались многие исследователи: Л.Р. Кызласов (1958а–б, 1960, 1964, 1969, 1979 и др.), С.С. Черников (1960, 1975 и др.), Г.А. Максименков (1975), А.Д. Грач (1980), В.А. Могильников (1986а), Г.Б. Зданович (1988), А.С. Суразаков (1989) и др. Эти результаты стали следствием широкомасштабных раскопочных мероприятий, осуществленных в послевоенный период особенно в зонах интенсивного строительства объектов народного хозяйства Советского Союза. Также на основе работ предшественников сформировалась и современная система датирования курганов скифской эпохи (Алексеев, 2003).

В конце 1950-х и в 1960-е гг. происходило дальнейшее накопление археологических материалов. В этом процессе особое место занимает деятельность С.С. Сорокина, под руководством которого на Алтае работала Южно-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа (Тишкин, Дашковский, 2004, с. 57–60). Обширный материал, полученный из курганов рядовых кочевников, способствовал наполнению конкретным содержанием разных культур и соответствующим образом использован при создании современной культурно-хронологической схемы.

В 1959 г. С.С. Сорокиным была организована Южно-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа, которая под его руководством провела разведки и исследования на целом ряде могильников ранних кочевников (Сорокин, 1966, 1967а, 1969а–б, 1974 и др.). Основной задачей экспедиции являлся сбор археологических материалов, относящихся «к периоду становления, расцвета и увядания искусства ранних кочевников Алтая». Раскопки курганов, в которых были захоронены рядовые кочевники, должны были «в чистом виде» дать материальное отражение идеологии основной массы «самодетельного населения раннего кочевого общества» (Сорокин, 1967б, с. 71). Многие работы С.С. Сорокина содержат методические рекомендации не только по полевой и камеральной обработке материалов, но и по проведению реконструкций и по реализации методологических подходов.

Среди памятников, изученных С.С. Сорокиным на Алтае, наибольшее значение имеет могильник Курту-II. Исследователь сравнил погребения из этого некрополя с материалами большеберченского и майэмирского этапов (по М.П. Грязнову) и отметил различия между ними. Ученый пришел к выводу, что погребение человека в скорченном положении и с конем из могильника Курту-II относится ко времени более раннему, чем начало майэмирского этапа – к IX–VIII вв. до н.э. Таким образом, С.С. Сорокин (1966, с. 45–47) впервые удревнил дату памятников раннескифского времени до IX в. до н.э.

В целом можно заключить, что в работах С.С. Сорокина впервые после С.И. Руденко, М.П. Грязнова, С.В. Киселева было продолжено изучение скифской эпохи Горного Алтая по основным направлениям, обозначенным предшествующими исследователями (Тишкин, Дашковский, 2003б, 2004). Существенную роль он сыграл и при накоплении и изучении источниковой базы по другим

интересующим нас периодам. Так, раскопки С.С. Сорокина (1977) на памятнике Балыктыюль содержали материалы булан-кобинской археологической культуры (Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 137, 161).

Археологические изыскания в Горном Алтае в 1970–1980-е гг. привели к значительному расширению круга памятников различных эпох и, соответственно, давали новые возможности для дальнейшего решения вопросов, обозначенных предшественниками. Кроме этого, с середины 1980-х гг. появилась возможность больше внимания уделять теоретическим проблемам в археологических исследованиях. Надо отметить, что на протяжении всего советского периода в отечественной науке господствующей методологией являлся исторический материализм. Несмотря на дискуссионность его отдельных положений, все же имелись определенные теоретические основания для выявления взаимосвязи этнокультурного, социально-экономического и мировоззренческого развития обществ на различных исторических этапах. Для всесторонних реконструкций в рамках данного подхода требовалась соответствующая источниковая база, накопление которой собственно и происходило в 1970–1990-е гг. Между тем исследователи стали понимать ограниченность исторического материализма и пытались найти другие теоретические возможности в ходе реализации своей деятельности. Особенно данная проблема обозначилась при проведении палеосоциальных и мировоззренческих реконструкций (Тишкин, Дашковскийб, 2003, 2004). В такой ситуации ученые стали обращаться к структурализму или к цивилизационному подходу. Это позволило получить новую информацию о сложных этнокультурных процессах на Алтае, об иерархизированности кочевого общества и синкретичности выявленных элементов религиозно-мифологической системы (Дашковский, 2002; Тишкин, Дашковский, 2003б, 2005).

Необходимо обратить внимание и на организационную сторону изучения археологических памятников Алтая. В указанный период в исследованиях активное участие принимали различные академические структуры: Институт археологии АН СССР (позднее ИА РАН), Ленинградское отделение ИА АН СССР (с 1991 г. ИИМК РАН), Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (с 1991 г. разделен). Важную роль стал играть созданный Институт археологии и этнографии СО РАН. С 1970-х гг. в процесс археологических исследований включились

высшие учебные заведения страны: Ленинградский (ныне Санкт-Петербургский), Кемеровский, Новосибирский, Алтайский и Томский государственные университеты, а также педагогические институты – Барнаульский, Горно-Алтайский и другие, которые сейчас переведены в разные категории государственных университетов.

После М.П. Грязнова и С.В. Киселева с более или менее целостной концепцией этнокультурного развития кочевников Алтая выступил В.А. Могильников (1996). Более подробно предложенная им периодизация, касавшаяся раннескифского времени, будет изложена в следующей главе. Сейчас же отразим высказывания общего порядка. Рассматривая генезис тюркской культуры, исследователь опирался на идею автохтонности населения, проживавшего на Алтае с раннескифского времени. Это, по его мнению, заключалось в существовании тюркской триады, которая находит отражение в стабильной традиции захоронения человека с лошастью, в культовых сооружениях и каменных скульптурных изображениях воинов. Намеченная ранее схема (Могильников, 1986а) была модифицирована и выглядела следующим образом: майэмирская культура (куртуский этап (VIII–VII вв. до н.э.) → карбанский этап (VII – первая половина или начало VI вв. до н.э.)) → пазырыкская культура → гуннское время → берельский тип (IV–V вв.) → древнетюркская культура. Следует указать, что В.А. Могильников не исключал внешнее влияние и миграции, указывая на многокомпонентность ряда общностей. Оценка культурно-хронологической схеме В.А. Могильникова, отразившей понимание раннескифского времени, дана в ряде публикаций (Тишкин, 1994а; Тишкин, Дашковский, 2003б, 2004). Что касается последующих выкладок, то наряду с попытками систематизации материалов и представления сложных процессов исследователем были отражены и предположения, и обобщения. Особенно важными стали публикации разделов в томе «Археологии СССР» по средневековью (Могильников, 1981а–в), а также издание монографии по результатам раскопок могильников IX–XI вв. на территории северо-западных предгорий Алтая (Могильников, 2002).

Среди научных интересов Д.Г. Савинова проблема изучения культурно-хронологического развития кочевников Алтая занимает значительное место. Обладая широкими знаниями археологических материалов, а также привлекая другие источники, исследователь наиболее полно сформулировал картину развития разных народов

Южной Сибири в древности и средневековье, опираясь на идею непрерывности культурно-исторического процесса (Савинов, 1984, 1987а и др.). Раскопки в 1971–1973 гг. курганов номадов в долине р. Узунтал (Юго-Восточный Алтай) предоставили ученому новый материал для построения собственной концепции. Разрабатывая проблемы хронологии и периодизации, он предложил синхронизировать культуры скифо-сарматского времени Южной Сибири с несколькими датами, известными по древнекитайским и античным источникам (Савинов, 1991, 2002). Положительные результаты синхронизации дат по письменным и археологическим источникам встретили поддержку у многих исследователей (Марсадолов, 1996; Кирюшин, Тишкин, 1997; Заднепровский, 1997а–б; Кочеев, 1994; Тишкин, 2005в; и др.) и были использованы для построения культурно-хронологическим схем изучения средневековых кочевников Алтая (Тишкин, Горбунов, 2002а, 2005б; Горбунов, Тишкин, 2003; Тишкин, 2007а).

Касаясь вопроса об этнической принадлежности «пазырыкцев» Алтая, Д.Г. Савинов (1993а, с. 132) вслед за С.И. Руденко (1960) предложил отождествлять их с юечжами, но при условии широкого понимания границ распространения памятников пазырыкского типа, включая территорию Саяно-Алтайского нагорья, Западной Монголии и Восточного Туркестана (Савинов, 1984, с. 9–11; Кляшторный, Савинов, 1998, с. 172). В качестве подтверждения этой идеи ученый указал на наличие памятников пазырыкско-саглынского типа в Восточном Туркестане (могильник Алагоу), у северных отрогов Монгольского Алтая (Савинов, 1993а, с. 132).

Рассматривая проблему этнокультурной истории Саяно-Алтая в скифскую эпоху, следует указать еще на одну работу Д.Г. Савинова (1994а), посвященную характеристике культуры населения раннескифского времени Тувы (алды-бельская культура) и частично сопредельных территорий, в том числе и Алтая. Так, ученый подчеркнул, что «алды-бельцы», в отличие от других племен, возможно, составляли ближайшее этническое окружение «аржанцев». При этом археолог обратил внимание и на близкие соотношения культуры «алды-бельцев» с майэмирскими племенами Алтая и «тасмолинцами» Центрального Казахстана. Это свидетельствует о том, что на определенном историческом этапе такие отношения могли иметь и культурно-генетический характер. Важно отметить, что проанализированные Д.Г. Савиновым особенности этнокуль-

турного развития скотоводов раннескифского времени протекали не только в Туве, но и в некоторых других регионах. В частности, эта проблема исследована на материалах бийкенской культуры Алтая (Тишкин, 1996а–б, 2003а; Кирюшин, Тишкин, 1997).

Существенными следует признать разработки Д.Г. Савинова при рассмотрении этнокультурной истории древних и средневековых народов Западной и Южной Сибири. Им выяснялись возможности использования таких понятий, как «эпоха ранних кочевников» (Грязнов, 1939), «эпоха поздних кочевников» (Черников, 1960), «эпоха средневековых кочевников» (Хазанов, 1973), «древнетюркское время/эпоха» (Грач, 1966), «эпоха раннесредневековых государств» (Кызласов, 1979), «типы памятников» (Гаврилова, 1965), «этапы развития древнетюркской культуры/эпохи» (Вайнштейн, 1966б; Худяков, 1982), «периоды существования государственных объединений» (Кызласов, 1969, 1979). Приведенные и некоторые другие определения, базирующиеся на разных основаниях, по мнению Д.Г. Савинова (1984, с. 5), не противоречат друг другу, так как освещают разные стороны развития обществ и культуры определенного исторического периода. Тем не менее исследователем предложена своя дефиниция древнетюркской эпохи с делением на раннетюркское (V – середина VI вв. н.э.), тюркское (середина VI – середина IX вв. н.э.) и позднетюркское время (середина IX – конец X вв. н.э.) (Савинов, 1984, с. 5–6). Кроме этого, указаны еще два периода – позднехуннское или предтюркское время (460–552 гг. н.э.) и монгольское время (XI–XII вв. н.э.). Важным, на наш взгляд, моментом явилось методологическое наполнение использованного понятия «время» в его этнокультурном аспекте через известные материалы конкретных археологических памятников и культур, которые могут быть «...сопоставлены с данными письменных источников, идентифицированы с содержащимися в них этнонимами и приобрести определенное историческое и этнографическое содержание» (Савинов, 1984, с. 6). Дальнейший анализ массива сведений позволил Д.Г. Савинову (1984, с. 173) представить «этапы развития южно-сибирских культур во второй половине I тыс. н.э. и их синхронизацию», о чем более подробно будет рассмотрено в следующем разделе монографии.

Следует признать, что Д.Г. Савинов внес значительный вклад в разработку обозначенной нами темы. В целом ряде публикаций им представлена динамика развития южно-сибирских культур эпо-

хи раннего железа и средневековья в сопоставлении с историческими датами (Савинов, 1984, 1991, 1994б, 2002 и др.). Опыт синхронизации хорошо датированных событий, известных по письменным источникам, с археологическими построениями неоднократно использовался исследователями в рамках какой-то одной эпохи или культуры. В работах Д.Г. Савинова данный прием получил новый импульс. Весьма продуктивным в этом плане оказалось совмещение в одной книге – «Степные империи Евразии» – двух разделов, один из которых написан на основе письменных источников, а другой – на анализе археологических данных (Кляшторный, Савинов, 1994). Это издание было позднее переработано и вышло под названием «Степные империи древней Евразии» (Кляшторный, Савинов, 2005).

Можно довольно много указать работ, которые были посвящены культурно-хронологическому осмыслению многочисленных материалов по скифской эпохе Алтая. Нам уже приходилось останавливаться на данной проблематике (Тишкин, 1994а, 2006б; Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, Дашковский, 2003б, 2004).

Созданию культурно-хронологической схемы А.С. Суразаков посвятил отдельную монографию «Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения» (1989). Археолог проводил раскопки на различных памятниках Алтая, что давало возможность для обобщения значительного массива данных. Представленное А.С. Суразаковым хронологическое деление, наполненное фактическими данными, в общих чертах остается действующим. Однако этнокультурные построения исследователя были подвергнуты критике со стороны коллег и ныне в определенном плане пересмотрены или существенно уточнены.

Огромную работу по установлению хронологии курганов Алтая скифской эпохи провел Л.С. Марсадолов. Это нашло отражение в кандидатской и докторской диссертациях, а также в многочисленных публикациях. Важно, что Л.С. Марсадолов значительное внимание уделил рассмотрению таких важных для нашей темы проблем, как история открытий и исследования памятников VIII–IV вв. до н.э., датировка археологических объектов с применением методов естественных наук, социальные реконструкции пазырыкского общества и этногенез номадов Алтая.

Подробно история изучения археологических памятников Алтая скифской эпохи представлена Л.С. Марсадоловым (1996,

с. 5) в отдельной монографии, где выделены следующие периоды: 1) грабительский (I тыс. до н.э. – начало XX в.); 2) археология – часть общего землеописания России (XVII–XVIII вв.); 3) археология в период Просвещения (конец XVIII – первая половина XIX вв.); 4) первые научные обобщения (вторая половина XIX в.); 5) археология – часть краеведения Алтая (с 70-х гг. XIX в. до 1916 г.); 6) первые исследования археологов-профессионалов (середина 1920-х – середина 1930-х гг.); 7) переход на позиции материализма и создание хронологических систем (вторая половина 1930-х – первая половина 1950-х гг.); 8) применение естественно-научных методов датирования памятников (1950-е гг.); 9) дальнейшее накопление материалов (1950–1980-е гг.); 10) уточнение хронологии памятников (с середины 1970-х гг.). При этом указывалось на то, что перекрывающиеся друг друга 8-й, 9-й и 10-й периоды позднее, возможно, будут включены в седьмой в качестве его подразделов. Давая характеристику каждого из перечисленных периодов, исследователь также кратко остановился на историческом анализе основных культурно-исторических разработок.

Продолжая заниматься историей изучения проблемы датирования памятников Алтая скифской эпохи, Л.С. Марсадолов (2000) предложил отдельную периодизацию этого процесса, выделив восемь основных этапов:

1. Классификация по материалу – XVIII – середина XIX вв. – распределение археологических находок по материалу.
2. Периодизация по материалу – вторая половина XIX в. – 20-е гг. XX в. – древнейший железный период.
3. Первые абсолютные даты 20–30-е гг. XX в.
4. Периодизация по этапам (или стадиям, культурам) – конец 30-х – 90-е гг. XX в. – на основе: а) социально-экономических; б) культурно-политических событий в древности с точностью до 100–200 лет.
5. Хронология памятников с опорой на методы естественных наук (дендрохронология, радиоуглерод) и археологические аналогии с точностью до 50 лет – 1950–1980-е гг.
6. Удревнение дат археологических памятников – 1960–1990-е гг.
7. Абсолютное датирование с точностью до нескольких десятилетий – 1980–1990-е гг.
8. Комплексное абсолютное датирование отдельных объектов с точностью до нескольких лет или одного года – 1990-е гг.

Данная схема в определенной степени является дополнением и переработкой предыдущей. Она дает представление об основных аспектах развития подходов к установлению хронологии памятников скифской эпохи.

Достаточно подробно Л.С. Марсадолов исследовал проблему этнической истории и этногенеза кочевников Алтая. Особое внимание при построении своей культурно-хронологической концепции он обратил на возможности применения при датировке памятников дендрохронологии и радиоуглеродного метода. Им было произведено комплексное изучение пяти больших Пазырыкских, Первого Туэктинского, Шибинского курганов Горного Алтая и комплекса Аржан в Туве (Марсадолов, 1984; 1985, с. 7–10; Марсадолов, Зайцева, Лебедева, 1994; Марсадолов, Зайцева, Семенов, Лебедева, 1996; и др.). Исследователь неоднократно указывал на возможность привязки «плавающей» саяно-алтайской дендрощкалы к американской «протяженностью около 8 тысяч лет». Это обеспечивает перспективу определения даты сооружения курганов с точностью до года (Марсадолов, 1985, с. 10). В результате были определены абсолютные даты Первого, Второго, Пятого Пазырыкских и Первого Туэктинского курганов (Марсадолов, 1996, с. 50–51).

Первоначально, в середине 1980-х гг., Л.С. Марсадолов отнес памятники Алтая к двум этапам. Первый, майэмирский, он датировал VIII–VII вв. до н.э., возможно, 1-я четверть VI в. до н.э., и включил в него две группы памятников («вытянутые» и «скорченники»). Второй, пазырыкский, период был условно обозначен в рамках VI–IV вв. до н.э. Л.С. Марсадолов обратил внимание на то, что завершение майэмирского и начало пазырыкского этапов синхронны ряду исторических событий, в частности, разгрому Ассирии мидийцами, походам скифов в Малую Азию, усилению державы Ахеменидов. Завершение пазырыкского этапа совпало с походами А. Македонского в Малую и Среднюю Азию, что привело к большим перемещениям племен и народов (330–320 гг. до н.э.) (Марсадолов, 1985, с. 10–11, 15). В результате корреляция дат, полученных на основе естественных наук, позволила соотнести этапы развития древних кочевников с конкретными историческими событиями.

В монографии, посвященной истории изучения памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э., Л.С. Марсадолов (1996) дополнил сделанные ранее выводы реконструкцией этнических и этногенетических процессов, протекавших в данном регионе. Он выделил два

культурно-хронологических этапа на Алтае: VIII–VII вв. до н.э. и VI–IV вв. до н.э. (Марсадолов, 1996, с. 52). Немного позднее ученый расширил границы второго этапа до III в. до н.э. (VI–III вв. до н.э.), оставил его конкретное наполнение без изменений (Марсадолов, 2000а, с. 47). Л.С. Марсадолов поддержал инициативу Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина (1997, 1999) о выделении для памятников раннескифского времени центральных районов Алтая бийкенской культуры, а название «майэмирская культура» согласился вместе с другими исследователями закрепить за памятниками западных и северо-западных предгорий этого региона (Марсадолов, 2000а, с. 16; 2001, с. 25). В рамках двух вышевыделенных этапов археолог определил локальные этнокультурные группы археологических памятников, которые, возможно, соответствовали расселению древних племен («улуг-хорумцы», «куртусцы», «кююмцы», «семисартцы», «саглынды», «быстрынды», «кара-кобинцы», «чиликтинцы», «майэмирцы», «иртышцы», «кула-жургинцы», «каменцы», «пазырыкцы») (Марсадолов, 2000а, с. 48–49). Развивая теорию этногенеза «пазырыкцев», Л.С. Марсадолов провел сопоставление материалов из тумулусов Гордиона (Турция, VIII–VII вв. до н.э.) и Алтая (VI–IV вв. до н.э.), указав на черты сходства в погребальном обряде и инвентаре, свидетельствующих, по мнению автора, о существовании определенной генетической преемственности между ними (Марсадолов, 1997а, с. 22–24, 42; 1999). В целом же этногенетическое развитие «пазырыкцев» происходило в несколько этапов по следующей схеме: Синташта (Синташтинский могильник, погребения 10, 16 – XVII–XVI вв. до н.э.) – памятники срубной культуры (XV–XII вв. до н.э.) – переходные памятники (XI–IX вв. до н.э.) – киммерийцы, Гордион (VIII–VII вв. до н.э.) – «пазырыкцы» (VI–IV вв. до н.э.) (Марсадолов, 1997б, с. 80).

В предложенной концепции исследователь попытался отразить сложную картину культурно-исторического развития кочевников этого региона. Ученый вполне правомерно указал на приток населения на Алтай после известных исторических событий. Следует особое внимание обратить на данные, свидетельствующие о перемещении сакских племен в данный регион в VII – начале VI вв. до н.э. (Шульга, 1998а, с. 709). Существование таких этнокультурных связей подтверждается материалами Алтая, Казахстана и Восточного Туркестана (Шульга, 1997, 1998а; Литвинский, 1984, с. 13–14; Литвинский, Погребова, Раевский, 1985; Погребова, Раевский,

1988, 1992; и др.). Нужно также отметить перспективность комплексного подхода Л.С. Марсадолова к датированию памятников с привлечением методов естественных наук и данных археологии. Создание абсолютной дендрохронологической шкалы позволит существенно продвинуться в решении проблем культурно-хронологического характера (Тишкин, Дашковский, 2003б, 2004).

Довольно широкомасштабные исследования были проведены Институтом археологии и этнографии СО РАН в Горном Алтае на плоскогорье Укок в 1990-е гг. (Деревянко, Молодин, Савинов и др., 1994; Полосьмак, 1994, 2001; Полосьмак, Молодин, 2000; и мн. др.). При раскопках археологических памятников в Бертекской долине была отработана основная схема получения и дальнейшего изучения большого массива различной информации. Опыт такой деятельности показателен и заслуживает внимательного изучения, тем более, что материалы полностью и качественно опубликованы. Этот масштабный проект носил междисциплинарный характер и решал целый ряд фундаментальных задач (получение уникальных данных, рассмотрение проблем взаимодействия культур, выяснение роли кочевого скотоводства и др.). Международный уровень работ отражали привлеченные зарубежные инвестиции и участие значительного количества иностранных специалистов. В изучении древних памятников принимали участие ученые из Японии, Бельгии, Англии, США, Франции, Южной Кореи (Древние культуры..., 1994, с. 3–4). Долина Бертека небольшая, но чрезвычайно богатая памятниками. Археологические объекты были соответствующим образом зафиксированы при производстве инструментальной съемки местности. Раскопанные за короткий срок памятники предоставили возможность разработать хроностратиграфию освоения и использования людьми плоскогорья Укок (Деревянко, Молодин, Савинов и др., 1994). Однако полученная культурно-хронологическая схема имела незаполненные лакуны. Это вполне объяснимо локальностью микрорайона, а также пространственной обособленностью всего плоскогорья. Следует учитывать и геоморфологическую специфику выбранной для исследования территории. Дело в том, что в периоды сильных похолоданий Укок не был пригоден для обитания. Поэтому, вероятно, не удалось обнаружить памятники эпохи развитой бронзы. Общая схема выявленных древних культур долины Бертек выглядела следующим образом: афанасьевская культура, начальный этап эпохи раннего железа, пазырыкская

культура, гунно-сарматское время, древнетюркское время, позднее средневековье (Древние культуры..., 1994, с. 223).

В 1990–1995 гг. Западно-Сибирский отряд Северо-Азиатской Комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН под общим руководством академика В.И. Молодина в рамках международной программы «Пазырык» проводил широкомасштабные работы на высокогорном плато Укок (Юго-Восточный Алтай). За короткий срок была составлена археологическая карта микро-района, где выявлено более 100 разновременных и разнокультурных объектов (Молодин, Полосьмак, Новиков и др., 2004), часть из которых исследована за шесть лет работ. Приоритетным направлением было изучение пазырыкских памятников, хотя получены материалы и по другим эпохам. Исследования позволили представить концепцию происхождения и развития пазырыкской культуры (Молодин, 2000а). Полученные группой археологов во главе с В.И. Молодиным результаты работ на плато Укок были использованы позднее исследователями при культурно-исторических интерпретациях и реконструкциях.

Работы на Укоке дали материалы, которые отражены в нескольких монографиях и в огромном количестве статей. Исследования, проведенные на высоком современном уровне, позволили серьезным образом продвинуться в решении многих вопросов и обозначить новые проблемы. К сожалению, специальная культурно-хронологическая систематизация не была проведена. «Периодизация древних культур плоскогорья Укок», представленная в виде таблицы, отражает следующую схему общего плана (Молодин, Полосьмак, Новиков и др., 2004, с. 223):

«Палеолит.

Эпоха бронзы: афанасьевская культура (конец IV – начало II тыс. до н.э.); ранняя бронза (II тыс. до н.э.); поздняя бронза (конец II – начало I тыс. до н.э.).

Эпоха раннего железа: раннескифское время (VIII–VII вв. до н.э.); пазырыкская культура/кара-кобинская культура (VI–II вв. до н.э.); гунно-сарматское время (II в. до н.э. – V в. н.э.).

Эпоха средневековья: древнетюркское время (VI–XI вв. н.э.); монгольское время (XII–XIV вв. н.э.).

XV–XVI вв. и XVII–XVIII вв.».

В 1997 г. В.Д. Кубарев защитил докторскую диссертацию «Древние кочевники Восточного Алтая». Под руководством исследова-

дователя проведены раскопки на многочисленных памятниках раннего железного века и средневековья. Кроме этого, в течение ряда лет он занимается целенаправленным изучением петроглифов Алтая и Монголии. Полученные результаты отражены исследователем в многочисленных книгах и статьях.

Первоначально при решении культурно-хронологических проблем развития кочевников Горного Алтая В.Д. Кубарев опирался на трехэтапную периодизацию скифской эпохи, предложенную М.П. Грязновым (1939). Вместе с тем в ряде работ он отметил, что имеющиеся материалы позволяют пересмотреть датировку «шибинского этапа» и сузить ее до II–I вв. до н.э. При этом исследователь подчеркнул, что нет особой необходимости в переименовании «шибинского» этапа в другой, например, в «уландрыкский» (Кызласов, 1979, с. 119), поскольку ничего кроме терминологической путаницы это не принесет (Кубарев, 1987, с. 131). В.Д. Кубарев выступил также против попытки В.А. Могильникова и А.С. Суразакова выделить кара-кобинскую культуру, синхронную пазырыкской культуре. По мнению ученого, более правомерно говорить о существовании в Горном Алтае в VI–II вв. до н.э. одной пазырыкской культуры с разными типами погребений (Кубарев, 1992б, с. 115–116). Отметим отдельную работу В.Д. Кубарева по накоплению и систематизации материалов тюркского времени.

После провозглашения независимости Республики Казахстан начался новый период в изучении археологами скифской эпохи горных районов Восточного Казахстана. Повышение интереса к этому периоду связано с попыткой руководства страны выработать при поддержке научных кругов и общественности единую национальную концепцию истории казахского народа. Для реализации этой задачи был осуществлен целый комплекс мероприятий при поддержке правительства Республики Казахстан. В частности, научным сотрудником Института археологии Академии наук Республики Казахстан З.С. Самашевым во 2-й половине 1990-х гг. был разработан проект «Скифо-сакская культура Казахстанского Алтая: проблемы генезиса и преемственности культур». Данный проект предполагал комплексное изучение культуры скотоводов этого региона с привлечением разработок и достижений как естественных, так и гуманитарных наук. Начиная с 1997 г. под руководством З.С. Самашева началось регулярное исследование курганов кочевников на могильниках Берель, Тар Асу-I, Майэмир и др. Для более

успешного выполнения проекта был создан Общественный фонд поддержки историко-археологических памятников и культурного наследия «Берел». Предварительные результаты работы в этом направлении уже нашли свое отражение в серии печатных работ (Самашев, Франкфорт, Ермолаева и др., 1998; Самашев, Жумабекова, Сунгатай, 1999; Самашев, Базарбаева, Жумабекова, Сунгатай, 2000; Горбунов, Самашев, Северский, 2000; Самашев, Фаизов, Базарбаева, 2001; и др.).

Как уже было указано, в 1980-е гг. резко увеличились масштабы раскопок памятников скифской эпохи, что было связано с процессом строительства в Горном Алтае различных объектов народного хозяйства. В эти годы там работают археологические отряды из различных научных учреждений городов России. Накопление новых материалов по этому периоду позволило ученым приступить к осмыслению полученных данных и реконструкции культурно-исторической ситуации в регионе.

Среди исследователей памятников скифской эпохи Алтая следует еще отметить П.И. Шульгу. Археолог неоднократно проводил раскопки поселений и курганных могильников указанного периода (Шульга, 1995, 1996, 1998г и др.). Значительное внимание в своих работах П.И. Шульга (1986, 1998г и др.) уделил изучению этнокультурной истории этого региона. В одной из них он сформулировал вывод о том, что пазырыкская культура (VI–III вв. до н.э.) сформировалась, с одной стороны, под влиянием внешнего импульса (Марсадолов, 1997), а с другой – от «куюмцев», «семисартцев» и от раннескифского населения предгорий и примыкающих южных территорий. Из этого следует, что «смена раннескифской культуры пазырыкской не означала массовой смены населения Горного Алтая». В свою очередь сооружение в середине VI в. до н.э. «грандиозных курганов (Туэкта, Башадар) в Центральном Алтае означает, что уже к этому времени данная территория являлась священной для «пазырыкцев», их «геррами» (Шульга, 1999, с. 248).

Исследователь также предложил выделить, кроме кара-кобинского и пазырыкского типов памятников, еще и третий тип, не давая ему определенного названия. Основными особенностями нового типа являются захоронения (часто парные) в срубках, деревянных рамах и сооружения из камня с деревянным перекрытием; умершие ориентированы на восток или юго-восток; расположение инвентаря во всех погребениях одинаково (Шульга, 1999, с. 247;

2002). Проблема выделения новых типов погребальных памятников требует отдельного рассмотрения. В данном случае следует лишь отметить, что отнесение разных типов погребальных сооружений к одному типу погребения представляется не совсем правомерным. Это связано с тем, что в контексте разработанного отечественными археологами традиционного подхода к погребальному обряду пазырыкской культуры погребальные конструкции являются, если не единственным, то наиболее определяющим показателем при выделении конкретного типа захоронения (Дашковский, 2001б).

В 80–90 гг. XX в. на территории Горного Алтая активное изучение памятников скифской эпохи проводились экспедициями Алтайского госуниверситета. В результате были исследованы могильники Тыткескень-I, VI, Тогусхан-I, IV, Бийке и многие другие (Кирюшин, Тишкин, 1997; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003). Это дало возможность существенным образом продвинуться в решении многих ранее обозначенных проблем (Тишкин, 1994а).

Учитывая развитие элементов конского снаряжения, удалось выделить в рамках раннескифского времени три хронологических периода развития своеобразной культуры: 1) ранний (конец IX – середина VIII вв. до н.э.); 2) средний (середина VIII – начало или середина VII вв. до н.э.); 3) поздний (середина VII – вторая или третья четверть VI вв. до н.э.) (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 112). Наибольшее сходство изученного материала наблюдалось с данными из соседних регионов, особенно из Тувы (алды-бельская культура). Истоки формирования зафиксированных традиций, вероятно, следует искать там, а также в Северо-Западной Монголии и в ближайших к Алтаю районах Китая и Казахстана. Кроме этого, подтвердилось ранее отмеченное отличие между памятниками раннескифской эпохи и пазырыкской культуры (Марсадолов, 1985; Степанова, 1986). Такой генетический перелом произошел не позднее 2-й – 3-й четверти VI в. до н.э. Тем самым был поставлен вопрос о существовании в Горном Алтае особой культуры раннескифского времени. Название ее было обозначено в 1999 г. на конференции в г. Барнауле (Кирюшин, Тишкин, 1999).

Историю изучения скифской эпохи Алтая (конец IX–III вв. до н.э.) сейчас можно разделить на три этапа: 1) дореволюционный (XVII – начало XX вв.); 2) советский (20-е – 80-е гг. XX в.); 3) современный (с середины 1980-х гг. до нынешних дней). Каждый этап ознаменован конкретными историческими событиями, проис-

ходившими в стране, а также определенной степенью изученности археологического материала. Накопленная источниковая база по пазырыкской культуре позволяет в настоящее время ограничиться раскопками лишь в слабоизученных районах Алтая и предгорьях. Кроме того, следует активнее привлекать материалы с поселений раннего железного века, для чего целесообразно разработать специальную исследовательскую программу (Кирюшин, Тишкин, 1999).

Следует отметить, что анализ культурно-хронологической ситуации на Алтае в скифское время построен главным образом на материале погребений, но постепенно начинают привлекать результаты раскопок синхронных поселений. Это привело к возникновению целого комплекса проблем, связанных с изучением самих этих поселений, в том числе установление их датировки и культурной принадлежности (Шульга, 1995; Абдулганеев, 1998; Дашковский, 1998; и др.).

Рассматривая проблемы этнокультурного развития кочевников Горного Алтая в раннем железном веке, необходимо отметить сложение двух противоположенных тенденций в современной науке в связи с изучением скифской архаики в целом. С одной стороны, некоторые исследователи пытаются «удревнить» памятники скифской эпохи, используя для этого во многих случаях, кроме традиционных археологических источников, данные дендрохронологического и радиоуглеродного анализа (Марсадалов, 1996, с. 48; Марсадалов, Зайцева, Лебедева, 1994; Марсадалов, Зайцева и др., 1996; Исмагилов, 1989, 1993; и др.). С другой стороны, вторая группа ученых, опираясь на анализ предметов вещевого комплекса и письменные источники, настаивает на необходимости «омоложения» скифских памятников Евразии, в том числе и пазырыкских курганов (Погребова, 1993; Раевский, 1993; Тохтасьев, 1993; Чугунов, 1993; Раев, 1984; Членова, 1997; и др.).

В представленном выше обзоре значительное место уделено скифской эпохе и почти ничего не сказано о следующем периоде истории так называемом гунно-сарматском времени. Количество раскопанных погребений этого периода на Алтае превышает число исследованных захоронений пазырыкской культуры. Однако осмысление накопленных в основном за последние два десятилетия данных, в отличие от обширной истории изучения скифской эпохи, только начинается. Более подробно существующие взгляды на

культурно-хронологические проблемы будут изложены в третьей главе раздела II.

По мере исследования на Алтае новых памятников открывались возможности для дальнейшего изучения вопросов хронологии и периодизации культуры скотоводов эпохи поздней древности и средневековья.

В заключение этой главы стоит обратить внимание на особую роль для нашей темы обобщающих трудов, где изложены многолетние исследования, в том числе по разработке культурно-хронологических схем.

В «Истории Сибири» (1968) был аккумулирован имевшийся опыт историко-археологической периодизации. В томе, посвященном Древней Сибири, определены два раздела («Эпоха первобытной общины» и «Племенные союзы и первые государства»), в которых последовательно по главам дана такая схема:

Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита.

Сибирь в новокаменном веке. Эпоха неолита.

Сибирь в бронзовом веке.

Сибирь в раннем железном веке. Первые племенные союзы.

Тюрки Сибири в VI–X вв. Первые государства.

Дальний Восток в эпоху тунгусских государств. Бохай и Золотая империя (чжурчжени).

Народы Сибири перед присоединением к Русскому государству.

Остальные обозначения отражали названия известных археологических культур и народов или представляли степень изученности конкретного региона в рамках обозначенных периодов. В указанных информационных блоках изложен значительный объем сведений, накопленный к тому времени. Указанный труд являлся определенным опытом структурирования древнейшей, древней и средневековой истории огромного региона (Северной Азии).

В 1981 г. опубликован том «Степи Евразии в эпоху средневековья» в серии «Археология СССР», где во введении изложена периодизация, которая имела огромное значение для развития отечественной медиевистики. Там были обозначены три периода/этапа широко используемой схемы: раннее средневековье (конец IV – 1-я половина X вв. – от эпохи великого переселения народов до «сельджукского» движения), развитое средневековье (2-я половина X – 1-я половина XIV вв. – до гибели Золотой Орды) и позднее средневековье (Плетнева, 1981, Степи Евразии..., 1981, с. 303). По-

следний этап, как правильно заметила С.А. Плетнева (1981, с. 8), – отдельная большая тема, тесно связанная и переплетенная с этнографическими материалами и имеющая многочисленные письменные источники, а археологические материалы уже не главные.

В 1992 г. вышел очередной том «Археологии СССР». Он был назван «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время». До выхода этого издания периодизация раннего железного века европейской и отчасти азиатской территории включала в себя такие периоды: предскифский VIII–VII вв. до н.э., когда железные изделия употреблялись еще наряду с бронзовыми; скифский VII–III вв. до н.э. – время господства железных орудий труда и оружия; сарматский II в. до н.э. – IV в. н.э. (Мошкова, 1992, с. 7). Однако представленные в томе материалы существенным образом изменили эти традиционные установки. Оценка раздела, касающегося Алтая, будет приведена в следующей главе. Укажем лишь на один момент. Период развития кочевых обществ с момента их становления и до раннего средневековья (до V в. н.э.) был назван вслед за М.П. Грязновым эпохой ранних кочевников в отличие от эпохи поздних кочевников, охватывающей период от V н.э. «...до наших дней» (Мошкова, 1992, с. 5).

В «Археологическом словаре», подготовленном Г.Н. Матюшиным (1996, с. 200–201), в статье об археологической периодизации основное внимание уделено обозначению истории выделения этапов «древнекаменного века». Другие периоды представлены очень кратко и бессистемно.

Стоит сказать еще об одном издании, которое готовилось довольно длительное время. Только в 2002 г. вышел первый том «Истории Республики Алтай», в котором планировалось отразить древность и средневековье. Не вдаваясь в подробности и опуская критические замечания, только кратко представим использованную в книге периодизационную схему для демонстрации определенного уровня разработанности в данной области знаний в конце прошлого столетия по отношению к истории Алтая:

«Горный Алтай в древности: дочетвертичное время, четвертичный период, палеолит, мезолит, неолит, эпоха бронзы (ранняя, развитая, поздняя), майэмйское время, пазырыкское время, Горный Алтай в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э.

Горный Алтай в эпоху средневековья: древнетюркское время (период древнетюркских каганатов; период уйгурского каганата;

кыргызский период), Горный Алтай в монгольское время (XI–XIV, XV–XVI вв.); Горный Алтай в составе Джунгарии».

Представленная схема свидетельствует о том, что к началу XXI в. единая система изучения древней и средневековой истории Алтая так и не была разработана, несмотря на наличие локальных периодизаций отдельных культур. Поэтому попытаемся в следующем разделе хотя бы отчасти ликвидировать этот пробел, представив культурно-хронологическую концепцию по эпохе поздней древности и средневековья. В этом изложении более подробно будут отражены все заслуживающие внимание точки зрения, что обеспечит оптимальный на сегодняшний день вариант обозначения периодов, культур, этапов и т.д., опираясь на опыт такого вида научной деятельности.

Раздел II
СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ
ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ АЛТАЯ

Глава 1
БИЙКЕНСКАЯ КУЛЬТУРА (АРЖАНО-МАЙЭМИРСКОЕ ВРЕМЯ) :
ВЫДЕЛЕНИЕ, ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ВОПРОСЫ
ПРОИСХОЖДЕНИЯ

История археологического исследования Алтая насчитывает уже многие десятилетия. Однако вопросы происхождения, становления и развития культур скифо-сакского периода в этом регионе остаются до сих пор дискуссионными. Не решены эти проблемы современной скифологией и в объеме культурных границ существования древних народов Евразии этого времени, хотя такое изучение проводилось как на отдельном научно-исследовательском уровне (этнолингвистическом, археологическом, антропологическом, искусствоведческом, интерпретации данных письменных источников и др.), так и в их различной совокупности (Погребова, Раевский, 1992; Алексеев, 2003; и др.). Стоит заметить, что многие поставленные вопросы общей темы зачастую решались преимущественно по результатам изучения археологии Европейской Скифии, а затем уже использовались при исследовании других регионов. Такой подход имел свои положительные и отрицательные стороны, что являлось, на наш взгляд, объективно неизбежным в процессе развития научной мысли (Тишкин, 1994а).

История изучения основных аспектов скифской эпохи Алтая показала, что изменение научных представлений о культуре скотоводов этого региона происходило под влиянием двух основных факторов. Во-первых, исследование указанной проблематики было объективно обусловлено процессом накопления фактического материала, первичной его обработкой и систематизацией. Во-вторых, интерпретация полученных результатов и конкретные исторические реконструкции хозяйства, быта, религии, мировоззрения и социальной структуры кочевников оказались сопряжены с особенностями развития самой археологической науки в разные периоды истории нашей страны (Тишкин, Дашковский, 2004).

В начале 1990-х гг. в журнале «Российская археология» при содействии созданного при Институте археологии РАН координа-

ционного совета по проблеме «Скифо-сибирский мир: археологический феномен и историческое явление» развернулась широкая дискуссия по вопросам хронологии раннескифской культуры. Дело в том, что с накоплением новых материалов наметилась явная тенденция к удревнению наиболее ранних памятников скифского типа. Однако не были установлены твердые критерии для определения абсолютных дат при решении этой проблемы, хотя существовали научно обоснованные концепции относительной хронологии скифской культуры на территории Восточной Европы (Медведская, 1992; Мансфельд, 1992; Погребова, 1993; Раевский, 1993; Смирнова, 1993; Шер, 1993; и др.). Для Горного Алтая в тот период времени подобный уровень обобщений был практически не возможен, так как не хватало достаточного количества необходимого археологического материала. Перспективными в этом плане стали широкомасштабные исследования в зоне предполагавшегося строительства Катунской ГЭС, где изучено большое количество разновременных памятников. При введении в научный оборот этих полученных при раскопках и обследованиях материалов с конца 80-х гг. – начала 90-х гг. XX в. обозначалось несколько основных направлений в изучении эпохи раннего железного века Алтая.

Первое направление связано с исследованием вопросов хронологического и этнокультурного характера. Большинство современных археологов указывают на возможность выделения отдельных культур на территории Алтая раннескифского и пазырыкского времени, а также их локальных вариантов. Эти культуры довольно существенно отличались друг от друга по особенностям материального и духовного развития (Кирюшин, Тишкин, 1997, 1999; Марсадов, 2000а; Тишкин, 2003а; Тишкин, Дашковский, 2003а–б, 2005; и др.). Второе направление исследований посвящено изучению социально-экономических процессов, которые протекали в древних кочевых племенах Алтая. В рамках этого направления выработаны критерии, признаки и методики реконструкций, позволившие наметить социальную структуру населения скифской эпохи (Тишкин, Дашковский, 2003б; Социальная структура..., 2005). Третья крупная проблема связана с рассмотрением религиозно-мифологических и мировоззренческих представлений скотоводов на основе привлечения письменных, этнографических, мифологических и других источников. В настоящее время ученые практически единогласно отмечают, что религия кочевников Горного Алтая скифо-

сакского периода носила синкретичный характер, что нашло отражение в сложной обрядовой практике и в комплексе мировоззренческих идей (Полосьмак, 1997, 2001; Дашковский, 2002; Тишкин, Дашковский, 2003б; Тишкин, Леонова, 2005).

Среди отмеченных направлений нас будет интересовать формирование культурно-хронологических концепций и реконструкция этнокультурной истории древних народов Алтая. В связи с этим кратко рассмотрим процесс становления таких представлений в рамках евразийского и регионального изучения.

Еще несколько десятилетий назад в исторической науке период между VII и III вв. до н.э. было принято называть «скифским», а время, соответствующее началу железного века (с конца IX – начала VIII вв. до н.э. по VII в. до н.э.), – «предскифским». Некоторые археологи выделяли переходный период от бронзового века к железному, часто определяя его в рамках VIII – 1-й половины VII вв. до н.э. (Мелюкова, Мошкова, 1989, с. 5–7). Однако ряд исследователей (А.А. Иессен, М.П. Грязнов, Г.И. Смирнова и др.) не рассматривали предскифский период, а предлагали начинать скифскую эпоху с VIII в. до н.э., т.е. со времени распространения ранних кочевнических комплексов. В связи с этим стало широко использоваться понятие «раннескифское время», определяемое сначала в пределах VII–VI вв. до н.э., затем в рамках VIII–VI или IX–VI вв. до н.э. и отражаемое начальными этапами формирования культур скифского облика (Марсадолов, 1985, 2000а; Могильников, 1986а–б; Суразаков, 1989; Кирюшин, Тишкин, 1997; и др.). В настоящее время С.В. Махортных (2003) и некоторые другие исследователи период IX–VII вв. до н.э. по отношению к истории населения Северного Причерноморья и Центральной Европы называют «Киммерийским». Современному состоянию решения проблем хронологии киммерийских и раннескифских древностей посвящена специальная статья А.Ю. Скакова и В.Р. Эрлиха (2005). Становление периодизации истории Европейской Скифии подробно изложено в работах А.Ю. Алексеева (1998, 2003 и др.), где, опираясь на опыт своих предшественников, представлена наиболее дробная схема.

Во 2-й половине XX в. обозначился ряд культурно-хронологических концепций, направленных на решение проблем формирования и развития культур евразийских степей скифской эпохи (Степи..., 1989; Степная полоса..., 1992; Алексеев, 1998; Скорый, 2003). Предтечей их является разделение в 1918 г. А.А. Спицыным

данного периода истории на три этапа: старшескифский (2-я половина VII–VI вв. до н.э.), среднескифский (конец V–IV вв. до н.э.) и позднескифский (VI – 1-я половина III вв. до н.э.) (Степи..., 1989, с. 49). Такое же принципиальное деление в свое время предложил М.П. Грязнов, определив археологические памятники скифской эпохи Горного Алтая в три основные группы, соответствующие определенным этапам исторического развития (Тишкин, 1994а). Созданная концепция нашла отражение в параграфе «Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана», написанном для коллективного труда «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства». В этой работе, опираясь на археологические данные по Алтаю и сопредельным территориям, Михаил Петрович ввел в научный терминологический аппарат понятие формационного характера «эпоха ранних кочевников», которая охватывала восемь столетий (VII в. до н.э. – I в. н.э.) и подразделялась на три этапа: 1) майэмирский (VII–V вв. до н.э.); 2) пазырыкский (V–III вв. до н.э.); 3) шибинский (II в. до н.э. – I в. н.э.). Археологические материалы, характеризующие каждый из этапов, по мнению исследователя, позволили «...проследить последовательные изменения в хозяйственной и социальной жизни племен...» всей эпохи ранних кочевников (Грязнов, 1939, с. 400). По сути дела, М.П. Грязнов не делал принципиальной терминологической разницы между понятиями «эпоха ранних кочевников» и «культура ранних кочевников» (Тишкин, Дашковский, 2004, с. 45). Из этого следует, что в Горном Алтае на всем протяжении скифской эпохи существовала в представлении ученого одна общность, которая прошла в своем развитии три вышеуказанных этапа.

В работе 1939 г. М.П. Грязнов дал в общих чертах характеристику каждого из выделенных периодов. Основной особенностью майэмирского этапа являлось захоронение лошади в отдельной специальной яме, рядом с основной могилой погребенного человека. К памятникам этого временного отрезка относились курганы в Майэмирской степи и объекты, раскопанные под Солонечным Белком, а также на Куюме. Второй, пазырыкский этап, характеризовался такими инновациями в культуре, как освоение техникиковки железных орудий и оружия, сопроводительное захоронение лошади в одной могиле с покойником, изготовление оружия из бронзы уменьшенных размеров специально для погребения. К пазырыкскому этапу исследователь отнес курганы в Пазырыке, Туэкте и др.

Наконец, наибольшее число памятников отражали третий, шибинский, этап: Берель, Туэкта, Курай, Катанда, Шибе. М.П. Грязнов отмечал, что «...погребальный ритуал в курганах и состав положенных в могилу предметов...» остался такой же, как и на пазырыкском этапе. Однако полностью исчезли бронзовые орудия и оружие, на смену которым пришли предметы из железа. Исключение составили бронзовые наконечники стрел позднескифского типа. Было подчеркнуто, что предметы вооружения из железа сохранили форму бронзовых, а украшения из рога стали многочисленными и разнообразными (Грязнов, 1939, с. 407–408).

Развивая свои идеи, М.П. Грязнов 5 июля 1945 г. сделал на заседании сектора бронзы и раннего железа ИИМК доклад «Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае», позднее опубликованный в развернутом виде (Грязнов, 1947). Памятники майэмирского этапа (VII–V вв. до н.э.) он предложил выделять на основе трех основных признаков: 1) конструкция узды (со стремечковидными удилами и трехдырчатыми псалиями); 2) форма бронзовых зеркал с вертикальной стенкой-бортиком по краю и петелькой в виде плоского полукольца посередине; 3) полное отсутствие железных орудий (все бронзовые орудия имеют формы, близкие к карасукским). На этот раз указывались курганы и клад в Майэмирской степи, захоронения под Солонечным Белком, погребения в Усть-Куюме, комплекс бронзовых предметов от снаряжения верхового коня, обнаруженный близ Змеиногорска, еще два таких набора из Семипалатинского музея, а также случайные находки. Среди признаков, характеризовавших данный период, исследователь указал следующие: наличие лошади в отдельной могиле, архаичность «звериного стиля», отсутствие глиняной посуды, экономическая и социальная дифференциация общества, скотоводческая форма хозяйства (Грязнов, 1947, с. 9–14). Почти десять лет спустя М.П. Грязнов, опираясь на результаты своих раскопок на Ближних Елбанах, сузил дату майэмирского этапа до VII–VI вв. до н.э. Кроме того, он указал на различие и сходство между майэмирскими памятниками Горного Алтая и большереченскими Верхней Оби, которые ранее относились им к одной «культуре ранних кочевников» Алтая (Грязнов, 1956, с. 44–98).

После раскопок кургана Аржан в Туве М.П. Грязновым была пересмотрена дата памятников «начального этапа скифской культуры» на территории Евразии. Этот период времени на Алтае, на-

званный в 1978 г. особым (куртуским) этапом (VIII–VII вв. до н.э.), являлся предшествующим маймирскому и синхронным аржанскому типу памятников в Туве (Грязнов, 1978, с. 17). Рассмотренная выше схема, несмотря на определенную условность, имела большое значение при изучении скифской эпохи Алтая и используется некоторыми исследователями до сих пор.

Следующим значительным шагом в развитии проблемы периодизации стала статья М.П. Грязнова (1983), в которой период с IX по VII вв. до н.э. обозначен аржано-черногорской фазой сложения скифо-сибирских культур. Там дана подробная характеристика проявления общих черт в памятниках различных исторических областей евразийского пояса степей. Отмечая то, что Горный Алтай, несомненно, пережил такую начальную фазу и имел определенное своеобразие в данный период времени, все же археологические материалы, по мнению ученого, еще были совершенно недостаточны и фрагментарны для полного обоснования такого этапа (Грязнов, 1983, с. 9).

Кроме М.П. Грязнова, вопросами терминологии и периодизации скифской эпохи в свое время занимались и другие исследователи, проводившие раскопки в Сибири. Так, С.И. Руденко (1960, с. 164) «скифским временем» называл период с VII по IV вв. до н.э. без деления на этапы. С.И. Вайнштейн (1964, с. 25), устанавливая хронологию археологических памятников Тувы, обозначал период до V в. до н.э. «доскифским временем».

С.В. Киселев (1947, 1949, 1951) указал две стадии «скифообразной» маймирской культуры: раннюю (VII–VI вв. до н.э.) и позднюю (V–IV вв. до н.э.). Период с III по I вв. до н.э. он называл уже гунно-сарматским временем, включая туда пазырыкскую эпоху Алтая. Первую стадию маймирской культуры исследователь датировал VII–VI вв. до н.э. и вслед за М.П. Грязновым относил к ней находки А.В. Адрианова в Маймирской степи, в верховьях Бухтармы, под Солонечным Белком и у с. Черновая (Киселев, 1947, с. 158–161). Ученый отметил, что послекарасукское время на Алтае характеризуется развитием форм, весьма близких к древнетагарским. В обоих случаях «...для них характерно наличие, наряду с местными типами вещей и изображений, многих особенностей, близких к скифским архаической поры». При этом, как на основную особенность курганов VII–VI вв. до н.э., археолог указал на погребение человека вместе с конем, а также на отсутствие, как и в

древнетагарских памятниках, предметов из железа (Киселев, 1947, с. 160; 1951, с. 291).

Вторая стадия (V–IV вв. до н.э.) майэмирской культуры являлась, по мнению С.В. Киселева, синхронной пазырыкскому этапу, который выделил М.П. Грязнов. К позднемайэмирским памятникам исследователь отнес четыре кургана у с. Туехта (Туэкта. – *А.Т.*), раскопанных в 1937 г. Памятники обеих стадий объединяло «...полное сохранение курганной конструкции и обряда». Основное же отличие касалось комплекса вещей, значительное количество которых было изготовлено из железа. Ученый также обратил внимание на антропологические данные. В связи с этим он сделал предположение о проникновении в V–IV вв. до н.э. новых этнических групп на Алтай. В подтверждение своей точки зрения археолог указывал на резко выраженные монголоидные черты погребенных из кургана №6 могильника Туэкта. Учитывая южное происхождение монголоидного компонента, он подчеркивал, что именно через Туву и Северную Монголию развивались этнические и культурные связи Алтая с Центральной Азией и Дальним Востоком (Киселев, 1947, с. 161, 169, 170–171).

Определенным своеобразием отличалась схема культурно-хронологического развития скотоводов Алтая и Восточного Казахстана скифской эпохи, разработанная группой казахских археологов в составе К.А. Акишева, К.М. Байпакова, М.К. Кадырбаева, Б.Е. Кумекова и некоторых других исследователей (Тишкин, Дашковский, 2004, с. 104–105). В «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» (1977) М.К. Кадырбаев при поддержке своих коллег попытался обосновать выделение трех этапов развития культуры восточно-казахстанских племен эпохи раннего железа: 1) майэмирский – VII–VI вв. до н.э.; 2) берельский – V–IV вв. до н.э.; 3) кулажургинский – III–I вв. до н.э. Майэмирский этап, характеризовался практически так же, как это в свое время делал М.П. Грязнов (1947). Особое внимание уделено нескольким курганам памятника Курту-II, датированным С.С. Сорокиным (1966) более ранним, чем майэмирский этап, временем – IX–VIII вв. до н.э. (История..., 1977, с. 256–257). Решение проблемы культурно-хронологического определения памятников, не совсем вписывающихся в традиционную схему, оставлялось на последующий период изучения культуры «ранних кочевников».

В 1980-е гг. учеными предложено еще несколько культурно-хронологических концепций при осмыслении накопившегося ар-

хеологического материала. Хотя они оставались практически в рамках разработок М.П. Грязнова, все же появились новые обоснованные уточнения и предложения, особенно при рассмотрении начального этапа культуры скифской эпохи, так как от решения этой проблемы зависело дальнейшее понимание развития древнего общества на Алтае. В 1985 г. Л.С. Марсадолов разбил по времени возникновения памятники Горного Алтая на два больших культурно-хронологических этапа. Один из них (майэмирский) он предлагал датировать VIII–VII вв. до н.э., возможно, первой четвертью VI вв. до н.э., а другой этап (пазырыкский) условно ограничить VI–IV вв. до н.э. (Марсадолов, 1985, с. 10–11, 15). При этом в майэмирский период были включены две группы памятников («скорченники» и «вытянутые»), занимавшие разные районы Алтая. Свои выводы исследователь сделал на основе комплексного подхода при датировании материалов раскопанных курганов, для чего использовались данные археологии, дендрохронологии и радиоуглеродного анализа. Это позволило найти «опорные точки» (абсолютные даты), хронологические «индикаторы» (псалии, удила, пряжки) и выявить близкие группы памятников (Марсадолов, 1985). Кроме всего, было предложено синхронизировать с известными историческими датами и событиями изменения в формировании и развитии выделенных культурно-хронологических этапов.

Н.А. Боковенко начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая рассматривал (по материалам конского снаряжения) в рамках VIII–VII вв. до н.э., возможно, IX–VII вв. до н.э. По его мнению, формирование «скифских форм узды» относится к IX – началу VIII вв. до н.э. (Боковенко, 1986б, с. 18). При рассмотрении пяти вариантов погребального обряда всадников определенных территориально-хронологических рамок раннескифское время исследователь обозначил таким временным интервалом – IX–VI вв. до н.э. (Боковенко, 1986а, с. 47).

Появление даты IX в. до н.э. в хронологических периодах скифской эпохи связано с публикацией С.С. Сорокиным (1966, с. 43–47) материалов могильника Курту-II, а затем со статьей Ф.Х. Арслановой (1974, с. 46–60) и работой по проблемам датирования сакской культуры (Акишев К.А., Акишев А.К., 1979, с. 50). Предлагаемая столь ранняя дата начала скифо-сакской эпохи была принята далеко не всеми исследователями и требовала более четких обоснований, которые определенным образом обозначились после рас-

копок Аржана и получения радиоуглеродных датировок по образцам из него (Грязнов, 1980).

На конференции «Скифская эпоха Алтая», посвященной 100-летию со дня рождения С.И. Руденко, Н.Ф. Степанова, выделила «особый тип погребений в каменных ящиках», опираясь отчасти на результаты своих исследований и привлекая результаты работ других археологов. Она назвала его «куюмским», датировала раннескифским периодом (VIII–VI вв. до н.э.) и отметила отличия от памятников пазырьковского типа, что свидетельствовало о существовании двух культурных традиций (Степанова, 1986, с. 79–81). Выделение куюмского типа памятников являлось новым подходом в первоначальном культурно-хронологическом осмыслении полученных результатов после раскопок памятников скифской эпохи. Однако дальнейшего полноценного развития указанные идеи не получили, что привело позднее к возникновению искусственных схем, слабо наполненных конкретными археологическими материалами.

Развернутую картину собственного понимания этнокультурных процессов на Алтае представил в 1986 г. В.А. Могильников. Он предложил рассматривать в рамках раннескифского времени особую майэмирскую культуру, которая прошла в своем развитии два этапа: куртуский (VIII–VII вв. до н.э.) и майэмирский (VII–VI вв. до н.э.). При этом В.А. Могильников обозначил территорию распространения памятников этой культуры в рамках двух локальных вариантов: южный (куртуско-катонский) и северный (устькуюмский). Особо было подчеркнуто, что имевшиеся в то время материалы позволили только предварительно наметить различия между памятниками куртуского и майэмирского периодов. Для куртуского этапа Южного, Западного и Центрального Алтая характерны погребения людей под кольцевидными выкладками из крупных камней или валунов в неглубоких могилах, скорченно на левом боку, головой на северо-запад, в сопровождении лошади или без нее. Захоронение животного совершалось в отдельной яме, смежной с погребением человека. Памятники этого же этапа в северной и в отдельных районах центральной части Алтая имели практически аналогичные характеристики, но, по мнению В.А. Могильникова (1986а, с. 48–49), они отличались от предыдущих по ряду показателей: умерших хоронили в каменных ящиках, установленных в неглубоких ямах или на уровне древнего горизонта; погребенные,

как и в предшествующем случае, укладывались скорченно на левый бок, головой на северо-запад; при этом присутствовало сопроводительное захоронение лошади (или головы и конечностей животного) в отдельной яме или в смежном каменном ящике. Инвентаря в исследованных захоронениях куртуского этапа обнаружено немного. Что касается целостной характеристики собственно майэмирского этапа, то она в указанной работе В.А. Могильникова не приведена. Некоторые показатели отмечены лишь при рассмотрении отдельных памятников (большая глубина могил, наличие подбоя, захоронение лошади в одной могиле с человеком, инвентарь и др.). Разнообразие деталей погребального обряда объяснено неоднородностью населения Западного Алтая в VII–VI вв. до н.э., а также предположением о миграции в горы племен из степных районов, находившихся к юго-западу от них (Могильников, 1986а, с. 47–52). Следует указать, что для формулировки положений обозначенной концепции В.А. Могильников использовал в качестве фактического материала совсем небольшую источниковую базу, основанную на результатах собственных раскопок всего пяти погребений, часть которых была ограблена или оказалась без инвентаря. Кроме этого, привлекались материалы из 15 других разнообразных памятников. Такой подход не отражал объективной ситуации, поэтому, по мнению В.Д. Кубарева (1998, с. 77) и других исследователей, выделение майэмирских погребений в отдельную культуру в тот период было бы вряд ли целесообразно.

Однако, развивая свои идеи, В.А. Могильников (1986а, с. 53; 1988 и др.) отмечал, что на основе усть-куюмского локального варианта майэмирской общности сформировалась кара-кобинская культура V–III вв. до н.э., а пазырыкская с конца VI в. до н.э. представляла собой результат взаимодействия местного населения куртуского этапа южных, юго-западных и частично центральных районов Алтая и племен, пришедших из степей Казахстана. Исследователь указал, что пазырыкские памятники преобладают в Южном и Юго-Восточном Алтае: в верховьях Берели, Катуня до устья Чуи, в бассейне Чуи, на среднем и верхнем Чулышмане. Количество смешанных могильников, включающих пазырыкские и кара-кобинские объекты, увеличивается к нижнему течению Чуи. Собственно кара-кобинские памятники распространены преимущественно в Центральном Алтае (район средней Катуня и Урсула). Ученый полагал, что к VI–V вв. до н.э. «пазырыкские» племена установили

господство над автохтонным «кара-кобинским» населением Горного Алтая, частично смешались с ним и постепенно его ассимилировали. Об этом, по мнению В.А. Могильникова (1988, с. 72–77, 81, 83), свидетельствует расположение кара-кобинских курганов в одной цепочке с пазырыкскими, а также наличие сопроводительного захоронения лошади в погребениях с каменными ящиками. Необходимо указать еще на один важный момент, который был отмечен исследователем при рассмотрении этнокультурной ситуации на Алтае. Это касается проблемы контактов населения скифской эпохи с другими племенами. В этом плане выводы В.А. Могильникова (1986а, с. 47–48) выглядели следующим образом: «...можно предполагать, что миграция... в VII–VI вв. до н.э. из степных районов с юго-запада имела место, но ее размеры, характер взаимодействия с местным этническим субстратом и направления остаются неясными. Зато с достаточной определенностью можно утверждать, что последующее развитие культуры и этноса в VI–III вв. до н.э. пазырыкцев Горного Алтая и саков степей Восточного и Юго-Восточного Казахстана шло различными путями, хотя некоторые контакты между ними продолжали сохраняться».

Представленная В.А. Могильниковым схема этнокультурного развития населения Горного Алтая в раннем железном веке вызвала неоднозначные оценки у исследователей. Она выглядела слишком гипотетичной и в некотором плане искусственной, но не лишенной логичности и отражала своеобразный подход к культурно-хронологической проблеме формирования общностей скифской эпохи, определив задачи и направления дальнейших исследований (Тишкин, 1994а, с. 125; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 25–26; Тишкин, Дашковский, 2003б, 2005). Стоит еще заметить, что рассматриваемая концепция определенным образом соединяла ранее уже высказанные идеи М.П. Грязнова (1978, 1979, 1983, 1992), С.В. Киселева (1947, 1951), Л.С. Марсадолова (1981, 1985) и других археологов, что в общем-то можно считать закономерным. Точку зрения В.А. Могильникова в целом поддержали А.С. Суразаков (1988), П.И. Шульга (1998а, 1999), В.И. Молодин (2000а–б) и некоторые другие исследователи, дополнив ее содержание новым конкретным материалом. Однако, как справедливо заметил П.И. Шульга (2000, с. 149), указанная выше позиция известного археолога по поводу интерпретации немногочисленных материалов раннескифского времени «...не выдержала испытание временем и была пересмотрена».

В 1991 г. Д.Г. Савинов, указывая на возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени, представил схему последовательно сменявшихся археологических культур Горного Алтая. Появление первых памятников скифского типа (майэмирская культура; Курту) было им связано с 770 г. до н.э., когда закончилось существование государство Западное Чжоу, павшее под давлением кочевых племен из Центральной Азии, отмечен закат культуры херексуров в Монголии и каменнолоожского этапа карасукской культуры в Минусинской котловине. Первый (башадарский) этап пазырыкской культуры соотнесен с созданием Ахеменидской империи (550 г. до н.э.). Второй связан с усилением этой державы. 20-е гг. IV в. до н.э. отражали завоевания А. Македонского в Средней Азии. В Горном Алтае, по мнению Д.Г. Савинова (1991), это шибинский этап пазырыкской культуры и появление кара-кобинской культуры. Стоит заметить, что все это время рассматривалась доминирующей западная линия синхронизации, и лишь с 201 г. до н.э. (северный поход Маодуня) она сменилась на восточную (Савинов, 1991, с. 93–94). Отмеченные Д.Г. Савиновым, Л.С. Марсадоловым и ранее другими исследователями возможности определения событий, являвшихся источниками трансформации культуры населения Алтая в скифскую эпоху, представляются нам важными при рассмотрении и интерпретации археологического материала. Особенно это касается стадий переходных этапов от одной культуры к другой.

В 1992 г. на конференции «Проблема сохранения, использования и изучения памятников археологии» (г. Горно-Алтайск) Ю.Ф. Кирюшиным, М.Т. Абдулганеевым и С.В. Неверовым (1992), при подведении некоторых итогов работы Алтайского госуниверситета на Катуня, к майэмирскому этапу (VIII–VI вв. до н.э.) отнесены памятники Элекмонар-II, Бийке, Бойтыгем-II (куюмский тип), а к пазырыкскому (VI–IV вв. до н.э.) – Кайнду, Верх-Еланда-II, Тыткескень-I, VI. Тогда же В.А. Кочеев (1992, с. 51), называя ряд открытых и изученных памятников раннескифского времени Горного Алтая в бассейне нижнего и среднего течения Катуня, определил их в «...достаточно обособленную группу памятников, характерную именно для этого региона». Погребения в каменных ящиках (усть-куюмский тип) он разделил на две группы (1 – погребения в ящиках с сопроводительным захоронением коней; 2 – погребения

бения в ящиках без коней), отметив, что более детальная хронологическая разбивка возможна с накоплением большого фактического материала. Действительно, массовые раскопки памятников раннескифского времени на территории так называемой Средней Катуни позволили исследователям вплотную заняться более подробной и конкретной разработкой вопросов культурно-хронологического порядка.

В 1992 г. вышел очередной том серии «Археология СССР», названный «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время». Параграф «Алтай и приалтайская степь» для него был написан М.П. Грязновым (1992, с. 163), который по типам вещей и деталям погребального обряда памятники Горного Алтая разделил на четыре последовательных хронологических периода. Куртуский этап (VIII–VII вв. до н.э.) выделен по небольшой серии небогатых могил, случайно найденным орудиям и по «олненным» камням. Майэмирский этап (VII–VI вв. до н.э.) представлен несколькими курганами и случайными находками уздечных комплексов характерного типа. Пазырыкский этап (V–III вв. до н.э.) хорошо известен по малым курганам и по серии царских могил в Пазырыке, Туэкте и Башадаре. Шибинский этап (II в. до н.э. – I в. н.э.) демонстрировали материалы разных курганов, в том числе «царских» в Катанде, Шибе и Береле. Подобная периодизация, даже учитывая сроки подготовки тома, явно запоздала по своему схематическому решению культурно-хронологических проблем скифской эпохи. Весьма актуальны примечания о том, что М.П. Грязнов понимал искусственность деления особенно двух первых этапов, не отражавших реальных исторических событий, и то, что наличие начальной фазы культуры ранних кочевников носило в его последних работах гипотетичный характер (Степная полоса..., 1992, с. 164). Исходя из того, что трудно было отделить майэмирский этап от куртуского, а с накоплением материалов характеристика майэмирского этапа могла измениться, как и его название, так как памятник, давший это обозначение (Майэмир), оказался включен в предшествующий этап, то авторы тома предложили ранний этап считать куртуско-майэмирским в рамках VIII–VI вв. до н.э. (Степная полоса..., 1992, с. 164–166). Данный подход, на наш взгляд, не являлся решением проблемы даже в рамках простой характеристики культуры, а наоборот, приводил к новым искусственным терминам и условиям, в которых как раз и терялась тенденция уста-

новления хронологической последовательности, а может быть и культурной преемственности исследованных археологических памятников (Тишкин, 1994а). В рассмотренном издании раздел, посвященный Алтаю, в настоящее время больше важен как свод накопленного к тому времени конкретного материала, а не как отражение определенных теоретических разработок и положений.

Проблема датировки памятников эпохи раннего железа восточной части евразийских степей нашла отражение во многих научных публикациях. Одной из работ, посвященной указанной теме, является монография Н.Л. Членовой (1997) «Скифы и Центральная Азия. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира». В ней исследовательница подробно рассматривает хронологию «опорных» курганов скифской эпохи (прежде всего Аржана) на основе традиционного анализа археологических источников. В результате Наталья Львовна, как и в предыдущих своих публикациях, настаивает на необходимости пересмотреть датировку кургана Аржан в сторону его «омоложения» до VII–VI вв. до н.э. (Членова, 1997, с. 26 и др.). Обозначенный подход Н.Л. Членовой к решению проблемы хронологии через установление аналогий отдельным предметам вещевого комплекса, при игнорировании других методов, не позволяет в должной мере решать проблемы культурно-хронологического характера на современном этапе развития науки (Дашковский, 2001). В этом плане стоит привести и такой совсем не давно сформулированный вывод: «Форма калибровочной кривой и результаты датирования образцов кургана Аржан-1 свидетельствует о том, что он не может быть датирован временем позднее 780–750 гг. до н.э., т.е. **предлагаемая ранее Н.Л. Членовой датировка VII в. до н.э. полностью исключается** (Евразия..., 2005, с. 88).

Результаты многолетних исследований древностей скифской эпохи нашли отражение в статьях, монографиях и материалах целого ряда научных форумов различного уровня (Матющенко, 2001б). Определенным образом они были подведены на состоявшейся в марте 1999 г. Международной научной конференции, которая прошла в Барнауле и соответственно называлась «Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий». Это позволило не только обозначить ряд современных аспектов изучения древней истории кочевников Восточного Казахстана, Южной и Западной Сибири, но существенно продвинуться в понимании их.

В этом процессе важную роль сыграли исследователи, которые получили существенные результаты при проведении археологических изысканий: Л.С. Марсадолов, В.А. Могильников, Д.Г. Савинов, В.Д. Кубарев, А.С. Суразаков, Н.В. Полосьмак и некоторые другие.

На указанном форуме Ю.Ф. Кирюшин и А.А. Тишкин (1999) выступили с инициативой выделить на Алтае бийкенскую культуру (конец IX–VI вв. до н.э.), а понятие «майэмирская культура» в ходе коллективных обсуждений было закреплено за памятниками западных и северо-западных предгорий. Данные предложения встретили как поддержку, так и критику со стороны коллег. Но постепенно исследователи стали склоняться к указанной точке зрения (Марсадолов, 2000а, 2001; Шульга, 2000; Дашковский, 2001, 2002; и др.).

Из работ по рассматриваемой тематике стоит отметить статью Н.А. Боковенко (2004), в которой представлена хронология памятников раннескифского времени Южной Сибири и Центральной Азии. Наибольшее внимание автор уделил археологическим периодизациям разных культурно-исторических областей (Минусинская котловина, Алтай, Тува) и привел данные радиоуглеродного датирования. К сожалению, он не учел многочисленные материалы, полученные при проведении археологических раскопок на Алтае в конце 1990-х – начале 2000 гг., а также результаты современных культурно-хронологических разработок.

Изучение культуры населения раннескифского (раннесакско-го) времени Южной Сибири и сопредельных территорий является важным направлением в исследованиях, связанных со становлением и развитием в Азии номадизма. Именно на этом этапе происходил поиск оптимальных форм в материальной, хозяйственной, общественной и духовной сфере жизни людей, что нашло отражение в культурах последующих эпох. Несмотря на имеющиеся результаты, многие проблемы до сих пор остаются за рамками необходимых решений и интерпретаций. Это связано в первую очередь с количественной и качественной ограниченностью круга источников, а также со слабым внедрением междисциплинарного подхода, который обеспечивает получение значительного объема объективной информации и расширяет перспективы научной деятельности. Тем не менее исследователи, основываясь на доступные им материалы и имеющиеся возможности, демонстрируют свое понимание происходивших культурно-исторических процессов. Такие работы аккумулируют накопленные сведения, способствуют продвижению

понимания многих вопросов общего и частного характера, а также создают условия для дальнейшей модификации представленных культурно-хронологических схем. Последнее происходит, как правило, при накоплении новых данных, когда его количество позволяет сделать более качественное оформление системы знаний о том или ином древнем обществе. Это обычная процедура в исследовательской практике, но реализация ее занимает разное время. Возврат к ранее представленным идеям и их проверка на другом уровне – необходимый подход при решении актуальных проблем древней истории. И схеме, предлагаемой нами в данной монографии, также предстоит пройти испытание временем. Она может быть уточнена и дополнена или вообще заменена другой концепцией при опоре на более совершенные результаты работ.

Учитывая весь изложенный выше исследовательский опыт, начнем представление нашей культурно-хронологической схемы истории развития древних и средневековых народов Алтая с характеристики **бийкенской** археологической культуры раннескифского времени, которая выделена и начала наполняться конкретным содержанием совсем недавно (Кирюшин, Тишкин, 1997, 1999, с. 74; Тишкин, 1994б, 1996а, б, г; 1997б; 2003а, 2005а, в, ж; Тишкин, Дашковский, 2003б, 2004; Тишкин, Леонова, 2003, 2005; и др.), хотя проблема ее обозначения наметилась немного раньше (Марсадолов, 1985, с. 11–12; 1987, 102–103; Могильников, 1986а–б; Тишкин, 1994а, 1996а–б). Сейчас представляется реальным назвать и охарактеризовать этапы развития хорошо фиксируемого явления. Первая попытка наметить такое деление была осуществлена автором книги (Тишкин, 1996б, с. 17–18, 26) и нашла отражение в монографии, специально посвященной изучению культуры населения Алтая раннескифского времени (Кирюшин, Тишкин, 1997). Тогда за основу условной периодизации предлагалось использовать процесс формирования и совершенствования элементов конского снаряжения, как наиболее массовых и хронологически значимых изделий. В настоящее время предпринят новый подход, основой реализации которого стала систематизация всего известного вещевого комплекса из исследованных памятников Горного Алтая, а также сопоставление зафиксированных особенностей погребального обряда (Тишкин, 2005а, в, ж; 2006б, в). Это позволило обозначить этапы, опираясь на материалы наиболее изученных и характерных объектов. Выделенные хронологические группы соотнесены с известны-

ми историческими событиями, которые произошли в Азии и отражены в письменных источниках (Савинов, 2002; Тишкин, Горбунов, 2005б). Следует отметить, что проделанная работа, несмотря на имеющиеся уточнения, в общем, подтвердила ранее намеченные тенденции, а также обобщила опыт подобных построений и разных размышлений. Тем не менее исследования в выбранном направлении будут продолжены, но уже на несколько ином уровне. Представленная ниже схема поэтапного развития бийкенской культуры, в которой отмечен процесс привнесения новаций, является определенной стадией изучения материалов из более 200 курганов (см. список памятников в приложении). Анализ хорошо известного предметного комплекса уже неоднократно осуществлялся автором в ряде публикаций (Тишкин, 1996а–б; 1999, 2005б и др.; Тишкин, Горбунов, 2005; Кирюшин, Тишкин, 1997). Поэтому его подробная характеристика здесь не отражена, а будет представлена в отдельной работе.

Самым ранним памятником Алтая с захоронением человека с лошадьё является курганный могильник Курту-II, раскопанный С.С. Сорокиным (1966) и датированный по найденным псалям не позже VIII вв. до н.э. Наиболее близко к нему в территориальном и хронологическом отношении располагался интереснейший погребальный комплекс с «оленными» камнями Ак-Алаха-II (Полосьмак, 1993), где зафиксированы показательные элементы конского снаряжения. Указанные объекты локализуются на юге Горного Алтая (в верховьях Бухтармы и на плато Укок). Подобные, но безынвентарные погребения исследованы в Чуйской котловине и на других территориях к северо-западу от нее. Ранний этап бийкенской культуры, за которым оставлено уже обозначенное ранее название *куртуский*, рассматривается нами предварительно, так как пока исследована небольшая серия курганов и найдено немного предметов. Хронологически период определен концом IX – 1-й половиной VIII вв. до н.э. Обнаруженный инвентарь находит аналогии в кургане Аржан и в других синхронных ему памятниках (Грязнов, 1980; Марсадолов, 2000а).

Выделенный этап синхронизируется с целым рядом хорошо датированных исторических событий: 826–781 гг. – правление Сюань-вана (Западный Чжоу), в ходе которого были организованы походы на северные племена с целью покорения их; около 800 г. до н.э. в степях Центральной Азии разразилась жесточайшая засуха, спровоцировавшая подвижку скотоводческого населения;

781–770 гг. до н.э. – время правления Ю-вана, закончившееся разгромом его кочевыми племенами, переносом столицы Чжоу на восток и образованием государства Восточное Чжоу (Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 159).

Большинство исследованных археологических комплексов бийкенской культуры отнесено нами к *семисартскому* этапу и датируется 2-й половиной VIII – 1-й половиной VII вв. до н.э. При всех имеющихся общих чертах можно отметить многообразие типов погребальных сооружений, что свидетельствует о расширении и локальных особенностях культуры населения, проживавшего в Горном Алтае (Кирюшин, Тишкин, 1997). Этап назван по памятнику Семисарт-I, исследованному Л.С. Марсадоловым (2001) в Центральном Алтае и полностью опубликованному. Начало указанного периода, возможно, связано с падением в Китае династии Западное Чжоу в 770 г. до н.э. (Савинов, 2002), что стало причиной массовых миграций. Примерно к 750 г. до н.э. завершился распад государственно-административной системы указанной державы. После этого исследователями отмечается период стабилизации в Китае, что, вероятно, способствовало и благоприятному развитию кочевых племен. Еще одним положительным фактором стала смена экологических эпох в Азии, отмеченная после 750 г. до н.э. Практически на всей территории Горного Алтая обнаружены и изучены курганы семисартского этапа бийкенской культуры. Наибольшая плотность памятников фиксируется в долине Катуня (Кирюшин, Тишкин, 1997). Прослеживаются контакты с носителями соседней майэмирской культуры, памятники которой открыты и исследовались в западных и северо-западных предгорьях Алтая (Шульга, 2000, 2003 и др.; Тишкин, 2003а). Эти отношения носили, по всей видимости, относительно мирный характер. Следует указать, что в погребениях бийкенской культуры обнаружено очень мало предметов вооружения. Отметим небольшую коллекцию случайно обнаруженных кинжалов и других изделий рассматриваемого комплекса.

Опосредованное влияние на развитие культур раннескифского круга в рассматриваемый период могли оказать события, произошедшие на Ближнем Востоке. В 679 г. до н.э. киммерийцы совершили неудачный поход против Ассирии, а около 670–660 гг. до н.э. началась миграция скифов из Передней Азии (Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 159).

Заключительный этап бийкенской культуры обозначен нами *бойтыгемским* и датирован 2-й половиной VII – 2–3-й четвертью

VI вв. до н.э. Несмотря на то, что в указанное время отмечаются ранее существовавшие признаки погребальной обрядности, фиксируются и заметные изменения. Это проявляется и в вещевом комплексе. Такой процесс, на наш взгляд, связан с приходом нового населения и находит отражение не только на памятнике Бойтыгем-II (Абдулганеев, 1994), а на всей территории Горного Алтая (Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 159). Материалы бойтыгемского этапа могут быть сопоставлены с хорошо датированным комплексом царского кургана Аржан-2 в Туве (Чугунов, 2004; Евразия..., 2005), а также с другими синхронными ему памятниками. В Передней Азии в указанный отрезок времени происходили события, которые в определенной мере повлияли на этнокультурную ситуацию в евразийских степях. Стоит указать на ряд исторически установленных дат (Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 159). Со 2-й половины VII в. до н.э. образуются и существуют два государства – Мидия (ок. 650–550 гг. до н.э.) и Лидия (ок. 650–546 гг. до н.э.). Отношения между ними составляют историческую канву. Примерно в 644 г. до н.э. киммерийцы захватили столицу Лидии, а с 630 г. началась «гегемония скифов» в Передней Азии. Важными являются и такие события, как падение Новоассирийской державы (612 г. до н.э.), «изгнание киммерийцев из Азии» (ок. 600 г. до н.э.) и завершение мидийско-лидийской войны.

Окончание существования бийкенской культуры маркируют ранние памятники пазырыкской эпохи (Марсадолов, 2000а). Эти события могут соотноситься с предшествующими событиями и процессом образования державы Ахеменидов в Передней Азии (Савинов, 2002), что отразилось появлением на Алтае очередных мигрантов, радикально изменивших облик кочевого мира южно-сибирского региона.

Происхождение рассматриваемой нами культуры раннескифского времени еще до конца не выяснено и является довольно сложной проблемой. В процесс археологического изучения памятников и интерпретации полученных данных в этом плане был сформулирован ряд объяснений, которые отражают разные подходы (Могильников, 1986а; Суразаков, 1988; Тишкин, 1994а; Кирюшин, Тишкин, 1997; Молодин, 2000а; Тишкин, 2003а, 2005в, ж; Тишкин, Дашковский, 2003б, 2005; и др.). Понятно, что бийкенская культура развивалась непосредственно в Горном Алтае. Однако исходные компоненты до этого, по всей видимости, находились за его преде-

лами. По крайней мере, памятники эпохи поздней бронзы, с которыми можно было бы их связать, в горах пока не обнаружены.

Попытки «дотянуть» существование афанасьевской культуры эпохи энеолита–ранней бронзы до раннескифского времени выглядят в настоящее время некорректными. Остановимся подробнее на этом «популярном», но менее всего обеспеченном реальными фактами предположении. В свое время М.П. Грязнов (1955, с. 28) высказал такую гипотезу в связи с тем, что в горных районах Алтая отсутствовали какие-либо материалы развитой и поздней бронзы. Эта идея, по мнению В.Д. Кубарева (2001, с. 121), «с завидным постоянством» поддерживается барнаульскими археологами. Однако это не совсем верно, так как ее можно обнаружить в работах исследователей из Новосибирска, Горно-Алтайска и других российских городов. Для того чтобы прояснить сложившуюся ситуацию, рассмотрим процесс трансляции указанного тезиса, начиная с момента его оформления.

В докладе, прочитанном М.П. Грязновым 6 июля 1954 г. на заседании сектора Сибири Института этнографии АН СССР в Ленинграде, были затронуты вопросы истории сложения и развития кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. Этот материал лег в основу статьи, опубликованной в следующем году (Грязнов, 1955). В ней Михаил Петрович написал следующее: «...в то время как в степях сложилась и развивалась андроновская культура, а затем культуры карасукского типа, в горах Алтая по-прежнему жили афанасьевские племена с их охотничье-скотоводческой культурой, не изменившие существенно своего этнографического облика...» (Грязнов, 1955, с. 28). Этот фрагмент, принятый позже в качестве аксиомы, и стал опорой для тиражирования гипотетически сформулированной идеи, которая не имела в своей основе фактических доказательств. М.П. Грязнов в той же статье и на той же странице довольно четко наметил способ проверки своего домысла, воспользовавшись которым исследователи избежали бы многочисленных повторений и необоснованных поисков. Стоит процитировать отмеченный момент: «...предположение о длительной застойности развития хозяйства и культуры афанасьевских племен в Горном Алтае, основанное только на отсутствии там памятников андроновского и карасукского типа и на географической особенности страны, остается пока гипотезой и станет установленным фактом только после того, как в одной из афанасьевских могил на Алтае най-

дется какой-нибудь характерный предмет карасукской культуры» (Грязнов, 1955, с. 28). Но, к сожалению, данная «инструкция» не была учтена. Некоторые примеры, представленные ниже, демонстрируют в основном констатацию первого тезиса, а также его «развитие» в рамках поиска аналогий в памятниках скифской эпохи. Сложившуюся ситуацию можно связать не только с незнанием работы М.П. Грязнова 1955 г., но и с попытками поиска объяснений появившегося «белого пятна» в априорно считавшемся непрерывном культурно-историческом процессе на территории Южной Сибири.

В 1982 г. вышла большая сводная статья о материалах эпохи бронзы из Горного Алтая (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982), в которой авторы указали на никем прямо не оспоренное мнение М.П. Грязнова «о консервации раннеметаллической афанасьевской культуры», правда, сославшись на публикацию (Грязнов, 1957), где этот тезис вообще не упоминается. Приведенные накопившиеся сведения о случайных находках и ссылки на некоторые работы по археологии, где так или иначе опровергалось указанное предположение, все же позволили сделать вывод о том, что «...афанасьевское население могло долго оставаться основным, хотя не единственным населением Горного Алтая не только на протяжении III–II тыс. до н.э., но, возможно, вплоть до VII–VI вв. до н.э., до прихода ранних кочевников» (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982, с. 52, 54, 74).

Через десять лет, в 1992 г., состоялся возврат к рассматриваемой идее. Дело в том, что в ходе активных археологических раскопок в Горном Алтае, особенно в зоне предполагаемой Катунской ГЭС, были получены значительные материалы, которые существенным образом скорректировали представления о культурах многих исторических этапов. Однако в отношении эпохи развитой бронзы прояснения не наблюдались. Тогда опять стал привлекаться тезис о проживании «афанасьевцев» до «ранних кочевников». Причем в публикациях, которые нами здесь приведены в качестве примеров, указывалась неверная ссылка на работу М.П. Грязнова 1957 г., но в ней об этом вообще ничего подобного не излагалось. Так, Ю.А. Плотников (1992), отметил, что наряду с другими имеющимися свидетельствами сохраняется «...возможность существования пережиточного афанасьева» в скифское время, но не в пазырыкской, а в кара-кобинской культуре. Однако приведенные

исследователем показатели «корреляции погребального обряда», наоборот, продемонстрировали отсутствие какой-либо связи, не говоря уже о преемственности. Данное обстоятельство посеяло сомнение, но не смутило Ю.А. Плотникова (1982, с. 18) сделать такой вывод: «...если факт существования пережиточного афанасьева будет когда-либо доказан, на роль потенциального наследника с наибольшими правами может претендовать кара-коба».

В том же году М.Т. Абдулганеев и О.В. Ларин (1992, с. 33) попытались показать возможность «...участия афанасьевцев в сложении культур раннего железного века, т.е. для Горного Алтая – майэмирцев» на основе главным образом некоторых наблюдений над планиграфией и надмогильными конструкциями. В результате оказалось, что «...идея, заложенная во внешнем оформлении погребений обеих культур, является для них близкой, т.е. наблюдается определенное сходство космогонических представлений». Немного дополнив изложенные в статье показатели частного характера, исследователи посчитали, что «афанасьевцы непосредственно участвовали в этногенезе майэмирского населения, по крайней мере, одной из выделенных групп, в частности куртуско-катонской...». Их не смутил крупнейший временной разрыв между датировками памятников афанасьевской культуры и объектами аржано-майэмирской общности. Кроме того, М.Т. Абдулганеев и О.В. Ларин (1992, с. 36) предложили в качестве гипотезы «устькумскую группу майэмирцев... выводить из памятников каракольской культуры». Оценка этой точки зрения нашла отражение при рассмотрении достаточного количества сведений о культуре населения раннескифского времени (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 27). Отсутствие какой-либо преемственности наблюдалось не только по археологическим данным, но и на основе изучения многочисленных краниологических материалов, которые оказались морфологически и генетически неоднородны. В результате «участие потомков местных «афанасьевцев»... сколько-нибудь отчетливо...» не выявлено (Тур, 1997, с. 141). К этому стоит добавить, что ни в одной могиле афанасьевской культуры так и не был найден какой-либо предмет эпохи поздней бронзы или раннескифского времени.

По мнению Н.В. Полосьмак (1994б, с. 138), в VIII–VII вв. до н.э. в Горном Алтае сосуществовали группы населения с разными традициями в погребальном обряде: майэмирская, оставившая

погребения в ямах, и куюмская – в каменных ящиках. Поэтому ситуация, которая сложилась в пазырыкское время, во многом обусловлена особенностями развития древнего населения Алтая в предшествующий период. Исследовательница не исключает возможность того, что «куюмцы» могли быть продолжателями традиций афанасьевской культуры (Полосьмак, 1994б, с. 210 (прим.)).

В 2000 г. была защищена кандидатская диссертация В.С. Миронова, в которой недоказанное предположение М.П. Грязнова опять прозвучало, но уже в таком авторском наполнении: «Наблюдение над погребальной обрядностью среднекатунских могильников позволило сделать предположение о проживании в VI–V вв. до н.э. на изучаемой территории (район с. Еланда) какой-то замкнутой группы автохтонного населения с раннескифского, а, возможно, и с афанасьевского времени» (Миронов, 2000, с. 15–16).

Несмотря на то, что вышерассмотренной проблеме была посвящена специальная статья (Тишкин, 2005ж), идея продолжает трансформироваться до сих пор. Совсем недавно вышла коллективная монография, посвященная результатам изучения эпохи энеолита и бронзы Горного Алтая (Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006), где в первом же абзаце введения опять приведена точка зрения о консервации афанасьевской культуры до раннего железного века и опять со ссылкой на публикацию М.П. Грязнова 1957 г., в которой ничего подобного не написано.

При изучении Горного Алтая до сих пор не обнаружены памятники, соотносимые с андроновской культурой. Своеобразная попытка В.И. Соенова и А.В. Исова (2000) обратить внимание на эту проблему не нашла отклика. За годы проведенных работ отмечены различные материалы, которые можно датировать в рамках II тыс. до н.э. Они, скорее всего, свидетельствуют о спорадическом проникновении разных групп населения. Но андроновских объектов нет, хотя в предгорно-равнинной зоне Алтая их зафиксировано значительное количество. Данная ситуация может быть объяснена тем, что на середину и 2-ю половину II тыс. до н.э. приходится несколько периодов похолоданий и отмечается общее ухудшение климатических условий (Михайлов, Редькин, 2000, с. 27). Поэтому и не обнаружены памятники эпохи развитой бронзы на довольно хорошо изученном плато Укок (Молодин, Полосьмак, Новиков и др., 2004), а также и в других районах Горного Алтая. М.П. Грязнов (1955, с. 27–28; 1957) в свое время объяснял причину того, что «ан-

дроновцы» не проникли в горы, отсутствием возможности реализовать их «оседлое пастушеско-земледельческое хозяйство».

П.И. Кудрявцев (1992), занимавшийся изучением эпохи бронзы Горного Алтая, отметил наличие большого количества вопросов по сравнению с имеющимися ответами. Это связано с отсутствием хорошо документированного археологического материала и с его количеством. Стоит согласиться, что эпоха поздней бронзы таит не мало загадок и не исключены интересные открытия (Молодин, 1992). Надо только целенаправленно работать в этом направлении.

Следует указать, что рассмотренная проблема касается не только одного аспекта в объяснении происхождения культур Алтая раннескифского времени. На самом деле она еще затрагивает вопрос об уровне состоятельности методологических и методических подходов, используемых современными исследователями. Исходя из всего *следует окончательно признать, что афанасьевская культура, имеющая свою специфику происхождения и развития, не может считаться непосредственной предтечей как бийкенской, так и майэмирской.* Между ними существовала огромная временная пропасть и нет реальных подтверждений каких-либо связей.

В плане происхождения бийкенской культуры Горного Алтая мы придерживаемся миграционной концепции. Кстати, в неоднократно упомянутой работе М.П. Грязнова (1955, с. 28–29) указано на такой же вариант, но проникновение ранних кочевников представлено через северные предгорья. В связи с этим заслуживает внимания точка зрения В.В. Боброва (1999) о возможном участии носителей ирменской культуры в этногенезе населения Горного Алтая раннескифского периода, о чем свидетельствует «...высокая степень общих черт погребальной практики и обряда...», а также ряд существовавших предпосылок объективного и частного характера. Действительно на ранних этапах в бийкенской культуре проявляется больше связей с традициями эпохи бронзы, особенно в области мировоззренческих представлений. Следует упомянуть и появившееся недавно мнение о том, что в формировании ряда культур раннескифского времени могли принять участие носители саргаринско-алексеевской общности и других культур эпохи поздней бронзы и переходного от бронзы к железу периода (Папин, 2005). Действительно материалы ряда исследованных памятников демонстрируют

наличие мощного скотоводческого пласта, в котором могли складываться основные компоненты культуры ранних кочевников.

Перспективы поиска предшественников культурам раннескифского времени Южной Сибири продемонстрированы Д.Г. Савиновым (2002). Кроме этого, следует отметить точку зрения А.Д. Таирова (2003а–б) о том, что в результате негативных изменений экологических условий в степях Монголии, Северного и Северо-Западного Китая отсюда в конце IX в. началась миграция населения в северном направлении. «Движение кочевых племен... проходило, вероятно, в несколько этапов, имело различную интенсивность и было направлено в разные регионы» (Таиров, 2003а, с. 166). О том, что возможные истоки бийкенской культуры находятся в указанных А.Д. Таириным районах Центральной Азии, нами уже ранее предполагалось (Тишкин, 1996б, с. 25; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 111), но пока конкретных подтверждений этому нет. Опубликованные на русском языке материалы, полученные при раскопках на территории Северо-Западных районов Китая, демонстрируют культурный пласт, аналогии которому, за исключением отдельных вещей, отсутствуют в Южной Сибири. Мы попытались расширить круг поиска в разных направлениях. Погребально-поминальные конструкции, схожие с сооружениями бийкенской археологической культуры, можно отметить на территории Западного Казахстана, Южного Урала и даже Индостана (Тишкин, Дашковский, 2003б, с. 158). Регион, который указан последним, дает схожие материалы, датируемые эпохой поздней бронзы (Thapar, Sharma, 1994; Misra V.D., Misra B.B., 2002 и др.; автор благодарен А.Я. Щетенко за консультации и особенно А.А. Ковалеву за доставку из Индии интересующей нас литературы). В связи с этим появляется хорошая перспектива для дальнейшей разработки проблемы об истоках бийкенской культуры. Подобные моменты были обозначены нами при реконструкции мировоззренческих основ «бийкенцев» (Тишкин, Леонова, 2005). Таким образом, решение проблемы происхождения бийкенской культуры продолжается. Намеченные пути требуют более детальной проработки.

Судьба «бийкенцев» выглядит вроде бы более определенно. Сопоставление результатов исследований памятников раннескифской эпохи и пазырыкской культуры Горного Алтая свидетельствует о довольно резком перерыве генетического развития, произошедшем не позже 2–3-й четверти VI в. до н.э. (Кирюшин, Тишкин,

1997, с. 111–112; Марсадолов, 2000а). Но элементы погребальной обрядности и предметы поздней стадии бийкенской культуры фиксируются в материалах северных предгорий. По всей видимости, вытесненное население вместе с «майэмирцами», «большереченцами» и другими приняло участие в формировании быстрианской культуры. Оставшаяся в горах часть людей какое-то время еще существовала с «пазырыкцами», а затем «растворилась» в новой полиэтничной среде.

В свое время Д.Г. Савиновым (1975, с. 49) в тезисной форме была отражена мысль о том, что в раннескифское время существовала «...этнокультурная общность огромного исторического значения, отличающаяся значительно более тесными внутренними связями по всей территории своего распространения, нежели участием в сложении последующих культур в отдельных регионах Азии». Эта сформулированная на интуитивном уровне идея (Савинов, 2002, с. 78–79) нашла подтверждение в последующих исследованиях (Тишкин, 2003а). Такую общность можно назвать «аржано-майэмирской» по базовым памятникам раннескифского времени. Она включает в себя ряд известных археологических культур (тасмолинская, чиликтинская, майэмирская, бийкенская, алды-бельская и, возможно, тагарская). Наряду со своеобразными признаками эти образования отражают единый характер происходивших эпохальных процессов на территории Казахстана и Южной Сибири, а также на сопредельных с ними территориях.

Стоит указать, на высказанную идею о выделении на Алтае еще и «чуйской» археологической культуры раннескифского времени, памятники которой, по мнению Л.С. Марсадолова (2001, с. 26; 2002, с. 107), распространены в бассейнах рек Чуи, Юстыда, Ак-Алахи, Аргута, Верхней Бухтармы. Однако это предложение пока не наполнено конкретными материалами, в отличие от обоснований, имеющих для бийкенской и майэмирской культур (Тишкин, 2003а). Укажем замечание и по поводу не совсем удачного обозначения культуры, которое взято от названия реки, а не археологического комплекса.

Памятники бийкенской культуры занимают в основном Юго-Восточный, Центральный и Северный Алтай, базируясь в районе бассейна Катуня – самой крупной реки (Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 1, 2). К ним относятся погребальные комплексы с разным количеством раскопанных объектов, число которых к настоящему

времени стало, по нашим подсчетам, более 200 (см. список памятников в приложении). Имеются различные случайные находки, местонахождения, петроглифы, святилища, поселения, «оленные камни» и другие объекты (Кирюшин, Тишкин, 1997; Кочеев, 2001; Тишкин, 2003а; Тишкин, Дашковский, 2004, 2005; Суразаков, Тишкин, 2007; и др.). Нам уже неоднократно приходилось характеризовать основные черты погребально-поминальных комплексов бийкенской культуры (Тишкин, 1996а, б, г; Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, Дашковский, 2003б, 2005 и др.). Такие характеристики теперь дополним расширенным содержанием.

Планиграфия могильников фиксирует расположение их на террасах, ограниченных горами и рекой. На территории некрополя курганы образуют отдельные микроцепочки по два-три объекта, ориентированные по линии ЮЗ–СВ, или небольшие группы. По всей видимости, такой порядок отражает хронологические различия и родственные отношения между погребенными, а сами сооружения представляют собой имитацию реально существовавших жилищ в поселках айльного типа определенных территориально-локальных групп населения (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 56; Тишкин, Дашковский, 2003б, с. 233–234). На ряде памятников зафиксированы объекты ритуального характера. Они расположены отдельно или пристроены к курганам, а также могут находиться в межкурганном пространстве. Это чаще всего небольшие выкладки в виде холмообразной или «плоской» невысокой каменной выкладки. Некоторые такие объекты представляют собой отдельно стоящий каменный ящик. Рядом с указанными сооружениями обнаружены вертикально вкопанные камни, следы огня, части зернотерок, кости, немногочисленные фрагменты керамики.

Многие базовые могильники (Бийке, Семисарт-I, Кызык-Телань-I и др.) содержат следы длительного почитания места, где они расположены. Там имеются курганы предшествующих и последующих эпох, петроглифы, культовые пещеры, пункты астрономических наблюдений и т.д. (Марсадолов, 2001; Тишкин, Горбунов, 2005б; Суразаков, Тишкин, 2007; и др.). Часть рассматриваемых комплексов бийкенской культуры являлась, таким образом, святилищами, совмещавшими функции некрополя и храма, на что указывают вышеперечисленные особенности (Тишкин, 2000в; Тишкин, Дашковский, 2003б, с. 240–243; Тишкин, Горбунов, 2005б). Для архаических обществ большое значение имела органи-

зация сакральной территории, в том числе и пространства кладбища. Помимо основного, погребальные памятники имели другие космогонические смыслы. Там совершались религиозные обряды, причем не только связанные с культом предков. Полифункциональность святилищ (могильник, храм, обсерватория и др.) обусловлена тем, что любое место, наделенное иерофанией (святостью), является пересечением всех космических уровней, превращающим такое пространство в Центр – сосредоточение сакральных сил (Элиаде, 1999, с. 342). Священные пространства четко ограничивались. Проникновение в такое место без предварительной подготовки могло быть опасным для человека. Этим можно объяснить расположение изучаемых нами памятников в местах, куда доступ был определенным образом затруднен горами и рекой. Священное место могло обозначить себя человеку либо оно создавалось по законам космогонии и геомантии. Например, в Китае существовала идеальная модель организации погребения. Ее описание содержится в трактатах «Или» (VI в. до н.э.) и «Лицзи» (IV–III вв. до н.э.) (Крюков, 2000, с. 280). Можно привести и другие примеры письменной зафиксированной регламентации погребальной практики (Тишкин, Леонова, 2005). Следы ряда таких универсалий древности прослеживаются в расположении могильников бийкенской культуры. При организации священного пространства приобретало значение не только его положение на местности, но и пространственная структура «знаков» внутри него. Например, определенный смысл имели линии расположения алтарей. В Индии, в частности, священной считалась линия запад–восток (линия «прачи»). Квадратный огненный алтарь располагался на ее восточном конце, а круглый – на западном. К югу от них помещался полукруглый алтарь – символ воздушного пространства, в центре – трапециевидный алтарь. Для курганов бийкенской культуры зафиксирована иная ориентация «священной линии» – с юго-востока на северо-запад. Ряд элементов расположения некрополей бийкенской культуры находит аналогии в традициях погребального обряда соседних и отдаленных народов, другие фиксируют самостоятельные представления об организации священного места (Тишкин, Леонова, 2005).

Под каменной наброской курганов по периметру насыпи отмечены кольца-стенки (высотой до 0,7 м), кольца-крепиды или их отсутствие. В центре находилось захоронение, как правило, в каменном ящике, установленном на уровне древнего горизонта.

Имеются и другие особенности реализации погребальной практики, о которых речь пойдет ниже. Оформленная окружность кургана интерпретировалась нами как имитация реального элемента конструкции переносных жилищ, а погребальные сооружения представлялись «своеобразными воротами в иной мир» и т.д. (Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, Дашковский, 2003б; Тишкин, Горбунов, 2005б; Суразаков, Тишкин, 2007). Дальнейшее изучение погребальных сооружений бийкенской культуры позволило расширить поиск объяснений зафиксированных элементов (Тишкин, Леонова, 2005).

В целом конструкция курганов в плане представляет собой круг с вписанным в него «квадратом». Такая схема, по свидетельству письменных источников, лингвистических и религиоведческих исследований, являлась символом вселенной и времени, универсальным для многих культур. Квадрат и круг – первичные геометрические фигуры, воплощавшие древние представления о времени и пространстве. Кругло-четырёхугольная конструкция, ориентированная по странам света и соединенная вертикальной осью, являлась принципом, организующим любое пространство и любую ритуальную конструкцию (Подосинов, 1999, с. 481).

Круг – это движение, динамика, незавершенность и в то же время – бесконечность, законченность и высшее совершенство (Подосинов, 1999, с. 479). Он является проекцией шара, во многих традициях символизирующего космос (опредмеченные его варианты – яйцо, диск, черепаха и т.д.). Круг – воплощение домашнего алтаря. Время имеет циклическую природу и соотносится с кругом (Топоров, Мейлах, 1997, с. 18–19). Во многих традициях идея единства пространства и времени соотносится с этим образом как символом целостности. Космологические представления о круге как о символе мира (пространства–времени) подтверждаются языковыми фактами из индоевропейских и других языков (Топорова, 1994, с. 22–23; Маковский, 1996, с. 89, 91). Соотнесение круга со временем объясняется наблюдениями за круглой линией горизонта, годичным циклом, движением солнца по небу. В китайской традиции небо представлялось круглым, а земля – квадратной (Кравцова, 1999, с. 107), в индийской – наоборот. Индуистские погребально-храмовые сооружения – ступы – и зороастрийские похоронные конструкции – астроданы («башни молчания») – имели в плане форму круга. В центре «башни молчания» находился колодец, куда сбрасывали кости умерших. В Древней Индии и Китае сооружали круглые и квадратные алтари неба и земли (Кравцова, 1999, с. 107).

Синташтинские комплексы эпохи бронзы, святилища раннего железного века Казахстана и целый ряд других памятников также соответствовали данной форме (Генинг, Зданович, Генинг, 1992; Ольховский, 2001, с. 219–232; и др.). Приведенные выше положения, согласно которым круг служил воплощением вселенной, находят отражение в таких литературных памятниках, как Авеста, Ригведа, Упанишады (Тишкин, Леонова, 2005).

Квадрат, как и круг, имел свою символику в религиозных воззрениях. Квадрат ассоциировался с порядком, стабильностью, упорядоченностью космоса в его пространственном аспекте, это мужское формообразующее государственное начало. Образ земли как квадрата встречается во многих космологиях народов мира – у индийцев, египтян, жителей Месопотамии, тюрков (Подосинов, 1999, с. 480). Он образовывал во многих представлениях пространственную плоскость схемы мирового древа. В Упанишадах мир сравнивается с ларцом, углы которого – стороны света, внутренность – воздушное пространство (Тишкин, Леонова, 2005). В связи с этим следует отметить ориентацию каменных ящиков в погребальном обряде бийкенской культуры углами, соотношенными с севером, югом, западом и востоком. Существование мифологической универсалии «квадрат» имеет реальную основу – пропорции человеческого тела. Данная универсалия применялась при строительстве и погребальных сооружений. Квадрат служил образцом при описании вселенной и определении временных координат. Он противопоставлялся кругу (Топоров, 1997, с. 630), что отражает разницу природного (небесного (либо земного)) и человеческого (земного (либо небесного)) начал, а в целом является моделью космоса. Так, по мнению К.Г. Юнга и М. Аргуэлес, «круг неизбежно символизирует процессы природы и космоса как целого, в то время как квадрат отражает вселенную, связанную с человеком и организованную им» (цит. по: Подосинов, 1999, с. 481).

В силу синкретизма мышления древнего человека (отождествление микро- и макрокосма) конструкция кургана (кольцевая выкладка и ящик) была прообразом жилища с очагом-жертвенником в центре него. Представление о могиле как о жилище покойного широко распространено в архаических мифологиях. Могила в Ригведе названа «земляным домом» (РВ, X, 18, 12). Очаг находился посредине жилища индоариев и был центром дома, местом, где проходили домашние жертвоприношения (РВ, I, 69, 3–4; Елизаренкова, Топоров, 1999, с. 514). Конструкция погребальной камеры в виде ка-

менного ящика или выкладки рассматривается нами как «алтарь», в котором было совершено жертвоприношение умершего (Тишкин, Леонова, 2003). В текстах Ригведы, Атхарваеды и Упанишад погребальный обряд прямо назван жертвоприношением погребальному огню (РВ, X, 15, 11; X, 16, 1–5) или предкам (РВ, X, 16, 4; Атхарваеда, XVIII, 10–13; Упанишады, Раздел дополнительный, VI, 12, Чхандогья упанишада, III, 16, 1). Это подтверждается сходством конструкций алтарей-«поминальников» и погребальных камер бийкенской культуры (Марсадолов, 2001, с. 19–20, рис. 91–92). Этнографические материалы также фиксируют существование специальных квадратных очагов в жилищах (Рахимов, 1975, с. 33).

Жизнь считалась жертвоприношением смерти, смерть – жертвоприношением жизни. В индоевропейских языках слово «жертвоприношение» семантически близко со словом «смерть» (Маковский, 2002, с. 57–58). Погребальный обряд бийкенской культуры имеет ряд аналогий с погребальным обрядом, зафиксированным в Ригведе, где он представлен как жертвоприношение. К примеру, оба демонстрируют захоронение с человеком лошади (РВ, X, 56). Особое значение имело расположение погребения в центре кургана, где проходила дорога между различными мирами. Выше констатировалось, что в Китае центр соотносился с квадратом и землей. В Ригведе центр наделялся огромной священной силой, ассоциировался с мировой осью и являлся местом, где проходит дорога между небом и землей. Слово «центр» в первоначальном смысле имело значение «отверстие», «углубление», а также «втулка» (колеса) (Елизаренкова, 1999, с. 472–474). Это, возможно, воплощено в фиксируемом погребальном сооружении. Рассматривая семантику могильного «углубления», следует отметить, что в Упанишадах упоминается о прохождении душой после смерти нескольких «ворот» – отверстий в ветре («словно отверстие колеса»), солнце и т.д. (Тишкин, Леонова, 2005).

Следующим элементом погребальных конструкций, зафиксированным впервые при исследовании памятника Бийке (Тишкин, 1994б), является наличие каменных стел-обелисков. На плитах отмечены антропоморфные черты (Тишкин, 1996а, 2005л; Тишкин, Горбунов, 2005б). Хронология существования и семантика подобных «коленных» камней рассматривались В.Д. Кубаревым (1979, с. 42–45, 57), Д.Г. Савиновым (1994д), Л.С. Марсадоловым (2000а) и другими исследователями. Стоит добавить, что такое схематиче-

ское антропоморфное изображение, являвшееся связующим звеном с загробным миром ушедших из реальной жизни предков, свидетельствует о различных ритуалах поклонения идолам. Именно поэтому стелы в первую очередь были опрокинуты при осквернении погребальных сооружений как факт надругательства над обычаями покоренного народа. Традиция возведения на могиле столба, ассоциировавшегося с опоркой кровли жилища (осью мироздания), а также с мировым деревом, вырастающим из земли, и с покойниками-отцами, фиксируется в Ригведе (Шилов, 1995, с. 55). Кроме стел, рядом с некоторыми курганами с западной и восточной стороны обнаружены вкопанные вертикально в землю плоские камни («балбалы»), выполнявшие функции находившихся вблизи с жилищем коновязей. Подобная ситуация отмечена и при раскопках кургана №5 памятника Кор-Кобы-1, датированного раннескифским временем (Суразаков, 1990б, с. 59, 63, 84–85). А на ряде исследованных могильников раннескифского времени (Айрыдаш-1, Тыткескень-1, Кызык-Телань-1 и др.) рядом с «балбалами» находилась яма, в которой была захоронена лошадь (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 58; Суразаков, Тишкин, 2007). Данный факт отражает наиболее раннее использование вертикально вкопанных камней близ курганов как имитацию реально существовавших коновязей.

Определенное значение в рассматриваемом комплексе играли хорошо оформленные «оленные» камни. Наличие их в археологических памятниках раннескифского времени Горного Алтая уже не редкость, а отражение определенной черты погребально-поминальной практики (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 57–58; Тишкин, Леонова, 2003, 2005). Несмотря на то, что этому виду археологических источников уже уделялось определенное внимание, дальнейшее изучение «оленных» камней имеет хорошую исследовательскую перспективу.

На территории могильников бийкенской культуры, как уже было сказано, выделяются каменные сооружения, которые, скорее всего, имели «поминальный» характер, а также служили для проведения других ритуалов. Культ предков был распространен у большинства народов. Например, в Ригведе описаны обряды поминовения «отцов» (РВ, X, 15). Их просили не приносить вред, помогать (РВ, X, 15, 1, 4, 5–7), жертвуя молоко, мед, сому (РВ, X, 15, 3, 9, 10; X, 10, 15). Жертвы приносили и царю умерших Яме (РВ, X, 14). Обряды, связанные с «общениями» с предками, были широко рас-

пространены в Китае, начиная с эпохи Инь. Главным свойством духов была непредсказуемость: не только дальние, но и ближние предки могли превратиться во вредоносные существа. Им не доверяли, их можно было временно задобрить или обмануть. Конкретные материальные блага обменивались на конкретные жертвы. В гаданиях духов природных стихий иногда называют «высокими предками», что подтверждает значимость культа умерших (Крюков, 2000, с. 169–209). Поминальные обряды были упорядочены в эпоху Чжоу, что отражено в таких трактатах, как «Или», «Лицзи» и др. Визиты к могилам совершались 2–3 раза в год. Главный из них приходился на весну. Для предков готовились угощения, совершались обряды. Считалось, что во время обрядов дух предка мог вселиться во внука и общаться с потомками (Васильев, 2001, с. 45–154). Подобные представления отражены в Ригведе (РВ, X, 16, 5). Таким образом поддерживалась связь между поколениями соплеменников. Согласно религиозной традиции Авесты, души умерших (фраваш) нуждались в регулярных жертвоприношениях и молитвах со стороны потомков. За это они приносили воду и охраняли от злых духов (Рак, 1998, с. 16–17). Предкам был посвящен весенний месяц (март–апрель).

Ориентация покойного в определенную сторону имеет различные значения в разных культурах. У многих народов покойных хоронят лицом туда, куда должна уйти душа после смерти тела. Э.Б. Тайлор (1989) приводит многочисленные данные об ориентации ногами. Но есть и исключения. Так, в некоторых частях Австралии туземцы, имеющие четкое представление о расположении страны мертвых на западе, тем не менее хоронили соплеменников в сидячем положении лицом на восток. В этнографии есть примеры, когда расположение человека в могиле связано со стороной его тотема. В некоторых случаях обращение к востоку или югу, как священной солярной стороне, вытесняло ориентацию умерших к противоположной стороне смерти. Ханты клали покойных как головой, так и ногами на север, где находилось, по их представлениям, «царство мертвых». В первом случае это объясняли направлением в страну мертвых, во втором – облегчением поиска пути туда. Помимо этого, существовало и третье объяснение: у живых принято спать головой на север, а мертвый должен лежать головой на юг. Покойный мог быть направлен в страну предков, откуда мигрировал народ. Такие представления прослеживаются у китайцев, иран-

цев, индийцев (Подосинов, 1999, с. 580–583). Отмеченные факты свидетельствуют об отсутствии четкой кодификации представлений о должном положении покойного у некоторых народов (Тишкин, Леонова, 2005).

В погребениях носителей бийкенской культуры человек (и лошадь) чаще всего ориентированы головой на запад или северо-запад. Отмечены случаи и северной ориентировки. Некоторые направления в раскрытии семантики положения умерших «бийкенцев» ранее уже были обозначены (Тишкин, 1996а; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 49–50). Наиболее вероятным признано соотнесение ориентации покойников с восходом и заходом солнца. Для выявления мифологических представлений, которые стали причиной определенного положения умерших, рассмотрена семантика различных интересующих нас сторон света (Тишкин, Леонова, 2005).

У многих народов север считался стороной смерти, зла. Авеста (22. 25) фиксирует представления, согласно которым с севера прилетает ветер за душой грешника, там находится страна злых дэвов, связанная с главной негативной силой – Ахура Манью (Авеста, 19.1). В Упанишадах эта сторона света связана с сомой. Перед началом утреннего песнопения, направленного на обеспечение бессмертия богов и на то, чтобы доставить небесный мир жертвующему, жрец обращался лицом к северу. Север связан с черным солнцем, с «благоденствующей» стороной, бессмертием и небесным миром (Тишкин, Леонова, 2005). В ведической традиции север ассоциируется с богом подземного царства и богатства, главой демонов низшего мира Куберой. Иногда средством передвижения Куберы являлась белая лошадь. Рассматриваемая сторона света связана с планетой Юпитер, желтым цветом и с такой геометрической фигурой, как прямоугольник (Символы..., 1999, с. 80, 82). В китайской традиции север отождествлялся со смертью, хаосом, сокровенным, черным цветом, зимой, войной, водой, луной, планетой Меркурий и армией, покоряющей северных варваров (Кравцова, 1999, с. 109–115). В китайской книге обрядов Лизцы (I в. до н.э.) указывается, что умерших кладут головой на север, в то время как живые смотрят в сторону юга. Подобная традиция была типична для периода «Трех царств» (Древнекитайская философия, 1994, с. 17–26). В древнем обряде вызывания души умершего (хунь) человек должен стоять лицом на север, с некоторым отклонением к западу. Если суммировать данные китайских текстов различного

происхождения и времени, то можно выделить миф о стране мертвых. Далеко на севере, у моря, находится гора Вэйюй. В ней находится вход в столицу Мрака – подземное царство мертвых, где правит «Владыка Земли» (Подосинов, 1999, с. 72).

Запад – классическое место расположения страны мертвых, что связано с заходом солнца. В символике И-Цзин он связан с прошлым, с предками. Китайское выражение «гуй си» – «вернуться на запад» означало «умереть», что подтверждается данными об ориентации погребенных в одной из культур бронзового века (Васильев, 2001, с. 43). В древнейших мифологических описаниях «Каталога гор и морей» именно на западе располагалась сакральная гора бессмертия Куньлунь, называемая «земной столицей предков». В китайской традиции запад – символ гибели живого, хаоса, враждебных человеку стихий, насильственной смерти, военной силы, белого цвета (цвет траура), металла, холода, осени (Кравцова, 1999, с. 408–410). Сторона заходящего солнца в знаковой системе Упанишад соотносится с хвостом коня (в анималистической модели вселенной), черным солнцем, Варуной, «царицей», а символика запада содержит упоминания о стране мертвых: о солнце говорится, что сразу после заката от него зависят предки (Тишкин, Леонова, 2005). В целом в Ведах западу соответствовал черный цвет и одно из божеств мертвых – Варуна, планета Сатурн (Символы..., 1999, с. 77, 82). Эта сторона света ассоциировалась со смертью («отправиться на запад» означало «умереть» (РВ, II, 28, 7)), с путешествием в страну мертвых. Поэт, произнося молитву во время битвы, обращается на закат солнца (РВ, I, 174, 7). Следует отметить, что в более поздних мифологиях встречается благоприятная символика запада, например, у бурят (страна добрых божеств) (Жуковская, 1980, с. 95–98).

Северо-западу в символике Вед соответствуют Вайю (божество ветра, связанное с подземным миром, смертью), Луна и «темный» цвет.

Необходимо подчеркнуть, что страна мертвых была дуалистична по сравнению со стороной света, считавшейся наиболее благоприятной. В обряде бийкенской культуры это восток и юго-восток, связанные с захоронением «благоприятного» животного – лошадью, с осью, по которой ориентирован умерший, с высоким солнцем и теплом и т.д.

В индуистской символике юго-восток ассоциировался с Агни, планетой Марс, Луной, белым цветом и геометрической фигу-

рой квадрат (Символы..., 1999, с. 73–85). Южная сторона представлена как благая в Авесте. Именно с юга прилетает за душой праведника ветер, «благовонный, благовоннее иных ветров» (Авеста, 22. 7). Согласно мифологическим представлениям И-Цзин (пентаграммы №36, 42), юг – область, наиболее одаренная светом, место, где солнце достигает своего максимального проявления. В китайской традиции южная зона почиталась особо: она была связана с солнцем, красным цветом, огнем, планетой Марс (Кравцова, 1999, с. 105–123). Упанишады ассоциируют юг с белым образом солнца, Ямой и жертвой (Тишкин, Леонова, 2005). В индуистской символике юг также связан с красным цветом (Символы..., 1999, с. 73–85). Согласно Авесте (19.5) от востока исходит благоприятное. В Упанишадах и Ригведе при описании молитвы или обрядов упоминается, что верующие обращались лицом к востоку, и этой стороне света соответствовало красное солнце, «жертвенная ложка», колыбель дня, в зооморфной модели вселенной – голова коня (Тишкин, Леонова, 2005).

Таким образом, традиционное положение погребенных людей бийкенской культуры головой на запад, северо-запад или север означало, что душа человека после смерти направится в тот сектор горизонта, где находилась страна мертвых (и в индоиранской, и в китайской традициях существовало выражение «отправиться на запад» в значении «умереть»). Данные стороны света ассоциировались с прошлым, предками, тайным, черным (солнцем), осенью, битвами и войной в целом, но в то же время и бессмертием как возможностью возрождения. Зафиксированная в памятниках бийкенской культуры оппозиция северо-запад – юго-восток являлась отражением дихотомий «положительное»–«отрицательное», «жизнь»–«смерть», воплощенных с помощью пространственного кода. Особенностью данного кода можно считать установку не на оппозиции юг–север и запад–восток (традиционные для многих культур), а на линии юго-восток–северо-запад (ориентация погребальных конструкций) и юго-запад–северо-восток (ориентация цепочек курганов). Смещение оппозиций, возможно, связано с особенностями конкретной среды обитания, а также с точками восхода и захода солнца в период захоронений.

С помощью метода, разработанного В.В. и В.Ф. Генингами (1985, с. 136–152), на материалах бийкенской культуры автором предпринималась попытка выявить времена года, когда соверша-

лись захоронения. Если стороны света определялись древними людьми по восходу солнца, а большинство смертей приходилось на весну и зиму, то погребения совершены преимущественно весной (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 50–51). Это связано, на наш взгляд, с существованием устойчивой традиции погребения. В каноне Авесты указываются времена года, подходящие для данного обряда – весна и осень. Март-апрель (год начинался 22 марта) по зороастрийскому календарю считался месяцем фравашы – духов предков, которые в это время прилетали на землю (Рак, 1998, с. 523–525). Осенью возводились временные погребальные камеры – *kata*: «...Вот лето сменилось зимою, что должны делать маздаяснийцы? ...В каждом доме, в каждом поселении пусть возведут три *kata* (*ката*) для тех, что мертвые» (5. 10) (цит. по: Хисматуллин, Крюкова, 1997, с. 213–214; Мейтарчиян, 2001, с. 55).

Из тех погребенных, скелет которых сохранился наиболее хорошо, в большинстве случаев люди были уложены скорченно на левый бок, лишь некоторые – на правый (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 52). В архаических культурах противопоставление правое–левое наделялось комплексом смыслов. Наиболее типичным было противопоставление «положительный»–«отрицательный». Так, в китайских гадательных надписях на черепашьих панцирях справа помещался положительный ответ на вопрос, слева – отрицательный (Крюков, 2000, с. 181). В индийских обрядах огонь перемещали слева направо, при жертвоприношении предкам потомки располагались справа от душ умерших (РВ, IV, 6, 3; X, 15, 6). «Правый» мог означать «правильный», «свой». Согласно положениям Корана (613, 619) мусульманин должен быть похоронен на правом боку, лицом к Мекке, но жена мусульманина, если она не исповедовала религию мужа, – на левом, спиной к Мекке (Хисматуллин, Крюкова, 1997, с. 77–78). Индоевропейские языки зафиксировали противопоставление «правый–левый» как «чистый, свой, открытый» – «нечистый, внешний (посторонний) темный, таинственный» (Маковский, 1996, с. 207–209). Правая сторона в символике Ригведы ассоциировалась с добром, счастьем (РВ, II, 42, 3), добрыми душами предков (РВ, X, 15, 6), правильным движением жертвенного огня, служащего богам (РВ, IV, 6, 3). Положение на левый бок в погребальном обряде, таким образом, означало, что похороненный отправлялся в некую иную, чужую, неизвестную реальность, противоположную миру живых и, вероятно, враждебную (Тишкин, Леонова, 2005).

В литературе предложено достаточно много толкований скорченной позы погребенных. Наиболее распространенным является мнение об имитации таким образом положения эмбриона, что должно символизировать последующее возрождение (см., например: Рыбаков, 1987, с. 73). Археологические материалы Горного Алтая позволили зафиксировать следующие позы погребенных: «скачущий всадник», спящий человек (наличие каменной «подушки»), адорация (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 52–53; Тишкин, Дашковский, 2003б, с. 238–239).

Чтобы определить семантику данного положения тела покойного, необходимо знать, что носители изучаемой культуры представляли себе под фактом смерти. К примеру, древнегреческие мифы зафиксировали существование веры в двух братьев-близнецов по имени Смерть и Сон, которые уносили душу покойного (Илиада, XVI, 671–674). Значит, умерший человек засыпал и умирал одновременно. Отсюда, учитывая разнообразие техник сна в различных культурах (Мосс, 1996, с. 255–256), можно предложить толкование скорченной позы как положения спящего человека. Скорченность трактуется рядом исследователей именно как позиция сна (Гей, 1999, с. 85–86).

Для погребального обряда бийкенской культуры характерно захоронение вместе с человеком лошади или ее части, но в отдельной камере в виде каменного ящика (кольца), а также в яме либо на уровне древнего горизонта. Животное чаще всего располагалось с юго-восточной стороны от погребенного человека. Следует подчеркнуть, что для коня сооружалась аналогичного вида погребальная камера, а животное имело такую же ориентацию, как и покойник. Семантика факта присутствия лошади в погребальных сооружениях бийкенской культуры уже нами затрагивалась (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 59–60; Тишкин, Дашковский, 2003б; Тишкин, Леонова, 2005). Наличие остатков костей коня в курганах можно объяснить по-разному: как заупокойные дары, пища для покойника, остатки совместной родовой трапезы, средство передвижения, личный верховой (боевой) конь, имитация лошади. Зарождение рассматриваемой традиции связано с определенным типом ведения хозяйства, обычаями скотоводов, с представлениями о загробном мире, где человек должен быть снабжен всем тем, что было у него при жизни. Главная суть захоронения коня выражена в его сопоставленности с человеком, а остатки костей копытного в могиле олицетворяли идею его воскрешения на том свете.

Сооружение для лошади такой же погребальной камеры, что и для человека, свидетельствует о невыделенности последнего из мира природы, тесной связи его с таким животным и огромном значении коней в жизни древних племен. Для первобытного мышления характерно отсутствие четко выраженной дефиниции природа–культура, благодаря чему все живое наделялось теми же свойствами, что и человек (анимизм) (см., например: Леви-Брюль, 1999). Якуты верили в существование у человека тройной души. Кроме него, такую тройную душу имел только конь. Ряд традиционных племен считали, что одна из душ человека имеет облик реально существующего животного (Леви-Брюль, 1999, с. 71). Одинаковые погребальные конструкции и ориентация по сторонам горизонта, таким образом, свидетельствуют о наличии у хозяина и его коня одинаковых типов душ с одной посмертной судьбой. Лошадь имела большое значение в жизни носителей бийкенской культуры, что и отражено в погребальном обряде. Важность внимательного отношения к душе не только умершего человека, но и животного, отражают этнографические данные. В мифологическом мышлении образ лошади наделялся определенными сакральными функциями. Важнейшей из них была коммуникативная – конь был «средством связи» с иными мирами. Функция имела ряд аспектов: жертвенный, психопомпный (т.е. проводящий души умерших), иерофантный (т.е. дающий возможность воскреснуть), экстатический (т.е. выражающий экстаз), инкарнационный. Захоронение коня также имело несколько значений, неся полисемантическую нагрузку:

1. Это была жертва предкам либо царю умерших с целью помочь положительно решить судьбу покойного и облегчить уход его души из этого мира в другой (РВ, X, 15; X, 16; X, 10; X, 10, 8; Иванов, 1990, с. 7). Данное положение подчеркивает отсутствие у некоторых обнаруженных лошадей черепов. Если захоронение человека рассматривается нами как жертвоприношение, а каменная погребальная камера (ящик или кольцо), в которую он помещен, – в качестве алтаря, то и сходную погребальную конструкцию для лошади и ее саму можно интерпретировать аналогичным образом, т.е. жертва в алтаре. Заклание коня на похоронах фиксируют древние тексты и многочисленные этнографические данные (подробнее о коммуникативной функции образа лошади см.: Леонова, 2003, с. 24–26).

2. Лошадь в погребальном обряде имела психопомпную функцию, т.е. была проводником души в мир мертвых. М. Элиаде (1999,

с. 173), к примеру, считает данную функцию одной из основных. Подобным образом нами трактуется сопоставленность человека и лошади в погребальном обряде бийкенской культуры. Такое символически смысловое значение фигуры коня фиксируют тексты Ригведы, этнографические и фольклорные источники, данные сравнительного языкознания, доказательства работы исследователей.

3. Образ лошади имел иерофантную функцию, т.е. способствовал бессмертию, воскрешению. В погребальном культе смерть часто рассматривается как воскрешение к новой жизни, что подтверждают данные индоевропейской мифологии (Элиаде, 1999, с. 274; Маковский, 1996, с. 105; Дюмезиль, 1976, с. 44; РВ, X, 15; АВ, XVIII, 4, 37).

4. Помимо этого, конь мог служить воплощением человека, то есть обладать инкарнационной функцией. Возможность такой трактовки отражена в языковых данных, фольклорных и литературных источниках (Тишкин, Леонова, 2005).

Таким образом, анализ семантики элементов погребальной практики бийкенской культуры позволил наметить ряд смысловых показателей, вложенных в них древними людьми. Эти представления имеют характерные особенности и находят параллели в китайской, индийской и индоиранской традициях, что отражает места обитания изучаемых племен, контакты с цивилизациями Азии и, возможно, их прародину. Проведенный сравнительный анализ свидетельствует о значительном сходстве реализованных в погребальном обряде бийкенской культуры мировоззренческих и религиозно-мифологических идей, зафиксированных в Упанишадах. На наш взгляд, это не случайно. Время создания этого древнего памятника письменности приходится на раннескифский период.

Теперь постараемся сравнить полученные данные с материалами этой же эпохи на сопредельных территориях. На наш взгляд, наибольшая вероятность формирования погребального обряда, зафиксированного в курганных могильниках бийкенской культуры связана с северо-западными районами Монголии вблизи с Тувой, Алтаем, Китаем и Казахстаном. При распространении носителей таких традиций обозначилось то содержание, которое мы наблюдаем в разных регионах Азии (Кирюшин, Тишкин, 1997; Суразаков, Тишкин, 2007). Поэтому при поиске истоков обрядности раннескифского времени перспективно изучение археологических объектов на указанной территории. Хотя в этом плане проведены немно-

гочисленные исследования, все же не приходится сомневаться в общности исследуемых нами памятников и тех, что имеются на территории Северо-Западной Монголии. Устройство и погребальный обряд их таков: в центре, под курганом, находится каменный ящик или сооружение, напоминающее цисту, из больших плоских камней, в которых на уровне древнего горизонта или в очень неглубокой яме был уложен человек на правом или левом боку с подогнутыми ногами, ориентированный на запад или северо-запад; курганы имеют крепиду, ограду или более сложное устройство (Волков, 1965, с. 10–13; 1967, с. 46–47). Выше высказанное предположение может быть подтверждено тем, что на имеющихся материалах из Монголии хорошо прослеживается преемственность памятников от эпохи бронзы к эпохе раннего железа (Новгородова, 1989, с. 236–237), в то время как на Алтае такая ситуация не фиксируется. По мнению Э.А. Новгородовой, обилие памятников переходного периода в Монголии связано с значительным ростом населения благодаря, возможно, притоку новых племен. Данный факт предполагает, что именно поэтому имело место проникновение какой-то части людей в Горный Алтай и другие близлежащие территории (Тува, Казахстан и др.), где фиксируются общие черты погребального обряда, известные по раскопкам курганов.

Существование культур такого плана было эпохальным явлением для огромной территории Евразии. Об этом уже не раз упоминали исследователи, делая определенный анализ (М.П. Грязнов, А.Д. Грач и др.). Интерес представляет высказанная совсем недавно концепция А.Д. Таирова (2003а) на систему культур раннесакского времени восточной части степной Евразии. Еще раньше М.П. Грязнов считал, что в сложившихся формах общая скифо-сакская культура появилась в разных частях Великого пояса степей почти одновременно в VIII в до н.э. Население Горного Алтая, находясь почти в центре такого формирования, наряду с собственным развитием, естественно, испытывало в результате контактов ряд влияний из других регионов. В то же время имел место и обратный процесс воздействия, т.е. шло взаимопроникновение культурных традиций (Грязнов, 1992). Последнее обстоятельство довольно хорошо просматривается при анализе и сравнении алтайских и восточно-казахстанских материалов. Аналогии зафиксированным погребально-поминальным конструкциям бийкенской археологической культуры можно отметить на территории Западного Казахстана и Юж-

ного Урала (Тишкин, Дашковский, 2003б). Наиболее близкие черты фиксируются в материалах алды-бельской культуры Тувы (Кирюшин, Тишкин, 1997).

Необходимо затронуть вопрос о соотношении бийкенской и майэмирской культур. Несмотря на то, что ранее на протяжении нескольких десятилетий все памятники Алтая раннескифского времени относились к майэмирской культуре (майэмирскому этапу), тем не менее современный уровень исследований позволяет довольно четко разграничить два указанных культурно-исторических образования (Кирюшин, Тишкин, 1997; Шульга, 2000; Марсадолов, 1985, 2000а; Тишкин, 2003а; и др.). Исследованные комплексы (см. приложение) занимают разные территории, но отражают имевшиеся контакты разного плана и единый характер происходивших эпохальных процессов.

Как уже было сказано, объекты бийкенской культуры локализируются в основном в Центральном Алтае и в сопредельных к нему районах. Памятники майэмирской культуры (Тишкин, Дашковский, 2003, с. 290) располагаются на территории Западного, Северо-Западного Алтая и Предалтайской равнины. Основными показателями **майэмирской** культуры являются следующие характеристики: расположение курганов микропечками, погребальная камера в виде могильной ямы (порой довольно глубокой) с подбоем и каменным заслоном или с каменным ящиком; наличие кольцевых выкладок по периметру насыпи или отсутствие каменной наброски; совместное захоронение человека с лошадьё, овцой или с уздой (в севером или северо-восточном секторе); погребенные лежали вытянуто на спине, головой на север или северо-запад. Имеются и определенные особенности исследованных объектов (Тишкин, 2003а), но их представление, как и периодизация майэмирской культуры, не входит в задачу данной монографии. Взаимодействие между населением указанных культур, несмотря на довольно четкую границу по западным хребтам Алтая (Кирюшин, Тишкин, 1997), проявилось в зафиксированных типах погребений и вещевых комплексах на территории распространения рассмотренных групп памятников не только в контактных зонах, но и в «центрах». Установленные соотношения позволяют объяснить выявленные ранее особенности отдельных объектов, миграционные пути, этнокультурные процессы и многое другое. Анализ материалов по бийкенской и майэмирской культурам Алтая, позволил выделить особен-

ности сооружения погребальных конструкций, поминальных объектов, традиций ориентации и положения умершего человека, сопроводительного захоронения лошади и т.д., а также реконструировать тенденции этнокультурного развития региона в раннескифский период.

В конце этой главы кратко остановимся на радиоуглеродных датировках памятников Алтая аржано-майэмирского времени. К сожалению, такие данные до недавнего времени были единичны. Первый показатель получил В.Д. Кубарев (1998, с. 77) по кургану №1 памятника Каракол (Марсадолов, Зайцева, 1999, с. 112). Анализируя эти данные (см. приложение), следует заключить, что захоронение может быть датировано самым концом VII и началом VI вв. до н.э., что соответствует временным рамкам выделенного нами заключительного (бойтыгемского) этапа бийкенской культуры.

Показатель еще одного радиоуглеродного анализа нам любезно предоставил А.А. Ковалев, который вместе с Д. Эрдэнэбаатаром в 2004 г. раскопал курган №2 раннескифского времени на памятнике Хух удзуур в Монголии в Булган сомоне (на правом берегу р. Булган). По костям человека получена дата 2685 ± 110 лет (Le-7213). Осуществлена ее калибровка (см. приложение). Несмотря на широкий разброс календарных дат, объект может быть датирован серединой VIII в. до н.э. (ориентируясь на среднестатистический показатель), что, возможно, отражает процессы продвижения кочевников после падения государства Западное Чжоу.

В настоящее время обозначенная проблема радиоуглеродного датирования памятников раннескифского времени Алтая требует целенаправленного решения. На начальном этапе необходима подготовка разнообразных проб. Учитывая особенности погребального обряда, сделать это будет довольно проблематично. Тем не менее существующее количество исследованных курганов и перспективность новых раскопок позволяют использовать современные естественно-научные методы. Для увеличения количества абсолютных датировок в 2005 г. нами в лабораторию ИИМКа (руководитель Г.И. Зайцева) на определение радиоуглеродным методом были переданы «некондиционные» кости лошадей, найденные в кургане №19 памятника Бойтыгем-II (раскопки М.Т. Абдулганеева, Le-7428, 7429), а также в объектах №17 и 10 памятника Бийке (раскопки автора, Le-7430, 7431). Полученные результаты (см. приложение) дополняют обозначенные тенденции. Не так давно был опубликован результат радиоуглеродного датирования фрагмента кожи

из памятника майэмирской культуры Гилево-10 (Шульга, 2003). Полученный показатель (GrA-24421, 2490 ± 45 BR), «...несмотря на широкий диапазон калиброванных значений, не противоречит синхронизации...» этого комплекса с раскопанным в Туве курганом раннескифского времени Аржан-2 (Евразия..., 2005, с. 137). При завершении раскопок хорошо известного памятника Тыткескень-VI в 2006 г. исследованы курганы бийкенской культуры (Кiryошин, Кунгуров, Тишкин, Матренин, 2006). По взятым пробам получены три даты: 2595 ± 35 (GU-14927), 2320 ± 35 (GU-14926) и 2500 ± 120 (Le-7649) лет, калиброванные результаты которых (см. приложение) позволяют относить объекты №74 и 85 к аржано-майэмирскому времени.

Дальнейшее использование комплексного и междисциплинарного подходов позволит уточнить многие культурно-хронологические и этнокультурные аспекты. Пока они отражают характеристики раннескифского периода Алтая в целом. В этом плане пазырыкскую общность можно считать более изученной. О современном состоянии уровня исследования наиболее известной культуры скифо-сакского времени будет изложено в следующей главе.

В заключение кратко подведем итоги проделанной работы. Итак, для Алтая выделена бийкенская археологическая культура аржано-майэмирского времени, в развитии которой обозначены три последовательных этапа (куртуский, семисартский и бойтыгемский). Вопрос о ее происхождении остается открытым. Однако процесс развития непосредственно связан с Алтаем. Анализ материалов свидетельствует о том, что носители культуры были вовлечены в систему отношений разного характера, что дало возможность наметить их этнокультурную историю, реконструировать мировоззренческие представления и отразить многие стороны существования.

Глава 2

ПАЗЫРЬКСКАЯ КУЛЬТУРА (ПАЗЫРЬКСКОЕ ВРЕМЯ) : СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЯ

Как было продемонстрировано во второй главе раздела I, история древнего населения Алтая интересовала исследователей еще с XVIII в. Но по объективным причинам (главным образом из-за отсутствия необходимой источниковой базы) разработать и сформулировать концептуальные положения этнокультурного характера было достаточно сложно. Тем не менее отдельные попытки учеными в данном направлении предпринимались (Демин, 1989). В этом плане мы уже отметили выводы В.В. Радлова (1989), которые он смог сделать благодаря проведению в Сибири обширных комплексных исследований.

Только в 1920–1950-е гг. с накоплением различных сведений археологи, в частности М.П. Грязнов (1930, 1939, 1950, 1951, 1956 и др.), С.И. Руденко (1930, 1952, 1953, 1960 и др.), С.В. Киселев (1947, 1949, 1951) и др., стали высказывать и обосновывать свое понимание культурно-исторических процессов, происходивших на Алтае. Необходимо указать, что представленные тогда реконструкции, касавшиеся скифской эпохи, были построены преимущественно на материалах раскопок прежде всего «элитных» погребальных комплексов (Пазырык, Туэкта, Башадар, Берель, Катанда, Шибе). Это связано с тем, что курганы рядовых кочевников почти не попадали в сферу научных интересов, поскольку экспедиции ориентировались на изучение именно «царских» захоронений как наиболее информативных объектов. Тем не менее в ходе строительства Чуйского тракта и при других обстоятельствах оказались известны разные категории погребений (Марсаолов, 1996; Суразаков, 1989; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Китова, 2003).

Ситуация в области изучения скифской эпохи Алтая стала серьезным образом меняться в 1960–1980-е гг. В это время в стране активно осуществлялись различные строительные проекты. Начались масштабные работы, связанные с реализацией программы по мелиорации земель Сибири. В аварийном состоянии оказались сотни курганов Алтая, попавшие в зоны запланированных народнохозяйственных мероприятий. Указанные обстоятельства привели к тому, что исследователи переключили свое внимание с «элитных» погребальных комплексов на захоронения основной массы кочев-

ников. Такой подход позволил существенным образом увеличить количество источников по интересующему нас периоду истории. В данном же направлении были предприняты специальные исследования академических и других учреждений ряда городов страны (Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Барнаула, Кемерово, Горно-Алтайска и др.). Полученные обширные материалы позволили пересмотреть представления об этнокультурной ситуации на Алтае в скифскую эпоху. Общий анализ предложенных концепций и отдельных разработок уже предпринимался и отражен в научной литературе (Тишкин, 1994а; Марсадолов, 1996; Кирюшин, Тишкин, 1997; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Тишкин, Дашковский, 2003б, 2004, 2005; и др.). Поэтому в данной главе мы изложим в основном дискуссионные проблемы, а также представим уточненную культурно-хронологическую схему и реконструкцию этнокультурной истории в пазырыкское время. Обширная сводка памятников, составленная при участии автора, опубликована (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003). Поэтому перечень хорошо известных археологических объектов, используемых для анализа, приводиться не будет. Он в общем виде размещен в приложении.

Выделение пазырыкских памятников связано с деятельностью М.П. Грязнова. Однако исследователь рассматривал их в качестве отражения одного из этапов развития культуры ранних кочевников (Грязнов, 1939). Как уже было сказано, обозначение «пазырыкская культура» использовал В.Н. Чернецов (1954, с. 186) при написании рецензии на одну из монографий С.И. Руденко. Широкое же применение словосочетания распространилось позже.

Д.Г. Савинов указал на возможность выявления ранних и поздних черт в памятниках пазырыкской культуры (Тишкин, Дашковский, 2004, с. 70–71). К элементам раннескифского времени в пазырыкских курганах он отнес зеркала с бортиком, трехперые черешковые наконечники стрел, бронзовые пряжки со шпеньком, цилиндрические обоймы-«тройники» и др. При этом исследователь особо подчеркнул, что речь идет не об эволюции этих предметов в рамках одной культуры, а о повторении (вотивном) прежних форм в пазырыкское время. Тем самым ученый признавал существование в Горном Алтае, кроме пазырыкской культуры, еще и отдельной культуры раннескифского времени. К поздним элементам в пазырыкских памятниках, характерным больше для «гунно-сарматского» и тюркского времени, Дмитрий Глебович отнес костяные

пряжки с выступающим наружу шпеньком, двухдырчатые костяные псалии, подвесные щитки с круглым и сердцевидными прорезями, подвески в виде копыта и т.д. (Савинов, 1975, с. 50–52).

В одной из своих последующих работ археолог более детально остановился на анализе завершающего этапа пазырыкской культуры. Для развернутой характеристики этого этапа ученый привлек материалы из Минусинской котловины, Тувы и Восточного Казахстана. Детальное рассмотрение всех этих комплексов позволило Д.Г. Савинову, по сути дела, впервые пересмотреть датировку шибинского этапа (II в. до н.э. – I в. н.э.), выделенного М.П. Грязновым еще в 1939 г. В результате исследователь пришел к выводу, что последний этап пазырыкской культуры следует датировать II–I вв. до н.э. Само завершение развития пазырыкской культуры связывалось им с северным походом хунну в конце III в. до н.э. Это историческое событие оказало влияние не только на кочевников Алтая, но и на племена Тувы, Восточного Казахстана и Минусинской котловины. В целом Д.Г. Савинов (1978, с. 53–54) заметил, что «изменения в культуре ранних кочевников Саяно-Алтайского нагорья... были выражением общей закономерности процессов оккультурации, происходивших на грани двух культурно-исторических эпох – скифской и гунно-сарматской, которые поглотили яркую пазырыкскую культуру Горного Алтая».

Специальное изучение скифской эпохи предпринял А.С. Суразаков, который, проанализировав материалы из позднепазырыкских памятников, вслед за С.И. Руденко (1960, с. 161–171), С.С. Черниковым (1975, с. 133), Д.Г. Савиновым (1978) и Л.Л. Барковой (1978, 1979) выступил с предложением пересмотреть дату шибинского этапа (II в. до н.э. – I в. н.э.), предложенную в свое время М.П. Грязновым (1939). По мнению исследователя, особенности погребального обряда и инвентарь из памятников позднепазырыкского времени позволяют обозначить новую дату шибинского этапа – III–I вв. до н.э. (Суразаков, 1980, с. 200–201).

Занимаясь вопросами этнокультурной истории, А.С. Суразаков попытался в 1983 г. обосновать выделение особой кара-кобинской культуры, которая вместе с ранее известной пазырыкской культурой укладывалась в VI–II вв. до н.э. (Тишкин, Дашковский, 2004, с. 81–82). Главными особенностями кара-кобинской культуры объявлялись следующие показатели: погребения с умершими в каменных ящиках обычно без сопроводительного захоронения лоша-

ди, отсутствие балбалов, кольцевых выкладок, черной краски для окраски волос (Суразаков, 1983; 1989, с. 128–129 и др.). Эти идеи получили развитие в других работах А.С. Суразакова (1985, 1989) и в публикациях В.А. Могильникова (1983а–б, 1986 а–б, 1988).

В последующем А.С. Суразаков (1985; 1989, с. 81–114) все известные памятники пазырыкской культуры подразделил на три хронологические группы: 1) конец VI–V вв. до н.э.; 2) V–IV вв. до н.э.; 3) III–II вв. до н.э. При этом ученый отметил, что могильники «пызырыкцев» занимали центральную и восточную части Горного Алтая: верховья Катуня с ее притоками, бассейны рек Чулышмана и Башкауса, верховья Бухтармы. Он также не исключил возможность распространения аналогичных памятников в западных областях Монголии (Суразаков, 1989, с. 124). Важная роль в процессе этногенеза населения Горного Алтая раннего железного века отводилась племенам культуры херексуров и монгун-тайгинской культурной общности. Надо заметить, что постепенно А.С. Суразаков стал соглашаться с мнением большинства исследователей о том, что памятники древнего населения Горного Алтая VI–II вв. до н.э. более правомерно относить к одной археологической культуре (пазырыкской), в рамках которой существовали разные типы погребений, в том числе и в каменных ящиках (Суразаков, 1988, с. 170). В своей итоговой работе «Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения» А.С. Суразаков дал подробную характеристику пазырыкских и каракобинских некрополей, а также чумышско-ишимской группе памятников, не относящейся к обозначенным культурам (Суразаков, 1989, с. 154–156 и др.). Позднее на материалах из предгорной зоны Алтая была выделена быстринская культура (Киреев, 1992, 1994; Тишкин, 1996в). В процессе завершения своих культурно-хронологических построений А.С. Суразаков (1989, с. 46) объединил памятники VI–II вв. до н.э. из Северо-Западной Монголии, Тувы, Восточного Казахстана и Горного Алтая в саяно-алтайскую культурно-историческую общность (Тишкин, Дашковский, 2004, с. 82).

Основания для рассматривания пазырыкской культуры как единой (VI–II вв. до н.э.) для скотоводческой зоны Горного Алтая и включающей в себя несколько типов погребений привел П.И. Шульга (1986, с. 20–23) на конференции «Скифская эпоха Алтая», которая состоялась в Барнауле.

В 1980-е гг. А.И. Мартыновым разрабатывалась проблема «скифо-сибирского культурно-исторического единства», которая

имела такое же значение, как и идея о «ранних кочевниках» М.П. Грязнова (Тишкин, Дашковский, 2004, с. 102). Концепция «скифо-сибирского единства» легла позднее в основу теории «кочевой цивилизации» (Мартынов, 1989а–б). В рамках этой теории представителям пазырыкского общества отводилось особое место. Социум кочевников Горного Алтая так же, как и племена Казахстана, Тувы, Минусинской котловины и ряда других территорий степного пояса Евразии, характеризовался сложной стратого-социальной структурой, наличием «основной производительной массы – общинников, господствующей части общества, воинов и ремесленников». Верховная власть была сосредоточена у царя-правителя государства, который, судя по аналогии с материалами из кургана Иссык, выполнял и определенные религиозные функции (Мартынов, 1989б, с. 290). Рассматривая вопрос о формировании государственности у кочевников, ученый позднее несколько удревил этот процесс. Исследования А.И. Мартынова, с одной стороны, подводили определенный итог в изучении истории кочевников, а с другой, давали теоретическую модель, требующую в дальнейшем подтверждения фактическим материалом (Тишкин, Дашковский, 2004, с. 102).

В 1980–1990-е гг. значительное количество материалов опубликовал В.Д. Кубарев (1987, 1991, 1992 и мн. др.). Интересующие нас проблемы им были затронуты лишь частично. По крайней мере, целостная культурно-хронологическая концепция в публикациях исследователем не отражена. Отдельные взгляды и мнения В.Д. Кубарева уже излагались нами выше по тексту и найдут отражение далее.

В 1993 г. К.В. Чугунов опубликовал небольшое сообщение о вопросах датировки больших Пазырыкских курганов, привлекая материалы зарубежных исследователей по этой проблеме. В результате была поднята старая тема и появилась возможность вновь посмотреть на прежние исследования с других позиций. Высказанное мнение по поводу «омоложения» памятников скифской эпохи имела разную реакцию со стороны ведущих специалистов. Однако, на наш взгляд, должного обсуждения не состоялось, хотя работа в области хронологии древностей скифского времени активизировалась. Одним из результатов стала коллективная монография «Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология» (СПб., 2005).

Исследователей волновали вопросы этнической идентификации яркой пазырыкской культуры и проблемы ее происхождения.

В свое время С.И. Руденко предложил отождествлять «пазырыкцев» с юечжами китайских источников. Эту точку зрения с определенными оговорками приняли С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов (1994, 2005) и другие исследователи. Ю.А. Зуев (2002, с. 13–14) в своей монографии прямо пишет о «юечжи-пазырыкцах».

Разработкой теории этногенеза «пазырыкцев» занимался Л.С. Марсадолов (1985, 1996, 1997, 2000 и др.). Некоторые результаты таких исследований уже нами изложены в третьей главе первого раздела.

Определенное внимание изучению этнокультурной истории Алтая уделял в своих работах П.И. Шульга (1986, 1998а, 1999, 2000 и др.). Кроме того, исследователь обратил внимание на имевшиеся антропологические данные. По его мнению, близость антропологического типа «пазырыкцев» и кочевников Парфии, Северной Бактрии, Маргианы во многом связана с перемещением сакского населения на Алтай и в Восточный Казахстан в VII – начале VI вв. до н.э., а не приходом в 584–583 гг. до н.э., как считает Л.С. Марсадолов, нового населения из Передней Азии. П.И. Шульга (1998а, с. 709–710) также высказался о неправомерности искать прародину «пазырыкцев» на территории Китая, поскольку, во-первых, китайские изделия встречаются только в достаточно поздних пазырыкских памятниках, а во-вторых, «большая часть «китайских» образов таковыми, по-видимому, не является». Свои обобщающие выводы по характеристике пазырыкской культуры П.И. Шульга (2003, с. 115–118) сформулировал в одной из монографий.

Н.В. Полосьмак обратила внимание на материалы из погребений северо-западного Синьцзяна (элементы звериного стиля, посуда, оружие, одежда и татуировка). Она указывает, что некоторые черты погребального обряда скотоводов Алтая, например, мумификация, имеют аналогии в рассматриваемой культуре, что определялось обрядом жизни кочевников в горной местности, общностью основных мировоззренческих представлений, постоянными контактами между «пазырыкцами» Горного Алтая и населением Синьцзяна, а также, возможно, их этнической однородностью (Полосьмак, 1998, с. 342; 2001).

Изучая вопрос взаимодействия населения Горного Алтая с племенами сопредельных регионов, В.А. Могильников обращался к рассмотрению погребений катакомбного типа скифского времени (Тишкин, Дашковский, 2004, с. 67). По мнению ученого, появление

на Алтае таких памятников связано с проникновением на эту территорию саков Казахстана и Средней Азии (Могильников, 1994). В своей монографии «Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э.» он продолжил исследование этнокультурных процессов на Алтае и пришел к следующим выводам. Контакты племен Верхнего Приобья с «пазырыкцами» были менее интенсивны, чем с саками Казахстана. Эти связи распространились преимущественно на предгорья, где «...в результате взаимодействия с горно-алтайским этносом в VI – начале V в. до н.э. (Быстрянка) появился обряд сопроводительных конских захоронений, исполнявшийся в отличной от пазырыкской форме с положением коня к югу от покойника головой на запад» (Могильников, 1997, с. 103–104). Наибольшее влияние «горноалтайцев» на население Верхнего Приобья относится к V–IV вв. до н.э., что нашло отражение, в частности, в материале курганов могильника Рогозиха-I. Одним из итогов взаимодействия с «пазырыкскими» племенами «культуры населения Саяно-Алтая в целом» явилось распространение в Верхнем Приобье «предметов вооружения саяно-алтайского воина», состоящего из кинжала, чекана, лука и стрел. В.А. Могильников считал, что слабость контактов «пазырыкцев» с племенами Верхнего Приобья обусловлена особенностями экологической ниши в этом регионе (Тишкин, Дашковский, 2004, с. 67). В частности, он указал на существование между основным ареалом расселения кочевников Горного Алтая к югу от Семинского хребта и приалтайской лесостепью пояса низкогорий с большим количеством осадков, покрытого преимущественно лесом, малопригодным для кочевания. Именно эта естественная преграда ограничивала контакты между населением Горного Алтая и алтайской степью и лесостепью (Могильников, 1997).

В одной из своих работ В.А. Могильников (1999, с. 137), продолжая рассматривать проблемы этнокультурной истории Алтая, отмечал, что взаимодействие между «пазырыкцами» и саками хорошо прослеживается по некоторым объектам северо-западных предгорий Алтая (Гилево-Х, курганы №1, 2). Примечательность таких памятников заключается в сочетании сакских (каменно-земляные насыпи с кольцом из наброски камней или развалившейся ограды по периметру, погребения в грунтовых ямах, западная ориентация умерших и др.) и пазырыкских (погребальная камера в виде сруба и бревенчатой обкладки, сопроводительные захороне-

ния лошадей и др.) элементов погребального обряда. По мнению ученого, данная синкретичность обрядности обусловлена локализацией региона в зоне контактов саков Казахстана, «пазырыкцев» Алтая, многокомпонентных по генезису этносов каменной и быстрианской культур. Кроме того, он особо подчеркнул, что население каменной и староалейской культур Верхнего Приобья не испытало серьезного влияния «пазырыкцев», поскольку последние не углублялись далеко в степные районы Алтая (Могильников, 1999, с. 137–138).

К изучению «позднескифского» этапа, кроме Д.Г. Савинова (1978), Л.Л. Барковой (1978, 1979) и А.С. Суразакова (1980), обращались А.С. Васютин (1991), Ю.С. Худяков (1993, 1998 и др.), В.В. Бобров, А.С. Васютин, С.А. Васютин (2003) и другие исследователи. В результате были выделены основные черты памятников данного этапа, определены его хронологические границы, хотя до сих пор продолжается дискуссия о конечной дате завершения пазырыкской культуры (рубеж III–II или II–I вв. до н.э.). Ю.В. Тетерин (1994, с. 126–129) считает вообще нецелесообразным выделение позднескифского (Шибинского) этапа пазырыкской культуры. Все эти проблемы были связаны с имевшейся лакуной – отсутствовали памятники, хорошо датируемые II в. до н.э. и сопоставимые с культурой хунну. В настоящее время этот пробел заполнен материалами памятников усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры (см. следующую главу) и прежде всего ранней группы комплекса Яломан-II (Тишкин, Горбунов, 2003а; 2006).

Современный анализ основных элементов погребального обряда кочевников Горного Алтая пазырыкского времени, зафиксированных в процессе археологических раскопок, позволил сделать ряд выводов и обобщений, опубликованных в серии монографии (Кубарев, 1987, 1991, 1992; Полосьмак, 2001; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Тишкин, Дашковский, 2003б; Кирюшин, Степанова, 2004; и др.).

Некрополи кочевников представляют собой «цепочки» курганов, вытянутых преимущественно в направлении Ю–С, хотя есть и другие варианты расположения. Формирование цепочек осуществлялось по-разному (Сорокин, 1974, с. 90; Могильников, 1983, с. 25; Кубарев, 1987, 1991, 1992; Суразаков, 1994, с. 72; Марсадолов, 1997, 2000б, с. 70; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; и др.). Известны случаи устройства «цепочки» только из двух курганов, на-

пример, на могильнике Юстыд–ХХII (Кубарев, 1991, с. 21). Зафиксировано сооружение и одиночных погребальных объектов, в частности, на памятнике Ак-Алаха-III (Полосьмак, Молодин, 2000, с. 73; Полосьмак, 2001), что связано с особым социальным статусом погребенного там человека. Кроме того, многие курганы скотоводов с востока сопровождают ряды вертикально установленных камней разной величины или больших стел, а с запада – ритуальные каменные выкладки. В целом же топография и планировка могильников повторяли особенности расположения реальных жилищ кочевников Центральной Азии на протяжении длительного исторического периода (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 54–56). При этом изучение всей совокупности археологических источников и этнографических материалов позволило установить, что у «пазырыкцев», как и у других кочевых народов, наряду с куренной преобладала айильная планировка поселков (Шульга, 1989, с. 42–43). Аналогичная традиция зафиксирована в Горном Алтае начиная с раннескифского времени (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 56) и является до сих пор традиционной в Монголии (Жуковская, 2002).

Погребальные сооружения кочевников, несмотря на определенную вариабельность в параметрах и конструктивных элементах, представлены преимущественно курганами с каменными насыпями, под которыми в могильных ямах сооружались деревянные срубы, реже каменные ящики и рамы, а также другие внутримогильные конструкции (каменная обкладка, деревянный ящик и др.) (Тишкин, Дашковский, 1997, 2003б). Умершего человека обычно укладывали скорченно на правый бок и ориентировали головой на восток (Тишкин, Дашковский, 1998, 2003б). В «элитных» погребениях в двойных или одинарных срубках с колодами покойники обычно обнаружены в вытянутом положении, но с неизменной ориентацией в восточном направлении. Примерно в 40% исследованных пазырыкских курганов были зафиксированы сопроводительные захоронения лошадей. Отсутствие этого признака во всех погребальных объектах VI–II вв. до н.э. обусловлено особенностями социального и имущественного положения кочевников (Тишкин, Дашковский, 1998, 2003б).

Результаты анализа погребального обряда кочевников Алтая скифской эпохи позволяют коснуться отдельных моментов, связанных с возможностью продолжения исследований по территориально-хронологическому разграничению памятников пазырыкской

культуры и прежде всего с выделением ее локальных вариантов. Надо отметить, что в настоящее время разработаны методологические основы и терминологический аппарат для такого рода анализа и исторических реконструкций (Тишкин, Дашковский, 2003а–б, 2005а), на которых следует остановиться еще раз.

Процессы формирования в рамках той или иной культуры/цивилизации особых локальных очагов (историко-культурных регионов, областей и т.п.) на философско-методологическом уровне изучались такими известными мыслителями, как А. Тойнби (1991), Ш. Эйзенштадт (1998), Э. Шилз (1998), Б.С. Ерасов, Г.А. Аванесова (1998) и др. Данная проблема решалась учеными, как правило, в русле рассмотрения взаимодействий центра культуры/цивилизации и ее окраин (Тишкин, Дашковский, 2003а, с. 166). Исследователи указывали на динамизм периферии и ее двойственную природу. Это выражается в том, что, с одной стороны, центр доминирует над периферией и задает модель для ее социокультурного развития, а с другой – периферия может при определенных условиях воздействовать на центр, заменить его или даже отделиться (Шилз, 1998, с. 174). Указанные положения важно учитывать при выявлении контактных зон, при установлении границ археологических культур, этнокультурных общностей, культурно-исторических регионов и т.п. Определенный опыт анализа конкретной ситуации такого плана уже демонстрировался на материалах предгорий Алтая скифской эпохи (Тишкин, 1996в; Абдулганев, Тишкин, 1999; и др.).

В контексте методологического обоснования выделения локальных вариантов можно отметить теоретические разработки С.И. Дегтярева (2001), который предложил интерпретировать археологическую культуру как репрезентацию локальной культуры прошлого в системе ее материально-вещественных фрагментов. Несмотря на то, что философ анализировал несколько иную проблематику, тем не менее целесообразно обратить внимание на те основные характеристики локальной культуры, которые им трактуются как ее базовые классы ценностей. К числу последних относятся: особенности физического существования субъекта; специфика природно-географической среды; собственный социальный опыт субъекта, выражающийся в производственной деятельности и отмеченный в ее результатах (орудия и средства труда) (Дегтярев, 2001, с. 152).

В русском языке слово «локальный» определяется как «местный, не общий» (Даль, 1994, с. 264) или «местный, не выходящий за определенные пределы» (Ожегов, 1990, с. 331). В отечественной археологии внимание различным локальным явлениям уделяли такие исследователи, как Л.С. Клейн (1990, 1991), В.М. Массон (1976, 1996), В.Ф. Генинг (1983, 1989) В.С. Ольховский (1991) и некоторые другие. Так, В.М. Массон отводит рассматриваемой категории важное место в трехуровневой иерархической системе: локальный вариант – культура – культурная общность. При этом отмечается, что в рамках одной археологической культуры между отдельными ее локальными вариантами должно наблюдаться 100–50-процентное совпадение сочетаемости типов (жилищ, керамики, инвентаря и т.п.) (Массон, 1996, с. 27). Другой ученый, Л.С. Клейн (1990, с. 92), первоначально предложил рассматривать категорию «локальный вариант» как «...вариант археологической культуры, отличающийся от других ее вариантов не только типологически, но и территориально – по ареалу, причем его ареал почти не дает взаимоналожений с другими, синхронными». Немного позднее он добавил, что анализируемое понятие относительное, «...а отношение – симметричное: если некоторый вариант выступает локальным по отношению к другому или другим, то и они оказываются локальными» (Клейн, 1991, с. 392).

Достаточно обстоятельно рассматриваемая проблема решалась В.С. Ольховским на основе изучения памятников скифского времени Северного Причерноморья (Тишкин, Дашковский, 2003б, с. 162). Исследователь полагал, что археологические источники позволяют выделять не только локальные варианты, но также локальные группы и локальные зоны. В этой связи отмечается, что локальные группы памятников, очевидно, могут отражать этнокультурные различия населения. Территориально близкие и существенно сходные локальные зоны составляют локальный вариант культуры. Важно, на наш взгляд, отметить мнение В.С. Ольховского (1991, с. 170) о том, что локальным вариантом можно считать крупную (более 100 памятников) локальную зону с ярко выраженным своеобразием, которая представляет собой достаточно динамичное явление, способное как к внутреннему саморазвитию, так и к взаимодействию с различными локальными вариантами культуры на уровне интеграции или дезинтеграции.

Приведенный спектр подходов к обозначенной дефиниции позволил сделать следующие выводы. Во-первых, локальный вари-

ант является составной частью археологической культуры. Во-вторых, он занимает определенную территорию и существует в конкретный хронологический отрезок. В-третьих, локальный вариант обладает набором специфичных, свойственных только ему, социокультурных характеристик, представленных в различных археологических источниках. В-четвертых, формирование локальных вариантов обусловлено динамикой существования культуры как за счет органичного внутреннего саморазвития, так и при взаимодействии в контактных зонах с другими аналогичными по сути явлениями. И, наконец, в-пятых, локальный вариант при определенных условиях может трансформироваться в самостоятельную культуру (Тишкин, Дашковский, 2003а, с. 167).

Проблема выделения локальных вариантов пазырыкской культуры Алтая связана с пониманием общей этнокультурной ситуации в этом регионе в скифскую эпоху. Эта тема уже неоднократно становилась объектом специального рассмотрения (Суразаков, 1989; Тишкин, 1994а; Марсадолов, 1996; Шульга, 1999; Дашковский, 2001б; и др.). Основное внимание исследователи уделяли, как правило, вопросам хронологии и периодизации пазырыкской культуры, выделению различных типов погребений. В меньшей степени археологи касались проблем этно- и культуругенеза, а также анализа процессов взаимодействия в контактных зонах носителей пазырыкской культуры с представителями других археологических культур из сопредельных районов Тувы, Восточного Казахстана, Северо-Западной Монголии и Китая. На интуитивном уровне осознавалась необходимость и возможность выделения локальных вариантов пазырыкской культуры (Киреев, 1991, с. 120). Это выразилось, в частности, в стремлении части археологов систематизировать накопленный фактический материал и на основе имеющихся теоретических разработок строить концепцию этнокультурного развития населения Алтая в скифскую эпоху (Могильников, 1983, 1986а–б; Суразаков, 1983, 1989; Шульга, 1986, 1999; Марсадолов, 2000а; и др.). При этом важно отметить, что иногда ученые одну и ту же источниковую базу (например, памятники кара-кобинского типа) пытались интерпретировать как отдельную археологическую культуру, как самостоятельную группу памятников, как локальный вариант и как тип погребений (подробно об этом см. ниже). Кроме того, некоторые исследователи были склонны рассматривать в качестве «северного» локального варианта неболь-

шую группу памятников, расположенных в зоне взаимодействия носителей двух археологических культур, в данном случае быстринской и пазырыкской (Киреев, 1992, с. 52). В результате таких подходов происходило смешение набора признаков, которые свойственны собственно каждому явлению в отдельности.

Очевидные методологические противоречия и нестыковки исходных теоретических построений с реальными археологическими источниками привели ученых к единому мнению о том, что на территории Алтая в VI–II вв. до н.э. существовала одна пазырыкская культура, которая при этом включала в себя различные этнокультурные элементы (Тишкин, Дашковский, 2003б, с. 164). В дальнейшем исследователи сосредоточились на анализе особенностей развития пазырыкской культуры в отдельных районах Алтая и на рассмотрении составляющих ее элементов. В такой ситуации представляется не случайным появление в конце 90-х гг. XX в. и в начале XXI в. работ, в которых указывалось на возможность выделения локальных вариантов пазырыкской культуры. В 1998 г. такая идея касалась района нижнего и частично среднего течения (Тишкин, Дашковский, 1998в, с. 18). Это мнение встретило поддержку (Миронов, 1999, с. 41–42; 2000), так как начиная с 90-х гг. XX в. многие исследователи отмечали значительное своеобразие памятников скифского времени этого района (Кирюшин, 1989; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 1997; Степанова, 1999б; 2000; Кубарев, 2001; Кирюшин, Степанова, 2001; и др.), но принципиально вопрос о выделении локального варианта не ставился. Кроме того, не было теоретического и практического обоснования обозначенного явления.

Изученные памятники на указанной территории обладают следующими отличительными характеристиками (Тишкин, Дашковский, 2003б, с. 164–165). Отмечается невысокий процент (14,6%) погребений человека с сопроводительным захоронением лошади (Тишкин, Дашковский, 1998в, с. 17). Демонстрируется разнообразие внутримогильных конструкций (каменные ящики и обкладки могильной ямы, деревянные срубы упрощенной конструкции и рамы) (Тишкин, Дашковский, 1997; Степанова, 1999б, с. 509; 2000; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003). Во многих случаях зафиксированы ориентации курганных цепочек не только традиционно по линии Ю–С, но и по-разному относительно Катунь: перпендикулярно или параллельно ее берегу (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 1997, с. 102). Характерны также неустойчивые показатели

ориентации и положения умерших людей в могиле. Кроме «классического» пазырыкского варианта (положение погребенного скорчено на правом боку головой на восток), зафиксировано довольно значительное число погребений, в которых умершие лежали на спине как с подогнутыми, так и с вытянутыми ногами. При этом они были ориентированы в различных направлениях (Тишкин, Дашковский, 1998б, с. 79–81). Определенные отличия наблюдаются при анализе вещевого комплекса (Степанова, 1999б, с. 511; 2000; Кубарев, 2001, с. 122; и др.), в частности, керамики. Несмотря на то, что по своей форме, технике изготовления и характеру росписей она тяготеет к пазырыкской, тем не менее, по ряду показателей (сосуды с ушками, большой процент баночной посуды; сосуды с двумя отверстиями и др.) можно проследить влияние большереченской культуры и более западных культур сако-савроматского облика (Кубарев, 2001, с. 122). Некоторые исследователи считают особенностями памятников указанного района отсутствие в погребениях деревянной посуды (хотя она могла просто не сохраниться), частая встречаемость в них крюков, заколок и напротив – небольшое число обнаруженных серег (Степанова, 1999б, с. 511). Кроме того, специфичной чертой погребального обряда, не характерной для пазырыкской культуры, является отсутствие в ряде случаев (в том числе в неграбленных погребениях) керамической посуды в захоронениях мужчин (Кубарев, 2001, с. 121).

Имеющиеся особенности памятников VI–II вв. до н.э. нижнего и частично среднего течения Катуня сформировались в результате сложного процесса взаимодействия древних племен горных районов Алтая и предгорно-равнинной его части. Располагая в настоящее время фактическими материалами, а также соответствующими философско-методологическими положениями и теоретическими разработками по археологии, нами было предложено выделить локальный вариант пазырыкской культуры (Тишкин, Дашковский, 2003а–б), название которому целесообразнее обозначить как «тыткескенский» по наиболее хорошо изученному экспедициями Алтайского госуниверситета курганному могильнику Тыткескень-VI, который монографически опубликован (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003) и полностью раскопан (Кунгуров, Тишкин, Матренин, 2006). Дальнейшие исследования в этом направлении позволят на качественно ином уровне решать вопросы этнокультурного и культурно-хронологического развития кочевников Алтая скифской эпохи.

Стоит указать на работу Н.Ф. Степановой (2004) по поводу выделения нескольких локальных вариантов пазырыкской культуры. Исследовательница отдает предпочтение обозначению «северный» вместо «тыткескенский», тем не менее ею подробно рассматриваются другие варианты названия по памятнику или группе могильников, наименованию крупных рек или территорий. В результате был сделан вывод о возможной замене понятия «северный» локальный вариант на «североалтайский» или «северопазырыкский». Осталось, правда, еще выяснить, откуда считать направление на север, а также указать конкретные границы явно расширенной зоны. В упомянутой и в других публикациях Н.Ф. Степановой (1999б, 2000) почему-то территория «Средней Катуни» противопоставляется Горному Алтаю, хотя совершенно ясно, что первое – составная часть второго. Более правильным, на наш взгляд, является ее заключение о том, что пазырыкская культура представляла «...некое образование или общность, включавшее разные племена со своей культурой...» (Степанова, 2004, с. 274). В этом плане указанная многими исследователями полиэтничность является важным показателем уровня консолидации неоднородного населения вокруг этноэлиты в пазырыкском социуме (Тишкин, Дашковский, 2005б, с. 53).

В Юго-Восточном Алтае, на границе с Тувой, также выделяется группа объектов интересующего нас времени с определенным своеобразием в погребальном обряде (внутримогильная конструкция, как правило, в виде квадратного сруба, положение умершего человека скорченно на левом боку с ориентацией головой преимущественно на запад; редко встречается сопроводительное захоронение лошади и др. (Тишкин, Дашковский, 1998б, с. 80). Эти данные обусловлены взаимодействием племен пазырыкской культуры Алтая и саглынской культуры Тувы (Тишкин, Дашковский, 2003а, с. 165). При этом, очевидно, такие контакты между представителями двух культур носили как мирный, так и военный характер. Об этом, в частности, свидетельствуют захоронения «рабов»-мужчин в заполнении могильных ям «саглынцеv» и «пазырыкцев», которые были захвачены во время военных действий и похоронены вместе со своими «владельцами» (Кубарев, 1987, с. 30; Грач, 1980, с. 48). С другой стороны, известны случаи расположения на типично пазырыкском некрополе в одной курганной цепочке погребений «саглынцеv» (Савинов, 1986, с. 11; Кубарев, 1987, с. 29–30; 1991, с. 39; Тишкин, Дашковский, 1998б, с. 80). По мнению С.А. Васютина

(1999, с. 34), в лице таких «саглынцеv» нужно видеть не представителей социальной инородческой периферии (так как сохраняются традиции саглынского погребального обряда даже в пределах пазырыкской курганной цепочки), а полноправных участников постоянных или сезонных производственных групп – айлов.

В то же время надо отметить, что, несмотря на значительные контакты «саглынцеv» и «пазырыкцев» на этой территории Горного Алтая, в силу определенных культурно-исторических причин не произошло формирования локального варианта пазырыкской культуры (Тишкин, Дашковский, 2003б, с. 166). Этот регион оставался в значительной мере зоной локализации памятников «пазырыкцев», а также районом взаимодействия с народами сопредельных территорий Монголии, Казахстана, Тувы и Китая. Н.Ф. Степанова (2004, с. 273–274) не исключает того, что памятники Восточного и Юго-Восточного Алтая можно рассматривать в качестве локального («юго-восточного») варианта пазырыкской культуры, а с накоплением материала встанет проблема выделения и еще одного – «северо-западного».

Так как не вся территория Алтая изучена равномерно на предмет выявления памятников VI–II вв. до н.э., теоретически существуют предпосылки для дальнейшего выявления локальных вариантов (Тишкин, Дашковский, 2003б, с. 168). Однако не нужно обозначать процесс расширения границ пазырыкской общности локальными вариантами. Имеющиеся разнообразные источники свидетельствуют о достаточно интенсивных контактах «пазырыкцев» с народами, проживавшими на сопредельных территориях Азии. Указанные явления отражают обычное состояние историко-культурного явления.

Важно еще раз обратить внимание на отсутствие прямой генетической преемственности между основным кругом памятников аржано-майэмирского времени, относящихся к бийкенской культуре, и объектами пазырыкского периода. Это обстоятельство, вероятно, можно объяснить тем, что во 2–3 четверти VI в. на территорию Горного Алтая переместилась крупная группа «ираноязычных» племен. Одни исследователи склонны видеть в этих племенах саков Восточного Казахстана, другие – юечжи, третьи – представителей культуры тумулусов Гордиона (Турция). Вероятно, в процессе формирования пазырыкской культуры приняло определенное участие местное население, подвергшееся непосредственному все-

стороннему воздействию пришедших племен. Упадок этой культуры связан с военной экспансией хунну, в результате чего часть «пазырыкцев» переместилась в Среднюю Азию и другие места, а другая, возможно, приняла участие в формировании новой булан-кобинской культуры (Тишкин, Дашковский, 2003б, с. 167).

Имеющиеся источники наглядно свидетельствуют о сложности этнокультурного развития племен Алтая и о функционировании на протяжении длительного периода – с конца IX по III–II вв. до н.э. – двух самостоятельных археологических культур – бийкенской и пазырыкской. Среди наиболее перспективных тем, требующих дальнейшего изучения, можно указать на необходимость выявления «прародины пазырыкцев», окончательной разработки внутренней периодизации этой культуры, что связано с дискуссией об «омоложении»/«удревнении» скифских памятников. Отдельной проблемой остается выделение локальных вариантов указанных культур скифской эпохи. В сложившейся ситуации наиболее перспективным представляется комплексный подход в изучении скифских древностей на более широкой источниковой основе, а не только на материалах «элитных» курганов. Следует особый упор сделать на естественно-научные методы датирования и создание абсолютной дендрохронологической шкалы евразийских степей. Для окончательного решения вопросов этнокультурного разграничения целесообразно провести археологические раскопки в слабоизученных районах Горного Алтая, на что уже ранее указывалось (Кирюшин, Тишкин, 1999). Особо следует обратить внимание на материалы из Восточного Туркестана, Северо-Западной Монголии, которые современные отечественные археологи знают слабо из-за их публикации главным образом на иностранных языках. Между тем именно анализ всей совокупности источников, в том числе и с сопредельных территорий, позволит значительно продвинуться в реконструкции культурно-исторических процессов, протекавших в этом регионе в скифское время.

Теперь подробнее стоит остановиться еще на одной дискуссионной проблеме, связанной не только с выделением кара-кобинской культуры, но и с культурно-хронологическим разграничением на Алтае захоронений в каменных ящиках. Несмотря на то, что данный материал в настоящее время опубликован (Тишкин, Дашковский, 2007), все же есть смысл частично представить его и в этой монографии.

«Классические» погребальные памятники пазырыкской общности (с внутримогильной конструкцией в виде сруба, с захоронениями лошадей и т.д.) были известны еще со 2-й половины XIX в. Это связано с раскопками В.В. Радловым (1989) Катандинского и Берельского курганов в 1865 г. Объекты другого типа (с погребениями людей в каменных ящиках), отнесенные некоторыми учеными к кара-кобинской культуре, открыты и осмыслены значительно позже.

С.С. Сорокин при раскопках Катонского могильника в верховьях Бухтармы обнаружил и исследовал несколько обособленное захоронение скифской эпохи, в котором погребальная камера отличалась от других аналогичных сооружений. Археолог при публикации материалов своих работ на памятнике попытался дать объяснение зафиксированного случая. Им, в частности, было отмечено, что в кургане №3 «...сруб заменен каменным ящиком». При этом, учитывая особенности сопроводительного инвентаря из этого ограбленного объекта и сравнение его с предметным комплексом других курганов изученного могильного поля, исследователь пришел к выводу, что некрополь относится «...к большому семейству памятников, которые оставлены подвижными скотоводческими племенами конца I тыс. до н.э., обитавшими в горах Алтайской горной системы» (Сорокин, 1966). Из изложенного следует, что С.С. Сорокин фактически рассматривал оба типа внутримогильных конструкций (сруб и каменный ящик) в рамках единой культурной общности (Тишкин, Дашковский, 2007, с. 14).

Более подробный анализ погребений в каменных ящиках был произведен В.А. Могильниковым, А.С. Суразаковым, Д.Г. Савиновым, В.Д. Кубаревым и некоторыми другими. После изучения определенного количества объектов скифского времени, в том числе и с погребальной камерой из каменных плит, археологи в 1980-е гг. еще раз обозначили проблемы реконструкции культуругенеза ранних кочевников Алтая и предприняли попытки ее решения.

В 1983 г. В.А. Могильников опубликовал две статьи «Курганы Кара-Коба-II» и «Курганы Кызыл-Джар-II-V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н.э.», где он обозначил вопрос о существовании разных этнических групп, проживавших одновременно на территории Горного Алтая в VI-II вв. до н.э. Опираясь на результаты своих раскопок в Центральном и Юго-Восточном Алтае, ученый предложил наряду с

памятниками пазырыкской культуры рассматривать объекты, оставленные другим населением. Кара-кобинские курганы, по его мнению, особо четко демонстрировали зафиксированное обстоятельство. Особенности выявленной погребальной традиции считались следующие показатели: наличие крепиды по периметру каменной насыпи, погребение умершего человека в каменном ящике, отсутствие сопроводительного захоронения лошади, а также кольцевидных поминальных выкладок и «столбиков-балбалов». Все остальное (за исключением пропорций кувшинов) оказалось аналогично характеристикам выявленных показателей для памятников и предметов пазырыкской культуры. Было отмечено, что специфические черты кара-кобинской группы имеют сходство с погребальными объектами предгорий Алтая и кула-жургинской культуры Восточного Казахстана (Могильников, 1983а–б). При дальнейшем осмыслении обозначенного явления В.А. Могильниковым указывалась особенность локализации пазырыкских и кара-кобинских курганов, а также истоки формирования выделенной этнической группы, которая, по мнению исследователя, сложилась на основе усть-куюмского локального варианта майэмирской общности (Могильников, 1986а). В VI–V вв. до н.э. пришлые пазырыкские племена установили господство над автохтонным населением Горного Алтая, частично смешавшись с ним и постепенно его ассимилировав (Могильников, 1988). Современное состояние изученности памятников скифской эпохи Горного Алтая позволяет «специфические» черты кара-кобинских погребальных комплексов перевести в разряд традиционных показателей, характеризующих большинство объектов пазырыкской общности (Тишкин, Дашковский, 2003б). Остается только каменный ящик. На этом факте мы подробнее остановимся ниже.

Аналогичные взгляды на вышеобозначенную проблему высказывал А.С. Суразаков. Правда, в отличие от осторожной позиции В.А. Могильникова, исследователь сразу в 1983 г. попытался обосновать необходимость выделения не просто отдельной группы памятников, а кара-кобинской археологической культуры (Суразаков, 1983). Аргументируя свое предложение, А.С. Суразаков указал на те же особенности, которые обозначил В.А. Могильников. При этом был привлечен материал исследованного им памятника Кызык-Телань-1. Важнейшим индикатором выделения рассмотренных объектов из всей массы известных курганов скифской эпохи являлись

погребальные камеры в виде каменных ящиков. К точке зрения А.С. Суразакова о необходимости обозначения особой кара-кобинской культуры позже присоединился и В.А. Могильников (1988).

Чтобы понять причины выделения кара-кобинской культуры, обратимся к результатам изучения курганов эпохи раннего железа могильника Кызык-Телань-I (Суразаков, 1981, 1983, 1989; Суразаков, Тишкин, 2003, 2007). Материалы данного памятника, на котором из 119 выявленных объектов раскопано 58 и в основном раннескифского времени, чрезвычайно важны для решения целого ряда имеющихся принципиальных вопросов этнокультурного характера. Это касается как выделения кара-кобинской культуры, так и ее происхождения. Опубликованные сведения позволяют прояснить или пересмотреть некоторые положения, прочно вошедшие в сознание исследователей, занимающихся скифской эпохой Горного Алтая, и тиражируемые во многих изданиях без должного критического анализа, опираясь на формальную сторону обозначенных признаков и сделанных выводов.

В 1980 г. А.С. Суразаковым (1981) на памятнике Кызык-Телань-I были вскрыты восемь объектов. Курганы №3–6 первоначально датированы V–III вв. до н.э., и на основе обозначенных черт погребального ритуала сделан вывод о выделении в Горном Алтае кара-кобинской культуры, отличной от пазырыкской (Суразаков, 1983). Позднее время сооружения исследованных курганов №3–6 обозначено V–IV вв. до н.э. (Суразаков, 1989, с. 103). Из указанной группы захоронений явно выбивается курган №6, в котором умерший был погребен скорченно, на левом боку, головой на северо-северо-восток. О том, что этот объект другого плана, отметил и сам исследователь, но данное обстоятельство не помешало включить его в комплекс кара-кобинской культуры. Тем не менее непотревоженный курган №6 хорошо датируется найденным в нем набором бронзовых деталей пояса. Указанные предметы довольно хорошо маркируют памятники раннесакского круга и подтверждают сделанное ранее наблюдение о миграции примерно на рубеже VII–VI вв. до н.э. степных племен Казахстана через Алтай в восточном направлении. Такие отдельные захоронения довольно хорошо выделяются на фоне погребальных памятников бийкенской культуры. Аналогичные кожаные пояса, «усиленные» металлическими обоймами, рассматриваются исследователями в качестве части снаряжения воина. Обширный анализ их предпринял А.Д. Таиров, кото-

рый датировал набор из кургана №6 Кызык-Телани-I «в пределах VI–V вв. до н.э., скорее VI в. до н.э.», хотя при этом отметил, что все обоймы из этого пояса аналогичны изделиям из памятников VII–VI вв. до н.э., а наконечник ремня ограничивает нижнюю дату комплекта 2-й половиной VI в. до н.э. (Таиров, 2004, с. 141–142).

Более вероятно отнесение к группе памятников кара-кобинского типа кургана №3, который, как и другие, действительно аналогичные объекты, находился немного в стороне от основной массы древних сооружений. Курганы №4 и 5 оказались ограблены, и приведенные А.С. Суразаковым (1983) показатели могут быть восприняты не так однозначно, как они указаны в рассматриваемой публикации (особенно это касается ориентации и положения умерших). Тем не менее они находились неподалеку от него и более схожи с предыдущим объектом, чем с основной массой погребений раннескифского времени. Таким образом, сейчас совершенно ясно, что присутствие на памятнике Кызык-Телань-I захоронений в каменных ящиках имеет различное происхождение. Наибольшая их часть относится к развитому (семисартскому) этапу бийкенской археологической культуры (Кирюшин, Тишкин, 1997, 1999; Тишкин, 2005в; Тишкин, Горбунов, 2005; Суразаков, Тишкин, 2007), другая отражает, на наш взгляд, миграцию «майэмирцев» и, возможно, «тасмолинцев» (Тишкин, 2003а) на позднем (бойтыгемском) этапе существования на Алтае общности аржаномайэмирского времени. Третий тип не совсем однородных каменных погребальных камер связан с пазырыкской культурой, в которой такие внутримогильные сооружения пока не отмечены на раннем этапе прихода мигрантов из Передней Азии (Марсадолов, 1999, 2000)), а фиксируются позже (Савинов, 1991). Последнее положение, на наш взгляд, требует специального и обоснованного рассмотрения.

Кроме этого, не стоит забывать, что каменные ящики широко использовались в погребальной практике населением буланкобинской культуры Алтая «гунно-сарматского» времени (Мамадаков, 1990; Соенов, 2003; Тишкин, Горбунов, 2003а, 2005; 2006; Матренин, 2005). При этом следует подчеркнуть, что все упомянутые каменные сооружения отличаются по конструкции и месту расположения. Их разделяет время, а также множество других деталей и показателей, отражающих традиции разных локально-территориальных групп.

В своей монографии А.С. Суразаков (1989) попытался более емко обосновать наличие кара-кобинской группы памятников, включив в ее состав курганы с разными модификациями каменных ящиков из Восточного Казахстана (кулажургинская культура), из предгорной части (быстринская культура) и объекты, рассеянные по территории Алтая. Такой подход при внимательном рассмотрении как раз продемонстрировал отсутствие единства у представленных объектов, отражавших хронологический и территориальный разброс, а также разные признаки, что свидетельствовало о неоднородности приведенных памятников, которые фактически на основе одного формального признака (наличие каменного ящика) были объединены в группу, синхронную памятникам «пазырыкцев» (Суразаков, 1989, с. 124–131). Статистический обзор, приведенный Н.Ф. Степановой, хорошо продемонстрировал то, что многочисленные захоронения в каменных ящиках пазырыкского времени не составляют особой территориально ограниченной группы, а напротив довольно сильно рассеяны и, как правило, они находятся на пазырыкских могильниках. Рассмотренный комплекс данных позволил сделать вывод, что «...нет оснований для выделения особой кара-кобинской культуры скифского времени...», а следует рассматривать только кара-кобинский тип памятников (Степанова, 2003). Все приведенные факты могут свидетельствовать предположительно о следующем положении дел в пазырыкском обществе. Возможно, в середине I тыс. до н.э. на Алтай пришла или была переселена немногочисленная и в определенной мере родственная для «пазырыкцев» часть населения (о чем косвенно свидетельствуют данные антропологических исследований (Чижишева, Поздняков, 2000)), ставшая на некоторое время «зависимой» от сложившихся обстоятельств. Некоторые представители этой группы постепенно достигли определенного положения (факты появления «двойной элиты» – кара-кобинские захоронения с конем и другими атрибутами пазырыкской верхушки) и стали играть соответствующую роль в пазырыкском социуме (Тишкин, Дашковский, 2007, с. 15–16).

Рассматривая различные точки зрения на проблему выделения кара-кобинской культуры, необходимо отметить позицию Д.Г. Савинова (1983, 1987б, 1991), который указал, что «кара-кобинцы» появились уже после того, как «пазырыкцы» заняли территорию Горного Алтая, поскольку объекты первой этнической груп-

пы относятся преимущественно к концу I тыс. до н.э., т.е. к моменту начала хуннской экспансии. Однако ученый не исключил возможность выделения особой кара-кобинской культуры для территории Горного Алтая. При этом данная группа, наряду с улуг-хемской, тесинской, кула-жургинской, может рассматриваться и в рамках единой археологической общности «ящичных погребений» Южной Сибири, и в этническом отношении соответствовать многоплеменному объединению динлинов, хорошо известных по письменным источникам. Что касается объяснения происхождения данной общности, то наиболее вероятным, по его мнению, можно считать появление данного типа погребений в связи с миграцией на территорию Южной Сибири какой-то группы населения из области, где традиция сооружения каменных ящиков не прерывалась на протяжении всего I тыс. до н.э. Таким регионом, вероятно, можно считать восточные районы Азии, откуда указанная традиция распространилась в период хуннской экспансии на запад (Савинов, 1987б).

Проблемой интерпретации захоронений VI–II вв. до н.э. в каменных ящиках занимались и другие исследователи. Так, в частности, В.Д. Кубарев первоначально полагал, что специфика данных погребений обусловлена низким социальным статусом умерших (Кубарев, Гребенщиков, 1979). Однако по мере увеличения числа зафиксированных объектов с такими признаками исследователь пересмотрел свою позицию и пришел к выводу о том, что более правомерно говорить о разных типах погребений (в срубе и в каменном ящике) в рамках одной пазырыкской культуры. Мнение же В.А. Могильникова и А.С. Суразакова о необходимости выделения еще и кара-кобинской культуры, синхронной пазырыкской, исследователь посчитал необоснованным (Кубарев, 1992). Аналогичную точку зрения еще раньше высказал П.И. Шульга. Он привел конкретные аргументы, которые позволили сформулировать в тезисной форме следующий вывод: «Имеются все основания говорить о единой пазырыкской культуре в скотоводческой зоне Горного Алтая, включающей в себя несколько типов погребений» (Шульга, 1986, с. 23). Данная позиция в настоящее время разделяется большинством исследователей (Полосьмак, 1994, 2001; Тишкин, 1994а; Марсадолов, 1996; Дашковский, 2001; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Тишкин, Дашковский, 2003б, 2004, 2005; Степанова, 2003; Тишкин, Горбунов, 2005б; и др.). Тем не менее существуют и

другие взгляды на обозначенную проблему. Отмеченное обстоятельство, на наш взгляд, связано с необходимостью проведения специальных исследований в указанном направлении, а также с более пристальным изучением зафиксированного материала. Как уже было сказано, возврат к ранее представленным идеям и их проверка на новом уровне – это традиционная исследовательская процедура. Имеющиеся вопросы делают виток к возможному решению старой проблемы при опоре на современные результаты работ.

В этом плане изложенная В.И. Молодиным (2000) этнокультурная концепция ставит задачу проанализировать ситуацию в несколько ином русле и на материале, основанном на археологических, антропологических, палеогенетических и других данных. Исследователь указал все же на необходимость рассмотрения самостоятельной кара-кобинской культуры, корни которой, как и пазырыкской, по его мнению, уходят «в каракольскую культуру эпохи поздней бронзы». Генетически первой предшествовали погребальные комплексы усть-куюмской группы раннескифского времени. Кроме того, В.И. Молодин (2000, с. 135) полагает, что каменные ящики характерны не только для кара-кобинской культуры, но и изредка фиксируются в памятниках «пазырыкцев». При этом он не указывает критерии отличия погребальных конструкций такого типа одной культуры от сооружений другой. Представленные В.И. Молодиным многоплановые выводы демонстрируют полиэтничность пазырыкской общности, а также сложные процессы взаимодействий различных групп населения Алтая и сопредельных территорий в скифское время.

Подводя некоторые итоги, отметим существующие точки зрения на обозначенные проблемы. Часть исследователей склонна рассматривать появление объектов кара-кобинского типа (памятников кара-кобинской культуры) как закономерный результат развития погребальной практики у кочевников начиная с раннескифского (VIII – начало VI вв. до н.э.) времени и даже раньше. Большинство ученых считают целесообразным говорить о единой пазырыкской культуре VI–II вв. до н.э. для территории Горного Алтая, где зафиксированы разные типы погребений, в том числе и в каменном ящике. Существуют мнения об отсутствии генетической преемственности между памятниками раннескифского времени и пазырыкской общности. Попытаемся, опираясь на всю совокупность имеющихся источников и современные методологические

разработки, ответить на следующие вопросы: «Существует ли необходимая совокупность признаков для выделения самостоятельной кара-кобинской археологической культуры или мы действительно имеем дело с типом захоронений в особой погребальной конструкции? Прослеживается или нет генетическая преемственность между объектами раннескифского времени (бийкенская культура) и памятниками кара-кобинского типа?

Прежде всего необходимо отметить, что любая археологическая культура выделяется на основе конкретной совокупности признаков, позволяющих отделить один массив материала от другого (Ганжа, 1985; Кудрявцева, 1985; Генинг, 1989; Клейн, 1991; Массон, 1996). Как уже отмечалось выше, А.С. Суразаков и В.А. Могильников при выделении кара-кобинской культуры пытались опереться на особенности погребального обряда, отличавшиеся от аналогичной практики «пазырыкцев». В действительности основным и, по сути дела, единственным верифицированным признаком выступил особый тип погребальной камеры – каменный ящик. С методологической точки зрения подобный подход при обосновании существования отдельной археологической культуры вряд ли оправдан (Тишкин, Дашковский, 2007).

По мнению И.С. Каменецкого, которого поддерживают многие отечественные исследователи, археологическая культура как объективная реальность представляет собой группу памятников, расположенную на определенной территории в конкретный хронологический период и имеющую набор устойчивых признаков. Для общностей людей, оставивших эти объекты, присущи свои особенности материальной культуры. К числу признаков культуры можно относить и «нематериальные» черты: подсчеты, процентное соотношение признаков, взаимное расположение объектов и т.п. Наконец, поскольку изучаемое явление может изменяться во времени, поэтому его нужно рассматривать как сложную систему взаимосвязанных элементов, а не простую сумму признаков (Каменецкий, 1970). Исходя из изложенных теоретических принципов видно, что объективных оснований для выделения самостоятельной кара-кобинской культуры нет (Тишкин, Дашковский, 2004, с. 17). Это в определенной степени признал и инициатор ее выделения А.С. Суразаков (1983, 1988), который стал склоняться к мнению большинства археологов, настаивающих на существовании одной пазырыкской культуры на территории Горного Алтая в VI–II вв. до н.э. с раз-

ными типами погребений. Следует указать, что памятники кара-кобинского типа нельзя рассматривать и как локальный вариант археологической культуры. В этом плане специально была проведена отдельная работа, уже изложенная выше, где четко определены критерии выделения такого явления.

По вопросу о наличии или отсутствии генетической преемственности между погребальными объектами раннескифского (бийкенского) времени и кара-кобинскими комплексами некоторые соображения уже также нами высказывались (Тишкин, 1994а; 1996б; Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, Дашковский, 2003б). Общие и особенные признаки, характеризующие памятники бийкенской археологической культуры, отличные в свою очередь от объектов майэмирской общности (Шульга, 2000; Марсадоллов, 2000а; Тишкин, 2003а), где также отмечается традиция сооружения каменных ящиков, существенно разнятся. Эти данные приведены в предыдущей главе. Укажем только то, что вид, форма, размеры, конструкция и место размещения каменных ящиков бийкенской культуры значительно отличаются от кара-кобинских, майэмирских и буланкобинских аналогичных сооружений, которые в свою очередь отличаются и друг от друга.

Представленные подробные характеристики бийкенской археологической культуры (по В.А. Могильникову: усть-куюмский локальный вариант майэмирской археологической культуры. – *А.Т.*) и данные о кара-кобинском типе памятников позволяют еще раз обратиться к статье В.А. Могильникова (1986а, с. 53), в которой он на весьма незначительных материалах впервые сформулировал следующее положение: «На основе этноса северного усть-куюмского локального варианта постепенно формируется население кара-кобинской культуры V–III вв. до н.э.». Как показывает современное состояние изученности этой проблемы, вывод требует серьезной проработки, которая по существу отсутствовала в публикации В.А. Могильникова, так как не была обеспечена репрезентативность привлекаемых материалов и отсутствовала система сравнительного анализа. В результате формального подхода, основанного на единичных фактах или отдельных признаках, сложилось не совсем верное представление о характере этнокультурных процессов на Алтае в скифскую эпоху. Мы уже цитировали справедливое замечание П.И. Шульги (2000, с. 149) о том, что указанная В.А. Могильниковым интерпретация немногочисленных материалов ранне-

скифского времени «...не выдержала испытания временем и была пересмотрена». Сейчас это в общем-то касается и «кара-кобинской проблемы». Однако и первое, и второе замечание ни в коей мере не занижают заслуги выдающегося российского исследователя в деле изучения археологии Сибири, которые высоко оцениваются автором монографии и его коллегами.

В принципе весь спектр рассматриваемых общих и особенных признаков погребального обряда раскопанных захоронений позволяет с уверенностью говорить о том, что мы на территории Алтая имеем дело с двумя своеобразными культурами (бийкенской и пазырыкской), которые существенно отличались друг от друга. Если же говорить о преемственности, то она хорошо, например, наблюдается на раннем этапе формирования быстринской культуры северных предгорий Алтая, куда «бийкенцы» были вытеснены «пазырыкцами» и участвовали в формировании новой многокомпонентной общности.

В представленном выше материале отражен новый процесс осмысления проблем изучения скифской эпохи Алтая. Не претендуя на окончательное решение поставленных и рассмотренных вопросов, мы продемонстрировали свое видение ряда этнокультурных ситуаций, а также обозначили имеющиеся перспективы дальнейшей работы. Следует заметить, что современный уровень исследований позволяет обратиться к периодизации пазырыкской культуры. Многие моменты проведенного опыта такого обобщения уже ранее излагались. Это касалось выделения раннего (башадарского) и завершающего (шибинского) этапа, а также датировки конкретных групп памятников пазырыкской культуры. Следует указать, что существует несколько современных концепций ее происхождения и поэтапного деления (Марсадалов, 1984, 1985, 1988, 1997, 1999, 2003; Марсадалов, Зайцева, 1999; Суразаков, 1989; Молодин, 2000; и др.). Отметим исследования, проведенные антропологами (Чикишева, 1994, 1996, 1997, 1998, 2000, 2003; Тур, 1999, 2003) и генетиками (Феномен..., 2000; Воевода и др., 2000). Благодаря этому были выявлены различные этнические компоненты древнего населения. Определенная работа по разграничению памятников скифского времени проделана в недавно вышедшей монографии Ю.Ф. Кирюшина и Н.Ф. Степановой (2004). Очередным итогом такой работы стала представляемая нами схема на основе изученных объектов 2-й половины VI–III вв. до н.э. (см. приложение, а также докторскую диссертацию автора (Гишкин, 2006)).

С учетом опыта предшественников и новых данных обозначены следующие этапы пазырыкской культуры (Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 160; Тишкин, 2006б–в).

Башадарский этап датирован 2-половиной VI – 1-й половиной V вв. до н.э. Выделение его было намечено ранее (Суразаков, 1989; Савинов, 1991; Марсадоллов 2000а), а теперь закреплено и соответствующим наполнением (Тишкин, 2006б–в). Начало формирования пазырыкской культуры связано с приходом нового населения, которое вытеснило местные племена, а затем примерно в течение века освоило территорию Горного Алтая, ассимилировав оставшихся жителей. Своеобразным символом такого положения дел стали «царские» курганы, сооруженные в Центральном Алтае (памятники Башадар и Туэкта). Смена культуры хорошо маркируется не только совершенно другим погребальным обрядом, но и отличным предметным комплексом. Правда, на этом этапе еще можно встретить использование пережиточных изделий ранне скифского периода. Формирование и развитие пазырыкской культуры синхронизируется с созданием примерно в 550 г. до н.э. Ахеменидской державы. Походы царей этого государства способствовали подвижкам населения, хотя в общем ситуация в Передней Азии стабилизировалась. Окончание башадарского этапа связано с началом эпохи «сражающихся царств» (Чжаньго) в Китае, датированной 453 г. до н.э.

Кызыл-джарский этап обозначен нами, чтобы не дублировать название культуры, так как важнейшее место при его характеристике занимают «царские» курганы, раскопанные на памятнике Пазырык. Более массовый материал из рядовых курганов ранних кочевников был получен В.А. Могильниковым (1983а–б) при изучении нескольких курганных групп в урочище Кызыл-Джар. В настоящее время обработаны краниологические данные, позволившие получить интересные результаты (Тур, Рыкун, 2004), которые отражают реальности полиэтничной общности, сформировавшейся в ходе различных взаимодействий. На рассматриваемом этапе, датированном 2-половиной V – 3-й четвертью IV вв. до н.э., происходило дальнейшее развитие и расширение полиэтничной культуры, занимавшей важное место в регионе и контактирующей с цивилизациями Китая, Индии и Передней Азии. Свидетельствами этого являются многочисленные археологические находки, обнаруженные при исследовании могильников в разных районах Алтая. Около 330 г. до н.э. Ахеменидская держава пала, а походы Александра

Македонского существенным образом содействовали изменению этнокультурной ситуации не только в Передней Азии и на сопредельных с нею территориях, но и в других регионах.

Созданная Александром Македонским держава распалась после его смерти в 323 г. до н.э. С этого времени отмечены «темные» периоды истории, о которых чрезвычайно мало информации. На Алтае выделенный *шибинский* этап, датированный последней четвертью IV–III вв. до н.э., является отражением данной ситуации. По всей видимости, «пазырыкцы» участвовали в каких-то военных кампаниях, которые проходили в указанный отрезок времени. Особенно ошутимое поражение кочевникам Южной Сибири было нанесено державой Хунну. Постепенная утрата могущества отразилась на этнокультурных процессах. На наш взгляд, с конца IV в. до н.э. происходило некоторое смещение ареала культуры на Северный и Северо-Западный Алтай, а после завоевания в конце III в. до н.э. Саяно-Алтая часть населения мигрировала в нескольких направлениях. Оставшиеся «пазырыкцы» были покорены и позднее вообще утратили свою самобытность. Во II в. до н.э. на Алтай проникает другое население, сыгравшее главную роль в становлении новой булан-кобинской культуры.

Теперь этот демонстрационный ряд соотнесем с имеющимися радиоуглеродными и дендрохронологическими данными, полученными при изучении образцов из разных объектов. Говорить о репрезентативности имеющихся данных пока рано, хотя именно по материалам пазырыкских памятников имеется наибольшее количество абсолютных показателей. Тем не менее процент датированных объектов с помощью естественно-научных методов пока не столь значительный, поэтому существуют дальнейшие перспективы проводимой целенаправленной работы. Радиоуглеродное и дендрохронологическое изучение курганов пазырыкской культуры и их соотношение с другими показателями предпринималось Л.С. Марсадоловым отдельно (1985а, 2000, 2003, 2004 и др.) и вместе со специалистами (Марсадолов, Зайцева, Лебедева и др., 1994; Марсадолов, Зайцева, 1999; и др.). Свообразные итоги этой деятельности, касающейся нашей темы, были приведены в статье «Еще раз о последовательности сооружения Пазырыкских и Бертекских курганов» (Марсадолов, 2003). Новые исследования, осуществленные И.Ю. Слюсаренко с коллегами, Л.С. Марсадолов подверг критике из-за того, что образцы брались из «царских» объектов Пазырыка

на месте произведенных раскопок, где бревна уже лежат непредсказуемым образом. Всколыхнули новые дискуссии исследования иностранных искусствоведов и полученные результаты радиоуглеродного анализа в зарубежных лабораториях. В ходе них обозначилась проблема омоложения пазырыкских курганов. В такой ситуации возникла неразбериха, парадоксальные нестыковки и незаполненные лакуны. Такая мозаичность, по мнению Л.С. Марсадолова, связана в основном с несовершенным уровнем естественно-научных методов в области датирования. Можно добавить, что проблема заключается еще в качестве и в количестве использованных проб, о чем нам уже неоднократно приходилось писать (Тишкин, 2001а, 2005з). Кроме всего, зарубежные исследования очень ограничены объемом имеющихся у них материалов и направлены главным образом на получение «сенсации», в чем уже мы неоднократно убеждались. Кроме всего, иностранные коллеги, как показывают публикации и их доклады на конференциях, порой не совсем хорошо или вообще не понимают культурно-исторический контекст добытых на Алтае археологических находок, пользуясь устаревшими сведениями, опубликованными несколько десятилетий назад. Поэтому «новая хронология» нами пока учитываться не будет, тем более что она целостно не издана с демонстрацией соответствия исходных образцов с археологическими материалами. Довольно весомым аргументом в пользу того, что пазырыкские курганы сооружены не в «гунно-сарматское» время является отсутствие в них комплекса предметов материальной культуры хунну.

Теперь все же рассмотрим те данные, которые получены радиоуглеродным методом. Приводимые ниже известные датировки (Орлова, 1995; Марсадолов, Зайцева, 1999; Марсадолов, 2000а, 2003) откалиброваны автором с использованием уже упомянутой программы, разработанной в лаборатории Вашингтонского университета. Эти результаты, несмотря на противоречивые моменты в целом, дают возможность обозначить некоторые тенденции хронологического определения курганов. Особенно это касается немногочисленных памятников шибинского этапа.

Образцы одного спила (70 годичных колец) из кургана №2 памятника Пазырык были сделаны в разных лабораториях. Разброс полученных временных интервалов оказался довольно значительным. Существенная разница наблюдается в данных двух лаборато-

рий, производивших анализ образцов. На наш взгляд, более реальными можно считать показатели, укладываемые в такие хронологические рамки: 2-я половина V – 3-я четверть IV вв. до н.э. Они не противоречат археологическим определениям и соответствуют времени выделенного нами кызыл-джарского этапа пазырыкской культуры.

Стоит сказать, что проводилась большая работа по выяснению последовательности сооружения курганов на могильнике Пазырык с указанием хронологического разрыва между ними. Эти данные, основанные на дендрохронологических исследованиях, суммированы Л.С. Марсадоловым (2003) и в определенной мере ясны. Вся проблема заключается в получении исходной датировки, от которой можно было начать отсчет времени и определить создание каждого «царского» объекта. Для этого еще предстоит выполнить значительную работу.

Современные показатели датирования «царских» курганов Алтая подведены Л.С. Марсадоловым (2000а, с. 21). В результате комплексные и абсолютные даты по радиоуглеродному методу выглядят следующим образом.

Курган №1 памятника Туэкта – 670–540 гг. до н.э. По нашей периодизации дата, указанная последней, соответствует башадарскому этапу. Данное обстоятельство и другие характеристики памятников раннепазырыкского круга дали возможность наполнить конкретным содержанием этот период, в котором еще фиксируется угасание традиций предшествующей эпохи.

Курган №1 памятника Пазырык – 490–410 гг. до н.э. Курган №2 памятника Пазырык – 490–410 гг. до н.э. Курган №5 памятника Пазырык – 420–380 гг. до н.э. (406±5 г. до н.э.). Дендрохронологические исследования указывают, что «царские» объекты Пазырыка были сооружены в довольно короткий промежуток времени – около 50 лет. Имеющиеся датировки позволяют отнести курганы №1–5 к выделенному кызыл-джарскому этапу.

Из памятников скифской эпохи, раскопанных новосибирскими исследователями на плато Укок (Кутургунтас, Ак-Алаха-1, Ак-Алаха-3), также брались образцы на радиоуглеродный анализ. Результаты получены в разных лабораториях мира. Датировки рассмотренных объектов в основном укладываются в рамки кызыл-джарского этапа пазырыкской культуры (2-я половина V – 3-я четверть IV вв. до н.э.), чему соответствует и анализ археологических материалов.

Еще один массив рассматриваемых данных получен по образцам, взятым из курганов, которые в свое время раскопал В.Д. Кубарев на территории Юго-Восточного Алтая (памятники Уландрык-I, II; Юстыд-XII; Бар-Бургазы-I). Эти и вышеназванные опубликованные сведения (СОАН-842, 842А, 1131, 1132, 1133, 1134, 1135, 1284, 1667, 1668, 1669, 1670; ГИН-6281, 6284; Ле-1810, 1811) при анализе были приведены в одну систему и отражены в приложении докторской диссертации автора (Тишкин, 2006б).

Необходимо обратить внимание на то, что по древесине памятника Уландрык-I была получена надежная относительная хронология (Быков, Быкова, Панюшкина, Слюсаренко, 2004), позволившая определить время функционирования могильника около 50 лет, последовательность возведения погребальных объектов и другое. Кроме этого, указывалось на противоречие дендрохронологических результатов с радиоуглеродными (по курганам №7 и 9). Данный многоплановый анализ позволяет более объективно решать проблемы внутренней датировки памятников пазырыкской культуры. При этом важно учитывать и результаты исследований, проводимых традиционными археологическими методами. Данный тезис был поддержан значительным числом специалистов, участвовавших в конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова в Санкт-Петербурге.

Поэтому указанные выше памятники, раскопанные В.Д. Кубаревым и опубликованные в монографиях, могут быть на основании археологических материалов и с учетом калиброванных радиоуглеродных показателей отнесены к кызыл-джарскому (Уландрык-I, Бар-Бургазы-I) и шибинскому (Уландрык-II, Юстыд-XII) этапам пазырыкской культуры.

Продemonстрированные данные свидетельствуют о значительном разбросе имеющихся показателей радиоуглеродного датирования и их калиброванных показателей. Действительно следует признать существование серьезной проблемы «качества» используемых современных методов и подходов. Пожалуй, единственное, в чем можно не сомневаться, – это отнесение пазырыкской культуры к скифской эпохе, что подтверждается существенным наполнением имеющихся многочисленных, в том числе и радиоуглеродных, сведений.

Обозначенная выше проблемная ситуация заставила в Алтайском университете начать работы по накоплению базы данных по

радиоуглеродному анализу, а также предпринять дендрохронологические исследования (Быков, Быкова, Горбунов, Тишкин, 2003, 2004, 2005). Вклад созданной группы в данный процесс пока не такой значительный, как у Санкт-петербургских и новосибирских коллег. Тем не менее было положено начало важному, на наш взгляд, делу.

До этого имелись только даты по скифской эпохе, полученные при исследовании образцов из курганов памятника Тьткескень-VI (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003). К сожалению, в датированных таким образом объектах не было серии предметов, что позволило бы сделать соответствующие выводы. Спектр этих данных с учетом того, что пробы отбирались не по годичным кольцам, а всей массой, позволяет отнести указанные объекты к башадарскому этапу пазырыкской культуры. Данному определению соответствует результат археологического анализа материалов памятника Тьткескень-VI (Кирюшин, Степанов, Тишкин, 2003; Кирюшин, Степанова, 2004).

В ноябре 2005 г. в лабораторию ИИМК были отданы для анализа четыре пробы костей (Ле-7419–7422) из курганов №4–6, 8 памятника Ханкаринский дол, где раскопаны неграбленные курганы с вторичными захоронениями (Дашковский, Тишкин, Тур, 2005; Тишкин, Дашковский, 2007). По двум образцам из кургана №7 этого же комплекса, как и по другим материалам, получен значительный разброс данных (см. приложение). Ранее образцы направлялись в Лабораторию геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии СО РАН (см. приложение). По одному из них из кургана №1 указанного комплекса (Тишкин, Дашковский, 2003) обозначены показатели, которые свидетельствуют о том, что раскопанный курган одного из «северо-западных» могильников пазырыкской культуры относится к кызыл-джарскому этапу и довольно хорошо датируется концом V – началом IV вв. до н.э. Полученная серия других данных несколько «омолаживает» этот довольно монолитный комплекс в рамках времени существования пазырыкской культуры. Найденный погребальный инвентарь позволил предварительно определить исследованные объекты IV – началом III вв. до н.э. (Дашковский, Тишкин, Тур, 2005а, с. 296), что в общем соответствует и части представленных дат. Таким образом, зафиксированные на памятнике Ханкаринский дол цепочки пазырыкских

курганов могут отражать динамику развития культуры и являются перспективными для дальнейших исследований (Тишкин, Дашковский, 2007).

Кроме этого, автором монографии проводились раскопки в Центральном Алтае памятника скифской эпохи Яломан-III (Тишкин, Дашковский, 2003в). Для радиоуглеродного анализа были взяты образцы из одного объекта. Если проанализировать полученные цифры (см. приложение), интервалы и выявленные годовичные кольца древесины, то окажется, что наиболее вероятной датировкой кургана №2 памятника Яломан-III будет 2-я половина V – начало IV вв. до н.э. Это не противоречит хронологическому определению, сделанному в ходе изучения археологического материала указанного памятника, и соответствует выделенному кызыл-джарскому этапу пазырыкской культуры. Кроме радиоуглеродного датирования проводился дендрохронологический и ксилотомический анализ древесины из погребальных объектов пазырыкского времени Яломанского археологического микрорайона (Быков, Быкова, Горбунов, Тишкин, 2003, 2004, 2005): курганы №1 и 2 комплекса Яломан-III (раскопки А.А. Тишкина), курган №4 памятника Яломан-VIII (раскопки В.В. Горбунова). Полученные результаты позволили сопоставить их не только между собой, но и с материалами изученного комплекса Уландрык-I (раскопки В.Д. Кубарева), который оказался моложе. Все внутримогильные сооружения раскопанных курганов Яломана были сделаны из лиственницы. Исследованные образцы (17 экз.) позволили построить относительную хронологию (198 лет), которая показала, что курган №4 могильника Яломан-VIII сооружен на 78 лет раньше кургана №2 и на 40 лет раньше кургана №1 памятника Яломан-III. Для объекта, названным последним, использовалась древесина из деревянных конструкций, построенных раньше, чем осуществлялось захоронение. Этот курган (№1) был самым северным в цепочке, и он сооружен раньше следующего (№2), который датирован радиоуглеродным методом. Соотношение зафиксированных показателей дает возможность обозначить начало формирования могильника 2-й половиной V в. до н.э., т.е. на кызыл-джарском этапе. Проведенные исследования показали перспективность дальнейшей работы. Особенно это будет касаться определения внутренней хронологии памятников пазырыкской культуры и соотношения их с ранними объектами комплекса Яломан-II булан-кобинской культуры «гунно-сарматского» времени.

Таким образом, для Горного Алтая ушедший XX в. можно рассматривать как время наиболее интенсивного изучения скифской эпохи. За это время открыто и исследовано значительное число различных археологических памятников (Кубарев, 1987, 1991, 1992; Кирюшин, Тишкин, 1997; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Тишкин, Дашковский, 2003б, 2004; и др.). Всемирно известными стали результаты раскопок знаменитых Пазырыкских курганов (Грязнов, 1937, 1950; Руденко, 1952, 1953), а также исследования «замерших» и других могил на плато Укок (Древние культуры..., 1994; Полосьмак, 1994а–б, 2001; Полосьмак, Молодин, 2000; Молодин, 2000; Феномен ..., 2000; Население Горного Алтая..., 2003; и др.). Имеющиеся материалы Южной Сибири и сопредельных территорий позволяют представить этнокультурную картину середины I тыс. до н.э. Лишь в конце XX в. были получены массовые материалы другого периода раннего железного века.

Глава 3
БУЛАН-КОБИНСКАЯ КУЛЬТУРА
(ХУННУСКО-СЯНЬБИЙСКО-ЖУЖАНСКОЕ ВРЕМЯ) :
СОДЕРЖАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Наступивший XXI в., на наш взгляд, должен стать временем эффективного изучения «гунно-сарматского» времени. Следует указать, что используемое в научной литературе обозначение «гунно-сарматский» для одного из периодов раннего железного века не совсем удачно и особо не применимо для Алтая, хотя, по всей видимости, может широко употребляться при определенной доле условности, так как это обозначение довольно прочно вошло в лексикон исследователей. Поэтому в данной работе термин «гунно-сарматская(ий)» (эпоха, время, период) будет употребляться в кавычках, тем самым указывая на условность используемого понятия. Хронологической границей между скифо-сакским и «гунно-сарматским» периодом Южной Сибири считается рубеж III и II вв. до н.э., когда население Саяно-Алтая было подчинено в ходе завоевательного похода шаньюя хунну Маодуня (Модэ) (Степная полоса..., 1992). Окончание рассматриваемой эпохи связывается с образованием Великого Тюркского каганата. В рассматриваемом плане было бы логично применять для обозначения этого довольно большого хронологического промежутка более адекватное словосочетание – хуннуско-сяньбийско-жужанское время (Тишкин, 2004а). Этот термин включает в себя название народов (хунну, сяньби, жужане/жуаньжуани), наиболее активно участвовавших в военно-политической и культурной жизни Азии во II в. до н.э. – V в. н.э. и оставивших заметный след в истории огромного региона.

В развитии выделенной булан-кобинской культуры Алтая характерно сильное влияние таких хорошо известных кочевых империй, как Хуннуская (209 г. до н.э. – 93 г. н.э.), Сяньбийская (93–235 гг. н.э.) и Жужанская (359–552 гг. н.э.). В состав указанных держав территория Алтая входила в разные периоды. При этом осуществлялся постоянный приток новых групп населения, свидетельством чему являются фиксируемые археологами изменения в материальной культуре. Характерные черты кочевых империй обозначены Н.Н. Крадиным (1996, 2001). В монографии С.Г. Кляшторного и Д.Г. Савинова (2005, с. 9) понятие империи авторами распространяется «...только на полиэтнические образования, созданные воен-

ной силой в процессе завоевания, управляемые военно-административными методами и распадающиеся после упадка политического могущества создателей...».

Алтай являлся северной полупериферией указанных кочевых держав раннего железного века. Прекращение существования рассмотренной выше пазырыкской культуры отражает начало раннего этапа становления и развития новой булан-кобинской общности. На наш взгляд, между ними нет прямой преемственности, основанной на автохтонном развитии. Хотя при формальном подходе можно отметить отдельные схожие черты. Тем не менее основные показатели археологических источников демонстрируют существенные отличия. Данные обстоятельства резко проявляются и в погребальном обряде, и в вещевом комплексе. Это свидетельствует о начале нового культурно-исторического периода. Следует еще раз указать на произошедшие военно-политические события (в частности, подчинение Маодунем в 203–202 гг. до н.э. племен Саяно-Алтая (Кляшторный, Султанов, 2000, с. 53)), изменившие ход истории, а также социальную организацию и мировоззрение кочевого населения Центральной Азии и сопредельных территорий. Хотя некоторым исследователям такая трактовка кажется попыткой «...не совсем корректного наложения сведений письменных источников на археологические материалы с территорий, удаленных от центров письменности...» (Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 4). Все же реальное сопоставление множества данных обозначают радикальные изменения, произошедшие на огромной территории, и связаны они с сокрушительными походами хунну, в ходе которых этнокультурная ситуация стала иной по сравнению с предыдущей эпохой (Боровкова, 2005). Не на всех территориях результаты воздействия хуннуского влияния были одинаковы, поэтому оценка реально зафиксированных исторических событий оказывается разной. В этом плане важно представлять схему существования самой кочевой империи, в которой определяется центр, полупериферия и периферия.

В настоящее время имеется обширная литература о хунну (Иностранцев, 1926; Бернштам, 1951; Гумилев, 2003; Руденко, 1962; Коновалов, 1976; Воробьев, 1994, с. 184–209; Кычанов, 1997, с. 6–38; Крадин, 2001; Ковалев, 2002; и др.). Довольно много и китайских письменных источников, переведенных на русский язык (Материалы..., 1968, 1973). Поэтому даже краткую характеристику

истории хунну приводить нет смысла. Отдельные моменты, непосредственно связанные с темой нашей работы, будут отражены по ходу изложения.

В истории империи Хунну Н.Н. Крадин (2001, с. 234) выделил четыре этапа, основываясь на отношениях с Ханьским Китаем. Обозначенные периоды были немного уточнены и дополнены в другой работе (Крадин, Данилов, Коновалов, 2004, с. 3–4): первый этап (209–133 гг. до н.э.) свидетельствует о расцвете державы; второй этап (129–58 гг. до н.э.) связан с активной экспансией Хань; третий этап (56 г. до н.э. – 9 г. н.э.) отражает внутренние войны и принятие вассалитета от Китая части хунну; четвертый этап (9–48 гг. н.э.) характеризуется сменой внешней политики Китая по отношению к Хунну. В результате внутренних конфликтов империя Хунну распалась на две конфедерации: «северную» и «южную». По мнению указанных авторов, с этого времени (с середины I в. н.э.) начинается новый этап истории – Великое переселение народов (Крадин, Данилов, Коновалов, 2004, с. 4). Стоит указать еще ряд исторических дат, связанных с хуннским периодом (Боровкова, 2005). Отметим лишь некоторые из них: 174 г. до н.э. – смерть Маодуня и вступление Лаошаня на «трон» шаньюя; 165 г. до н.э. – окончательная победа хунну над царством «Большое Юэжжи»; 123 г. до н.э. – перенос ставки хуннских шаньюей на север Монголии; 48 г. н.э. – официально считается годом разделения хунну на северных и южных; 93 г. н.э. – по китайским источникам, держава северных хунну прекратила свое существование. Все эти сведения, изложенные в письменных материалах, требуют соответственного подтверждения археологическими данными. В определенной мере этому посвящена данная глава. Отдельные положения интересующей нас темы уже изложены в трудах А.В. Давыдовой (1995, 1996), П.Б. Коновалова (1976, 1996), В.А. Могильникова (1992), С.С. Миняева (1998) и других исследователей, которые занимались изучением интереснейшего периода истории.

После хунну значительное влияние на облик культуры народов Южной Сибири оказывала держава Сяньби. Этноним сяньбэй (сяньби) хорошо известен специалистам по истории народов, населявших северные пределы Китая (Комиссаров, 1996, с. 31; Материалы по истории..., 1984; Воробьев, 1994, с. 216; Яремчук, 2004; Кляшторный, Савинов, 2005). После разгрома хунну китайскими войсками в 89–91 гг. н.э. сяньбийцы заняли земли бывшей кочевой

империи, присоединив к себе большое количество проживавших там «семей», которые сами стали называться «сяньбийцами» (Кычанов, 1997, с. 55). Основоположник сяньбийских правителей Таньшихуай (141–181 гг.) укрепил позиции своего народа, провел ряд реформ и успешно воевал с Китаем (Воробьев, 1994, с. 218–219). Однако пришедший к власти Хэлянь не смог сохранить созданное отцом объединение, а после его ранней гибели в ходе междоусобиц постепенно наметилась тенденция к распаду державы. Попытки Кэбинэна, выдвинутого «...в дажэнь (в императоры. – А.Т.) войском и народом», провести эффективные преобразования и стабилизировать ситуацию в империи имели определенный успех. Но положительные тенденции прервались. В 235 г. Кэбинэн, по представлению ханьцев, разумный и активный правитель, был убит китайским лазутчиком (Кычанов, 1997, с. 57). К середине III в. н.э. произошел распад сяньбийского объединения. Из него выделились разные этносы – муюны (мужуны), тоба, юйвэнь, тогухунь. Тем не менее китайские источники и позднее использовали этноним сяньби, в одних случаях вместо новых обозначений, а в других – при характеристике отдельных крупных семей и их представителей, которые играли какую-то роль в исторических событиях, находясь в пестрой этнической среде (Воробьев, 1994, с. 220–221). Поэтому обозначение «хунно-сяньбийское» время на период позже 2-й половины IV в. н.э. следует считать неправомерным. Среди названных ответвлений сяньбийской народности для нашей темы интерес представляет тоба. Этот клан был самым северным и сыграл важную историческую роль после распада Сяньбийской державы (Воробьев, 1994, с. 245–266; Кычанов, 1997, с. 59–64). В последней четверти IV в. кочевники тоба создали на северной территории Китая империю Северная Вэй (Крадин, 2000, с. 82).

Долгое время памятники собственно сяньби исследователи не могли выделить среди раскопанных погребальных объектов. Однако к настоящему времени эта проблема постепенно разрешается. Во Внутренней Монголии обнаружены такие комплексы. Материалы опубликованы на китайском языке (Нэй Мэнгу дицой сяньбэй..., 2004). Знакомство с этими результатами археологических раскопок показало неоднородность исследованных могильников, отнесенных к сяньби. В то же время имеются конкретные данные о материальной культуре II–IV вв. н.э. Интересные сведения получены читинскими коллегами на территории юга Восточной Сибири.

Ряд памятников ими отнесен непосредственно к культуре сяньби (Яремчук, 2004; Ковычев, 2006). Жаль, что многоплановые материалы полностью не введены в научный оборот. Определенная работа по изучению сяньби была проделана новосибирскими исследователями под руководством Ю.С. Худякова. Отдельный сборник научных статей посвящен изучению военного дела nomадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху (Военное дело..., 2005). Еще имеются разные публикации о комплексе вооружения (Рец, Юй Су-Хуа, 1999; Худяков, Юй Су-Хуа, 2000) и других сторонах материальной культуры сяньби (Худяков, Юй Су-Хуа, 2002).

Проблема происхождения следующего кочевого этноса, известного в китайских источниках под наименованием жуаньжуаней (жужане), в исторической науке пока не имеет окончательного решения. По китайской традиции, жуаньжуани относились к группе народов дунху. Существует версия отождествления их с аварами (Кычанов, 1997, с. 74). По мнению Л.Н. Гумилева (2002, с. 16), в середине IV в. н.э. многие представители различных племен, по каким-либо причинам порвавшие всяческие связи со своими родовыми коллективами, уходили в степь: «Туда же бежали от жестоких господ невольники, из армий – дезертиры, из обедневших деревень – нищие крестьяне. Общим у них было не происхождение, не язык, не вероисповедание, а судьба, обрекавшая их на нищенское существование; и она-то властно принуждала их организовываться». Немногочисленные китайские хроники дают противоречивые сведения о языке жуаньжуаней (Гуркин, 2000) и об их истории (Крадин, 2000, с. 80). Л.Н. Гумилев (2002, с. 17) предполагал, что «...жужани объяснялись по-сяньбийски, т.е. на одном из диалектов монгольского языка...».

Современные исследования отечественных и зарубежных ученых позволили прояснить ряд важных моментов по истории Жужанского каганата (Воробьев, 1994; Кычанов, 1997; Крадин, 2000; Жумаганбетов, 2003; Кляшторный, Савинов, 2005). Жужане обитали в Монголии. Один из вождей Илу из клана тоба около 300 г. осуществил первую консолидацию племен. Однако временем образования Жужанской орды считается 359 г. Еще одна датированная информация относится к 394 г., когда лидер жужаней Шэлунь пересек пустыню и покорил ряд племен, но под ударами тоба был вынужден отступить (Воробьев, 1994, с. 298). В 402 г. он собрал своих сторонников, объявил о создании имперской конфедерации и

принял титул кагана (Крадин, 2000, с. 83). К V в. Жужанский каганат достиг наибольшего масштаба, благодаря тому, что Шэлунь провел ряд реформ и осуществил успешные походы. Историкам известны имена всех каганов за 150 лет существования империи. В 438 г. Внешнюю Монголию постигла жестокая засуха, которая создала тяжелое положение для конфедерации, но каганам удалось не только сохранить статус державы, но и совершенствовать ее административно-политическое устройство (Крадин, 2000). В 464 г. жужане «оформили государственность по китайскому образцу – ввели девизы годов правления» (Воробьев, 1994, с. 299). Раскол в 534 г. государства Северная Вэй привел к дальнейшему усилению жуаньжуаней (Кычанов, 1997, с. 76–77).

По мнению Л.Н. Гумилева (2002, с. 17), «...основной силой жужанского ханства было умение держать в подчинении телеские племена», которые в конце IV в. перекочевали на север в Джунгарию, а затем распространились от Западной Монголии вплоть до Байкала.

В 552–553 г. тюрки разгромили жуаньжуаней. В 555 г. они вместе с армией династии Северная Ци нанесли им окончательное поражение. С этого времени жужане практически исчезли с исторической арены (Воробьев, 1994, с. 299; Жумаганбетов, 2003, с. 155).

Археологических данных о жужанях практически нет. Лишь некоторые находки, сопоставимые с аварскими древностями, монгольские археологи связывают с жужанями (Крадин, 2000, с. 80). Поэтому существует проблема идентификации многочисленных археологических памятников Центральной Азии. Важными могут стать планомерные исследования в Монголии.

Кратко изложенная историческая канва позволяет понять изменения в облике культуры Алтая «гунно-сарматского» времени и наметить основные этапы ее развития. Но прежде чем перейти к изложению результатов такой работы, стоит еще раз остановиться на терминах, которые употребляются при изучении интересующего периода. Как уже сказано, довольно прочно в лексикон исследователей вошло обозначение «гунно-сарматское» время (Степная полоса..., 1992). Однако более 35 лет назад А.Д. Грач (1970, с. 101–102) указал на то, что это словосочетание не отражает хронологической и этнокультурной специфики истории Южной Сибири и Центральной Азии. Этот период представлен довольно большим корпусом письменных китайских источников, и было бы логично

давать обозначения, основываясь на этих данных. Это понимали и другие археологи, употребляя разные термины для отражения сущности изучаемых памятников. Так восточно-сибирские исследователи (И.И. Кириллов, Е.В. Ковычев и др.) применяют для обозначения указанного исторического периода словосочетание хунно-сяньбийское время (эпоха, период), датируя его в пределах I в. до н.э. – II–III в. н.э. (Яремчук, 2005, с. 20). По мнению С.С. Матренина (2005г, с. 4), используемый им «...термин «хунно-сяньбийское» время», наиболее адекватно передающий содержание культурно-исторических процессов, протекавших в Центральной Азии...», заключает «...в своем названии наименования политических объединений кочевников, оказавших доминирующее влияние на ход развития этого региона». На наш взгляд, данное утверждение лишь отчасти можно считать правильным по отношению к Алтаю, который с образованием Жужанского каганата был включен в его состав, и сяньбийская линия доминирования на этой северной периферии прервалась.

В археологической литературе при изучении древних периодов Центральной Азии и Южной Сибири сейчас все чаще используется наименование «хунну», в отличие от европейских «гуннов» (Савинов, 2005, с. 185), хотя подобное разграничение было понятно значительно раньше (Иностранцев, 1926). Отдельные исследователи применяют обозначение «сюнну» (Воробьев, 1994; Мандельштам, Стамбульник, 1992; Миняев, 1998 и др.). Об истории появления этнонимов «хунну» и «сюнну» довольно объективно написал в своей монографии П.Б. Коновалов (1976). В отечественной литературе долгое время использовалось только обозначение «гунны». Однако затем стали утверждаться наименования древнего народа, близкие к подлинным (хунну или сюнну), которые заимствованы из китайских источников. Одно из них дается в произношении южных китайцев, а другое – северных. В европейской литературе был принят вариант хунну, который древними греческими и латинскими писателями транскрибировался как Hun, Hunnu, Huni и соответственно читался по-русски уже как гунн, гунны (Засецкая, 1994), хотя в произношении южных китайцев первый звук больше соответствует нашему «ха». Поэтому правомернее употреблять в русскоязычной литературе слово «хунну», не исключая и вариант «сюнну» (Коновалов, 1976, с. 3). Еще одна проблема связана с использованием существительного «хунну» и прилагательного от него. По

сложившимся правилам русского языка следует писать и употреблять слово «хуннуский» (Розенталь, 2001, с. 40; Левашов, 2003, с. 6). Существительное «хунну» относится к роду несклоняемых. В этом плане использование некоторыми авторами термина «сюнну» и его производного «сюннуский» ни у кого не вызывает сомнений (Миняев, 1998). В то же время производные от слова «хунну» излагаются в разных и не совсем корректных проявлениях: хунн, хунны, хуннов, хуннский и т.д.

Стоит остановиться и на применении понятия «эпоха великого переселения народов», довольно часто используемого в научной литературе. К настоящему времени данное историческое явление имеет широкую трактовку и предполагает разные хронологические рамки (Тишкин, Горбунов, 2007). Это обстоятельство требует хотя бы краткой конкретизации содержания рассматриваемого периода и его датировки. В первой главе раздела I было указано о применении такого обозначения заключительного периода раннего железного века, как «эпоха Великого переселения народов», известного еще в XIX в. при изучении европейской истории. Во 2-й половине XVIII в. немецкий исследователь Йоганн Кристоф Гаттерер описал четыре великих эпохи в мировой истории, среди которых была отмечена «...эпоха переселения народов, связанная с миграцией германцев и славян в V в. и потом с завоеваниями мусульман и монголов» (Грин, 2001, с. 48–49). Дальнейшее понимание начала указанного периода зависело от территории изучения и интересов специалистов. Чаще всего для «великого переселения народов» указывались массовые миграции, произошедшие на территории Евразии в III–V вв. н.э. Иногда данный период рассматривался как «переходный этап» от Древности к Средневековью (Савельева, Полетаев, 1997, с. 209–210). Имеются разные точки зрения на сущность «эпохи великого переселения народов». Ряд исследователей сознательно не используют такое образное обозначение из-за размытости его содержания, неопределенности границ или общей условности.

Для Восточной Европы «великое переселение народов», а также начало раннего средневековья определяется IV в. н.э., что связывается с появлением и завоеваниями гуннов. В результате с IV в. по первые десятилетия VI в. «... степь непрерывно бурлила, выбрасывая на Запад... орду за ордой» (Плетнева, 1981, с. 8). По мнению А.К. Амброза (1981, с. 10), «вторжение гуннов в Европу в 70-х гг. IV в. вызвало грандиозное передвижение народов, спра-

ведливо названное великим...». Данное положение разделяют И.П. Засецкая (1994, с. 160) и другие исследователи.

Для Приуралья в монографии Ф.А. Сунгатова, Г.Н. Гарустовича, Р.М. Юсупова (2004) начало рассматриваемой эпохи обозначено III–IV вв. Для восточной части Евразии существует свое понимание «великого переселения народов». По мнению Л.Н. Гумилева (2002, с. 13), данный этап начался значительно раньше, чем в Европе, «во время, носящее в китайской истории название «эпоха пяти варварских племен» (304–399 гг.)...». Н.Н. Крадин (2001, с. 5–6) считает, что «...именно азиатские номады дали первотолчок Великому переселению народов» в конце I в. н.э., следствием которого стала «...гуннская инвазия в Европу».

В.В. Бобров, А.С. Васютин, С.А. Васютин (2003, с. 3) полагают, что понятие «эпоха Великого переселения народов» впервые использовано «...А.А. Гавриловой (1965, с. 3) и С.С. Сорокиным (1977, с. 57, 65) применительно к памятникам Саяно-Алтая II в. до н.э. – VII в. н.э.». С их точки зрения, данное утверждение «...кажется вполне оправданным». А на самом деле в приведенном контексте оно оказывается надуманным. Названные исследователи (А.А. Гаврилова и С.С. Сорокин) в своих работах на указанных страницах ничего подобного не излагали. А.А. Гаврилова вообще не касалась обозначенной нами проблемы, а лишь указала, что могильник Кудыргэ в свое время «...был включен в число памятников эпохи великого переселения народов, времени появления близких по культуре племен в Подунавье» (Гаврилова, 1965, с. 3). С.С. Сорокин (1977, с. 57, 65) определял раскопанные им на Балыктыюльском могильном поле объекты так: «...они занимают промежуточное положение между пазырыкской и тюркской эпохами», их «...следует отнести не к началу первого тысячелетия нашей эры, а ко второй его четверти, т.е. к эпохе вторжения кочевников в Среднюю Азию». Несмотря на попытку во всех отношениях расширить границы и содержание «эпохи Великого переселения народов», В.В. Бобров, А.С. Васютин и С.А. Васютин (2003) в названии своей монографии для Восточного Алтая обозначили такие хронологические рамки: III–VII вв.

Письменные источники указывают на усиление миграционных процессов в Центральной Азии после распада крупных объединений хунну (215 г.) и сяньби (235 г.), а также империи Хань в Китае (220 г.), что к V в. изменило этническую и политическую

ситуацию в огромном регионе. На Алтае эти события привели к значительным переменам в области материальной и духовной культуры (Горбунов, 2003, с. 4). Такие свидетельства зафиксированы при раскопках археологических памятников.

Как видно из краткого экскурса, содержание «эпохи великого переселения народов» и ее датировка довольно сильно варьируют в зависимости от территории исследований. Поэтому в нашей работе рассмотренное понятие широко применяться не будет.

Для обозначения поздних этапов хуннуско-сяньбийско-жужанского времени исследователями используется термин «предтюркский» (Елин, 1987). По мнению В.В. Боброва, А.С. Васютина и С.А. Васютина (2003, с. 4), для Алтая вместо него «...предпочтительнее употреблять понятие «предкудыргинское время», как наиболее адекватное археологической ситуации». На наш взгляд, такая замена не только не правомерна, но и не корректна во всех отношениях. В рамках выявления истоков тюркской культуры Д.Г. Савинов (1984) использовал понятие «прототюркский субстрат».

Что касается разработки культурно-хронологической схемы «гунно-сарматской» эпохи Алтая, то она имеет свою историю. Ниже представим имеющиеся на этот счет точки зрения. Долгое время между скифским и тюркским периодом существовало «белое пятно», лишь частично «закрытое» предполагаемым шибинским этапом культуры ранних кочевников (Грязнов, 1939). С.В. Киселев (1951) относил пазырыкские курганы к гунно-сарматскому времени, а С.И. Руденко (1960) датировал их скифским временем и считал, что в конце I тыс. до н.э. «пазырыкцы» могли откочевать в Восточный Казахстан или западно-сибирские степи. Последняя точка зрения нашла свое отражение в концепции В.И. Молодина (2000), который, опираясь на палеогенетические определения, предполагает перемещение «пазырыкцев» на север и рассматривает их участие в этногенезе селькупов (Население..., 2003). Как уже было сказано, шибинский этап пазырыкской культуры закончился на рубеже III–II вв. до н.э. Факты сосуществования культур пока реально не отмечены. Более того, сейчас все более ясным становится, что ограбление курганов пазырыкской культуры осуществлялось на раннем этапе существования булан-кобинской общности (Худякова, 1998; Тишкин, 2005е). Такое позволить себе могли только победители, закрепляя свое беспредельное преимущество.

Процесс осмысления материалов из археологических памятников Алтая «гунно-сарматской» эпохи соотносится с количеством накопленных данных и с районом проведения раскопок. Так, А.А. Гаврилова (1965, с. 52–57) немногочисленные памятники 1-й половины I тыс. н.э. отнесла к одинцовскому и берельскому типам могил. Эта классификация просуществовала до проведения раскопок в 1980-е гг. и получения массовых материалов. В результате одинцовский тип не получил в Горном Алтае подтверждения (Худяков, 1998а, с. 97), а название закрепилось за обозначением культуры в Лесостепном Алтае (Тишкин, Горбунов, 2002а).

В 1984 г. В.Н. Елин и А.С. Васютин (1984, с. 37–38) выделили для восточной части Горного Алтая кок-пашский тип погребений III–V вв. н.э., противопоставив его берельскому. Во 2-й половине 1980-х и в начале 1990-х гг. свои точки зрения высказали В.Н. Елин (1987) и Ю.М. Мамадаков (1990), оформив их в виде кандидатских диссертаций.

В.Н. Елин в своей работе рассматривал хронологию и культурную принадлежность памятников Восточного Алтая в предтюркское время. Предметный комплекс был им датирован в рамках III–V вв. н.э., а изученность погребального обряда дала возможность выделить «археологические памятники кок-пашского типа». Население Восточного Алтая, оставившее эти огромные могильники, по мнению исследователя, имело центрально-азиатское происхождение и «...находилось в тесном контакте с носителями кокельской культуры Тувы, испытавшей... влияние культуры хунну» (Елин, 1987). В самом конце автореферата В.Н. Елин не исключил возможность выделения археологической культуры рассмотренного им времени. Этот тезис был изложен исследователем в целом ряде небольших сообщений (Елин, 1992 и др.), но развернутого представления так и не получил, хотя сторонники выделения кок-пашской культуры появились (см. ниже).

Ю.Т. Мамадаков (1983, 1984, 1985, 1987 и др.) целенаправленно занимался изучением памятников «гунно-сарматского» времени Горного Алтая. В результате проведенных масштабных работ на ряде вновь выявленных и уже известных археологических комплексов (Булан-Кобы-IV, Бошту-I, Белый Бом-II, Улита, Боочи и др.) у исследователя сложилось свое представление о процессах формирования и развития выделенной им булан-кобинской культуры. Основываясь на изучении различных категорий инвентаря, а

также на анализе погребального обряда, Ю.Т. Мамадаков (1990, с. 18) обозначил два этапа (ранний – I в. до н.э. – II–III в. н.э. и поздний – III–IV вв. н.э.) булан-кобинской общности, которая сложилась, по его мнению, на основе культуры местных племен, пришедших «кулажургинцев» и «...какой-то этнической группы населения, очень близко знакомого с культурой собственно хунну». Изученность памятников и их интерпретация являлась значительным шагом в осмыслении «гунно-сарматского» периода Алтая. Было также отмечено, что на могильнике Улита впервые зафиксированы захоронения раннего тюркского типа «человека с конем». К сожалению, данный тезис, как и материалы памятника, не были опубликованы в развернутом виде. Однако вывод о том, что «булан-кобинцы» участвовали в формировании тюркской культуры (Мамадаков, 1990, с. 18–19), находит подтверждение и в ходе наших исследований.

В вышедшем томе «Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время» (1992) материал представлен в русле старых концепций. Попытка А.С. Суразаковым (1992) выделить кудыргинскую культуру на основе памятников Горного Алтая 1-й половины и середины I тыс. н.э. не была поддержана исследователями и получила критическую оценку (Васютин, 1993). Тем не менее эта идея еще раз прозвучала в обобщающем томе «Истории Республики Алтай» (Суразаков, 2002, с. 181).

В.И. Соенов (1995, 1997, 1998а–б; 1999а–в; и др. внес существенный вклад в изучение памятников «гунно-сарматского» времени путем раскопок памятников и обобщения их результатов, которые выразились в многочисленных статьях, монографии и в диссертации, посвященной изучению погребального обряда. В результате была получена такая «схема периодизации памятников», использованных в ходе анализа: II–I вв. до н.э., I–II вв. н.э., III–V вв. н.э. Основным результатом исследований стало обоснование булан-кобинской культуры, в развитии которой предложено понимать три этапа: булан-кобинский (II–I вв. до н.э.), эдиганский (I–II вв. н.э.) и берельский (III–V вв. н.э.). При этом кок-пашский тип погребальных памятников не был включен в эту систему, хотя археологические объекты его датированы «гунно-сарматской» эпохой (Соенов, 1997, с. 21).

А.В. Эбель (1998) посвятил отдельную работу проблемам изучения вооружения и военного дела населения и подтвердил

схему, которую наметил В.И. Соенов (1997) для памятников Алтая «гунно-сарматской» эпохи.

Генезису культуры Алтая хуннского времени посвящена специальная статья Ю.С. Худякова (1998), в которой кратко представлен историографический анализ целого ряда мнений исследователей на довольно актуальные темы. Итогом такого рассмотрения явилось установление места раскопанного булан-кобинского памятника Усть-Эдиган, который датирован Ю.С. Худяковым I–II вв. н.э., а Ю.В. Тетериным (1991) и С.Г. Скобелевым (1992) – II в. до н.э. – I или II вв. н.э. Высказанный А.Р. Кимом (1988) и Ю.Т. Мамадаковым (1990) тезис о генетической связи между пазырыкской и булан-кобинской культурами, по мнению Ю.С. Худякова (1998, с. 98–99), дополняется планиграфическими наблюдениями на памятнике Усть-Эдиган. Однако конкретной связи между материалами из курганов скифского времени и захоронений «гунно-сарматского» периода этого комплекса не отмечено. Более важными, на наш взгляд, стали заключения Ю.С. Худякова (1998, с. 101) относительно выявления в булан-кобинской культуре элементов, характерных для сарматской культуры.

Кроме этого, отдельные положения по рассматриваемой теме продемонстрированы Ю.С. Худяковым (1991–2005) в других многочисленных статьях, посвященных отдельным категориям находок или раскопанным памятникам. Среди них обозначим ряд моментов, которые, правда, иногда противоречат высказанным положениям, что отражает поиск наиболее приемлемых оценок полученного материала. Например, благодаря исследованиям Ю.С. Худякова (1998г) получена представительная коллекция керамической посуды хуннского времени из памятников в долине р. Эдиган. Обобщенный материал позволил сделать такие выводы (Худяков, Мороз, 1992; Худяков, 1998г):

- формирование керамического комплекса могло происходить при опосредованном воздействии хунну и других близких по времени культур саяно-алтайских кочевников;
- традиции пазырыкского производства керамической посуды не унаследованы;
- произошло существенное ограничение сферы применения керамической посуды в погребальной обрядности;
- сложение новых традиций в изготовлении керамической посуды, изменение ассортимента изделий и способов орнамента-

ции, могло произойти в период кратковременного подчинения населения Горного Алтая державе Хунну;

– ослабление влияния хунну и других центрально-азиатских культур привело к формированию своеобразных черт в булан-кобинской культуре, включая керамический комплекс;

– состав керамического комплекса памятников хуннуского времени свидетельствует о значительной роли иноэтничных элементов в сложении булан-кобинской культуры (особенно значителен был приток заимствований из культур северной периферии Горного Алтая).

Что касается культурного определения исследованных объектов Алтая «гунно-сарматской» эпохи, то Ю.С. Худяков (1986б, 1993б, 1998а и др.) признает отдельное существование булан-кобинской и кок-пашской культур, а берельский тип памятников связывает с ранними тюрками докаганатского периода.

Ю.В. Тетерин (1995, 2001) на основе изучения материальной культуры населения Алтая «гунно-сарматского» времени выделил три этапа: II в. до н.э. – I в. н.э. (Усть-Эдиган); I–III вв. н.э. (Булан-Кобы-IV, Белый Бом-II, Усть-Балыктыюль, Айрыдаш-I, Бике-I, Курайка и др.); III–VI вв. н.э. (Берель, Катанда-I, Дялян, Кок-Паш, Верх-Уймон и др.). Данная схема логически и определенным образом подводит итоги анализа накопленного к концу XX в. материала. Все указанные археологические памятники исследователь разделил на две большие культурные и территориальные группы: «берельская» и «кок-пашская» (Тетерин, 2001, с. 111).

Вышедшая в 2003 г. монография В.И. Соенова (2003) была посвящена описанию и анализу памятников Горного Алтая «гунно-сарматской» эпохи и не содержала принципиальных отличий от выводов, которые были изложены в кандидатской диссертации (Соенов, 1997). В том же году В.В. Бобровым, А.С. Васютиным и С.А. Васютиным (2003, с. 4) предложена следующая «ориентировочная периодизация»: II–I вв. до н.э., I–II вв., III–VI вв. Опубликованная указанными авторами монография «Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов (III–VII века)», к огромному сожалению, не может быть полноценным источником для обобщения материалов исследованных памятников из-за значительного количества несоответствий между описаниями и рисунками, половозрастными заключениями и приведенными данными погребального обряда. Такая неразбериха в фактическом материале сводит

интерпретационные усилия авторов «на нет». Вульгаризация использованных понятий, искусственность терминов, множество противоречий в культурно-хронологических представлениях, а главное, отсутствие системы подачи археологического материала по комплексам не способствуют положительной оценке работы. Чтобы привести в порядок хотя бы часть этого обширного массива данных потребуются годы кропотливой работы. Не стоит исключать и проведение дополнительных раскопок на памятнике, в том числе и исследованных объектов. Тем не менее для наполнения содержания предложенной нами культурно-хронологической схемы некоторые материалы памятника Кок-Паш использовались (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161; Тишкин, Горбунов, 2007; и др.). Следует указать, что отдельные положения интересующей темы изложены в работах целого ряда авторов (А.С. Васютина, А.М. Илюшина, С.А. Комиссарова, В.И. Молодина, Д.В. Позднякова, Т.А. Чикишевой и др.). В обобщенном виде некоторые из них указаны ниже.

В настоящее время на Алтае раскопано значительное число археологических памятников булан-кобинской культуры (Соенов, 2003). Однако материалы многих из них не введены в научный оборот, а лишь частично анализировались по отдельным аспектам (Елин, 1987, 1990, 1992; Мамадаков, 1985, 1987, 1990; Соенов, 1997, 2003; Эбель, 1998; Соенов, Эбель, 1992; Савинов, 1994; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003; и др.). В результате удалось наметить многие проблемы рассматриваемой эпохи, довольно сложной для исторических и других реконструкций.

Начало изучению археологических памятников Алтая, относящихся к последним векам I тыс. до н.э. – I-й половине I тыс. н.э., было положено раскопками В.В. Радлова на могильниках Катанда-I и Берель в 1865 г. (Радлов, 1989, с. 443–445, 451; Захаров, 1926, с. 76–80; Гаврилова, 1965, с. 54–55; Сорокин, 1969, с. 231, 234). В дальнейшем накопление источниковой базы по данному периоду проходило очень медленно. За сто лет исследованию подверглось всего шесть курганов на памятниках Кокса, Пазырык и Балыктыюль (Гаврилова, 1965, с. 52–53; Сорокин, 1977, с. 57–67). Настоящий прорыв в этом направлении был совершен в 80-е – начале 90-х гг. XX в. Экспедициями разных учреждений открыты, частично или полностью раскопаны десятки могильников и сотни объектов, которые заняли свое место между пазырыкской и тюркской культурами Алтая. История их изучения достаточно подробно из-

ложена (Соенов, 2003, с. 4–12), поэтому мы лишь остановимся на решении вопросов культурно-хронологического характера. Следует сказать, что процесс полевого исследования продолжается и на современном этапе. Однако его темпы существенно снизились. Это связано как с изменившимися политико-экономическими условиями в нашей стране, так и с необходимостью публикации и научного осмысления огромного пласта полученных материалов.

Первая культурно-хронологическая интерпретация памятников Алтая «гунно-сарматской» эпохи была предложена спустя столетие после самых ранних раскопок. Как уже было сказано, А.А. Гаврилова (1965, с. 52–57, 105), проанализировав имеющийся к тому времени материал, выделила два типа могил: одинцовский (Пазырык) и берельский (Берель, Катанда-I, Кокса, Яконур), датировав их соответственно II–IV и IV–V вв. н.э. Позднее С.С. Сорокин (1977, с. 65–66) отнес ко 2-й четверти I тыс. н.э. раскопанные им курганы Балыктыюля и Пазырыка, но воздержался от их культурного определения. Дальнейшее осмысление материалов из горно-алтайских памятников указанного периода проводилось по мере получения новых данных, при их публикации (зачастую предварительной или частичной), при анализе или обобщении.

К настоящему времени разброс мнений ученых на проблему культурной принадлежности горно-алтайских памятников «гунно-сарматской» эпохи весьма значителен. Условно их можно разделить на две группы по близости точек зрения. Первая группа исследователей признает существование на территории Горного Алтая нескольких самостоятельных культур или типов памятников: булан-кобинских, берельских, кок-пашских, айрыдашских (Елин, 1990, 1992, 1994; Худяков, 1993б, 1998а, 2005; Тетерин, 1994, 2004; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003). Вторая демонстрирует развитие в Горном Алтае одной культуры – булан-кобинской (Мамадаков, 1987, 1994; Соенов, 1999а, 2003; Тишкин, Горбунов, 2003а, 2005б; Матренин, 2005а–г) или кудыргинской (Суразаков, 1992, 2002). Неоднозначно решаются и вопросы датировки конкретных горно-алтайских памятников в рамках одной эпохи (Тишкин, Горбунов, 2006).

Для культурно-хронологического анализа нами использованы материалы 36 погребальных памятников хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, на которых исследовано 696 могил. Выявлены и другие характерные булан-кобинские могильники, на которых еще

раскопки не производились, поэтому они не учтены. С.С. Матренин (2005г, с. 4) в автореферате своей диссертации указал 607 курганных и впускных погребений из 39 могильников. На самом деле, их больше (более 700 погребений и более 40 памятников; см. приложение), но в нашей работе использованы только те оказавшиеся доступными материалы, которые полностью или частично опубликованы исследователями или происходят из собственных раскопок автора монографии. В хронологическом отношении они соотносятся со всеми этапами булан-кобинской культуры (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 160–161): ранним, усть-эдиганским (II в. до н.э. – I в. н.э.), развитым, бело-бомским (II – 1-я половина IV вв. н.э.), поздним, верх-уймонским (2-я половина IV – 1-я половина V вв. н.э.).

Материалы ряда крупных могильников введены в научный оборот лишь частично, но в целом они позволяют создать общую схему культурно-хронологического развития горно-алтайского региона на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э. Нами проделана работа по систематизации опубликованных данных. Сравнительный анализ признаков погребального обряда показывает их единую основу, что говорит о развитии на территории Горного Алтая одной археологической культуры, наиболее удачное название для которой – **булан-кобинская**. Различия между отдельными памятниками в типах погребальных сооружений и способах захоронений не имеют массового характера и, вероятнее всего, отражают участие различных этнокультурных компонентов в процессе формирования и длительного существования этой общности (Тишкин, Горбунов, 2006).

Географически памятники булан-кобинской культуры составляют несколько обособленных, но не изолированных групп, что связано со сложным ландшафтным делением Алтая. Наибольшее количество погребений открыто в северной части, приуроченной к нижнему течению Катуни. Там исследованы как целые булан-кобинские могильники: Бике-I, Усть-Эдиган, Улуг-Чолтух, Айрыдаш-I на правом берегу, Тыткескень-VI, Карбан-I, Дялян на левом берегу (Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990; Худяков, 1992, 1997, 1998б–д, 2002а–б, 2003а–б; Суразаков, 1990; 2002; Контев, 1991; Тетерин, 1991; Кирюшин, Тишкин, Мамадаков, 1992), так и одиночные курганы на могильниках Верх-Еланд-II, Бийке и Усть-Бийке-III (Неверов, Степанова, 1990; Тишкин, Тишкина, 1996; Тишкин, Горбунов, 1999, 2005б).

Другая крупная группа памятников булан-кобинской культуры сосредоточена в центральной части Алтая, по среднему и верхнему течению Катуня: могильники Сары-Бел, Яломан-II, Булан-Кобы-IV, Белый Бом-II, Бош-Ту, Сальдяр-II, Боочи, Улита, Чендек, Верх-Уймон, Катанда-I, а также одиночные объекты в пунктах Семисарт-I, Катанда-3, Кокса, Кызыл (Гаврилова, 1965; Глоба, 1983; Мамадаков, 1985, 1987, 1990, 1995; Соенов, Эбель, 1992, 1996; Киреев, Кудрявцев, Вайнбергер, 1992; Могильников, Суразаков, 1995, 1997; Соенов, 1999в, 2000; Марсаолов, 2001; Тишкин, Горбунов, 2002б, 2003а; Кочеев, Суразаков, 2003; Соенов, Трифанова, Вдовина, Черепанов, 2005).

Третья группа булан-кобинских памятников исследована в восточной части Алтая, в бассейне рек Башкаус и Чулышман: могильники Пазырык, Балыктыюль, Кок-Паш (Гаврилова, 1965; Сорокин, 1977; Илюшин, Сулейменов, 1997; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003).

В остальных районах Алтая открыты пока только отдельные булан-кобинские комплексы: в юго-восточной части (среднее и верхнее течение Чуи) – могильник Курайка и одиночное пещерное погребение в местности Кам-Тытугем (Соенов, Эбель, 1998; Худяков, Эбель, Кочеев, 1998); в южной части (плоскогорье Укок) – могильник Кальджин-6 и одиночные объекты в пунктах Кальджин-8 и Ак-Кол-1 (Молодин, 1997, 2000б; Молодин, Полосьмак, Новиков и др., 2004); в северо-западной части (верхнее и среднее течение Чарыша) – могильник Урочище Балчикова-3 и одиночное погребение в пункте Ябоган-III (Шульга, Горбунов, 2002; Могильников, Суразаков, 2003а); в юго-западной части (бассейн р. Бухтармы) – могильник Берель (Радлов, 1989; Гаврилова, 1965; Сорокин, 1969).

Типологический анализ инвентаря из вышеперечисленных булан-кобинских памятников позволяет выделить среди них три хронологические группы, каждой из которых соответствует определенный типовой набор вещей. Эти группы памятников могут быть соотнесены с тремя последовательными этапами в развитии булан-кобинской этнокультурной общности: 1) усть-эдиганский этап (II в. до н.э. – I в. н.э.); 2) бело-бомский этап (II – 1-я половина IV вв. н.э.); 3) верх-уймонский этап (2-я половина IV – 1-я половина V вв. н.э.). Синхронизация обозначенных этапов с известными историческими событиями, происходившими в Центральной Азии и Южной Сибири, помогает понять причины изменений в

материальной культуре населения Алтая и соответствующие им направления этнических контактов. Следует указать, что работа, посвященная анализу погребального обряда населения Алтая «гунно-сарматского» времени, осуществлена С.С. Матрениным (2005а–г) и полностью опубликована. Эти материалы свидетельствуют о некоторых локальных особенностях полиэтничной общности.

Оценивая в целом опубликованный типовой набор инвентаря усть-эдиганского этапа, необходимо отметить сочетание в нем нескольких основных культурно-хронологических групп вещей (Тишкин, Горбунов, 2006). Первая группа заканчивает собой развитие предшествующих материальных традиций скифо-сакского времени. На Алтае они связаны в основном с наследием пазырыкской и каменной культур. Сюда относятся боевые шипастые наконечники стрел, модель чекана, подпружные пряжки и блоки, охотничьи втульчатые наконечники стрел, керамические банки и часть горшков, столик-алтарик, сложнофигурные бляхи-нашивки, серьги и гривны. Все эти типы вещей, за редким исключением, исчезают из обихода в течение II в. до н.э. – I в. н.э., маркируя верхнюю хронологическую границу усть-эдиганского этапа.

Вторая группа предметов, самая многочисленная, целиком базируется на материальной культуре хунну. Ее составляют сложносоставные луки, бронебойный наконечник стрелы, кинжалы без перекрестия и наверхия, панцирные пластины, поясные и уздечные наборы, бытовые ножи, трубочки, керамические вазы, котел и колокольчики. Большая часть этих изделий появляется и начинает свое развитие на рубеже III/II в. до н.э., четко очерчивая нижнюю хронологическую границу усть-эдиганского этапа. Сюда же можно отнести ханьские зеркала и их копии (Тишкина, 2006а; Тишкин, Хаврин, 2006). Кроме того, часть предметов «хуннского типа» бытовала в Центральной Азии и Южной Сибири только на протяжении собственно хуннского времени. Это наиболее престижные вещи: поясные ажурные пряжки, наконечники и бляхи, ложечковидные застёжки и уздечные бляхи. После I в. н.э. они уже не использовались, утратив свой статус с падением власти хунну в центрально-азиатском регионе.

Третья группа предметов представляет собой влияние материальных традиций сарматского и в большей степени среднеазиатского (раннекушанского) круга. К ней относятся кинжалы с перекрестием и наверхием, возможно, меч, зеркала с выступом-шипом, по-

лусферические и каплевидные бляхи-нашивки и, вероятно, бляхи-фалары. Появление этих изделий укладывается в рамки III–I вв. до н.э.

Можно говорить о становлении на усть-эдиганском этапе и собственно булан-кобинской культурной традиции. Она выражалась в видоизменении предшествующих и заимствованных типов изделий и проявилась в украшениях костюма. Определенное сочетание предметов в типовом наборе усть-эдиганского этапа также демонстрирует его своеобразие, позволяя четко отличать булан-кобинский материальный комплекс от других синхронных и сопредельных ему культур.

Выделенные группы вещей в наборе инвентаря усть-эдиганского этапа при сравнении с данными погребального обряда отражают участие различных компонентов в формировании булан-кобинской культуры (Тишкин, Горбунов, 2006). Первая группа соотносится с такими элементами погребального обряда, как положение умерших на боку с согнутыми ногами, их ориентация в восточный сектор, положение коня на животе вдоль длинной стенки конструкции, сооружение ящиков. Эти признаки отражают местные традиции предшествующего периода. Доля их как в инвентаре, так и в обряде невелика, но вполне определена.

Вторая и третья группы соответствуют следующим элементам погребального обряда: иная планиграфия могильников и новые надмогильные сооружения по сравнению с пазырыкскими, положение умерших вытянуто на спине, их ориентация на запад, положение коня на боку на перекрытии конструкции, отдельные захоронения лошадей. Данные признаки демонстрируют пришлый компонент. Несмотря на то, что среди инвентаря ведущее место занимает «хуннская» группа, погребений собственно хунну на Алтае не выявлено. Погребальная обрядность населения булан-кобинской культуры по сравнению с хуннуской имеет достаточно четкое своеобразие. В литературе существует версия, согласно которой пришлый компонент составляла иная этническая группа, находившаяся под сильным влиянием хуннуской культуры. Она могла прийти с территории Монголии. Кроме того, в формировании булан-кобинской культуры приняло участие население Восточного Казахстана (кулажургинская культура) (Мамадаков, 1990, с. 18). Действительно кулажургинская погребальная обрядность во многих деталях совпадает с элементами обряда булан-кобинских памятников. Весьма вероятно, что кушано-сарматская группа инвентаря была привнесена на Алтай через Восточный Казахстан.

Этнокультурные процессы, которые привели к сложению на территории Алтая новой общности, невозможно объяснить без оценки политической ситуации в центрально-азиатском регионе. В конце III в. до н.э. здесь произошли важные изменения, обусловленные созданием сильной державы, возглавляемой кочевниками хунну (209 г. до н.э.). Ее центр первоначально находился на территории Ордоса и Южной Монголии. Уже в 201 г. до н.э. основатель державы шаньюй Модэ завоевал северные области Центральной Азии, включая Северную Монголию, южные районы Прибайкалья и Забайкалья, а также Южную Сибирь. К середине II в. до н.э. (165 г. до н.э.) хунну окончательно подчинили себе западные земли центрально-азиатского региона, вытеснив оттуда наиболее сильных своих противников (юэчжей).

Таким образом, начало усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры синхронизируется с политическими событиями самого конца III – 1-й половины II вв. до н.э. Вероятно, решающим событием явился северный поход Модэ 201 г. до н.э., когда было установлено хуннское господство над территориями Южной Сибири. Элита пазырыкской культуры, скорее всего, была уничтожена, и для закрепления новых земель на Алтай переселили лояльное Хуннской державе племя. Не исключено, что этим племенем могли являться и «кулажургинцы», получившие материальную поддержку от хунну для закрепления своего положения. Обосновавшись на новом месте, пришельцы включили в свой состав остатки местного населения. Возможна и иная реконструкция процесса образования булан-кобинской культуры, когда пришлых компонентов могло быть сразу два, но она пока плохо согласуется с данными погребального обряда.

Жизнь булан-кобинского населения на усть-эдиганском этапе протекала под эгидой подчинения державе Хунну. Эта зависимость могла усиливаться или ослабляться под влиянием конкретной политической ситуации. Например, после 123 г. до н.э., когда хунну перенесли свою ставку в Северную Монголию – она могла возрасти, а после 56 г. до н.э. и 48 г. н.э., когда происходили расколы хунну на северных и южных, – она могла на время становиться формальной.

В конце I в. н.э., когда северные хунну потерпели поражение от сяньби (93 г. н.э.) и утратили свое господство в большей части Центральной Азии, земли Горного Алтая оказались в сфере влия-

ния победителей, что определило начало нового этапа в развитии булан-кобинской культуры. Обозначен он как *бело-бомский* (II – I-я половина IV вв. н.э.) по названию памятника Белый Бом-II, который в 1980 г. начинал исследоваться экспедицией АлтГУ. Интересующие нас материалы опубликовала Г.Д. Глоба (1983). Позднее на памятнике раскопки проводил Ю.Т. Мамадаков, но результаты не введены в научный оборот. Лишь небольшая часть находок экспонируется в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Основная проблема при характеристике бело-бомского этапа заключалась в том, что базовые памятники Булан-Кобы-IV, Бош-ту и Айрыдаш-I, раскопанные соответственно Ю.Т. Мамадаковым (1990) и А.С. Суразаковым (1990, 2002), до сих пор полностью не введены в научный оборот. Тем не менее анализ опубликованных материалов (погребальный комплекс, вооружение, снаряжение человека и верхового коня, орудия труда и предметы быта, украшения костюма) свидетельствует о дальнейшем развитии булан-кобинской культуры (Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 161). В настоящее время реконструируется этнокультурная ситуация и на сопредельных с Алтаем территориях.

Следующий этап булан-кобинской культуры, *верх-уймонский* (2-я половина IV – 1-я половина V вв. н.э.), обозначен по наиболее хорошо изученному памятнику Верх-Уймон, раскопанному в верховьях Катуня (Соенов, Эбель, 1992). Кроме него, имеется довольно представительная группа могильников, исследованных в разных районах Алтая (Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 161). Известные материалы демонстрирует завершающий этап изучаемой культуры, который соотносится со временем существования Жужанского каганата (Тишкин, 2006б).

В заключение этой части работы изложим результаты радиоуглеродного датирования памятников Алтая «гунно-сарматского» времени. Пока репрезентативной серии таких данных как для булан-кобинской культуры вообще, так и для отдельных этапов ее развития нет. Эта работа только начинается. Поэтому возникает очень много проблем, противоречий и нестыковок, о чем уже говорилось выше при анализе имеющихся данных по скифской эпохе.

В свое время была получена радиоуглеродная датировка по комплексу керамических печей на Юстыде (Кубарев, Журавлева, 1986, с. 118; Соенов, 2003, с. 26), которая оказалась единственным

хронологическим маяком на долгие годы. По образцу древесины и древесного угля из печи 1 раскопа I получен такой абсолютный показатель: 1830 ± 40 или 120 г. н.э. Этот показатель, приведенный к календарному (астрономическому) времени (калибровку см. в приложении), свидетельствует, что взятая проба может датироваться в довольно широком диапазоне от конца I в. н.э. и до начала IV в. н.э., что соответствует выделенному бело-бомскому этапу булан-кобинской культуры. Однако сравнить керамику, найденную на комплексе Юстыд, нам не с чем. В памятниках обозначенного времени изделия из глины единичны, и они очень сильно отличаются. Более схожие образцы зафиксированы в могилах предыдущего усть-эдиганского этапа. Прояснить имеющуюся ситуацию позволят дополнительные исследования не только самого комплекса, но и керамики, а также дальнейший анализ представительной серии данных, полученных при радиоуглеродном датировании проб.

При проведении раскопок на поселении Тыткескень-VI были обнаружены остатки кострища. По отобранному образцу углей получена радиоуглеродная дата 1970 ± 105 лет, которая указала на интересующий нас период. Полученные при калибровке хронологические интервалы (см. приложение) свидетельствуют о том, что для костра использовалась древесина разного происхождения. Можно связать эти показатели с раскопанными на памятнике курганами «гунно-сарматского» времени, часть которых полностью опубликована (Кирюшин, Тишкин, Мамадаков, 1992) и относится к бело-бомскому этапу булан-кобинской культуры.

При исследовании могильника Яломан-II (Тишкин, Горбунов, 2003а) были отобраны образцы из групп курганов, разных по времени сооружения. В результате получены данные, демонстрирующие абсолютные показатели (СОАН-4981, 4982, 5048, 5049, 5499, 5500, 5501, 5502; Le-7432, 7433, 7434; GU-14916, 14918, 14919, 14920, 14923, 14924, 14925). Численно больше таких свидетельств имеется для раннего усть-эдиганского этапа (II в. до н.э. – I в. н.э.), который в общем отражает период существования державы Хунну в Центральной Азии (Крадин, Данилов, Коновалов, 2004, с. 3–4).

Если проанализировать цифры, полученные при калибровке (см. приложение), то окажется, что наиболее вероятной датировкой курганов (№23а, 49, 51, 52, 57, 61, 62) ранней группы памятника Яломан-II будет II в. до н.э. – I в. до н.э. Это не противоречит хро-

нологическому определению, полученному в ходе изучения археологического материала указанного памятника, и соответствует выделенному усть-эдиганскому этапу булан-кобинской культуры (Тишкин, Горбунов, 2006). Эти впервые полученные данные позволяют уверенно говорить о том, что считавшееся долгое время «белое пятно» наполнено конкретным материалом. Конечно же, это только самое начало пути. Предстоит еще огромная работа как по увеличению количества радиоуглеродных дат, так и по их анализу.

Некоторые радиоуглеродные показатели (СОАН-4981, 5049) были получены от образцов, отобранных автором в могилах поздней группы курганов памятника Яломан-II, которые отнесены на основе типологического анализа инвентаря к верх-уймонскому этапу булан-кобинской культуры. Эти показатели потребовали уточнений, так как они противоречили довольно надежной датировке исследованного археологического комплекса. Имевшиеся данные могли свидетельствовать лишь о том, что курганы действительно сооружены позже объектов ранней группы. Для проверки и увеличения количества результатов в другие лаборатории были отправлены образцы (Le-7432, 7647; GU-14920, 14925) из объектов поздней группы памятника Яломан-II. Полученные независимо друг от друга показатели подтвердили обозначенную в ходе археологических исследований датировку. Эту же тенденцию демонстрирует и не так давно опубликованная серия калиброванных радиоуглеродных дат, полученная по костям из погребений памятника Верх-Уймон (Соенов, Трифанова, Вдовина, Черепанов, 2005). Данные показатели очень важны для изучения позднего этапа булан-кобинской культуры (см. приложение). Калибровка и аналитика представленных результатов были осуществлены Л.А. Орловой (Лаборатория геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии СО РАН). Такие сведения (Соенов, Трифанова, Вдовина, Черепанов, 2005) также не противоречат датировке, полученной на основе анализа археологических материалов (Тишкин, Горбунов, 2005б).

Работа по получению радиоуглеродных и дендрохронологических датировок должна быть продолжена. Для этого есть все необходимые предпосылки.

В курганах булан-кобинской культуры найдено огромное число изделий из разных материалов: камень, дерево, бронза, железо, драгоценные металлы и т.д. Для их изучения нужны междисци-

плинарные исследования. Такой подход, предпринятый С.И. Руденко (1953, 1960), широко используемый в настоящее время новосибирскими (Феномен..., 2000) и другими учеными, дает поразительные результаты. Специальная работа необходима, например, по изучению железных предметов. Она даст ответы на многие вопросы, связанные не только с развитием железоделательного и железообрабатывающего производства, но и других сфер жизни и деятельности населения Алтая изучаемой эпохи (военное дело, ремесло, хозяйство и т.д.). Опыт такой деятельности имеется в разных научных центрах России (Зиняков, 1997). Необходима интеграция целого ряда специалистов. Нами пока начата работа по изучению изделий из цветных металлов (Тишкин, Хаврин, 2004, 2006; Тишкин, 2006а; 2007в). Однако спектр возможных исследований в обозначенном направлении чрезвычайно многообразен.

Проведенное антропологическое изучение части имеющихся материалов (Ким, 1988; Чикишева, Поздняков, 2000) требует своего продолжения. Имеющиеся выводы будут существенно дополнены и скорректированы в зависимости от этапов существования булан-кобинской культуры. На наш взгляд, серьезные результаты может дать дальнейшая реализация программы палеогенетических исследований этносов Алтая эпохи раннего железа (Население..., 2003). Такие репрезентативные сведения можно будет сравнивать с уже имеющимися данными, полученными при изучении пазырыкского населения.

Погребальный обряд носителей булан-кобинской культуры включает в себя такой элемент, как сопроводительное захоронение лошади. Количество таких животных в курганах гунно-сарматского времени Алтая значительно меньше, чем в памятниках пазырыкской эпохи. Однако полученный материал на археологическом комплексе Яломан-II, а также другие имеющиеся данные свидетельствуют о перспективности проведения антропологических исследований. Необходимо обратить внимание, что такое изучение пока вообще не предпринималось для обозначенного периода. Тем не менее практика подобных работ, выполненных на материалах пазырыкских курганов (Витт, 1952; Гребнев, Васильев, 1994; Косинцев, 2004; и др.), свидетельствует о несомненной перспективности.

Важным моментом является изучение керамических изделий булан-кобинской культуры. В свое время такая работа была начата (Кубарев, Журавлева, 1986) и имела продолжение (Худяков, 1998г;

Худяков, Мороз, 1992; Тишкин, 2005е). Накопленные интересные коллекции требуют привлечение специалистов. Результаты такой работы позволят определить специфику гончарного производства посуды, дадут возможность серьезным образом скорректировать дискуссию о принадлежности тех или иных поселенческих комплексов, а также будут способствовать рассмотрению проблем, связанных с процессами взаимодействия разных племен. В этом плане выявление не только погребальных памятников, но и поселений, городищ расширит понимание системы жизнедеятельности населения Алтая «гунно-сарматского» времени.

При раскопках памятника Яломан-II, который определенным образом можно рассматривать в качестве одного из базовых объектов булан-кобинской культуры, удалось обнаружить довольно много интересных изделий из металла, дерева, бересты, кости, рога, тканей, лака и других материалов. В какой-то мере уже сейчас стали осуществляться исследования, связанные с изучением этих предметов (Тишкин, 2005д–е, 2007в; Тишкин, Горбунова, 2005; Тишкин, Горбунов, 2006, 2007; Горбунов, Тишкин, 2006; Тишкин, Хаврин, Френкель, 2007; Тишкин, Мильников, 2007; и др.). Следует отметить, что довольно хорошая сохранность вещей из органических материалов была обеспечена не мерзлотой, как это зафиксировано в пазырыкских могилах, а связана с размещением могильников на высоких террасах и особенностью сооружения каменных погребальных камер. Уже привлечены специалисты, занимающиеся дендрохронологией. Не менее важными представляются трасологические исследования. Огромные возможности имеются для реконструкции головных уборов, верхней одежды и других атрибутов внешнего облика людей. Такая работа только начинается и лучше иметь более достоверные материалы. В этом плане важно изучение различных областей культуры и искусства, привлечение иконографических источников и др.

Несмотря на то, что В.И. Соеновым (2003) систематизированы сведения о памятниках булан-кобинской культуры, необходимо продолжить изучение топографии и планиграфии многочисленных могильников. Эта работа позволит определить границы общности, а также рассматривать динамику и особенности распространения культуры. Палеогеографические исследования будут способствовать реконструкции среды обитания, а она была, по всей видимости, благоприятная, что отражает имевшая место демографическая

ситуация. Уже сейчас видно, что плотность памятников «гунно-сарматского» времени на Алтае довольно высокая, хотя до середины 1980-х гг. этот период являлся «белым пятном» в древней истории рассматриваемого региона. Лишь благодаря целенаправленным работам Ю.Т. Мамадакова, А.С. Суразакова, Ю.С. Худякова, А.С. Васютина, В.Н. Елина, В.И. Соенова и других исследователей получен значительный по объему корпус археологических источников. Имеющихся материалов достаточно для проведения этнокультурных, социальных и мировоззренческих реконструкций, восстановления страниц военно-политической истории, понимания системы жизнедеятельности людей и их знаний в различных сферах деятельности. В этом плане важное место будет занимать соотношение письменных сведений и археологических данных. Весь этот объем данных позволит уточнить периодизацию булан-кобинской культуры и дополнить конкретным содержанием каждый из этапов. Следует указать, что предстоит огромная работа по изучению памятников Алтая «гунно-сарматского» времени, которая в определенной мере будет способствовать и решению проблемы формирования тюркской культуры.

Глава 4
КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ
РАННЕГО И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(ТЮРКСКОЕ, КЫРГЫЗСКОЕ И МОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ) :
ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Первую из рассматриваемых в данной главе культур большинство исследователей именуют «древнетюркской». На наш взгляд, ее правильнее называть «тюркской», без дополнения «древняя», поскольку такой этнос существовал как единая общность только в период раннего средневековья (см. в первой главе разделе I о Древности и Средневековье).

В отечественной литературе традиция использования термина «древнетюркский» связана с известным тюркологом В.В. Радловым (1989). Позднее в работах Л.П. Потапова (1953), С.Е. Малова (1951), А.Н. Бернштама (1946), Л.Н. Гумилева (2002) и других исследователей широко применялось такое понятие по отношению к культуре, письму, языку, времени, эпохе, изваяниям и т.д. При этом А.А. Гаврилова (1965) совершенно справедливо характеризовала изученные захоронения на памятнике Кудыргэ тюркским временем или периодом тюркского господства.

Следует упомянуть, что А.Н. Бернштам (1946) применял обозначение «орхоно-енисейские тюрки VI–VIII веков». С.И. Вайнштейн (1958, 1966) использовал в своих работах термин «алтайские тюрки» в отношении группировки древнетюркских кочевых племен во главе с родом ашина (тюрк), «...т.е. в этническом, а не в географическом его значении (позднее алтайские тюрки расселяются, в частности, на р. Орхон, следовательно, в указанном смысле и на Орхоне жили алтайские тюрки)». Основываясь на известных в свое время материалах раскопок в Туве, исследователь попытался установить датировку и периодизацию погребальных комплексов, учитывая, что Л.Р. Кызласов (1960) опубликовал статью, посвященную тюркской культуре, но этапы ее развития не выявил. Кроме этого, он отметил работу А.Д. Грача (1958), сделавшего предположение, что памятники, в которых зафиксирована ориентировка погребенных на восток, более ранние (VII–VIII вв.), а более поздние (VIII–X вв.) отличаются другим направлением (по линии Ю–С). Стоит заметить, что такое деление на два периода А.Д. Грач (1961, с. 91) подтвердил в своей монографии, посвященной средне-

вековым изваяниям Тувы. В результате С.И. Вайнштейн (1966), учитывая «...весьма ценные разработки А.А. Гавриловой (1965) ряда вопросов периодизации культуры поздних кочевников Горного Алтая», предложил следующее «...выделение этапов развития древнетюркской культуры Тувы», основанное «...на изменении некоторых форм материальной культуры в погребальном инвентаре»:

Первый (ишкинский) этап датирован концом VI – началом VII вв.

Второй (ак-туругский) этап определен VII–VIII вв.

Третий (кара-чогинский) этап имел такие хронологические рамки: VIII–X вв.

К кратким характеристикам этапов была приложена сводная таблица предметов вещевого комплекса, демонстрировавшая развитие «древнетюркской культуры» в Туве. По мнению С.И. Вайнштейна (1966, с. 80), ни уйгурское, ни кыргызское завоевание Тувы не привело к вытеснению с ее территории жившей «...группы алтайских тюрков».

Стоит также остановиться на статье А.Д. Грача (1966). Она была посвящена определению понятия «древнетюркское время», широко используемого в 1960-е гг. Кроме установления хронологических границ указанного периода в рамках с VI в. по 1-ю четверть X в., исследователем дана его широкая характеристика, основанная на том, что на большой территории «...у разных этнических образований тюркской языковой семьи...» возникают и бытуют общие черты, которые наглядно проявляются в материальной культуре («форма оружия, бытовых предметов, конской сбруи, украшений, сосудов»), в «...древнетюркской рунической письменности...», а также в погребальном обряде «...древних племен, входивших в состав тюркских каганатов, и в первую очередь погребения с конем, получившие распространение с VII в. н.э.» (Грач, 1966, с. 182–183).

Свои суждения, правда в несколько ином русле, высказал Л.Р. Кызласов (1979, с. 42), считая, что «...подменять терминами «древние тюрки», «древнетюркская культура», «древнетюркское время» наименование всех древних тюркоязычных племен и народностей и их разнородных культур ненаучно. Древние тюрки – эта та этническая группа, которая сама себя называла народом тюрк («тюрк будун»), и только культуру этого народа следует называть древнетюркской, а время существования древнетюркских каганатов в VI–VIII вв. – древнетюркским временем».

Рассмотрение данного вопроса, как и тщательное изучение истории раннего средневековья, является чрезвычайно важным делом. В настоящее время в азиатском мире набирают темпы агрессивные политические объединения, в основе которых лежат идеи пантюркизма или панмонголизма. Суть первого политического течения заключается в создании союза, конфедерации или даже отдельного огромного государства тюркоязычных народов под властью Турции. Основанием этого является утверждение, что у всех у них якобы имеется одна общая прародина (Туран), а многочисленные языки, на которых они говорят, являются диалектами или наречиями единого языка (подробнее см.: Кляшторный, 2003). Второе направление оформляется в настоящее время в Бурятии как своеобразная реакция на многие современные социальные и политические проблемы. Такие движения спекулируют на историческом прошлом, напоминая былое могущество тюркских каганатов, монгольской и даже Хуннской империи. Искусственное разделение тюрко-монгольского мира приведет к многоплановой конфронтации и будет способствовать дестабилизации в огромном регионе.

Многие лидеры и элита современных народов Российской Федерации, а также бывших республик Советского Союза для подтверждения легитимности создаваемого самостоятельного государства обозначили для своих ученых социальный заказ, который требует исторических подтверждений «древности» государственных и высококультурных традиций. И такие работы в большом количестве появляются в виде статей, монографий и многотомных «историй». В этой ситуации необходимо ответственно и объективно подходить к подаче и интерпретации имеющихся материалов. Важное место в данном процессе теперь занимают и археологические исследования.

В настоящее время существует несколько точек зрения на формирование тюркской культуры, тюркского этноса и тюркской системы государственности (Гумилев, 2002; Воробьев, 1994; Кычанов, 1997; Гуркин, 2000; Жумаганбетов, 2003; Кляшторный, Савинов, 2005; и мн. др.).

В отечественной историографии считается, что в середине VI в. (551–556 гг.) империя жуань-жуаней рухнула под ударами тюрков, а на ее обломках возник I Тюркский каганат (552–630 гг.), объединивший большое количество разноэтнических племен Алтая и Центральной Азии (Могильников, 1981, с. 29). По мнению казах-

станского исследователя Т.С. Жумаганбетова (2003), современные историки из Китая и Турции внесли существенные коррективы для рассматриваемой исторической ситуации. Например, считается, что «Тюрк Эль» в разгроме Жужанского каганата действовал совместно с империей Западный Вэй (Сивэй) и состоялось это в 541 г. Отмечаются и другие моменты, хотя все они имеют место в работах Л.Н. Гумилева (2002), С.Г. Кляшторного (1992) и других ученых, которые в своих исторических реконструкциях опирались на известные китайские источники.

Многие исследователи, занимающиеся изучением тюрков, ссылаются на реальное и хорошо датированное событие, связанное с переселением жуань-жуанями в 460 г. племени ашина на Алтай. Хотя Р.В. Golden указывает другой год (439 г.), а М.А. Czaplika обозначает несколько иную версию такого перемещения, считая, что, откочовав самостоятельно, тюрки-ашина оказались вынуждены служить более могущественному Жужанскому объединению в качестве рудокопов и металлургов (Жумаганбетов, 2003, с. 152)

По мнению Л.Н. Гумилева (2002, с. 27), древние тюрки (туцзюэ, тюркюты) изначально представляли небольшое племя Ашина («500 семей»), возникшее «...из смешения разных родов...» и обитавшее в западной части Шэньси. Они получили свое название от имени первого вождя (Гуркин, 2000). В 439 г. «...тобасцы победили хуннов и присоединили Хэси к империи Вэй», а племя Ашина вынуждено было бежать к жуань-жуаням и поселиться по южную сторону Алтайских гор, занимаясь обработкой железа (Гумилев, 2002, с. 27). Такое сообщение Суй шу связывает историю племени тюрк (ашина) с историей поздних хуннских государств, существовавших на территории Китая в 308–460 гг. (Кляшторный, Савинов, 2005, с. 78–79).

С.Г. Кляшторный (1992) считает, что жуань-жуани переселили племя Ашина на Алтай из Гаочана (Восточного Туркестана), а произошло это в 460 г. Именно на Алтае, по мнению исследователя, с течением времени вокруг них сложился союз десяти, а затем двенадцати племен, получивший название «тюрк». Начиная со 2-й половины VI в. термин «тюрк» стал также обозначаться в чисто политическом смысле, как фиксация принадлежности различных кочевых племен к державе, созданной тюрками. Как раз в таком значении он употребляется в византийских источниках, в «Шахнаме» Фирдоуси и других авторов. В араб- и персоязычной истори-

ко-географической литературе IX–XI вв., по замечанию В.В. Бартольда (1968, т. 5, с. 584), «...слово тюрк появляется как название группы народов и языков, а не как название какого-либо одного народа или государства...» (Кляшторный, Савинов, 1994, 2005). Среди многочисленных тюрко-язычных племен, несмотря на древнее языковое родство, никакого «тюркского» этнического самосознания не было, как не было общности их исторических судеб или единства созданных ими в древности и средневековье государственных образований. Само использование термина «тюрк», утратившего в середине VIII в. реальный этнополитический смысл, имеет значение лишь для лингвистических и историко-этнографических классификаций. Как конкретный этнополитический термин он возродился в огузской племенной среде Передней Азии и позднее стал самоназванием турецкого народа (Кляшторный, 1992, с. 125–126).

При изучении ранней истории тюрков важным является учет сведений о телеских племенах (Кюнер, 1961; Бичурин, 1998), предки которых, согласно китайским источникам, были потомками хунну (Гуркин, 2000). Д.Г. Савинов (1984, с. 48–76) подробно рассмотрел отношения между этими двумя этнокультурными группировками, напомнив важную фразу Н.Я. Бичурина (1950, с. 301) о том, что силами теле тюрки «геройствовали в пустынях севера».

Для решения проблем начальной фазы этногенеза любого народа важным является определение территории его формирования. Правильная идентификация места сложения новой общности дает ключ к пониманию многих процессов, связанных как с исходными компонентами, так и с последующими показателями ее развития во времени и пространстве. В истории тюрков данная проблема по-прежнему остается актуальной (Горбунов, Тишкин, 2002а–б). В отечественной историографии к ней обращались многие ученые – Н.А. Аристов (2001), С.В. Киселев, А.Н. Кононов, С.Г. Кляшторный, Л.Н. Гумилев, Ю.А. Зуев, Д.Г. Савинов, С.П. Нестеров, В.А. Могильников и ряд других. Большинство исследователей решали задачу первоначальной локализации тюрков путем анализа письменных источников. Прежде всего изучались китайские династийные хроники и содержащиеся в них тюркские генеалогические легенды.

Н.Я. Бичурин (1950, с. 221, 226–228; 1998) в примечаниях к своим переводам китайских текстов помещал тюрков на территории Алтая. Н.А. Аристов первым указал конкретные места их расселе-

ния: в междуречье рек Бии и Чуи (Киселев, 1949, с. 276). А.Н. Кононов (1949, с. 40–41) связывал китайское название «Золотой хребет гор» с Алтаем, у подножия которого «...находился лагерь Туюкюэ (тюрк. – *А.Т.*)...».

С.Г. Кляшторный (1965, с. 281; 2005, с. 79) выделил в ранней истории тюрк два периода: ганьсуйско-гаочанский (265–460 гг.) и алтайский (460–553 гг.). Первый, по его мнению, был связан с вхождением племени *ашина* в позднехуннские государства Хэси и Гаочана, а второй – с подчинением жужаням, которые переселили его (после 460 г.) «...к южным отрогам Алтая». За время жизни в Восточном Туркестане род ашина воспринял в свой состав новую этническую группу, смешавшись с местными жителями. Там с конца III в. и до конца 460 г. преобладало иранское (согдийское) и тохарское (индоевропейское) население, повлиявшее на язык и культурные традиции ашина (Кляшторный, Султанов 2000, с. 74). Важно отметить, что «...только после переселения на Алтай племя приняло наименование *тюрк*, а старое название... стало династийным именем правящего рода» (Кляшторный 1965, с. 280; 2005, с. 79). В еще одной работе указанного автора данный вывод сохраняется с таким географическим уточнением: «В V в. племя ашина, после переселения на монгольский Алтай, возглавило союз местных племен, получивший наименование тюрк» (Кляшторный, 1994, с. 12). По легенде тюрк – местное название Алтайских гор. До создания каганата слово «тюрк» означало лишь название союза десяти (позже двенадцати) племен, сложившихся на Алтае вскоре после 460 г. (Кляшторный, Султанов 2000, с. 75, 77; 2004). Важным, на наш взгляд, является такое замечание С.Г. Кляшторного (2005, с. 79–80): «Не отрицая возможной связи предков ашина с Алтаем и с Сибирью до момента миграции на юг от Великой стены, следует помнить, что лишь после 460 г. в предгорьях Южного Алтая складывается та группировка племен, возглавленная вождями из рода Ашина – Асянь-шадом, «великим ябгу» Туу и Бумынем, которая в 551–555 гг. нанесла смертельный удар Жуаньжуаньскому каганату». Дата 460 г., таким образом, является ключевой в хронологии начала тюркской культуры.

Л.Н. Гумилев в своей монографии «Древние тюрки» (1967, 1993, 2002) пришел к выводу, что «...народ «тюркютов» (тюрк. – *А.Т.*) возник в конце V в. н.э. вследствие этнического смешения в условиях лесостепного ландшафта, характерного для Алтая и его

предгорий». Более конкретно им указывалось «...местонахождение на южных склонах Большого Алтая», а также предгорья Монгольского Алтая (Гумилев, 1993, с. 24–25, 261; 2002).

Значительно шире ареал расселения ранних тюрков трактовался Ю.А. Зуевым. Он отмечал, что «...весь процесс раннетюркского этногенеза ограничивается Саяно-Алтае-Тяньшаньским комплексом, без ощутимой смены географической среды», а более узко указывался Восточный Казахстана, Алтай и Семиречье (Зуев, 1967, с. 69, 193). В новой книге этого автора о «ранних тюрках» проблемы этногенеза многих народов Азии рассматривались через призму изучения истории и идеологии (Зуев, 2002). Исходя из того, что «чистого» этноса не бывает, а идеологические общности относятся в разряд «великих консервативных сил» Ю.А. Зуевым в качестве субстратного (исходного) исторического материала выбраны письменные (в основном китайские) повествования о племенных объединениях-«государствах» Юэчжи, Усунь и Канцзюй, которые и называются раннетюркскими.

Помимо анализа письменных источников, ученые-археологи привлекали также данные материальных памятников, полученных главным образом в Южной Сибири. Опыт подобного рода исследований был предпринят С.В. Киселевым (1949, с. 275, 276), который в свое время написал: «Из китайских источников ясно огромное значение Алтая в формировании каганата Туг-ю (тюрк. – *А.Т.*)... В настоящее время можно различать древнейшие могильники алтайских тюрков, относящиеся еще к V–VI вв., их примером является могильник Кудыргэ».

Дальнейшая работа в обозначенном направлении скрупулезно велась Д.Г. Савиновым (1984, 1987а, 1994б, 2005б и др.), хотя его трактовка письменных источников содержала несколько иной вариант осмысления. Принимая предложенное С.Г. Кляшторным (1965) разделение ранней истории тюрков на два периода (ганьсуйско-гаочанский и алтайский), Д.Г. Савинов (1984, с. 32; 2005, с. 196) отметил, что только во второй из этих этапов «...сложившийся тюркский этнос переселился на территорию Монгольского Алтая – 460–552 гг.». Это положение отличается от точки зрения С.Г. Кляшторного (на которого делается сноска) тем, что на Алтай переселилось не племя ашина, а уже сформировавшийся этнос тюрков. Критикуя Н.А. Аристову, Д.Г. Савинов (1984, с. 34) указал, что сложение «древнетюркского этноса... проходило... совершенно в

другом регионе Азии». Значительное внимание исследователь уделил археологическим памятникам раннетюркского времени, среди которых им не найдено «ни одного ...полностью соответствующего приведенному описанию (погребального обряда тюрков-тугю в династийной хронике Таншу), ни в Южной Сибири, ни в Центральной Азии..., хотя многие его элементы встречаются уже в раннетюркское время» (Савинов, 1984, с. 35). Доминирующие в тот период на Алтае погребения по обряду ингумации человека в сопровождении верхового коня определены Д.Г. Савиновым (1984, с. 55–56) как принадлежавшие племенам теле.

Противоположная точка зрения представлена в работах С.П. Нестерова. Анализируя тюркские легенды, ученый пришел к выводу о том, что они «...говорят о существовании на территории Алтая (Горного, и видимо, Монгольского) племенного объединения Тюрк, образованного еще до того, как род Ашина, для которого, возможно, был характерен обряд трупосожжения с конем, мигрировал в середине V в. на южную сторону Алтая, где и принял имя тюрк в качестве самоназвания», а «... данные письменных, археологических и других источников позволяют говорить... о принадлежности погребений с конем в Центральной Азии тюркам» (Нестеров, 1990, с. 69, 71).

О проблемах генезиса культуры тюрков неоднократно высказывался В.А. Могильников (1981, 1983а, 1990в и др.). В одной из своих работ он под территорией формирования тюркского этноса подразумевал Турфан и Монгольский Алтай (Могильников, 1996, с. 56).

Суммируя исследовательские позиции отечественных ученых, можно заключить, что большинство из них считало Алтай в качестве области образования тюрков: Н.Я. Бичурин, Н.А. Аристов, С.В. Киселев, А.Н. Кононов, С.Г. Кляшторный, Л.Н. Гумилев, С.П. Нестеров, В.А. Могильников. Кроме этого, к указанному региону присоединялись более западные земли, вплоть до Семиречья и Тянь-Шаня (Ю.А. Зуев), или считалось возможным включение восточных районов, в частности, междуречье Абакана и Енисея (С.В. Киселев). Формирование тюрков вне названной территории рассматривалось Д.Г. Савиновым. Алтай в современном историко-географическом понимании подразделяется на три области: Горный, Монгольский и Гобийский. Южные отроги Монгольского Алтая чаще всего фигурируют у исследователей в качестве возможно-

го ареала расселения ранних тюрков, и гораздо реже называется район Горного Алтая (Горбунов, Тишкин, 2002а–б).

Поскольку появление новых письменных источников на рассматриваемую тему в ближайшем будущем маловероятно, на наш взгляд, дальнейшее решение обозначенной проблемы возможно в основном за счет изучения археологических памятников V–VI вв. н.э. Центральной Азии и прилегающих территорий. К настоящему времени наиболее исследованными для указанного периода являются комплексы Южной Сибири. Из них пока только в Горном Алтае могут быть выделены самые ранние объекты **тюркской культуры**, датировка которых определяется 2-й половиной V – 1-й половиной VI вв. н.э. К ним относятся смежные или отдельные, округлые либо прямоугольные оградки. В части из них зафиксированы захоронения лошадей в грунтовых ямах и ящики с инвентарем, а также стелы и ряды балбалов. Такие объекты обнаружены на следующих памятниках: Кызыл-Таш, Усть-Карасу, Кара-Коба-I, Кудыргэ, Кок-Паш, Мендур-Соккон-I, Сары-Кобы, Булан-Кобы-IV, Бичинег и др. (Гаврилова, 1965; Могильников, 1990, 1994; Соенов, Эбель, 1996, 1997; Мамадаков, 1994; Васютин, 1985; и др.). Отметим курганы с погребениями людей в сопровождении коня в грунтовой яме, преимущественно с восточной ориентацией умершего и аналогичной (или противоположной) ориентировкой животного. Есть захоронения с одиночной ингумацией, кенотафы и ритуальные объекты с инвентарем на уровне древнего горизонта. В круг обозначенных памятников входят такие комплексы: Яконур (курган №5 (впуск.)), Усть-Бийке-III (курганы №5 и 6), Тыткескень-VI (курган №5), Узунтал-I (курган №1), Усть-Карасу, Верх-Еланда-I (курган №4), Нижняя Сору, Ороктой, Кок-Паш (курганы №1 и 2), Боротал (курган №82) и др. (Грязнов, 1940; Тишкин, Горбунов, 2003б, 2005б; Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998; Савинов, 1982; Васютин, 1985; Кирюшин, Неверов, Степанова, 1990; Тетерин, 1991; Кубарев, 1985; Бобров, Васютин С.А., Васютин А.С., 2003; и др.). Инвентарь исследованных памятников в рамках одного комплекса содержит как предметы, характерные для предшествующего времени (двудырчатые стержневидные и Г-образные псалии; большие витые кольчатые псалии; различные звенья и зажимы для крепления узды и повода к псалиям и удилам; круглые бляхи-накладки с умбоном; наконечники стрел с раздвоенным или втульчатым насадом и ярусным пером; votивные моде-

ли мечей и копий; пряжки со шпеньком; крючки с поперечной планкой), так и совершенно новые вещи (стремена; тройники с зажимами; цурки; неподвижнощитковые пряжки с подвижным язычком; пряжки-крючки; прямоугольные бляхи-накладки; наконечники стрел крупных пропорций с новыми четырех-пятиугольными формами пера; более короткие накладки на лук и комплекты только из срединных накладок). Большая часть предметов первой группы уже неизвестна на кудыргинском этапе тюркской культуры, а вещи второй группы, напротив, получают в ней дальнейшее развитие. Можно отметить еще один выявленный индикатор. В конскую амуницию выделенного раннего *кызыл-ташского* этапа входит только одно стремя, в то время как в последующем их всегда два (Горбунов, Тишкин, 2002а–б; Тишкин, Горбунов, 2003б, 2005б).

Отсутствие аналогичных ранних памятников на сопредельных территориях позволяет говорить о приходе в Горный Алтай примерно во 2-й половине V в. н.э. нового населения, под воздействием которого произошли серьезные изменения в культуре аборигенов. Такой группой мигрантов могло быть только племя ашина, упоминаемое китайскими летописями. Согласно письменным источникам, этот народ славился своими кузнецами, которые занимались на Алтае выплавкой железа. Данный факт требует определенных подтверждений. В пределах Горного Алтая исследован крупный Чуйско-Курайский металлургический район, где известно 32 памятника черной металлургии, датируемых периодом раннего средневековья, на 10 из которых раскопано 15 железоплавильных печей (Зиняков, 1988, с. 4, 135–137). Такие данные указывают на имевшиеся благоприятные места для деятельности кузнецов-ашина и согласуются с трактовкой Н.А. Аристова (2001, с. 140) о расселении части тюркских племен в бассейне Чуи.

В 1966 г. Л.П. Потапов высказал идею о том, что накопленные к тому времени материалы уже позволяли ставить вопрос о преемственной этногенетической связи культуры тюрков и «кочевников гуннского времени» (Савинов, 2005б, с. 186–187). Развитие этой мысли нашло отражение в публикациях Д.Г. Савинова (1984, 1987а, 1994б, 2005б). Генетическая связь погребальных памятников (захоронение человека в сопровождении коня) булан-кобинской культуры, существовавшей на Алтае в II в. до н.э. – 1-й половине V в. н.э., с аналогичными объектами тюрков, на наш взгляд, несо-

мненна. Многие раннетюркские памятники планиграфически связаны с булан-кобинскими могильниками. Следовательно, именно полиэтничное «булан-кобинское» население (Матренин, 2005г) составило местный компонент новой общности, принявшей вскоре после 460 г. самоназвание «тюрк». Памятники тюркской культуры на других территориях датируются со 2-й половины VI в. н.э., что напрямую связано с созданием Великого Тюркского каганата (552–604 гг.). Это нашло выражение в следующем выделенном (кудыргинском) этапе тюркской культуры Алтая.

Анализ многих проблем показал, что исследовательские возможности только при опоре на письменные источники, в конце концов, исчерпываются. В то же время изучение археологических памятников позволяет сейчас более конкретно очертить район формирования тюркского этноса, указывая на российскую часть Алтая, которая географически представляет собой самостоятельную горную систему, достаточно изолированную от других и в то же время относительно открытую с юго-юго-восточной стороны. В 1999 г. археологический отряд Алтайского госуниверситета под руководством автора монографии в составе российско-казахстанской экспедиции работал в Восточно-Казахстанской области, т.е. в юго-западных предгорьях Алтая. Среди обследованных и раскопанных археологических памятников этого района не удалось обнаружить ни булан-кобинских, ни раннетюркских объектов (Ковалев, Дашковский, Самашев, Тишкин и др., 2004; Тишкин, Горбунов, 2004). Относительно Монгольского Алтая, которому при решении рассматриваемого вопроса отдается наибольшее предпочтение, исходя из сведений китайских источников, то данная тема еще остается открытой. В археологическом отношении указанная область изучена крайне слабо, особенно в плане раскопок. Имеющиеся в настоящее время источники позволяют рассматривать Горный Алтай как один из регионов формирования тюркского этноса (Горбунов, Тишкин, 2002а–б).

Представленная в этой главе схема поэтапного развития тюркской культуры уже предварительно рассматривалась в совместных работах автора с В.В. Горбуновым (Горбунов, Тишкин, 2002а–б, 2003; Тишкин, Горбунов, 2002а, 2003, 2005; и др.), а также прошла апробацию на ряде конференций (Горбунов, Тишкин, 2002а, 2003; Тишкин, 2007а–б). Здесь она наполнена лишь краткими характеристиками.

Кудыргинский этап уже ранее был отмечен целым рядом исследователей (Гаврилова, 1965; Савинов, 1987а; Овчинникова, 1990; и др.). Он отражает не только хорошо заметные изменения в материальной культуре тюрок Алтая, но и события военно-политической истории Центральной Азии, связанные с образованием и существованием Первого Тюркского каганата (552–603 гг.). Успешные походы и непрерывные завоевательные войны этой державы способствовали существенному расширению территории. В результате Тюркский каганат включился в систему политических и экономических отношений крупных государств того времени (Византии, Сасанидского Ирана, Китая), контролируя торговый путь, связывающий Дальний Восток со странами Средиземноморья (Кляшторный, Савинов, 2005, с. 90). Однако с 581 г. намечился раздел первой евразийской империи кочевников (Кычанов, 1997, с. 95). Это было связано с возникшим острым кризисом политического, экономического и экологического характера. К 603 г. окончательно завершился распад Великого Тюркского каганата на Западный (Западно-тюркский) (604–657 гг.) и Восточный (Восточно-тюркский) (604–630 гг.). Горный Алтай оказался в составе последнего. На наш взгляд, важно отметить, что в 617 г. в Китае началась эпоха Тан. Новая династия, придя к власти, разорвала в 619 г. договор с тюрками. Однако через семь лет она была вынуждена признать себя вассалом кочевников (Воробьев, 1994, с. 305). Ситуация изменилась в 630 г., когда решительное наступление войск Тан привело к краху Восточно-тюркского каганата (Гумилев, 2002, с. 226; Воробьев, 1994, с. 306). В 658 г. в зависимость от Китая попали и западные тюрки (Кычанов, 1997, с. 96). Окончание отмеченного кудыргинского этапа связано с пребыванием на Алтае в 630–650 гг. орды Чабыш-кагана (Чеби-хана), о чем вроде бы достоверно свидетельствуют письменные источники (Гумилев, 2002; Савинов, 1984, с. 48–49) и имеются подтверждения в археологических материалах (Кубарев, 1998, с. 291). В 649 г. китайцы предприняли военный поход, в ходе которого самопровозглашенный каган оказался взятым в плен, а его подданные были переселены. По мнению Г.В. Кубарева (1998, с. 291), все же большая их часть осталась на Алтае.

Рассматриваемый период (кудыргинский) развития тюркской культуры представлен хорошо известными погребальными и «поминальными» памятники, которые датируются 2-й половиной VI – 1-й половиной VII вв. н.э.: могильники – Кудыргэ (курганы №1–13,

15, 18, 22–26), Кара-Коба-I (курганы №1 и 8), Катанда-3 (курган №11), Курота-I, Жана-Аул, Тыткескень-VI (курган №10), Алагаил, Курай-VI, Уландрык-I, III и др.; «поминальники» – Нижняя Сору, Яломан-VII, Макажан, Ян-Гобо и др. (Гаврилова, 1965; Могильников, 1981а, 1990, 1994б, 1997б; Евтюхова, Киселев, 1941; Киселев, 1951; Могильников, Куйбышев, Елин, 1992; Худяков, Кочеев, 1997; Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998; Тишкин, Горбунов, 2003а; Горбунов, Тишкин, 2007; и др.). Именно в них найдены те материалы, которые демонстрируют специфику дальнейшего развития формировавшихся тюркских традиций. Вполне естественно, что предметный комплекс на кудыргинском этапе сохранил многие типы вещей предыдущего времени. Однако из его состава, за редким исключением (например, наконечники стрел с раздвоенным насадом и двудырчатые псалии), уже исчезают изделия, характерные для булан-кобинской культуры. Наряду с этим появляются новые виды и формы предметов: мечи с напускным перекрестием, псалии со скобой, орнаментированные накладки на луки седел, поясная и уздечная гарнитура так называемого геральдического стиля, серьги и подвески с каплевидным выступом, кресала. Следует отметить, что некоторые изделия кызыл-ташского облика в кудыргинское время могли еще использоваться единично. В этом плане укажем на обнаруженные пластинчатые стремяна с Т-образной подножкой.

Следующий *катандинский* этап (2-половина VII – 1-я половина VIII вв.) отражает возрождение тюркской культуры и ее господство в центрально-азиатском регионе, что связано с периодом существования Второго Восточно-тюркского каганата (682–744 гг.), образование которого провозгласил Гудулу – предводитель восставших против Китая тюркских племен (Воробьев, 1994, с. 306). Несмотря на то, что центр каганата располагался далеко, Алтай входил в состав возникшей державы. При Капаган-кагане, который правил с 691 по 716 г., отмечен наивысший подъем военно-политического могущества Второго Восточно-тюркского каганата (Кляшторный, Савинов, 2005, с. 101). После гибели предводителя и возникшего кризиса власти из-за восстания огузов в 716 г. знаменитый Кюль-тегин все же смог объединить старые племена тюрков и поставить во главе их своего брата Бильге (Воробьев, 1994, с. 306; Кляшторный, Савинов, 2005, с. 109). О бурных событиях каганата в период правления Бильге рассказывается в рунических

надписях, которые были выбиты на стелах, установленных в память братьев у поминальных храмов около р. Орхон (Войтов, 1996; Баяр, 2004). После смерти Кюль-тегина (731 г.) и Бильге-кагана (734 г.) ситуация в империи недолго оставалась стабильной. В 741 г. в каганате возникли распри, и началась настоящая гражданская война (Воробьев, 1994, с. 306). В 744 г. династия Ашина окончила свое существование (Кляшторный, Савинов, 2005, с. 110). После падения Второго Восточно-тюркского каганата наследниками тюркских владений в 745 г. стали уйгуры (Воробьев, 1994, с. 306; Кляшторный, Савинов, 2005, с. 111).

На рассмотренный период приходится наибольшее количество исследованных на Алтае памятников тюркской культуры (Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 162): могильники – Катанда-II (курганы №2–4 (1865 г.), №1 (1925), №5 (1954)), Катанда-3 (курганы №1–7, 16, 21, 22), Боротал (курганы №6, 50–51), Тьткескень-VI (курган №1), Балык-Соок-I (курган №11); Большой Яломан-II (курган №4), Кара-Коба-II (курганы №22, 25, 47, 72, 74-А, 85); Кара-Коба-III, Шибе; Бике-I, Горно-Алтайск, Тянгис-Тыг; Усть-Чоба-1, Чоба-7, Чобурак-1 (курган №1), Ак-Алаха-1, Бертек-34, Кальджин-8, Коо-II, Ак-Кообы, Барбургазы-III, Узунтал-V, Курай-V и VII, Талдуаир-I, Талдура-1, Юстыд-V и XII, Кырлык, Урочище Балчикова-3, Бажынты, Ябоган-I и др.; «поминальники» – Большой Курманак-1, Кыпчыл, Малталу, Чадыр, Юстыд, Согонолу, Талдура-1 и др.

Катандинский этап характеризуется дальнейшими изменениями в материальной культуре тюрков. В это время появились однолезвийно-двухлезвийные мечи, боевые топоры, удила с 8-видными внешними окончаниями, псалии S-видной формы, стремяна с более широкой подножкой и высоким пластинчатым ушком, подпружные пряжки с сердцевидной рамкой. Значительно преобразилась поясная и уздечная гарнитура. В первой доминировали четырехугольные и сегментовидные бляхи с прямой прорезью, а также изделия сердцевидных форм. Во второй преобладали накладки лепестковых форм, появились налобные бляхи и цельные трехлучевые распределители. Среди бытовых предметов получили распространение металлические сосуды-кубки, оформленные навершиями стеков, кочедыки, кресала с волотовидными краями. Изменился облик ряда украшений. Например, серьги стали оформляться длинными выступами раструбной и стержневидной формы или бортиками для закрепления подвесок. У них появились характерные бо-

ковые отростки. Многие архаичные изделия предыдущего времени окончательно вышли из обихода: стремена с узкой прямой подножкой, наконечники стрел с раздвоенным насадом, роговые двудырчатые псалии (правда, железные изделия еще встречались, но крайне редко). Стоит отметить, что на рассматриваемом этапе уже не использовалась гарнитура в «геральдическом» стиле.

Выделенный *туэктинский* этап (2-я половина VIII – 1-я половина IX вв.) отражает специфику развития тюркской культуры на Алтае. Он связан со временем существования Уйгурского каганата. Данная ситуация находит отражение в исследованных памятниках, которых пока исследовано значительно меньше, чем комплексов, характерных для катандинского этапа (Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 162): могильники – Катанда-II (курган №2 (1925); Курай-II (курганы №2, 4), Курай-III (курганы №1, 6), Большой Катандинский курган (впускные могилы №1–3 (1954)), Туэкта (курган №4 (1935), курганы №1, 3, 7, 9 (1937)), Дялян, Джолин-I, Узунтал-VI и VIII, Юстыд-XXIV; «поминальники» – Кер-Кечу, Сары-Коба-II.

Уйгуры всегда стремились освободиться от власти тюрков. Это им удалось после восстания в 742 г. В 745 г. их вождь Пэйло провозгласил себя каганом (Воробьев, 1994, с. 318). С этого события начался период Уйгурского каганата (745–840 гг.), созданного на бывших землях тюрков. Правда, Пэйло удалось за два года расширить свою державу. Несмотря на поражение, тюрки остались на Алтае и в других ближайших регионах – в Туве и в Минусинской котловине. Отмечается локальное развитие их культуры. В 750–751 гг. уйгуры завоевали Туву (Кычанов, 1997, с. 122). В 758 г. они покорили кыргызов (Воробьев, 1994, с. 318). В ходе военной активности уйгуров часть тюрков из Горного Алтая переселилась на территорию Лесостепного Алтая и приняла участие в сложении новой сросстинской общности (Тишкин, Горбунов, 2002а; 2005б, с. 162). По мнению Г.В. Кубарева (1998, с. 292–293), «...тюрки Российского Алтая не входили в состав Уйгурского каганата...», и «...собственно уйгурских памятников (захоронений, изваяний, надписей) на Алтае не известно...». С этим выводом, действительно, можно согласиться. Интересные рассуждения о рассматриваемом периоде привел в своей монографии Л.Н. Гумилев (2002). Ссылаясь на перевод сведений тибетского географа, исследователь указал на возможность идентификации части тюрков, укрывшихся в горах Алтая после указанных событий и проживших там до мон-

гольского времени. Г.В. Кубарев (1998, с. 292–293) считает выводы Л.Н. Гумилева убедительны, так как они и соотносятся с археологическими данными.

Проанализированные материалы из раскопанных памятников туэктинского этапа свидетельствуют, что вещи «катандинского» облика сохраняли господствующее положение. Однако можно выделить ряд новых элементов в оформлении предметов и новые виды изделий, которые и позволили различать туэктинские и катандинские комплексы. Среди инноваций отметим трехгранно-трехлопастные наконечники стрел, слабоизогнутые сабли, железные накладки на луки седел, поясные бляхи с порталными вырезами и фигурно-скобчатой прорезью, «лировидные» подвески, кресала с пряжками. Следует обратить внимание, что в рассматриваемый период уже не использовались сложносоставные луки с концевыми накладками, кольчатые витые псалии и стремена с узкой подножкой.

Между Китаем и Уйгурским каганатом установились стабильные отношения. Каган уйгуров признавал себя вассалом императора (Кычанов, 1997, с. 122–123). Следует указать еще на одно важное событие. В 766–767 гг. к уйгурам проникла новая вера – манихейство (Воробьев, 1994, с. 319).

В 818 г. восстали кыргызы, и их предводитель объявил себя ханом (Воробьев, 1994, с. 319). Уйгурский каганат не смог подавить восстание. После этого одна неприятность следовала за другой: убийства каганов, разгром столицы и др. В 840 г. уйгуры потерпели окончательное поражение от кыргызов, которые, преследуя бежавших противников, совершили ряд походов на запад и восток. В середине IX в. Кыргызский каганат занимал территорию от Иртыша до Селенги и Большого Хингана и от пустыни Гоби до Ангары (Кычанов, 1997, с. 123–124). В «эпоху великодержавия» Кыргызского каганата (840 – около 950 гг.) тюрки Горного Алтая оставались на особом положении. По мнению ряда исследователей, с которыми стоит согласиться, их зависимость от кыргызов следует рассматривать как номинальную (Кубарев, 1998, с. 293).

Первый период относительной зависимости от Кыргызского каганата соотносится нами с выделенным *курыйским* этапом тюркской культуры. Он датируется 2-й половиной IX – 1-й половиной X вв. В это время отмечается интеграция культуры тюрков с культурой господствующего этноса, что отразилось в следующих раскопан-

ных памятниках Горного Алтая (Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 162): могильники – Курай-II (курган №3), III (курган №2) и IV, Туэкта (курган №1, 3 (1935), курганы №2, 4 (1937)), Яконур (курган №3), Узунтал-I (курган №2), Беш-Озек, Бертек-27 и др.; «поминальни-ки» – Бойтыгем-IV.

На курайском этапе хорошо отмечаются такие особенности, которые соответствует указанной военно-политической обстановке. Это заключается в том, что тюркская культура сохранила многие катандинско-туэктинские элементы, но вместе с тем появились и весьма существенные новшества. В захоронениях найдены массивные боевые топоры с низким обухом, удила с витыми звеньями и перпендикулярными 8-видными внешними окончаниями, стремена с приплюснутым петельчатым ушком, поясная и уздечная гарнитура с растительным и зооморфным орнаментом «кыргызского» стиля, металлические сосуды-кубки с руническими надписями, железные котлы.

Следующий период существования тюркской культуры (2-я половина X–XI вв.) в рамках Кыргызского каганата связан с постепенным ослаблением и распадом державы на отдельные княжества. Данная ситуация находит реальные подтверждения в археологическом материале, обнаруженном в захоронениях выделенного *балтарганского* этапа (Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 163), который характеризуется и угасанием тюркских традиций в материальной культуре. Из новых предметов в это время появились однолопастные наконечники стрел, удила с гладкими кольчатými псалиями, стремена со слабовыделенным пластинчатым ушком, носные султанчики, уздечная гарнитура с растительно-геометрическим орнаментом «сросткинского» стиля. Украшения «туэктинского» и «курайского» облика уже не встречаются, а катандинские изделия представлены единичными находками.

Представленная выше периодизация тюркской культуры, несмотря на ряд новых моментов, все же базируется на исследованиях предшественников и опыте их культурно-хронологических разработок. В этом плане стоит отметить уже неоднократно отмеченную монографию А.А. Гавриловой (1965). В ней исследовательница на основе имеющегося материала представила «периодизацию могил поздних кочевников Горного Алтая» (Гаврилова, 1965, с. 50–78, табл. XXXI). На основе анализа обряда погребения и вещей на могильнике Кудыргэ были выделены объекты тюркского

времени, а также обозначены типы могил, которые позднее использовались в качестве названий этапов (берельский, кудыргинский, катандинский) или культур (одинцовская, сrostкинская).

С.А. Васютин (1994) в своей противоречивой статье, вышедшей через 30 лет после публикации указанной книги, «критически» рассмотрел содержание реконструированной А.А. Гавриловой «картины жизни алтайского населения в раннетюркское время». Действительно, многие моменты к середине 1990-х гг. уже не соответствовали полученным в Горном Алтае археологическим материалам. Однако работа А.А. Гавриловой до сих пор остается востребованной исследователями, и она объективно рассматривается как определенный и довольно продуктивный шаг в развитии отечественной науки.

Этапы развития «культуры алтае-телеских тюрков» в своих публикациях неоднократно представлял Д.Г. Савинов (1984, 1987а, 1994б, 2006). Последний немного модифицированный вариант этой работы нашел отражение в совместной с С.Г. Кляшторным монографии «Степные империи древней Евразии» и представлен в описании и таблице (Кляшторный, Савинов, 2005, с. 219–230, рис. 26). В результате «древнетюркская» эпоха разделена на три времени (раннетюркское, тюркское и позднетюркское), в которых для Горного Алтая выделены следующие друг за другом этапы, синхронизированные с опорными датами:

1. Берельский этап и сложение протюркского субстрата (середина V – середина VI вв. н.э.). 460 г. – переселение тюрков Ашина.

2. Кудыргинский этап (вторая половина VI – середина VII вв. н.э.). От создания в 552 г. н.э. Первого Тюркского каганата до создания Второго Тюркского каганата в 679 г. н.э.

3. Катандинский этап (вторая половина VII – середина VIII вв. н.э.), т.е. до создания Уйгурского каганата в 745 г. н.э.

4. Туэктинский этап (вторая половина VIII – середина IX вв. н.э.) заканчивается с гибелью Уйгурского каганата в 840 г. и связан с началом эпохи кыргызского «великодержавия», что находит отражение в алтайском варианте.

5. Кара-чогинский этап (вторая половина IX – конец X вв. н.э.). В 916 г. образовывается государство Западное Ляо, а в 30-е гг. XI в. происходит «цепная миграция племен».

Проделанная Д.Г. Савиновым работа, несомненно, является положительным опытом осмысления значительного объема архео-

логического материала и письменных свидетельств. Однако накопление нового материала по «гунно-сарматскому» периоду и тюркскому времени позволило уточнить ряд моментов представленной схемы, добавить новые этапы, скорректировав хронологию развития тюркской культуры. Эти все моменты и нашли отражение в представленной выше культурно-хронологической схеме.

Укажем еще одну работу монографического характера, в которой отражены интересующие нас моменты изучения истории Горного Алтая. Б.Б. Овчинникова в своей книге «Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках» (1990) попыталась проследить «...развитие форм и индивидуальные особенности предметного комплекса древних тюрков...». Отметив, что «...в вопросах периодизации древнетюркских памятников Саяно-Алтая в эпоху средневековья...» существуют разногласия, исследовательница обозначила свой вариант решения проблемы путем создания «сквозной типологии» имеющегося материала с большой территории, «...не замыкаясь на отдельных регионах». В такой ситуации, по ее мнению, изучение Южной Сибири и Центральной Азии по плану, намеченному С.В. Киселевым (1951, с. 493), становится реальностью. Б.Б. Овчинникова (1990, с. 13–17, 129–139, 220), используя при анализе сведения о предметном комплексе из 50 памятников Тувы, Горного Алтая, Хакасии и Монголии, пришла к заключению, что в периоде с VI в. по X в. на территории Саяно-Алтая можно выделить три этапа «...существования древнетюркской материальной культуры», которые соответствуют времени «...могущества государственных объединений, известных по письменным источникам о тюркоязычных народов: древнетюркский, уйгурский, древнехакасский». При этом отмечено, что в изученных погребальных комплексах прослеживается «...общая линия развития единой тюркской традиции в Южной Сибири и Центральной Азии». В результате предложенная непрерывная схема выглядит следующим образом:

Древнетюркский период датируется VI – 1-я половина VIII вв. К его *раннему этапу* (середина VI – начало VII вв.) относятся памятники кудыргинского типа, в которых найдена характерная совокупность предметов, рассмотренная в тексте и отраженная в таблице. *Поздний этап* (2-я половина VII – середина VIII вв.) «...хронологически соответствует существованию Второго тюркского каганата, т.е. до 745 г.». Для него также выделен набор характерных вещей, интенсивное развитие форм которых происходит в следую-

щем уйгурском периоде (VIII–IX вв.). Взаимодействие двух этнических групп в Уйгурском каганате нашло отражение в материальной культуре и выразилось в большом разнообразии «...типов предметов древнетюркского комплекса». Древнехакасский период (IX–X вв.) характеризуется появлением вещей новых форм и назначений при сохранении отдельных традиций, что связано с изменившимися военно-политическими событиями. В X в. тюрки-тугю, согласно китайским источникам, «были крайне слабы...» и постепенно теряли свое этническое имя (Овчинникова, 1990, с. 129–139).

Одной из обобщающих работ по культуре тюрок Алтая является диссертация Г.В. Кубарева (1997), основной задачей которой стало «...наполнение конкретным культурно-историческим содержанием хронологической схемы», существовавшей в то время. Анализ сопроводительного инвентаря из 43 тюркских захоронений показал, что основная часть памятников «...вписывается в хронологические рамки VII–XI вв.». При этом большинство таких объектов (31) отнесено «...ко времени существования Второго Тюркского (687–742 гг.) и Уйгурского (745–840 гг.) каганатов», а меньшее количество (8) – к периоду «кыргызского велокодержавия» середины IX–XI вв. (Кубарев, 1997, с. 15). Остальные датированы в широком хронологическом диапазоне. Исследователем отмечено малое число курганов, относящихся ко времени Первого Тюркского каганата. Отдельные положения диссертации опубликованы Г.В. Кубаревым (1992, 1994–1998 и др.) в серии статей. Изданная монография (Кубарев, 2005) аккумулировала все предыдущие наработки этого автора. Важной ее составляющей стала полная публикация раскопанных в Горном Алтае тюркских курганов. Характеристика этнополитической ситуации на территории Алтая в VI–XI вв. н.э., представленная Г.В. Кубаревым (1998, 2005), нами использована при обозначении некоторых выделенных этапов тюркской культуры.

Таким образом, представленные культурно-хронологические концепции демонстрируют динамику изучения эпохи раннего средневековья. Дальнейшее накопление материалов позволит проверить или дополнить намеченные тенденции. На наш взгляд, изучение тюркской культуры еще находится на начальной стадии, и впереди ждут интересные открытия и многоплановые исследования.

Теперь остановимся на использовании радиоуглеродного метода при датировании комплексов тюркской эпохи (Тишкин, 2007б). К сожалению, таких данных чрезвычайно мало. Имеются

результаты анализа образцов, взятых В.Д. Кубаревым (1978) при исследовании тюркских оградок на комплексе Дьер-Тебе около с. Кокоря в Кош-Агачском районе (СОАН-1136. Оградка №4, уголь; СОАН-1137. Оградка №4, дерево). В публикации Л.А. Орловой (1995) кратко приведены обстоятельства их обнаружения. В приложении нашей монографии все данные упорядочены в одну систему. Первая датировка оказалась подходящей для интерпретации изученного поминального комплекса (Войтов, 1996, с. 70). Вторая, как не соответствующая исторической реальности, не использовалась исследователями.

Ранее был опубликован результат радиоуглеродного датирования еще одной пробы (СОАН-1671. Юстыд-ХII, курган №28). Полученные калибровочные показатели (см. приложение) довольно хорошо соотносятся с периодом существования Второго Восточно-тюркского каганата и выделенными катандинским этапом (2-я половина VII – 1-я половина VIII вв.). Это подтверждает и археологический анализ материалов (Кубарев, 2005).

Для увеличения необходимых сведений автором был подготовлен и отправлен в лабораторию ИИМК образец костей из кургана №5 памятника Усть-Бийке-III (Le-7435). Обозначившийся результат (см. приложение) указывает на правильность датировки исследованного объекта и отражает реальность выделенного раннего (кызыл-ташского) этапа тюркской культуры.

В вышедшей монографии Г.В. Кубарева (2005, с. 139) опубликованы материалы радиоуглеродного анализа проб, взятых еще на ряде объектов: Юстыд-ХII (курган №29), Юстыд (скальное погребение), Калбак-Таш (курган №2), Уландрык-I (курган №10). Полученные соответствующие даты (СОАН-5914, 5916, 5920, 5921) автором монографии откалиброваны, как и предыдущие показатели, в одной системе (см. приложение). Эти данные конкретизируют хронологию исследованных объектов и подтверждают намеченную периодизацию тюркской культуры, охарактеризованную выше. Таким образом, имеются абсолютные датировки для следующих этапов: кызыл-ташского (Усть-Бийке-III, Le-7435), кудыргинского (Уландрык-I, СОАН-5921), катандинского (Юстыд-ХII, Юстыд (скальное погр.), СОАН-1671, 5914, 5916) и балтарганского (Дьер-Тебе, Калбак-Таш, СОАН-1136, 5920).

Следующая культура раннего средневековья, о которой пойдет речь, обозначена как кыргызская. Эпоха «великодержавия»

(термин введен В.В. Бартольдом) Кыргызского каганата датируется 840 – около 950 гг. и связана с целым рядом военно-политических событий, в которые были вовлечены народы Южной Сибири. Археологических памятников «культуры енисейских кыргызов» этого времени в Горном Алтае зафиксировано немного, что является отражением специфики этнокультурной ситуации (Худяков, 1990, 1995). По мнению Л.Р. Кызласова (1969), Алтай был завоеван кыргызами в IX в., хотя местные тюркские племена продолжали проживать на своих местах. Существует и несколько иная интерпретация этнополитической ситуации на Алтае в период образования и существования Кыргызского каганата. Выше уже было указано мнение Г.В. Кубарева (1998) о том, что зависимость тюрок Алтая от кыргызов была номинальной. В исследованных немногочисленных памятниках отражено в основном военное присутствие. Эти объекты расположены не только по окраине каганата, но и в других областях региона.

Еще меньше зафиксировано захоронений в период распада Кыргызского каганата на отдельные княжества (Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 163). Ю.С. Худяков (1990, с. 193) называет данный период XI–XII вв. эпохой сууктэр и относит к нему курганы на могильнике Ак-Таш и поселение Куях-Танар. По его мнению, кыргызское владычество в Горном Алтае завершилось в начале XIII в., т.е. после монгольских завоеваний (Худяков, 1990, с. 195).

Имеющиеся в настоящее время сведения позволяют рассмотреть ряд вопросов, связанных с изучением обнаруженных и исследованных объектов, которые отличаются от тюркских и других комплексов. Краткая история изучения кыргызских курганов на Алтае уже рассматривалась исследователями (Худяков, 1990; Дашковский, 2001а; Могильников, 2002; и др.).

На территории Горного Алтая и в предгорьях исследованы памятники эпохи средневековья, в которых зафиксированы захоронения с обрядом «группосожжения на стороне». Одна часть из них отнесена к кыргызской культуре (Худяков, 1990; Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 163), а другая – к сростжинской общности (Неверов, Горбунов, 2001, с. 176; Тишкин, Горбунов, 2002а, с. 84). В связи с существующей проблемой культурно-хронологической идентификации таких погребений есть смысл указать основные памятники с объектами отмеченной особенности. Важной стороной такого представления станет возможность для адекватного понимания

процессов взаимодействия кочевников разных природно-ландшафтных зон Алтая в эпоху раннего средневековья, о чем уже высказаны отдельные предположения и умозаключения (Алехин, 1990; Савинов, 1998б; Неверов, Горбунов, 2001; Могильников, 2002; Горбунов, Дашковский, Тишкин, 2005; и др.).

Хорошо известный памятник Сростки у одноименного села в живописном месте на правом берегу Катуня в 1925 г. начал копать без ведения какой-либо документации сотрудник Бийского краеведческого музея М.Д. Копытов (Неверов, 1991). В том же году отрядом Алтайской археологической экспедиции Русского музея (начальник С.И. Руденко) под руководством М.Н. Комаровой изыскания там были продолжены. В 1930 г. исследования осуществлялись С.М. Сергеевым (1998), который указал на наличие примерно 60 объектов. Обобщенные результаты изложены в статье Д.Г. Савинова (1998б). Курганы с трупосожжением зафиксированы на одном могильном поле с одновременными объектами, в которых отмечена ингумация, характерная для захоронений носителей сросткинской культуры. В двух курганах, раскопанных М.Н. Комаровой, с сожжениями найдены остатки трупоположения. Зафиксированы и другие особенности (Савинов, 1998б, с. 189). Однозначная трактовка обозначенной ситуации исследователями не высказана, хотя указана схожесть погребальной традиции с трупосожжениями енисейских кыргызов. Причина этого заключается в неполноценности всей информации о памятнике. Прояснение могли бы дать сплошные раскопки комплекса с учетом имеющихся материалов.

Огромный некрополь находится в долине слияния рек Яконур, Бургасты, Имеген недалеко от с. Яконур (Усть-Канский район Республики Алтай). В 1939 г. Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством М.П. Грязнова (1940) исследовала несколько одновременных объектов, в том числе два кургана с кремациями. Из сопроводительного инвентаря обнаружены предметы вооружения, снаряжения верхового коня и другие вещи (Худяков, 1990). Захоронения Е, F, G кургана №1 отнесены к яконурскому этапу кыргызской культуры, а курган №4 – к ак-ташскому (Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 163).

В 1968–1969 гг. экспедиция ИИФиФ СО АН СССР и Кемеровского государственного педагогического университета исследованы два кургана (№9, 27) с трупосожжением в 12–17 км к югу от с. Акташ (Улаганский район Республики Алтай) на правом берегу

Чуи (Кулемзин, 1970; Кызласов, 1983; Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985). Материалы памятника Ак-Таш послужили основой для выделения ак-ташского этапа (2-я половина X–XI вв.) кыргызской культуры (Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 163).

Комплекс объектов различных исторических периодов Узунтал-ХIII расположен в Сайлюгемской степи возле с. Кокоря (Кош-Агачский район Республики Алтай). В 1972 г. курган с трупосожжением исследован экспедицией ЛГУ под руководством Д.Г. Савинова. Он был зафиксирован с северной стороны от цепочки объектов пазырыкской культуры. В слое угля, пепла и кальцинированных костей найдены два стремени, удила, кольца, пряжка, нож, проколка и набор бронзовых украшений (Савинов, 1980, с. 162). Полученные материалы относятся к яконурскому этапу кыргызской культуры (Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 163).

В связи со строительством Гилевского водохранилища в 1971–1976 гг. исследования памятников проводились Алейской экспедицией ИА АН СССР под руководством В.А. Могильникова. В результате у с. Гилево (Локтевский район Алтайского края) был раскопан 21 курган с трупосожжением на могильниках Гилево-I–V (Могильников, 2001, с. 80). На памятнике Гилево-XV в двух курганах находилось по одному впускному погребению с кремацией, а на некрополе Гилево-IX зафиксирована выкладка, лишь предположительно связанная с трупосожжением (Могильников, 2001, с. 122–127). Сопроводительный инвентарь в основном представлен предметами вооружения и снаряжения верхового коня (Могильников, 2002).

Группа из семи курганов, обозначенная как памятник Корболиха-II, располагалась на правом коренном берегу Алея между селами Гилево и Корболиха (Третьяковский район Алтайского края). В процессе работ Алейской экспедиции ИА АН СССР под руководством В.А. Могильникова на памятнике наряду с другими объектами исследован курган №7 с кремацией (Могильников, 2001, с. 127–130; 2002, с. 48). Могильник Корболиха-VIII из девяти курганов находился на возвышении правого берега Алея. От него в 1,2 км к юго-востоку располагается с. Корболиха. Раскопки осуществлялись Алейской экспедицией ИА АН СССР под руководством В.А. Могильникова. В курганах №5 и №8 (1-а) встречено по одному впускному погребению с кремацией (Могильников, 2001, с. 130–135; 2002, с. 53–56). Неподалеку от этого комплекса распо-

ложен памятник Новофирсово-VII (Курьинский район Алтайского края). Могильник был открыт Ю.П. Алехиным, который в 1983–1984 гг. раскопал там четыре кургана. По мнению исследователя, в двух объектах под одной насыпью с кимакскими захоронениями оказались погребения енисейских кыргызов (Алехин, 1990).

В 1978 г. археологической экспедицией ГАНИИИЯЛ на памятнике Быжынты, который находится в 9 км к северо-западу от с. Яконур (Усть-Канский район Республик Алтай), раскопан потревоженный курган №19 с предметным комплексом кыргызского времени, найденным на уровне древнего горизонта (Суразаков, 1982, с. 124–126).

В 1980–1981 гг. исследования памятников раннего железного века и средневековья в окрестностях с. Кара-Коба (Онгудайский район Республики Алтай) осуществляла Алтайская экспедиция ИА АН СССР под руководством В.А. Могильникова. В ходе проведения работ на памятнике Кара-Коба-I были выявлены два погребения (курганы №31, 47) по обряду кремации, одно из которых являлось впускным. Сопроводительный инвентарь состоял из предметов снаряжения лошади (Могильников, 1990, с. 149–152), которые находят аналогии в памятниках кыргызов.

В связи со строительством Катунской ГЭС на Алтае проводились масштабные археологические работы. Памятников, относящихся к кыргызской культуре, выявлено всего два. Разновременная курганная группа Бийке входит в состав Бийкенского археологического микрорайона и располагается на правом берегу Катуни в 8 км от с. Еланда по дороге в с. Куюс (Чемальский район Республики Алтай). В 1989–1992, 1996–1998 гг. исследования этого комплекса осуществлялись экспедицией АлтГУ под руководством А.А. Тишкина. В результате проведенных работ выявлен курган №21 с трупосожжением (Тишкин, Тишкина, 1996; Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 93–95), предварительно отнесенный к яконурскому этапу кыргызской культуры. Памятник Кок-Эдиган выявлен на высокой террасе правого берега Эдигана, в 6 км от устья и в 2 км от с. Эдиган (Чемальский район Республики Алтай). Курган с трупосожжением находился восточнее цепочки объектов пазырыкской культуры. В процессе исследования погребения обнаружены предметы вооружения и снаряжения лошади (Худяков, 1996, 2000).

В ходе планомерных изысканий на территории Северо-Западного Алтая получены материалы кыргызской культуры. В 1999 г.

экспедиция АлтГУ под руководством П.К. Дашковского исследовала курган №8 на могильнике Коргон-I, который находится в 3 км к югу от с. Коргон (Усть-Канский район Республики Алтай) на левом берегу одноименной реки. При раскопках погребения с трупосожжением обнаружены железные наконечники стрел и распределитель ремня (Дашковский, 2001а), характерные для яконурского этапа кыргызской культуры (2-я половина X–XI вв.) (Тишкин, Горбунова, 2005б, с. 163). Кроме этого, получены дополнительные материалы по интересующему периоду средневековья. Курганная группа с погребениями по обряду кремации расположена в 1 км к юго-юго-востоку от с. Чинеты (Краснощековский район Алтайского края) на второй надпойменной террасе Ини. С 2001 г. на памятнике Чинета-II проводит раскопки археологическая экспедиция Алтайского госуниверситета (АлтГУ) под руководством А.А. Тишкина и П.К. Дашковского. В настоящее время исследовано четыре кургана (№10–13) с обрядом кремации. Они расположены рядом с захоронениями носителей сrostкинской культуры. Еще одно впускное погребение зафиксировано при раскопках объекта №1, отнесенного к сrostкинской культуре. Полученные материалы частично опубликованы (Тишкин, Дашковский, 2002; Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2005; Горбунов, Дашковский, Тишкин, 2005; и др.). На этом памятнике находились курганы двух выделенных этапов кыргызской культуры (Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 163).

Кроме представленных комплексов, захоронения с трупосожжениями найдены в Верхнем Прииртышье (Арсланова, 1972). Имеются и другие указания на существование подобных памятников в интересующем нас регионе. Косвенными свидетельствами являются коллекции с находками железных предметов, побывавших в огне. Автором раскопан подобный курган на памятнике Михайловка в предгорьях Алтая (Тишкин, 1991). Особенностью его стало наряду с трупосожжением человека наличие полного скелета лошади.

По мнению С.В. Неверова и В.В. Горбунова (2001, с. 177–178), зафиксированная кремация умерших воинов-дружинников на ранних этапах сrostкинской культуры восходит к «...самодийской, но более древней кулайской традиции», а единичные захоронения по обряду трупосожжения с конем отражают процесс смешения «самодийско-кулайской и тюркской погребальных традиций». С.В. Неверов (1991, с. 128) не исключает, что на памятнике Сrostки-I были раскопаны «древнехакасские» (кыргызские. – *А.Т.*) кур-

ганы. Появление их там, на наш взгляд, не случайно, а отражает процесс военной экспансии Кыргызского каганата, что фиксируется и на других памятниках. Д.Г. Савинов (1998б, с. 134–135) считает, что часть зафиксированных трупосожжений в предгорьях Алтая, «несомненно, относится к енисейским кыргызам, проникшим на территорию расселения кимако-кыпчакских племен» (сросткинская культура. – *А.Т.*). Нахождение таких захоронений в пределах одного могильника «...следует рассматривать как явное свидетельство их совместного проживания». Подобная ситуация отмечена на археологическом комплексе Чинета-II. Расположение кыргызских курганов в центральной части памятника рядом с почти синхронными им сросткинскими говорит об относительно мирном сосуществовании обеих групп населения (Горбунов, Дашковский, Тишкин, 2005, с. 146). Сходство наблюдается при рассмотрении курганных групп Гилево-I–IV, где на одном поле соседствуют погребения сросткинской и кыргызской культур (Могильников, 2001, 2002). В.А. Могильников (2002, с. 123) зафиксированные им в северо-западных предгорьях кремации относил к кыргызским захоронениям и выделял две группы объектов – раннюю (рубеж VIII–IX – середина IX вв.) и позднюю (конец IX – 1-я половина X вв.). Подобная ситуация с расположением кыргызских захоронений наблюдается и в Горном Алтае. По всей видимости, население тюркской и родственной им сросткинской культур воспринималось кыргызами не враждебно. Не исключены и союзнические отношения.

Как уже было сказано, в истории раннесредневекового населения Горного Алтая кыргызский период является слабо изученным (Суразаков, 2002). Это связано с тем, что на рассматриваемой территории пока исследовано небольшое количество памятников, которые отражают специфический погребальный обряд, отличавшийся от тюркской традиции. Кроме того, рассматриваемый регион являлся полупериферией Кыргызского каганата. Изучение каждого нового объекта кыргызской культуры представляет большую научную значимость для реконструкции этнокультурных и этногенетических процессов, протекавших в Южной Сибири и Центральной Азии. По мнению Ю.С. Худякова (1990, 2001), первым, кто попытался рассмотреть «кыргызские черты» в раскопанных на Алтае памятниках, был С.В. Киселев (1949), которого поддержал Л.П. Потапов (1953). Затем такие исследования стали более или менее систематическими.

В настоящее время И.Л. Кызласов считает, что уже имеются основания для выявления религиозных центров кыргызов на Алтае. Он указывает на существование трех монастырей, представители которых были последователями манихейской религиозной традиции. О существовании таких монастырей, по мнению исследователя, свидетельствуют прежде всего находки надписей в таких местонахождениях, как Бичикту-Бом-I, Ялбак-Таш, Кара-Су (Кызласов, 2001, 2004). Кроме курганных некрополей, есть данные об обнаружении на территории Горного Алтая археологических объектов кыргызской культуры другого характера, в частности, поселения Куях-Танар (Худяков, 1990, с. 193), надписей из Мендур-Соккона (Баскаков, 1966; Савинов, 1980, с. 161) и др. Известны многочисленные вещи, преимущественно предметы вооружения, которые хранились в коллекциях Н.С. Гуляева, П.С. Уваровой, происходили из раскопок Ледебура и других исследователей (Савинов, 1980, с. 162; Худяков, 1990, 2001). Значительное число предметов кыргызского облика стало обнаруживаться после исследования объектов сросткинской культуры в лесостепном и предгорном Алтае.

По мнению Г.В. Кубарева (1998, с. 293–294; 2005), кыргызы слабо заселили Алтай. Иллюстрацией о взаимоотношениях их с тюрками служит содержание рунических надписей, найденных у с. Мендур-Соккон (Баскаков, 1966). Там сообщаются имена знатного тюрка и кыргыза, которые являлись родственниками (?). Примером ассимиляции и аккультуризации тюрками немногочисленных кыргызов исследователь считает погребение на р. Большом Ильгумене у перевала Балтарган: при наличии вещей кыргызского облика захоронение совершено по обряду трупоположения с конем (Кубарев, 1998, с. 293). Вывод Г.В. Кубарева о том, что присоединение Алтая к Кыргызскому каганату происходило мирным путем, имеет определенные подтверждения. Речь может идти, как уже сказано, и о союзнических отношениях. Ведь свидетельством этого является расцвет тюркской культуры, который, как уже было отмечено, приходится на VIII–IX вв. и определяется представительным числом «богатых» погребений тюрков (Кубарев, 1998, с. 292).

Основная концепция по периодизации культуры енисейских кыргызов представлена в работах Д.Г. Савинова (2005б, с. 257–262), который выделил основные этапы ее развития. Горный Алтай рассматривается в качестве алтайского локального варианта культуры кыргызов в эпоху «Кыргызского великодержавия» (Савинов, 2005, с. 269–270).

Ю.С. Худяков (1990), основываясь на немногочисленных материалах, опубликовал схему эволюции кыргызской культуры на Алтае. Он выделил два периода: эпоха великодержавия (IX–X вв., памятники – Яконур (курган №1, 4) и Узунтал-ХIII) и эпоха сууктэр (XI–XII вв., памятники – Ак-Таш и Куях-Танар). Данная периодизация базировалась на анализе предметного комплекса. Сведения о пребывании кыргызов на Алтае Ю.С. Худяковым (1991, 1993, 1995, 1996 и др.) изложены в целом ряде работ. Расширение круга находок из кыргызских памятников Горного Алтая позволило ему (2001) еще раз вернуться к рассмотрению предметного комплекса XI–XII вв. В результате был сделан вывод о том, что вещи типичны для кыргызской культуры по всей территории ее распространения в указанное время (Худяков, 2001, с. 170). Несмотря на относительную немногочисленность памятников кыргызов на Алтае (Грязнов, 1940; Кулемзин, 1970; Савинов, 1980; Кызласов, 1983; Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985; Могильников, 1990; Худяков, 1990, 1996, 2001; Дашковский, 2001а; Тишкин, Дашковский, 2002; Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2005; Горбунов, Дашковский, Тишкин, 2005; Тишкин, Горбунов, 2005б; и др.), тем не менее приведенные данные позволяют определить основные тенденции изучения обозначенной проблематики. Среди приоритетных направлений можно отметить такие, как разработка периодизации кыргызской культуры, характеристика этнополитической ситуации в регионе, реконструкция социально-экономических отношений и комплекса мировоззренческих представлений кочевников. Имеющиеся в настоящее время на Алтае материалы **кыргызской** культуры позволили наметить два этапа ее развития (Тишкин, Горбунов, 2002а; 2005б, с. 163): **яконурский** (2-я половина IX – 1-я половина X вв.; памятники – Яконур (курганы 1–Е, F, G), Узунтал-ХIII, Кара-Коба-I (курганы №31, 47), Бийке (курган №21), Коргон (курган №8), Чинета-II (курганы №10–13), Кок-Эдиган, Бажынты, Гилево) и **акташский** (2-я половина X–XI вв.; памятники – Ак-Таш (курганы №9, 27), Яконур (курган №4), Чинета-II (курган №1, впуск.), Куях-Танар, Усть-Кан, Кам-Баин). Данная схема базируется на всех имеющихся в настоящее время материалах и учитывает высказанные ранее точки зрения.

Относительно гипотез современного кыргызского этноса существует целый ряд точек зрения (Худяков, 2001), которые опубли-

кованы в многочисленных изданиях (Юнусалиев, 1955; Петров, 1963; Баскаков, 1966, Кляшторный, Мокеев, Мокрынин, 1988; Тенишев, 1989; и др.). Данный вопрос в монографии не рассматривается.

К сожалению, по кыргызскому периоду пока очень мало результатов радиоуглеродного датирования (см. приложение). Попытка получить такие данные по образцам, взятым из курганов с трупосожжениями, которые были исследованы на памятнике Чинета-II, не увенчались должным успехом. Отобранные для анализа кальцинированные кости из кургана №12 оказались непригодными для получения положительных результатов. Они были сильно карбонатизированы и содержали очень мало коллагена. Даже использование более 500 г таких костей не позволило выделить достаточное количество материала, необходимого для анализа. Удалось получить результаты радиоуглеродного датирования по образцу в виде обугленной древесины, взятой из того же средневекового кургана (СОАН-5858. 1300±45 лет). Калибровочные данные в принципе свидетельствуют о сооружении раннесредневековых курганов на памятнике Чинета-II во 2-й половине IX в., что согласуется со временем подчинения Алтая Кыргызскому каганату и расширению его границ в эпоху «великодержавия». В лаборатории ИИМКа получена еще одна дата по углям, взятым при раскопках кургана №10 памятника Чинета-II (Le-7424. 1100±70 лет). Ее калибровка также подтверждает время пребывания кыргызов на Алтае во 2-й половине IX – начале XI вв.

Актуальной задачей современных исследований является изучение этнокультурных процессов, произошедших на территории Евразии в результате создания 800 лет назад Монгольской империи, а также после разделения ее на ряд самостоятельных улусов. Несмотря на имеющиеся письменные источники, за рамками исторического повествования остаются периферийные и полупериферийные области таких держав. Алтай в этом плане не является исключением. Главными источниками для реконструкции этнокультурного развития населения рассматриваемого региона в монгольское время (XIII–XIV вв.) выступают немногочисленные материалы, полученные в ходе археологических исследований. Раскопки производились в основном на погребальных комплексах, которые хотя и имеют свою специфику, но все же позволяют определенным образом проследить процессы взаимодействия разных племен и культурогенез выявленных общностей. Вполне естественно, что с накоплением материалов изложенные ниже тенденции будут под-

корректированы или наполнены более содержательными свидетельствами комплексного характера. Проведение обобщения изложенного ниже плана можно рассматривать как своеобразный этап в изучении монгольского периода в истории Алтая.

Разработанная система анализа археологических данных о средневековых кочевниках, нашедшая отражение в нескольких монографических исследованиях (Гаврилова, 1965; Федоров-Давыдов, 1966; Викторова, 1980; Иванов, Кригер, 1988; Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998; Гарустович, Иванов, 2001; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002; и др.), существенным образом повлияла на решение ряда этнокультурных и этнополитических проблем. Полученная при этом информация позволила наметить локально-территориальные группы с определенным набором общих и особенных признаков на довольно обширной территории (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002). Так, например, В.А. Иванов и В.А. Кригер (1988) представили картину этнической принадлежности захоронений «кыпчакского» времени на Южном Урале. Они, в частности, отметили, что курганы западной группы обнаруживают признаки, характерные также для кочевников кимако-кыпчакского объединения юга Западной Сибири. Данное обстоятельство объяснено миграцией населения с востока вследствие монголо-татарского нашествия. По всей видимости, такое наблюдение либо отражает процесс вовлечения многих народов в ходе завоевательных походов на запад, осуществленных центрально-азиатскими кочевниками, либо действительно свидетельствует о вынужденной миграции определенной части населения в результате сложной военно-политической обстановки (Татари-монголы..., 1970).

Рассматриваемые особенности нашли свое отражение в работах В.А. Могильникова. Основываясь на небольшом количестве археологических материалов из раскопанных памятников кочевников Сибири, Казахстана и Средней Азии, исследователь полагал, что включение в состав Золотой Орды огромных степных пространств и господство там монголов, особо не изменило этнокультурный облик отмеченной территории, так как эти регионы сохранили свои, преимущественно кыпчакские, традиции. Рядовые представители завоевателей, вступая с местными народами в контакт, растворились в их среде. Вследствие такого смешения, а также из-за ограниченного количества имевшихся данных В.А. Могильников указал на невозможность отделения памятников собственно кыпчаков XIII–XIV вв. от одновременных им памятников монголов из-за их сильной схожести. В то же время было указано, что, несмотря на

единообразии общих элементов культуры (особенно в вещевом инвентаре), все же погребальный обряд сохранял специфические черты у населения отдельных районов (Могильников, 1981в, с. 193–194). Следует указать, что с накоплением материалов сделанные выводы корректируются. Особенно это касается выделения курганов с захоронением собственно монголов (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002).

В.А. Могильников отметил указанные особенности только в отношении Горного Алтая. Лесостепной Алтай в написанных им разделах книги «Степи Евразии в эпоху средневековья» (Могильников, 1981б–в) оказался вообще не упомянутым, хотя к тому времени исследователи уже располагали соответствующими, правда, немногочисленными и разрозненными сведениями. Материалы из Горного Алтая рассмотрены В.А. Могильниковым в рамках источников, приведенных еще А.А. Гавриловой (1965). Исследователю на основе привлеченного круга данных удалось обозначить ряд важных, на наш взгляд, моментов. Во-первых, отмечено то, что памятники XIII–XIV вв. достаточно обширной территории «...имеют ряд общих элементов культуры, особенно в области вещевого инвентаря, большое единообразие которого... обусловлено монгольскими завоеваниями...». Во-вторых, указывается на имевшую специфику погребального обряда у населения разных районов, отражающую отличия этнических групп. Кроме этого, В.А. Могильников отдельно остановился на термине «памятники часоенногорского типа», введенном А.А. Гавриловой, определив это понятие условным и равнозначным словосочетанию «памятники монгольского времени», так как на территории Саяно-Алтая погребальные объекты принадлежат «...различным этническим группам с местным локальным своеобразием культуры» (Могильников, 1981в, с. 194). О том, что термин «часоенногорский тип» могил «не вполне удачен», также позднее указал и Д.Г. Савинов (1994б, с. 165–166), который в общем подтвердил и другие представленные выкладки В.А. Могильникова, отметив при этом, что с XIII в. ориентация погребенных «...является важным хронологическим и культурно-дифференцирующим признаком». С чем и сейчас стоит согласиться при изучении памятников Горного и Лесостепного Алтая.

Имеется еще несколько показательных рассуждений и зафиксированных наблюдений этнокультурного характера, которые сформулированы Д.Г. Савиновым (1974, 1979, 1987а, 1994б и др.). По мнению исследователя, южные районы Западной Сибири явля-

лись областью кыпчакского этногенеза, а XIII–XIV вв. считаются периодом вхождения кыпчаков в состав монгольского государства при продолжении существования их культуры (Савинов, 1979, с. 69–71). Что касается памятников монгольского периода, то отмечается их территориальная разобщенность в рамках лесостепной полосы Южной и Западной Сибири. На территории Саяно-Алтая начиная с XIII в. появляются другие типы погребений, генетически не связанные с предшествующими, что свидетельствует о появлении нового населения, пришедшего с востока. В Приобье также в целом меняется культурный облик. Начало II тыс. н.э. связано с распадом раннесредневековых культур (Савинов, 1987а, с. 45). Однако на Верхней Оби продолжает существовать группа населения, «обладавшая устойчивой, отличной от сросткинской, культурной традицией» (Савинов, 1994б, с. 157). Важным является и следующее заключение: «Этническая принадлежность позднекочевнических погребений азиатской части степи остается неопределенной. Несоответствие имеющимся в письменных источниках (Джуздани, Плано Карпини) описаниям погребального обряда монголов... не позволяет выделить среди них собственно монгольские погребения. Все остальные этнические определения носят характер немотивированных гипотез» (Савинов, 1994б, с. 166–167). Однако категорически отказываться от таких сообщений не следует.

Поэтому автором монографии были проанализированы публикации свидетельств о погребальном обряде и других моментах жизни кочевников Евразии в монгольское время, которые зафиксированы известными путешественниками XIII в. Джованни дель Плано Карпини, Гильомом де Рубруком, их последователями и историками, близкими к интересующей нас эпохе. Данная информация дает возможность осуществлять сравнительный анализ, и она уже нашла отражение в ряде работ (Тишкин, 1998, 2003б; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002; и др.).

Несмотря на небольшое количество имеющихся сведений, а также на довольно «размытый», не совсем конкретный и порой действительно противоречивый характер привлекаемых описаний, все же можно уловить кое-какие данные о способах захоронений, а также выяснить смысл тех или иных практических действий, связанных с погребально-поминальными обрядами. Следует сразу сказать, что ограниченность имеющихся письменных данных не позволяет выделить комплекс показателей, необходимых для прямого отождествления с археологическими материалами. Вероятно, по-

этому приводимые характеристики редко привлекаются в подобных исследованиях. Но накопление новых материалов каждый раз заставляет обращаться к текстам, ставшим уже хрестоматийными. В этом плане стоит отметить результаты недавних раскопок исследователями захоронений кочевников XII–XIV в. на юго-востоке современной Монголии. Частично этому был посвящен доклад Д. Тумэн, прочитанный на конференции «Древние кочевники Центральной Азии» (Улан-Удэ, 2005 г.). Ряд представленных материалов находит соответствие в изложенных ниже описаниях, касающихся погребений нерядовых представителей. Жаль, что пока нет полноценных публикаций этих полученных данных. Однако на другой территории Евразии, в частности в Лесостепном Алтае и в Восточной Европе, уже выделяется группа объектов, соотносимых непосредственно с монголами (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002).

Плано Карпини в своей «Истории монгалов» обозначенной теме посвятил целую главу, назвав ее «О погребальном обряде». Кроме того, определенные свидетельства имеются и в некоторых других разделах указанного труда, рукописный вариант которого датируется серединой XIII в. Суммируя эти данные, можно представить обзор зафиксированной погребальной практики монгольских племен. Однако следует указать, что изложенные Плано Карпини описания в основном касаются погребений знатных лиц (элиты), что не дает возможности полноценно судить о традициях захоронений рядовых кочевников (Тишкин, 2005б). Между этими обрядами, как показывает опыт, существуют серьезные отличия, связанные с разным социальным положением. На это указывает и сам автор цитируемой ниже книги. Имеющиеся в рассматриваемом источнике сведения можно сгруппировать в следующем виде (История монгалов, 1997, с. 38–39):

1. Знатное лицо хоронят, «...где им будет угодно...», вместе с его ставкой* тайно в поле (грунтовое захоронение. – *А.Т.*), сидящим (? – *А.Т.*) в центре. В погребение кладут еду (много мяса, мо-

* Плано Карпини ставкой называет жилище монголов. Следует заметить, что в рассматриваемом тексте существует противоречие, которое, возможно, является проблемой перевода и заключается в следующем. Сначала автор сообщает о захоронении умершего вместе со ставкой, а несколько ниже говорит о том, что «...повозку, на которой везут его, ломают, а ставку разрушают...». В этом контексте следует указать на противоречия или неточные переводы, связанные с «тайностью» погребения монголов и другими описаниями.

локо), а также кобылу с жеребенком и коня с уздечкой и седлом. Мясо еще одного коня съедают, кости его сжигают («...за упокой души умершего»). А из шкуры, набитой соломой, делают чучело, которое ставят повыше «...на двух или четырех деревяшках». Все это делается, чтобы умерший мог жить в другом мире, в своей ставке, получать от кобылы молоко, умножать коней, ездить на них и т.д.

2. Иной способ захоронения знатных людей заключается в следующем. Монголы «...идут тайком в поле». В выбранном месте убирают слой дерна и вырывают большую яму, а сбоку ее делают яму под землей (подбой. – *А.Т.*). Мертвого кладут в такую нишу вместе с необходимыми вещами. Затем яму зарывают, а сверху укладывают дерн, чтобы «...впредь нельзя было найти это место».

3. Существуют два кладбища. На одном из них хоронят знатных людей («от императора до вельмож»). Их тела доставляют независимо от того, где он умерли. Вместе с ними хоронят много золота и серебра. Другое, **охраняемое**, кладбище предназначалось для тех, кто был убит далеко от родины (кенотафы или поминальные комплексы (?). – *А.Т.*).

4. У монголов еще существовал ряд обычаев, связанных с погребально-поминальной практикой: сожжение костей за упокой душ умерших людей, посадка дерева, очищение огнем. О последнем обряде есть несколько повествований, в том числе и в русских летописях. Данный аспект уже неоднократно рассматривался в научной литературе в связи с изучением религии монголов (Гумилев, 1968). Об очищении огнем свидетельствует и Гильом де Рубрук (1997, с. 171): «Они очищают также всякую утварь усопших, проводя ее через огонь. Именно, когда кто-нибудь умирает, все принадлежавшее ему отделяется и не смешивается с другими вещами двора, пока все не будет очищено». Эта традиция касалась не только личных вещей погребенного, но и подарков, если они были предназначены лицу уже умершему. Кроме этого, например, очищали, проводя между огней, людей, прибывших к хану, а также все посылаемое к его двору и др. Выполнением таких функций занимались жрицы («колдуны», «прорицатели»).

О тайне захоронения у монголов сообщают и восточные источники (цит. по: Федоров-Давыдов, 1966, с. 157): «По прибытии на место погребения гроб глубоко зарывался в землю, а потом прогоняли по могильной насыпи несколько тысяч лошадей или уносили лишнюю землю в другое место. Когда всходила трава, все было

кончено, могила представляла ровное место, где нельзя было ничего распознать...» Есть аналогичные сведения по поводу смерти Бату. В источниках неоднократно указывается о том, что монголы держали в тайне захоронения своих ханов. Так до сих пор неизвестно место, где похоронен Чингисхан. Разные рассказы, например, о том, что над его могилой был прогнан огромный табун лошадей, который сровнял место захоронения, по мнению некоторых исследователей, возможно больше похож на легенду.

Гильом Рубрук (1997, с. 101) указывал, что у монголов «...всегда около тех мест, где они погребают своих знатных, имеется гостиница для охраняющих...». Хотя тут же он написал следующее: «Погребение того, кто умирает, остается неизвестным...» Здесь наблюдается явное противоречие. По всей видимости, Рубрук не присутствовал на похоронах и не знал конкретных особенностей погребальной практики монголов. Это, в частности, отражено в следующей его фразе: «Я не знаю того, чтобы они скрывали с мертвыми сокровища» (Рубрук, 1997, с. 101). Что касается обряда захоронений команов (кыпчаков-половцев. – *А.Т.*), то он представлен путешественником в таком виде: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке пред пупком чашу. Они строят также для богачей пирамиды, т.е. остроконечные домики, и кое-где я видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней там и не находится. Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира; и они поставили пред ним для питья кумыс, для еды мяса, хотя и говорили про него, что он был окрещен. Я видел другие погребения в направлении к востоку, именно большие площади, вымощенные камнями, одни круглые, другие четырехугольные и затем четыре длинных камня, воздвигнутых с четырех сторон мира по сю сторону площади». В последнем предложении цитируемого сообщения имеется явное несоответствие, заключенное в том, что описанные виды погребальных сооружений были оставлены немонгольскими племенами и являлись более древними погребально-поминальными объектами. Рубрук в своем труде «Путешествия в восточные страны» зафиксировал наблюдаемые им усыпальницы команов и существование у них обычая, когда «все родство их погребается вместе».

Кроме приведенных выше данных, посвященных непосредственно рассматриваемому обряду, в письменных источниках мож-

но найти много косвенных сведений, которые определенным образом помогают раскрыть смысл реализации погребальной практики монголов. Например, Г. де Рубрук (1997) указал, что в XIII в. постель хозяина дома находилась в северной части и когда он сидел на ней, то оказывался лицом к входу (на юг. – *A.T.*). Слева от него к востоку находилась женская половина, справа – мужская (западная). «Мужчины, входя в дом, никоим образом не могут повесить своего колчана на женской стороне» («История монгалов, 1997, с. 93). Эти сведения оказались важными для понимания планиграфии расположения могил монгольского времени на памятнике Усть-Бийке-III в Горном Алтае (Тишкин, Горбунов, 2005б).

Имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники по интересующей эпохе чрезвычайно мало сообщают о народах, проживавших в Верхнем Приобье и Горном Алтае. В этом плане отметим сведения в летописях Рашид-ад-дина (1952). Тем не менее результаты археологических раскопок могут служить основой для осуществления этнокультурных реконструкций. Как показывает опыт исследований, такие данные носят объективный характер. Что же касается привлекаемых трудов средневековых авторов, то необходимо проведение их критического анализа при соответствующем сравнении с археологическими и другими материалами (Юрченко, 2002). Будет уместно процитировать показательное высказывание Л.Н. Гумилева (1968): «Плано Карпини хотя и не замечен в сознательной лжи, но требует осторожного к себе отношения. Во время бешеной езды на перекладных до ставки Гуюка и обратно, при недоедании и незнании языка трудно воспроизвести исчерпывающие наблюдения». Между тем не учитывать письменные сведения никоим образом нельзя, так как они, во-первых, расширяют источниковую базу, а во-вторых, представляют возможность отразить многие стороны жизнедеятельности населения Евразии в монгольскую эпоху. Поэтому изложенные выше данные письменных трудов путешественников привлекаются исследователями не только для характеристики погребальных обычаев кочевников (Федоров-Давыдов, 1966), но и для других целей. Автором монографии, например, при изучении женских головных уборов монгольского времени использовались археологические, изобразительные и письменные источники (Тишкин, 2003б), что позволило начать реализацию реконструкции конкретных образцов части костюма (Тишкин, Пилипенко, 2003).

Попытку анализа погребального обряда, зафиксированного в памятниках Алтая XI–XIV вв. н.э., предпринял С.А. Ефремов (2002). Несмотря на то, что такая статья опубликована совсем недавно, привлеченные материалы отражают уровень изученности обозначенной темы примерно для начала 1990-х гг. (22 кургана и 28 грунтовых погребений на территории Горного и Лесостепного Алтая)*. Тем не менее, используя классификационный подход, автору удалось систематизировать имеющиеся данные о погребальных объектах предмонгольского и монгольского времени. На базе этих данных, а также с учетом типологии и хронологии основных категорий инвентаря выделенные группы объектов были соотнесены с уже известными этническими обозначениями средневековых племен: тюркские; древнехакасские; местные тюркизированные; кыпчакские; местные, воспринявшие культуру «пришельцев»; близкие к монгольским; местные, скорее всего, татарские (Ефремов, 2002, с. 104, 108).

Рассмотрение определенного опыта исследовательской интерпретации археологических материалов позволяет привести их в соответствии с полученными в последние годы результатами (Тишкин, 1998, 2000–2005; Тишкин, Горбунов, 1999а–б, 2002а, 2005б; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002; и др.).

Археологические исследования, проведенные в разные годы на территории предгорно-равнинной зоны и горных районов Алтая, определенным образом связаны между собой. Открытия в одном регионе существенно влияли на процесс осмысления материалов, обнаруженных в другом месте изучаемой историко-культурной области. Это обстоятельство следует обязательно учитывать при изучении многих аспектов эпохи средневековья. Поэтому кратко представим уже имеющиеся результаты работ, осуществленных при осмыслении имеющихся материалов из предгорно-равнинной части Алтая. Такой подход позволит довольно четко разграничить близкие, но разные культурно-исторические области (Горный и Лесостепной Алтай; Западная Сибирь и Южная Сибирь).

Важным общим моментом погребальной обрядности для памятников монгольского времени Лесостепного Алтая является по-

* В настоящее время на территории Лесостепного Алтая отмечено 15 погребальных памятников только монгольского времени, на которых исследовано более 65 могил, в Горном Алтае – соответственно не менее 10 и 20.

ложение умерших и их ориентация. Во всех могилах (нетронутых и нарушенных, там где это удалось проследить) погребенные располагались вытянуто на спине (изредка с немного согнутыми в коленях ногами), головой в западном направлении, с небольшими отклонениями к северу или югу. Данные показатели абсолютно противоположны ориентировкам умерших в памятниках сросткинской культуры, предшествующей по времени относительно рассматриваемого периода. Данное различие на территории Лесостепного Алтая можно признать хронологическим и диагностирующим показателем, маркирующим смену культурных традиций в начале XIII в. н.э. В памятниках монгольского времени Лесостепного Алтая значительно преобладают захоронения по обряду одиночной ингумации и крайне редко встречаются парные погребения. Следует указать на одно важное отличие между двумя сравниваемыми традициями. В памятниках культуры монгольского времени на территории Лесостепного Алтая пока не найдено ни одного погребения человека в сопровождении целой туши лошади, которые составляли «элиту» на сросткинских некрополях (Неверов, Горбунов, 2001, с. 178). Редки случаи и со «шкурой» коня (Тишкин, 2004б, в). Изучение археологических и антропологических материалов памятника Телеутский Взвоз-I (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002; Поздняков, 2002, 2004) позволило выявить различия между мужскими и женскими захоронениями. Это дало возможность говорить о двух этнически разных компонентах у населения, оставившего курганный могильник на левом берегу Оби. Один из них представлен женщинами местных тюрко-самодийских социумов, а другой – пришлыми мужчинами-монголами, мигрировавшими из Центральной Азии. Подобная ситуация отмечается и на памятнике Усть-Алейка-Клуб (Кунгуров, 1991; Тишкин, Кунгуров, Семибратов, 2005). Изученные антропологом С.С. Тур мужской череп из могилы-7 и женский из могилы-8 оказались по своему морфологическому облику существенно различными (материалы еще не опубликованы). Мужской череп имеет ярко выраженный комплекс признаков центрально-азиатского типа, характерный для пришлого населения монгольского времени. Женский череп – значительно более европеоидный и, скорее всего, сохраняет особенности, унаследованные от местного (сросткинского) населения предшествующей культуры.

Основываясь на отличительных чертах зафиксированной погребальной обрядности на памятнике Телеутский Взвоз-I, и при

изучении данных других могильников можно предполагать, что большинство из них оставлено местным населением, которое ранее являлось одним из основных компонентов сросткинской культуры, а затем в ходе монгольских завоеваний оказалось в составе новой культурной общности, сохранив в ней численное большинство. Еще один компонент выделяется по обряду ингумации со «шкуррой» коня и может быть отождествлен с кыпчаками. Он также известен в предыдущее время и сохраняется в этническом образовании, сформировавшемся на территории восточной полупериферии Золотой Орды. Инвентарь из памятников монгольского времени находит многочисленные аналогии в синхронных памятниках степной полосы Евразии (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002).

Таким образом, в XIII–XIV вв. н.э. на территории Лесостепного Алтая существовала общность со схожей материальной культурой из взаимно интегрированных компонентов (монгольский, кыпчакский, тюрко-самодийский), которая входила в состав Улуса Джучи – Золотой Орды. Нами было предложено ее археологическое наименование как кармацкая культура, рассчитанное на определенную перспективу (Тишкин, 2000г, с. 172; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 143; Тишкин, Горбунов, 2002а, с. 84–85).

В связи с изучением поставленной проблемы встает вопрос о периодизации памятников Лесостепного Алтая монгольского времени. Определенным образом решение его уже предложено в совместной монографии на основе изучения предыдущего опыта и с опорой на анализ имеющегося материала (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002). Такая работа отражает начальную стадию осмысления и в дальнейшем может быть подкорректирована или заменена. В характеристике выделенных этапов намечена этнокультурная интерпретация развития культуры монгольского времени на территории Лесостепного Алтая, приведенная в соответствии с историческими событиями:

1 этап – джучинский, 1-я половина XIII в. (1207–1243 гг.). Начало этого этапа соотносится с завоеванием монголами Южной Сибири в 1207 г. и выделением Улуса Джучи в 1209 г., а окончание – с образованием в составе Монгольской империи государства Золотая Орда в 1243 г. Территория Лесостепного Алтая вошла в состав Улуса Джучи сразу после его выделения и осталась за ним после раздела в 1227 г., когда земли Южной Сибири отошли к Улусу Великого хана. Вероятно, присоединение Лесостепного Алтая в отли-

чие от Саяно-Алтайского нагорья проходило относительно мирным путем. Об этом говорят сохранение значительной части местного населения и многие черты преемственности со сросткинской культурой. Нет на этом этапе и собственно монгольских погребений. Однако происходят значительные изменения в мировоззрении (смена ориентации при захоронении, новые элементы погребальной обрядности) и полное восприятие материальной культуры, основанной на монгольских традициях.

2 этап – раннезолотоордынский, 2-я половина XIII – начало XIV вв. н.э. (1243–1312 гг.). Данный этап соотносится с правлением золотоордынских ханов от Бату (1243–1256 гг.) до Токты (1291–1312 гг.). В это время происходит постепенное обособление Золотой Орды от Монгольской империи, а после 1260 г. и полное ее выделение в самостоятельное государственное образование на фоне общего размежевания крупных улусов. Характерная черта второго этапа – преобладание монгольских традиций в материальной культуре, задающих своеобразную моду среди покоренных народов. Лесостепной Алтай становится отдаленной восточной полупериферией Золотой Орды, пограничной с Улусом Великого хана и затем с Империей Юань. На данном этапе, помимо кыпчакских и тюрко-самодийских, появляются собственно монгольские погребальные памятники, что было, очевидно, связано с необходимостью более прочного закрепления восточных рубежей нового государства. Монголы, пришедшие в Лесостепной Алтай, скорее всего, попали сюда не напрямую из Центральной Азии, а из центральных земель Золотой Орды. Они представляли собой небольшой военный отряд (только мужчины), который возглавил объединение местного населения, к тому времени уже полностью ассимилированного монгольской культурной средой.

3 этап – позднезолотоордынский, XIV в. н.э. (1312–1396 гг.). Этот этап соотносится с правлением золотоордынских ханов от Узбека (1312–1341 гг.) до Токтамышша (1380–1396 гг.). Его начало связано с активной исламизацией кочевого населения, расцветом городов и наивысшим взлетом политического могущества Золотой Орды, а окончание – с распадом единого государства. Характерные черты третьего этапа – преобладание исламских культурных традиций, усиление диспропорции в развитии центра, полупериферии и периферии. Могильники Лесостепного Алтая этого времени содержат значительно меньше инвентаря. По-прежнему можно выделить самодийский и кыпчакский способы погребений. Монголь-

ский компонент в погребальном обряде уже не прослеживается, что связано с ассимиляцией монголов местным населением (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 141–143).

Что касается Горного Алтая, то имеющиеся материалы пока не позволяют столь подробно рассматривать этнокультурную историю населения монгольского времени этого региона. Можно лишь отметить, что предыдущие тюркские и кыргызские традиции прекращают свое существование и на их смену приходят новые, которые в свою очередь отличны от тех, которые зафиксированы в лесостепной зоне и рассмотрены выше. По всей видимости, какая-то масса тюркского населения Горного Алтая была вовлечена в военно-политические мероприятия монгольских войск, другая же была ассимилирована, переселена или уничтожена. Так или иначе, но имеющиеся археологические материалы довольно отчетливо демонстрируют приход нового населения в XII в., а затем полное доминирование традиций кочевников из восточных районов Центральной Азии. Несмотря на то, что нами выделены два этапа (верх-еландинский XII в. и усть-бийкенский XIII–XIV вв.) в развитии новой общности со своими отличительными особенностями, археологическая культура пока для Горного Алтая не обозначена (Тишкин, 1998, 2001б; Тишкин, Горбунов, 1999б, 2002а, 2005б). Первый период синхронизируется с процессом расселения найманов (около 1100 г.) и разгромом их монголами (1204 г.), а второй связан с завоеванием Саяно-Алтая (1207 г.), включением этой территории в Улус Великого хана (1227 г.) и затем в состав провинции Лин-Бей (1293 г.) империи Юань, которая пала в 1368 г.

В связи с тем, что в Горном Алтае было зафиксировано очень мало памятников, первоочередной задачей исследовательских направлений стала разработка методики поиска погребальных комплексов интересующего периода эпохи средневековья. Для этого мы обратились к имеющимся этнографическим материалам по погребальной обрядности монгольских народов, проживавших на территории, близкой к Алтаю, и сравнили их с немногочисленными археологическими данными для выявления возможных закономерностей в размещении и планиграфии могильников (Тишкин, 1998, 2005б).

Наиболее подробное описание выбора места для погребения людей мы встретили у Г. Мэнэс (1992, с. 112–126) при рассмотрении традиций похорон у захчинов – одной из этнических групп ойратского населения западного региона Монголии:

– местность должна быть хорошо освещаемая солнцем, обращена на восток, юго-восток и юг;

– благоприятным местом считалась большая и раздольная ложбина, где свободно могли разместиться все виды домашнего скота;

– местность для умершего мыслилась как новое кочевье, где он мог поставить свою юрту, в которой каждый бы занял соответствующее возрасту и полу место, а вокруг бы расположился его скот;

– запрещалось выбирать для погребения падь, обращенную на северо-запад, а также место, выше которого проходила дорога, особенно если она шла с севера и через перевал;

– для могильника выбиралась сухая местность («чтобы в ней не скапливалась бы вода»), окруженная горами так, чтобы небосвод при взгляде вверх казался округлым по форме, а дальние горы с южной стороны не имели острые, пикообразные вершины и за ними не виднелись бы более высокие скалы;

– во время транспортировки тела умершего запрещалось идти вниз по течению реки, так как считалось, что вся процессия должна восходить по «золотой лестнице» к месту захоронения;

– кроме общих требований к выбору места могильника имелись особенные признаки и мотивы, связанные с возрастом покойников, их положением в обществе и другие (например, для пожилых место должно быть похоже на колыбель, для лам – на золотую чашу, детей вообще не хоронили, а помещали в кожаный мешок и «теряли» по дороге; труп самоубийцы-удавленника заваливали камнями и т.д.).

К этому стоит добавить то, что у ряда других монгольских народов этнографами зафиксированы такие общие требования интересующего нас плана: местность для похорон должна быть солнечной, покатою, безводной, каменистой, окаймленной горами с севера и востока, с западной стороны – рекой (Тангад, 1992, с. 130).

Таким образом, мы имеем характерные показатели, дающие возможность сопоставить этнографические и археологические материалы. Последние, как уже было сказано, немногочисленны и к тому же в XIII–XIV вв. широко был распространен обычай использования древних насыпей для сооружения в них впускных погребений (Могильников, 1981в, с. 194). На Алтае данные факты нашли свое отражение в курганных могильниках Верх-Еланда-I (Кирюшин, Неверов, Степанова, 1990), Ак-Алаха-I (Полосьмак, 1994а, с. 19–22) и др. Но стоит заметить, что многие эти захоронения

соответствуют перечисленным требованиям по выбору места могильника. Однако же остановимся на описании местности в характерных ситуациях размещения отдельных курганов монгольского времени и известных погребальных комплексов.

При проведении археологических раскопок в долине Бертек (Горный Алтай) у подножия третьего террасовидного уровня левого берега Ак-Алаха обнаружен курган монгольского времени (Молодин, Соловьев, 1994, с. 127; Деревянко, Молодин, Новиков, 1994, с. 20). Исследователи отмечают специфику месторасположения этого объекта в отличие от погребальных памятников других эпох: в укромном, непривлекательном месте небольшая почти плоская насыпь располагалась близ вершины в пологой ложбинке, ведущей на склон высокой крутой предгорной террасы Ак-Алаха, неподалеку от горного озера; незадернованная подпрямоугольная наброска над могилой почти примыкала к осыпи камней ложбины, как бы являясь ее продолжением; с трех сторон курган был скрыт склонами террасы, со стороны устья лога (на восток – юго-восток – *А.Т.*) открывается вид на пойму (Молодин, Соловьев, 1994, с. 152).

Также в малопривлекательном месте, на склоне выступа третьей террасы Катунь, были обнаружены и исследовались наряду с другими погребениями курганы монгольского времени могильника Усть-Бийке-III (Тишкин, Горбунов, 2005). Место этого погребального комплекса почти полностью соответствует приведенным выше требованиям для могильников у захчинов: оно обращено на юго-восток на долину близ впадения р. Бийке в Катунь, хорошо освещается, сухое, окружено горами, аналогичными по форме; действительно туда нужно всходить вверх по склонам, как по лестнице, и т.д.

Обнаруженные монгольские могилы на памятнике Кудыргэ располагались на склонах холмов долины Чулышмана в урочище, которое с севера и востока закрыто бомом, с запада ограничено рекой (Гаврилова, 1965, с. 11–12). При подробном рассмотрении условий захоронений XIII–XIV вв. на этом могильнике можно отметить и множество других признаков, аналогичных вышеописанным.

На наш взгляд, имеющиеся совпадения не случайны и дают ключ для проведения дальнейших поисков в Горном Алтае погребальных комплексов монгольского времени, которые будут нелегкими, так как, по-видимому, плотность населения в тот период времени была небольшой, и поэтому могильники состоят из немногочисленных захоронений, кроме того, имелся обычай хоронить

умерших в курганах других эпох; каменные насыпи над могилами монгольского времени, как правило, невысокие и часто сильно задернованы; не обнаружено погребений детей и т.д. Отсутствие детских захоронений на уже известных могильниках, возможно, объясняется имевшим место обрядом, который отмечен у захчинов.

Сопоставление этнографических и археологических данных позволяет нам использовать отмеченные признаки выбора мест для погребений монгольского времени при проведении намеченных целенаправленных обследований и дальнейшего изучения культуры населения Алтая интереснейшего периода средневековой истории. К сожалению, раньше выполнить намеченную программу поиска необходимых для исследования памятников не удалось в намеченном объеме из-за запрета на проведение археологических раскопок в Республике Алтай и всяческого противодействия подобным научным изысканиям. Однако в ходе нескольких разведок визуально был определен ряд перспективных памятников в разных районах Горного Алтая. Поэтому есть возможности увеличить круг археологических объектов, необходимых для объективной реконструкции. Пока же их количество ограничено (см. приложение). Перечень исследованных погребений представлен ниже. Именно эти материалы легли в основу предварительно намеченной схемы развития культуры монгольского времени.

В 1924 г. в долине Чулышмана А.Н. Глуховым (псевдоним Л.Н. Глушкова) был открыт памятник Кудыргэ, который тогда же начал исследоваться экспедицией Этнографического отдела Русского музея под руководством С.И. Руденко. В следующем полевом сезоне раскопки там продолжились. Предварительное сообщение о результатах работ на территории Горного Алтая опубликовано в 1927 г. Полученный материал привлек внимание широкого круга археологов (Гаврилова, 1965, с. 3). В частности, М.П. Грязнов в основополагающей для того времени работе «Древние культуры Алтая» (1930), опираясь на статью С.И. Руденко и А.Н. Глухова (1927, с. 37–52), отнес предметы, найденные на могильнике Кудыргэ и датируемые авторами VII в. н.э., ко второй стадии железной культуры. При этом было указано, что «...пока нет ни одного сколько-нибудь характерного памятника на Алтае, который мог бы быть датирован временем после X в. н.э.». Основываясь на данном заключении, исследователь формулирует задачу дальнейших работ: «...заполнить пробел, существующий между культурой сrostкин-

ских курганов и культурами современными...» (Грязнов, 1930, с. 9). Процесс изучения данного периода истории затянулся на многие десятилетия (Худяков, Плотников, 1996).

В 1948 г. на упомянутом уже памятнике Кудыргэ археологические изыскания продолжила А.А. Гаврилова, которая позже в вышедшей монографии обобщила весь имевшийся комплекс данных, справедливо выделив группу погребений периода «монгольского господства» (Гаврилова, 1965, с. 5, 13, 44–45). Кроме пяти позднекудыргинских могил (№14, 17, 19–21), к «часовенногорскому» типу исследовательницей были отнесены погребальные объекты следующих памятников: Яконур (к. 1 (впуск. мог. А и Д) и к. 2; раскопки М.П. Грязнова в 1939 г.), Пазырык (к. 5, впуск. мог.; раскопки С.И. Руденко при участии А.А. Гавриловой в 1949 г.) и Красноярское-I (к. 3, мог. 2; раскопки С.М. Сергеева в 1930 г.). В книге также приведены аналогии со Среднего Енисея. Таким образом, впервые были обобщены немногочисленные материалы памятников из горных и предгорных районов Алтая, относимые А.А. Гавриловой к монгольскому времени, в основу которых легли главным образом сведения о погребальном обряде и вещевом комплексе нескольких могил из Кудыргэ.

А.А. Гаврилова (1965, с. 5, 44–45, 73), проанализировав материалы из Кудыргэ, правомерно выделила среди них более поздние могилы «часовенногорского типа», относящиеся к монгольскому времени. При этом она отметила, что некоторые вещи, опубликованные ранее С.И. Руденко и А.Н. Глуховым (1927, рис. 3), относятся к периоду монгольского господства (XIII–XIV вв.). В настоящее время к культуре монгольского времени отнесено 10 могил, раскопанных на памятнике Кудыргэ. Из них объекты №16, 38, 74, 76 относятся к верх-еландинскому этапу, а №14, 17, 19–21 – к усть-бийкенскому (Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 163).

В 1939 г. Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа проводила археологические исследования в долинах рек Чарыш, Кан, Ябоган, Кырлык (Грязнов, 1940, с. 17). Тогда же в результате раскопок на обширном могильном поле в Яконуре было вскрыто 17 погребений, среди которых к монгольскому времени относятся впускные могилы А и Д кургана №1 и объект №2 (Гаврилова, 1965, с. 73). Полностью результаты исследований обозначенных объектов не были опубликованы. Имеется лишь статья М.П. Грязнова (1940) с предварительной информацией о результатах работ экспе-

диции, где кратко представлены описания раскопок и даны некоторые фотографии. К XIV–XVII вв. отнесено одно впускное погребение с богатым набором разнообразных изделий. М.П. Грязнов (1940, с. 21) указал на важность обнаруженных материалов «...в связи с тем, что археологические памятники этого времени для Алтая почти совершенно неизвестны, а письменные источники крайне недостаточны...». Коллекция предметного комплекса находится в ГЭ, значится под №1554 (Гаврилова, 1965, с. 6) и неоднократно изучалась автором монографии. Частично материалы монгольского времени из Яконура использовались в специальных и обобщающих работах по эпохе средневековья, при этом иногда публиковались рисунки некоторых вещей, не отраженных в статье М.П. Грязнова (Гаврилова, 1965, с. 73, табл. XXXI; Могильников, 1981, с. 194; Худяков, 1997, с. 58–70, рис. 36–44; и др.).

В полевом сезоне 1964 г. Алтайским археологическим отрядом Отдела гуманитарных исследований СО АН СССР, под руководством Е.М. Берс, было исследовано своеобразное погребение у с. Бичикту-Бом (Онгудайский район Республики Алтай). Материалы изданы. Памятник датирован 1-й половиной II тыс. н.э. (Берс, Худяков, 1994).

В декабре 1982 г. в Горно-Алтайский краеведческий музей поступило сообщение от председателя Еловского сельского совета Н.В. Яманова о том, что рабочими совхоза было обнаружено погребение человека. На место выезжал В.А. Кочеев (1983), который подробно опубликовал полученные результаты изучения скального захоронения.

В 1986 г. в ходе раскопок разновременных памятников в зоне строительства автодороги Усть-Сема–Еланда у с. Элекманар был исследован курган №17, который входил в состав курганной группы Элекманар-II. Он имел каменную насыпь «шестиугольной формы» с длиной сторон 1,7–2,0 м, высотой 0,36 м. По мнению авторов раскопок, объект относится к типу ритуальных или поминальных, о чем свидетельствовала форма насыпи и отсутствие могилы. На уровне погребенной поверхности обнаружены железные удила с большими свободно вращающимися кольцами-трэнзелями и железный трехперый килевидный наконечник стрелы (Неверов, Степанова, 1990а).

В 1988 г. Алтайской археологической экспедицией Алтайского государственного университета был исследован курганный мо-

гильник Верх-Еланда-I. Памятник находился у с. Еланда (Чемальский район Республики Алтай). В результате проведенных работ все пять объектов изучены (Кирюшин, Неверов, Степанова, 1990). Впускные погребения в курганах №1 и 5 отнесены к верх-еландинскому этапу и датированы XII в. (Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 163). В них найдены железные наконечники стрел различных типов, железные однолезвийные черешковые ножи, фрагменты несохранившегося берестяного колчана, железные удила с большими свободно вращающимися кольцами, два железных стремена с отверстием для путлица в пластине на дужке, железный тройник в виде сегмента, к которому при помощи кольца крепились две обоймы (распределители ремней), и железная пряжка с подвижным язычком (Кирюшин, Неверов, Степанова, 1990).

Раскопки памятника Ак-Алаха осуществлялись под руководством Н.В. Полосьмак. При исследовании кургана №1 в центре обнаружено погребение эпохи средневековья. Для этого были разобраны камни насыпи и в образовавшуюся каменную узкую яму положен умерший человек, вытянуто на спину, головой на запад. Руки оказались согнутыми в локтях, а кисти сложены в районе таза. Череп раздавлен. Справа у пояса находились железные кольчатые удила и два наконечника стрел (двухлопастный плоский с длинным насадом и бронебойный). В районе стоп обнаружен железный крючок, а также несколько костей овцы. В заполнении зафиксирована маленькая железная пряжка. Погребение было засыпано камнями. По комплексу вещей оно датируется XIV в. н.э. (Полосьмак, 1994а, с. 19, рис. 11).

Следующий памятник, зафиксированный на плато Укок, обозначен как Бертек-20 (Древние культуры..., 1994). Интересующий нас объект располагался в 60 м к западу от памятника Бертек-17 и в 145 м к западу от насыпи кургана №4 могильника Бертек-10 у подножия третьего террасовидного уровня левого берега Ак-Алахи (Молодин и др., 2004, с. 132–133). Он был исследован в 1991 г. и отнесен к эпохе средневековья. Материалы полностью опубликованы (Молодин, Соловьев, 1994). Они хорошо согласуются с результатами раскопок на памятнике Усть-Бийке-III и позволяют отнести курган Бертек-20 к культуре монгольского времени.

В полевом сезоне 1994 г. Восточно-алтайский отряд Института археологии и этнографии СО РАН исследовал могильник Талдуаир-1, находящийся в контактной зоне Горного Алтая с Тувой и

Монголией (Кубарев, 1995, с. 164). При раскопках кургана №6, относящегося к тюркской культуре, обнаружено впускное погребение ребенка 7–10 лет, который был уложен вытянуто на спину, головой на северо-северо-запад. Там же найдены кости овцы. Из инвентаря зафиксированы две раковины каури, а также удила с большими кольчатými псалиями, лежавшими между ног.

Памятник Усть-Бийке-III располагается в 6,5 км на юго-восток от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай, в долине р. Бийке на склоне у подножия третьей надпойменной террасы Катуня. Рядом с памятником проходит дорога, ведущая от шоссе Чемал–Куюс к летнику и далее к бывшему участку лесозаготовок. От устья Бийке до кургана №1 на северо-запад – 0,4 км. Материалы памятника полностью опубликованы совсем недавно (Тишкин, Горбунов, 2005б). Курганы №1, 2, 3 и 7 датируются XIII–XIV вв. и относятся к выделенному усть-бийкенскому этапу культуры монгольского времени.

Перечисленные памятники и охарактеризованные материалы позволили, как уже сказано, выделить два этапа. *Верх-еландинский* этап отражает сочетание разнокультурных элементов, а *усть-бийкенский* характеризует сложение единой культуры в степном поясе Евразии с определенными локальными особенностями отдельных территорий (Тишкин, Горбунов, 2005б, с. 163). Последнее обстоятельство четко проявляется при рассмотрении памятников монгольского времени Верхнего Приобья и Горного Алтая. Немногочисленные погребения Горного Алтая датированы следующим образом. К XII в. (верх-еландинский этап) относятся памятники Верх-Еланда-I (курганы №1 и 5 (впуск.)), Элекмонар-II (курган №17), Бичикту-Бом и Кудыргэ (курганы №16, 38, 74, 76); остальные объекты – к XIII–XIV вв. (усть-бийкенский этап): Усть-Бийке-III (курганы №1–3, 7), Кудыргэ (курганы №14, 17, 19–21), Яконур (курган №1 (А, Д) и 2), Талдуаир-I (курган №6 (впуск.)), Ак-Алаха (курган №1 (впуск.)), Бертек-20, Тожон. Кроме этого, отмечается ряд случайных находок монгольского времени, среди которых имеется железный шлем (Горбунов, Юсупов, 2002).

На Алтае радиоуглеродное датирование образцов из погребений монгольского времени не осуществлялось. В то же время в Прибайкалье такая работа проводилась. Полученные по костям человека результаты хорошо подтверждают археологические датировки и исторические сведения (Николаев, 2004, с. 136–138). Та-

кую возможность следует использовать при дальнейшем изучении интереснейшего периода средневековой истории Евразии.

В завершение обратим внимание на один из моментов, связанный со следующим периодом средневековой истории Горного Алтая, о котором известно совсем немного. Археологических памятников XV–XVI вв. практически не обнаружено, нет и прямых письменных свидетельств. Отсутствие материальных и других источников пока не нашло объяснений в работах исследователей. Не исключено, что произошел очередной культурно-генетический «сбой», связанный с причинами военно-политического и социально-экономического характера. В «Истории Республики Алтай» (2002) указанному периоду отведено всего три страницы, на которых отражена общая историческая обстановка в Центральной Азии. Несмотря на то, что каких-либо конкретных данных почти не приведено, был сделан вывод о том, что «...алтайская народность складывалась в основном из автохтонного, преимущественно тюркского населения этой территории, хотя с участием монгольского этнического компонента» (Кадырбаев, 2002, с. 235). Одним из неблагоприятных факторов, который мог негативно сказаться на развитии народов, населявших Горный Алтай в монгольское и постмонгольское время, являлось изменение климата (Тишкин, 2005б, с. 320). Современные исследования свидетельствуют о похолодании, начавшемся во 2-й половине XIV в. и продолжавшемся с постепенным ухудшением до конца XVI в. (Галахов, Назаров, Харламова, 2005, с. 66). 1585–1700 гг. вообще отмечаются как «малый ледниковый период» (Михайлов, Редькин, 2000, с. 28; Малолетко, 2002).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время в отечественных исследованиях по археологии, с одной стороны, наметилась тенденция узкой специализации ученых, а с другой – появилась потребность проведения обобщений разного уровня. В первом случае для пристального изучения выбирается либо отдельная категория предметов, либо какой-нибудь период, либо специфическая сторона деятельности древних или средневековых обществ. В другом варианте в основном осуществляется сравнительная работа в рамках одной эпохи или времени, но на значительной по охвату территории. В монографии впервые предпринята попытка создания сквозной культурно-хронологической концепции для изучения истории народов Алтая на протяжении более 2200 лет (от раннескифского до монгольского времени). Такая возможность представилась лишь благодаря проведению активных раскопок и обследований, которые осуществлялись во 2-й половине XX в. Наличие в нашем распоряжении разного количества источников по рассмотренным периодам, а также огромное число нерешенных проблем частного характера накладывало свой отпечаток на формулировки общего характера. Тем не менее полученные результаты создают прочную основу для дальнейшей систематизации материалов и интенсификации исследований.

Для реализации намеченной цели был проанализирован значительный по объему опыт создания периодизационных схем. В этом плане рассматривался процесс выработки многими поколениями зарубежных и отечественных исследователей методологических, прагматических и других подходов при структурировании истории человечества. Учет таких данных и отдельное рассмотрение системы создания культурно-хронологических схем в археологии обеспечили возможность для современного дискурса по вопросам упорядочения понятий и их отношений. В результате сформировалась, на наш взгляд, довольная логичная и всем понятная цепочка общих, частных и единичных обозначений исторического процесса, которые отражают характеристики хронологических рамок, базирующихся на традиционной евразийской системе (Древность, Средневековье, Новое, Новейшее время) и классической схеме «трех веков».

На выработанных методических и методологических подходах состоялось обобщение накопленных материалов по всем обо-

значенным периодам. В результате по принципу системного упорядочения оформилась и кратко охарактеризована следующая схема поэтапного развития выделенных культур Алтая*.

Поздняя древность

(ранний железный век; конец IX в. до н.э. – V в. н.э.):

– аржано-майэмирское время: **бийкенская культура** и ее этапы: куртуский (конец IX – 1-я половина VIII вв. до н.э.); семисартский (2-я половина VIII – 1-я половина VII вв. до н.э.); бойтыгемский (2-я половина VII – 2–3-я четверть VI вв. до н.э.);

– пазырыкское время: **пазырыкская культура** и ее этапы: башадарский (2-я половина VI – 1-я половина V вв. до н.э.); кызылджарский (2-я половина V – 3-я четверть IV вв. до н.э.); шибинский (последняя четверть IV–III вв. до н.э.);

– хуннуско-сяньбийско-жужанское время: **булан-кобинская культура** и ее этапы: усть-эдиганский (II в. до н.э. – I в. н.э.); белобомский (II – 1-я половина IV в. н.э.); верх-уймонский (2-я половина IV – 1-я половина V вв. н.э.).

Раннее и развитое средневековье

(поздний железный век; VI–XIV вв. н.э.):

– тюркское время: **тюркская культура** и ее этапы: кызылташский (2-половина V – 1-я половина VI вв. н.э.); кудыргинский (2-половина VI – 1-я половина VII вв. н.э.); катандинский (2-половина VII – 1-я половина VIII вв. н.э.); туэктинский (2-половина VIII – 1-я половина IX вв. н.э.); курайский (2-половина IX – 1-я половина X вв. н.э.); балтарганский (2-я половина X – XI вв. н.э.);

– кыргызское время: **кыргызская культура** и ее этапы: яконурский (2-я половина IX – 1-я половина X вв. н.э.); ак-ташский (2-я половина X–XI вв. н.э.);

* Сводные таблицы, демонстрирующие развитие обозначенных для Алтая культур по всем выделенным этапам, а также карты-схемы с этнокультурными ситуациями представлены в докторской диссертации автора (Тишкин, 2006в) и будут опубликованы в ближайшее время. В задачи данной книги не входила полная характеристика археологических материалов. Это предполагается сделать в готовящемся издании «Древняя и средневековая история Алтая» и монографиях, посвященных отдельным памятникам или указанным периодам.

– монгольское время: **культура монгольского времени** и ее этапы: верх-еландинский (XII в. н.э.); усть-бийкенский (XII–XIV вв. н.э.).

Основой реализации выделенных этапов стали систематизация и типология инвентаря из погребальных комплексов, содержавших наиболее массовый и представительный материал. Изучение особенностей погребального обряда позволило выявить этнокультурные компоненты у населения, проживавшего на указанной территории в обозначенное время. Все выделенные хронологические группы соотнесены с известными историческими событиями, которые происходили в Евразии и отражены в различных письменных источниках. В результате в общем виде изложена этнокультурная история народов Алтая от раннескифского до монгольского времени.

Начиная с раннескифского времени, когда население уже владело навыками верховой езды на лошади, оформилось кочевое и полукочевое скотоводство. Такой тип хозяйства и подвижный образ жизни сформировали определенный быт (пища, одежда, жилища), своеобразный комплекс вещей, нормы и правила поведения, виды занятий, навыки, организацию труда, мировоззренческие представления. Отражение всего этого проявилось в реализации погребального обряда, частично дошедшего до нас в виде погребальных сооружений, останков умерших людей и инвентаря. Именно носители аржано-майэмирской общности (бийкенская, майэмирская, тасмолинская, тагарская, алды-бельская культура) заложили основы для формирования кочевой цивилизации Южной Сибири и сопредельных территорий. К сожалению, прямых письменных свидетельств о них нет. Лишь косвенные данные позволяют определенным образом наметить причины этнокультурных изменений, миграций и контактов.

К середине VI в. до н.э. культура населения Алтая существенным образом меняется. Это связано с проникновением сакских племен, а также с приходом, вероятно, из Малой Азии сильной кочевой орды, подчинившей местные народы. В результате сложилась новая общность, получившая в археологии название «пазырыкская культура». С ее развитием можно связывать становление на Алтае племенного союза или предгосударственного образования. В это время в Верхнем Приобье существовало не менее мощ-

ное объединение, именуемое каменной культурой. Выявлено и другое культурно-историческое окружение пазырыкской общности (саки, быстринская, тагарская, саглынская культуры). Отмечены контакты с цивилизациями Ближнего Востока и Китая.

В 201 г. до н.э. в ходе военной экспансии державы Хунну произошло окончательное ослабление «пазырыкцев». Во II в. до н.э. на Алтай проникло новое население, которое сыграло главную роль в становлении булан-кобинской культуры. Для развития этой общности характерно сильное влияние таких хорошо известных кочевых империй, как Хуннская (209 г. до н.э. – 93 г. н.э.), Сяньбийская (93–235 гг. н.э.) и Жужанская (359–552 гг. н.э.). В состав указанных государств территория Алтая входила в разные периоды. При этом осуществлялся постоянный приток новых групп населения, свидетельством чего являются фиксируемые археологами изменения в материальной культуре. В начале I тыс. н.э. булан-кобинскую культуру на сопредельных территориях окружали другие общности (кулайская, майминская, таштыкская, кокельская).

В 460 г. н.э. жуань-жуани переселили из Восточного Туркестана на Алтай племя Ашина, которое сумело консолидировать вокруг себя булан-кобинские племена. В результате сложилась общность, известная в истории под самоназванием «тюрк» (тюрки). Развитие тюркской культуры привело к образованию державы кочевников – Великого (I) Тюркского каганата (552–604 гг.). Дальнейшая история населения Алтая связана с существованием таких государств, как I Восточнотюркский (604–650 гг.), II Восточнотюркский (682–744 гг.), Уйгурский (745–840 гг.) и Кыргызский (840 г. – XI в. н.э.) каганаты. В период с конца поздней древности и до развитого средневековья в Верхнем Приобье и на других сопредельных территориях активно происходили процессы этнокультурного взаимодействия.

На рубеже XI и XII вв. на земли Алтая расселяются племена найманов, проникших из Монголии, и кыпчаков. В 1207 г. их завоевывают монголы. С этого времени формируются культуры, тесно связанные по своему облику сначала с государственной культурой Монгольской империи, а затем Юаньской империи и Золотой Орды. Период с конца XIV – начала XV вв. и далее до прихода русских является менее всего изученным и пока трудно говорить о

процессах культурогенеза. Лишь накопление необходимых данных позволит заполнить существующую лакуну.

Рассмотренные в монографии обширные материалы теоретического, историографического и научно-практического характера, касающиеся создания культурно-хронологических схем и реконструкции этнокультурных ситуаций, позволяют представить историю древнего и средневекового населения Алтая. Изложенная периодизация является «рабочей» и отражает опыт систематизации многочисленных данных. Дальнейшие исследования в этой области позволят уточнить ряд моментов, а также существенным образом наполнить содержание обозначенных этапов. Автор не исключает корректировку предложенной концепции. Это может произойти при накоплении новых материалов, разработке новых методов или смене парадигм.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. Основные понятия, характеризующие время

Век – 1) промежуток времени, равный 100 календарным годам; 2) периодизация истории человечества на основе достижения им определенного материального уровня развития (типы орудий труда, идущих на их изготовлении материалов и т.д.): каменный век, бронзовый век, железный век; 2) в геологии – промежуток времени.

Века (вехи) – важный момент, этап в развитии чего-нибудь.

Время – форма последовательной смены явлений и состояний материи, характеризует длительность их бытия и имеет объективный характер.

Момент (от лат. *momentum* – движущая сила, толчок) – 1) миг, мгновение, короткое время, в которое происходит что-нибудь; 2) обстоятельство, отдельная сторона какого-нибудь явления.

Период (от греч. *periodos* – обход, круговращение, определенный круг времени) – 1) промежуток времени, охватывающий какой-либо законченный процесс; 2) этап общественного развития, общественного движения.

Стадия (от греч. *stadion* – стадий (мера длины) – определенная ступень, период, этап, фаза в развитии чего-либо, имеющие свои качественные особенности.

Событие – то, что произошло, то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни.

Фаза (от греч. *phases* – появление) – определенный момент в ходе развития какого-либо процесса (общественная, геологическая, физическая и т.д.).

Эпоха (от греч. *epochē*, букв. – остановка) – промежуток времени в развитии природы, общества, науки и т.д., имеющий какие-либо характерные особенности; сравнительно длительный и качественно своеобразный период истории, выделяемый на основе некоторой суммы объективных признаков.

Эра (от лат. *æra*, букв. – исходное число) – 1) в хронологии – начальный момент системы летоисчисления, а также сама система летоисчисления; 2) крупный исторический период. Эра (геол.) – промежуток времени геологической истории, в течение которого сформировались эра-тема (группа). Эра делится на геологические периоды.

Этап (фр. *étape*) – 1) часть пути, дистанции; 2) отрезок времени, ознаменованный каким-либо качественным изменением, событиями; стадия какого-либо процесса (ист. этап, этап работы).

II. Радиоуглеродные даты и результаты их калибровки

В данном разделе приложения представлены результаты осуществленного в разных лабораториях радиоуглеродного анализа образцов, которые были взяты из памятников Алтая интересующих нас периодов. Ряд

таких сведений опубликован (Орлова, 1995; Евразия..., 2005; Тишкин, 2007б; Тишкин, Дашковский, 2007б; и др.). Часть радиоуглеродных дат представлена впервые. Имеющиеся сведения позволили существенным образом продвинуться в установлении хронологии выделенных этапов или обозначенного времени. Работа по увеличению данных радиоуглеродного анализа велась автором целенаправленно. Отбирались образцы из следующих памятников Алтая: аржано-майэмирское время – Бийке, Бойтыгем-II, Тыткесень-VI; пазырыкское время – Ханкаринский дол, Яломан-III; «гунно-сарматское» время – Яломан-II; тюркское время – Усть-Бийке-III; кыргызское время – Чинета-II. Приводимые калибровочные показатели получены автором при использовании специальной программы, разработанной в лаборатории Вашингтонского университета (RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAMM REV 4.3), или предоставлены аналитиками лабораторий, где выполнялись анализы (автор выражает огромную благодарность Л.А. Орловой за регулярные консультации и обсуждение результатов, а также признателен Г.И. Зайцевой за своеобразную стажировку в лаборатории ИИМК в ноябре 2005 г. и сотрудничество). Часть дат дополнительно откалибрована с использованием программы OxCal v. 3.0.

2.1. Аржано-майэмирское время

Радиоуглеродные данные получены по восьми образцам, взятых из шести объектов на четырех памятниках (Каракол, Бойтыгем-II, Бийке, Тыткесень-VI). Еще один результат (по кургану №2 на памятнике Хух удзуур, Монголия) привлечен для начала сравнительного анализа.

1. ГИН. Курган №1 памятника Каракол (Кубарев, 1998, с. 77). 2400±50 лет.

Reference Calibrated age(s) cal BC 408 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 2357

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 537–532 (2486–2481)
521–400 (2470–2349)
two Sigma cal BC 761–678 (2710–2627)
670–611 (2619–2560)
595–388 (2544–2337)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 537 (408) 400
cal BP 2486 (2357) 2349
2 sigma cal BC 761 (408) 388
cal BP 2710 (2357) 2337

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 755–721 (2704–2670)	0.154
	538–529 (2487–2478)	0.040
	522–399 (2471–2348)	0.806
95.4 (2 sigma)	cal BC 761–679 (2710–2628)	0.224
	669–626 (2618–2575)	0.064
	621–614 (2570–2563)	0.008
	593–572 (2542–2521)	0.028
	564–390 (2513–2339)	0.676

В 2005 г. в качестве образцов специально взяты две кости одной и той же лошади из кургана №19 памятника Бойтыгем-II (Абдулганеев, 1994). Находки с момента окончания раскопок хранились в подвале. Одна кость была завернута в бумагу, а другая – в полиэтилен. В результате получены отличающиеся друг от друга датировки (2190 ± 60 и 2420 ± 70), из которых предпочтительна вторая. Калиброванные показатели соответственно выглядят так:

2. Le-7428. Бойтыгем-II. Курган №19. Кость лошади. 2190 ± 60 лет.
Reference Calibrated age(s) cal BC 347, 321, 227 (Stuiver et al., 1998a)
223, 204
cal BP 2296, 2270, 2176
2172, 2153

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):
one Sigma cal BC 363–269 (2312–2218)
263–169 (2212–2118)
two Sigma cal BC 394–86 (2343–2035)
83–53 (2032–2002)

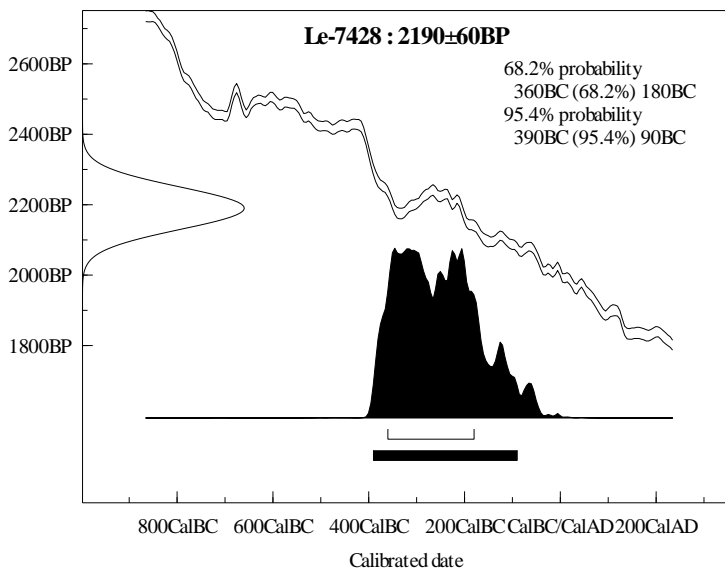
Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:
1 sigma cal BC 363 (347, 321, 227, 223, 204) 169
cal BP 2313 (2296, 2270, 2176, 2172, 2153) 2119
2 sigma cal BC 394 (347, 321, 227, 223, 204) 53
cal BP 2344 (2296, 2270, 2176, 2172, 2153) 2003

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 359–274 (2308–2223)	0.518
	259–236 (2208–2185)	0.128
	235–196 (2184–2145)	0.243
	193–174 (2142–2123)	0.111
95.4 (2 sigma)	cal BC 389–92 (2338–2041)	0.998
	67–64 (2016–2013)	0.002

Интервалы калиброванного календарного возраста:

3. Le-7429. Бойтыгем-II. Курган №19. Кость лошади. 2420±70 лет.
Reference Calibrated age(s) cal BC 479, 471, 445 (Stuiver et al., 1998a)

445, 411

cal BP 2428, 2420, 2394

2394, 2360

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 760–681 (2709–2630)

666–635 (2615–2584)

590–579 (2539–2528)

556–400 (2505–2349)

two Sigma cal BC 789–383 (2738–2332)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 760 (479, 471, 445, 445, 411) 400

cal BP 2710 (2428, 2420, 2394, 2394, 2360) 2350

2 sigma cal BC 789 (479, 471, 445, 445, 411) 383

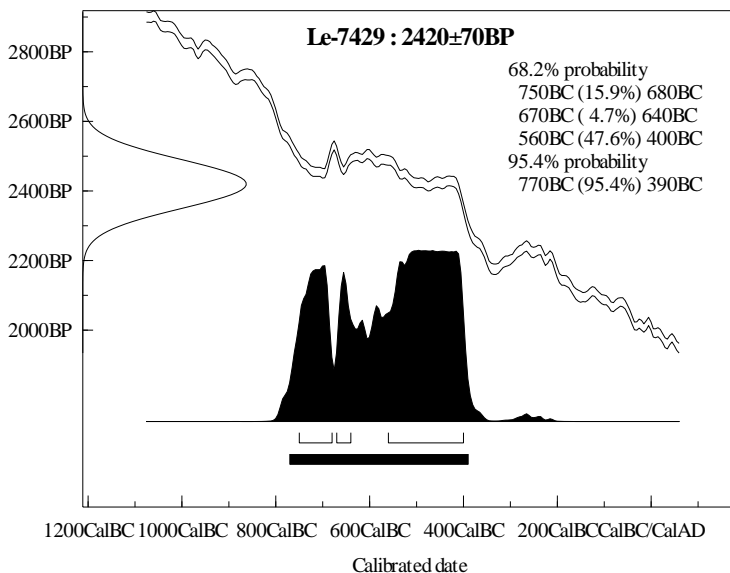
cal BP 2739 (2428, 2420, 2394, 2394, 2360) 2333

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 758–685 (2707–2634) 659–647 (2608–2596) 585–585 (2534–2534) 543–402 (2492–2351)	0.040 0.004 0.657
95.4 (2 sigma)	cal BC 764–393 (2713–2342)	

Интервалы калиброванного календарного возраста:

4. Курган №17 памятника Бийке (Тишкин, 1996). В 2005 г. в качестве образца были взяты некондиционные кости от скелета лошади, изученного археозоологом П.А. Косинцевым. Получена дата 2590±90 лет тому назад (**Le-7430**). Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 796 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 2745

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 827–760 (2776–2709)

681–668 (2630–2617)

626–623 (2575–2572)

613–593 (2562–2542)

575–563 (2524–2512)

two Sigma cal BC 908–409 (2857–2358)

Summary of above:

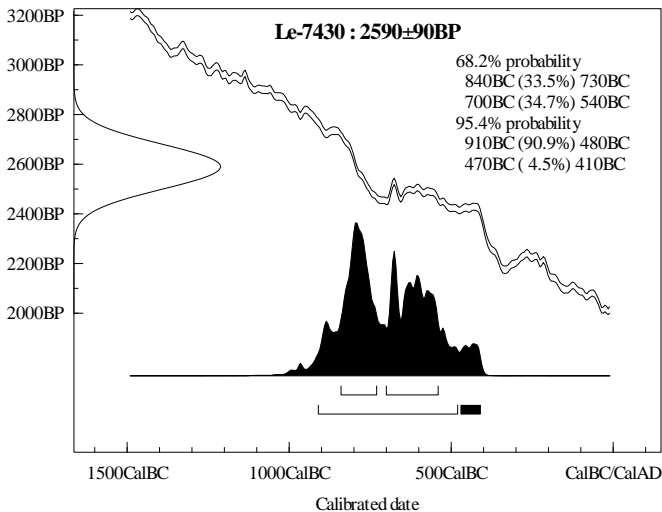
maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 827 (796) 563
 cal BP 2777 (2745) 2513
 2 sigma cal BC 908 (796) 409
 cal BP 2858 (2745) 2359

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
 from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 886–884 (2835–2833) 834–756 (2783–2705) 716–712 (2665–2661) 703–539 (2652–2488) 527–524 (2476–2473)	0.390 0.007 0.586 0.010
95.4 (2 sigma)	cal BC 901–480 (2850–2429) 469–446 (2418–2395) 444–412 (2393–2361)	0.941 0.024 0.035

Интервалы калиброванного календарного возраста:

5. Курган №10 памятника Бийке (Тишкин, 1996). В 2005 г. в качестве образца были взяты некондиционные кости от скелета лошади, изученного археозоологом П.А. Косинцевым. Получена дата 2330±50 лет тому назад (**Le-7431**). Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 397 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 2346

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 404–383 (2353–2332)

two Sigma cal BC 512–462 (2461–2411)

451–439 (2400–2388)

429–420 (2378–2369)

414–356 (2363–2305)

288–257 (2237–2206)

246–233 (2195–2182)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 404 (397) 383

cal BP 2353 (2346) 2332

2 sigma cal BC 512 (397) 233

cal BP 2461 (2346) 2182

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 496–493 (2445–2442)	0.011
	483–465 (2432–2414)	0.089
	450–440 (2399–2389)	0.039
	426–423 (2375–2372)	0.007
	413–357 (2362–2306)	0.672
	286–258 (2235–2207)	0.151
	242–234 (2191–2183)	0.031
95.4 (2 sigma)	cal BC 720–700 (2669–2649)	0.017
	538–528 (2487–2477)	0.010
	523–350 (2472–2299)	0.747
	318–229 (2267–2178)	0.208
	221–207 (2170–2156)	0.018

6. Курган №85 памятника Тьткескень-VI (Кирюшин, Кунгуров, Тишкин, Матренин, 2006). В качестве образца были взяты кости от скелета человека плохой сохранности. Получена дата 2595±35 лет (**GU-14927**). Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 797 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 2746

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 803–788 (2752–2737)

two Sigma cal BC 823–762 (2772–2711)

677–672 (2626–2621)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 803 (797) 788
cal BP 2752 (2746) 2737
2 sigma cal BC 823 (797) 672
cal BP 2772 (2746) 2621

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 808–776 (2757–2725)	1.000
95.4 (2 sigma)	cal BC 759–683 (2708–2632)	0.341
	665–630 (2614–2579)	0.394
	616–614 (2565–2563)	0.048
	591–578 (2540–2527)	0.217

Из кургана №74 памятника Тыткескень-VI (Кирюшин, Кунгуров, Тишкин, Матренин, 2006) в качестве образца были взяты кости от скелета человека. Получены две даты в разных лабораториях. Калибровочные данные их выглядят так:

7. GU-14926. Тыткескень-VI. Курган №74. 2320±35 лет.

Reference Calibrated age(s) cal BC 395 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 2344

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 401–384 (2350–2333)
two Sigma cal BC 407–361 (2356–2310)
271–261 (2220–2210)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 401 (395) 384
cal BP 2350 (2344) 2333
2 sigma cal BC 407 (395) 261
cal BP 2356 (2344) 2210

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 405–376 (2354–2325)	
	369–365 (2318–2314)	0.045
	268–263 (2217–2212)	0.054

95.4 (2 sigma)	cal BC 482–467 (2431–2416)	0.016
	449–441 (2398–2390)	0.007
	413–353 (2362–2302)	0.789
	294–231 (2243–2180)	0.181
	218–211 (2167–2160)	0.007

8. Le-7649. Тыткескень-VI. Курган №74. Кости человека. 2500±120 лет.

Reference Calibrated age(s)	cal BC 761, 680, 668	(Stuiver et al., 1998a)
	613, 593, 569, 564	
	cal BP 2710, 2629, 2617	
	2562, 2542, 2518,	
	2513	

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma	cal BC 801–404 (2750–2353)
two Sigma	cal BC 897–376 (2846–2325)
	267–264 (2216–2213)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma	cal BC 801 (761, 680, 668, 613, 593, 569, 564)	404
	cal BP 2751 (2710, 2629, 2617, 2562, 2542, 2518, 2513)	2354
2 sigma	cal BC 897 (761, 680, 668, 613, 593, 569, 564)	264
	cal BP 2847 (2710, 2629, 2617, 2562, 2542, 2518, 2513)	2214

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 790–516 (2739–2465)	0.935
	461–452 (2410–2401)	0.028
	438–430 (2387–2379)	0.025
	418–414 (2367–2363)	0.012
95.4 (2 sigma)	cal BC 896–874 (2845–2823)	0.010
	863–846 (2812–2795)	0.007
	845–377 (2794–2326)	0.983
	266–264 (2215–2213)	0.001

9. Курган №2 на памятнике Хух удзуур (раскопки А.А. Ковалева и Д. Эрдэнэбаатара в 2004 г.; Монголия, Булган сомон, правый берег р. Булган; автор монографии выражает благодарность археологам, предоставившим эти сведения). По костям человека получена дата 2685±110 лет (**Le-7213**). Калиброванные показатели выглядят следующим образом:

Reference Calibrated age(s)	cal BC 827	(Stuiver et al., 1998a)
	cal BP 2776	

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 967–962 (2916–2911)
924–792 (2873–2741)
two Sigma cal BC 1110–1100 (3059–3049)
1080–1060 (3029–3009)
1053–756 (3002–2705)
715–714 (2664–2663)
703–540 (2652–2489)
526–524 (2475–2473)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 967 (827) 792
cal BP 2917 (2776) 2742
2 sigma cal BC 1110 (827) 524
cal BP 3060 (2776) 2474

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 1004–762 (2953–2711)	
	678–671 (2627–2620)	0.012
	605–605 (2554–2554)	0.002
95.4 (2 sigma)	cal BC 1187–1182 (3136–3131)	
	1146–1145 (3095–3094)	0.000
	1128–516 (3077–2465)	0.989
	461–451 (2410–2400)	0.004
	439–430 (2388–2379)	0.003
	419–414 (2368–2363)	0.002

2.2. Пазырыкское время

В 2005 г. вышла коллективная монография «Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология» (СПб., 2005), подготовленная международным коллективом исследователей. В ней представлены результаты датирования ряда базовых археологических памятников Алтая и отражена их интерпретация. Общий опубликованный объем составил 105 показателей, полученных в основном по древесине из следующих комплексов: Пазырык-1, 2, 5; Уландрык-1, 2, 4; Юстыд-12; Шибе. Кроме этого, приведены данные по Башадару-1, Туэкте-1 и памятнику Берель. Однако часть имеющихся результатов не была включена в эту обобщающую работу. Ранее опубликованы и анализировались другие данные по памятникам Кутургунтас, Ак-Алаха-1 и 3, Бар-Бургазы-1, Уланд-

рык-I и II, Юстыд-ХII (Марсаолов, Зайцева, 1999), которые нами учитывались при разработке культурно-хронологической концепции.

В данном разделе представлены данные радиоуглеродного анализа проб, взятых из тех памятников, которые исследовались при участии автора монографии. Это касается комплексов Тыткескень-VI, Яломан-III и Ханкаринский дол.

В настоящее время по пазырыкскому времени на Алтае имеется наиболее многочисленная серия радиоуглеродных дат. Однако они требуют корректной обработки. Несмотря на указанные противоречия, основная масса показателей в той или иной мере подтверждает представленную в основной части монографии культурно-хронологическую схему.

Даты, полученные при исследовании образцов из курганов полностью раскопанного памятника Тыткескень-VI (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Кирюшин, Кунгуров, Тишкин, Матренин, 2006), не многочисленны.

1. СОАН-2851. Тыткескень-VI. Курган №21. Древесина. 2525±20 лет.

Reference Calibrated age(s) cal BC 764 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 2713

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 786–760 (2735–2709)
681–667 (2630–2616)
611–594 (2560–2543)
567–565 (2516–2514)
two Sigma cal BC 792–757 (2741–2706)
694–658 (2643–2607)
647–543 (2596–2492)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 786 (764) 565
cal BP 2735 (2713) 2514
2 sigma cal BC 792 (764) 543
cal BP 2741 (2713) 2492

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 787–760 (2736–2709)	0.332
	681–667 (2630–2616)	0.157
	629–617 (2578–2566)	0.101
	614–592 (2563–2541)	0.266
	576–561 (2525–2510)	0.144

95.4 (2 sigma) cal BC 793–757 (2742–2706)	0.261
696–695 (2645–2644)	0.001
695–657 (2644–2606)	0.176
649–543 (2598–2492)	0.562

2. СОАН-2852. Тыткескень-VI. Курган №22. Древесина. 2500±25 лет.

Reference Calibrated age(s) cal BC 761, 680, 668	(Stuiver et al., 1998a)
613, 593, 569	
564	
cal BP 2710, 2629, 2617	
2562, 2542, 2518	
2513	

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 765–757 (2714–2706)
696–656 (2645–2605)
653–542 (2602–2491)
two Sigma cal BC 788–535 (2737–2484)
534–518 (2483–2467)
458–453 (2407–2402)
436–434 (2385–2383)
416–415 (2365–2364)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 765 (761, 680, 668, 613, 593, 569, 564) 542
cal BP 2714 (2710, 2629, 2617, 2562, 2542, 2518, 2513) 2491
2 sigma cal BC 788 (761, 680, 668, 613, 593, 569, 564) 415
cal BP 2737 (2710, 2629, 2617, 2562, 2542, 2518, 2513) 2364

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma) cal BC 763–758 (2712–2707)		0.038
685–675 (2634–2624)		0.056
675–658 (2624–2607)		0.109
650–542 (2599–2491)		0.796
95.4 (2 sigma) cal BC 787–536 (2736–2485)		0.975
533–519 (2482–2468)		0.025

На памятнике Ханкаринский дол раскопаны курганы пазырыкской культуры (Тишкин, Дашковский, 2003 и др.). Часть образцов направлялась в Лабораторию геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии СО РАН. Получены такие показатели:

3. СОАН-5046. Ханкаринский дол. Курган №1. Кости человека. 2330±30 лет.

Reference Calibrated age(s) cal BC 397 (Stuiver et al., 1998a)
 cal BP 2346
 cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):
 one Sigma cal BC 402–389 (2351–2338)
 two Sigma cal BC 407–378 (2356–2327)
 266–265 (2215–2214)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 402 (397) 389
 cal BP 2351 (2346) 2338
 2 sigma cal BC 407 (397) 265
 cal BP 2356 (2346) 2214

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
 from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 404–384 (2353–2333)	
95.4 (2 sigma)	cal BC 482–466 (2431–2415)	
	450–440 (2399–2389)	0.010
	425–423 (2374–2372)	0.001
	413–358 (2362–2307)	0.904
	286–275 (2235–2224)	0.007
	275–258 (2224–2207)	0.052
	239–234 (2188–2183)	0.003

4. СОАН-5338. Ханкаринский дол. Курган №2 (ограблен). Кости человека. 1840±55 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal AD 134, 159, 170 (Stuiver et al., 1998a)
 196, 209
 cal BP 1816, 1791, 1780
 1754, 1741

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal AD 87–101 (1863–1849)
 125–242 (1825–1708)
 two Sigma cal AD 33–36 (1917–1914)
 57–262 (1893–1688)
 277–337 (1673–1613)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal AD 87 (134, 159, 170, 196, 209) 242
 cal BP 1863 (1816, 1791, 1780, 1754, 1741) 1708
 2 sigma cal AD 33 (134, 159, 170, 196, 209) 337
 cal BP 1917 (1816, 1791, 1780, 1754, 1741) 1613

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal AD (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal AD 88–100 (1862–1850)	0.070
	125–242 (1825–1708)	0.930
95.4 (2 sigma)	cal AD 34–36 (1916–1914)	0.002
	60–261 (1890–1689)	0.898
	277–336 (1673–1614)	0.100

5. СОАН-5339. Ханкаринский дол. Курган №3. Кости человека. 2100±45 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 146, 142, 113 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 2095, 2091, 2062

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 196–192 (2145–2141)
175–47 (2124–1996)
two Sigma cal BC 348–320 (2297–2269)
227–222 (2176–2171)
205–17 (2154–1966)
13 – cal AD 1 (1962–1949)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 196 (146, 142, 113) 47
cal BP 2145 (2095, 2091, 2062) 1996
2 sigma cal BC 348 (146, 142, 113) cal AD 1
cal BP 2297 (2095, 2091, 2062) 1949

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 171–86 (2120–2035)	
	83–52 (2032–2001)	0.251
95.4 (2 sigma)	cal BC 349–318 (2298–2267)	0.045
	228–221 (2177–2170)	0.007
	206–15 (2155–1964)	0.919
	15 – cal AD 2 (1964–1948)	0.028

6. СОАН-5345. Ханкаринский дол. Курган №2. Древесина. 1900±55 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal AD 86, 102, 122 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 1864, 1848, 1828

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal AD 32–37 (1918–1913)
54–134 (1896–1816)
162–168 (1788–1782)
201–207 (1749–1743)
two Sigma cal BC 36–33 (1985–1982)
19–12 (1968–1961) cal AD 0–241 (1950–1709)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal AD 32 (86, 102, 122) 207
cal BP 1918 (1864, 1848, 1828) 1743
2 sigma cal BC 36 (cal AD 86, 102, 122) cal AD 241
cal BP 1986 (1864, 1848, 1828) 1709

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal AD 30–39 (1920–1911)	0.054
	52–136 (1898–1814)	0.714
	152–176 (1798–1774)	0.126
	192–211 (1758–1739)	0.107
95.4 (2 sigma)	cal BC 36–33 (1985–1982)	0.004
	19–12 (1968–1961)	0.007
	cal AD 0–241 (1950–1709)	0.989

7. СОАН-5346. Ханкаринский дол. Курган №3. Древесина. 2305±60 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 391 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 2340

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 402–361 (2351–2310)
272–261 (2221–2210)
two Sigma cal BC 483–465 (2432–2414)
449–441 (2398–2390)
425–425 (2374–2374)
413–345 (2362–2294)
323–203 (2272–2152)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 402 (391) 261
cal BP 2352 (2340) 2211
2 sigma cal BC 483 (391) 203
cal BP 2433 (2340) 2153

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 408–352 (2357–2301)	0.523
	315–313 (2264–2262)	0.008
	299–230 (2248–2179)	0.426
	219–209 (2168–2158)	0.043
95.4 (2 sigma)	cal BC 755–744 (2704–2693)	0.006
	742–722 (2691–2671)	0.010
	537–531 (2486–2480)	0.003
	521–198 (2470–2147)	0.978
	187–181 (2136–2130)	0.004

В ноябре 2005 г. в лабораторию ИИМК были отданы для анализа четыре пробы костей (Ле-7419–7422) из курганов №4–6, 8 памятника Ханкаринский дол, где исследованы неграбленные курганы с вторичными захоронениями (Дашковский, Тишкин, Тур, 2005). Получены следующие показатели:

8. Le-7419. Ханкаринский дол. Курган №4. Кости лошади. 2040±80 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 43, 6, 4 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 1992, 1955, 1953

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 167 – cal AD 32 (2116–1918)

cal AD 38–53 (1912–1897)

two Sigma cal BC 350–317 (2299–2266)

229–220 (2178–2169)

207 – cal AD 128 (2156–1822)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 167 (43, 6, 4) cal AD 53

cal BP 2117 (1992, 1955, 1953) 1897

2 sigma cal BC 350 (43, 6, 4) cal AD 128

cal BP 2300 (1992, 1955, 1953) 1822

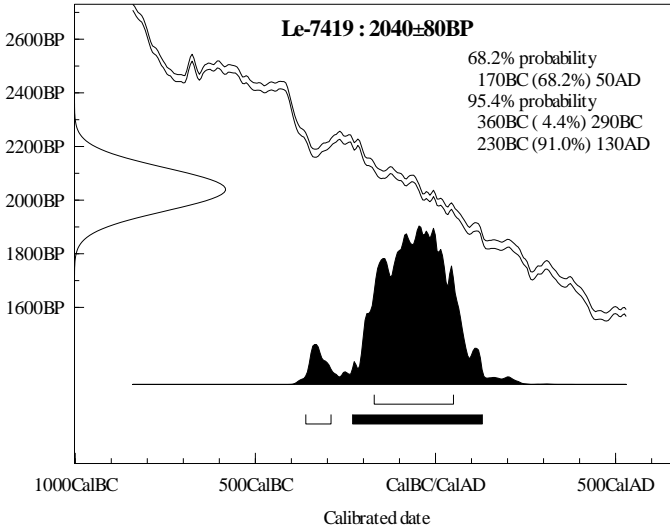
cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 164–129 (2113–2078)	0.153
	121 – cal AD 29 (2070–1921)	0.802
	cal AD 40–51 (1910–1899)	0.045

95.4 (2 sigma) cal BC 352–297 (2301–2246)	0.042
230–219 (2179–2168)	0.008
210 – cal AD 129 (2159–1821)	0.950

Интервалы калиброванного календарного возраста:

9. Le-7420. Ханкаринский дол. Курган №5. Кости лошади. 2030±60 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 41, 25, 25 (Stuiver et al., 1998a)
8, 3

cal BP 1990, 1974, 1974

1957, 1952

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 95 – cal AD 29 (2044–1921)

cal AD 40–50 (1910–1900)

two Sigma cal BC 197–189 (2146–2138)

179 – cal AD 84 (2128–1866)

cal AD 104–118 (1846–1832)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 95 (41, 25, 25, 8, 3) cal AD 50

cal BP 2045 (1990, 1974, 1974, 1957, 1952) 1900

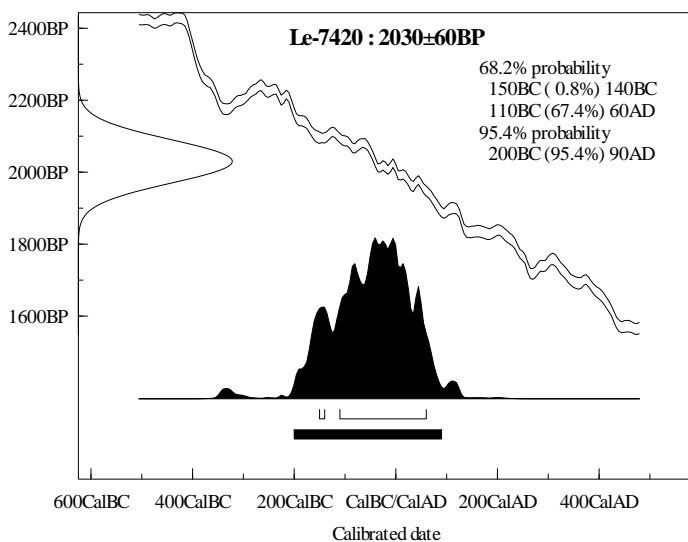
2 sigma cal BC 197 (41, 25, 25, 8, 3) cal AD 118

cal BP 2147 (1990, 1974, 1974, 1957, 1952) 1832

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 109 – cal AD 30 (2058–1920) cal AD 39–52 (1911–1898)	0.066
95.4 (2 sigma)	cal BC 197–189 (2146–2138) 179 – cal AD 83 (2128–1867) cal AD 104–117 (1846–1833)	0.009 0.981 0.010

Интервалы калиброванного календарного возраста:

10. Le-7421. Ханкаринский дол. Курган №6. Кости лошади. 2020±50 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 38, 30, 21 (Stuiver et al., 1998a)
11, 1
cal BP 1987, 1979, 1970
1960, 1950

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 88–80 (2037–2029)
54 – cal AD 29 (2003–1921)
cal AD 40–50 (1910–1900)

two Sigma cal BC 168 – cal AD 80 (2117–1870)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

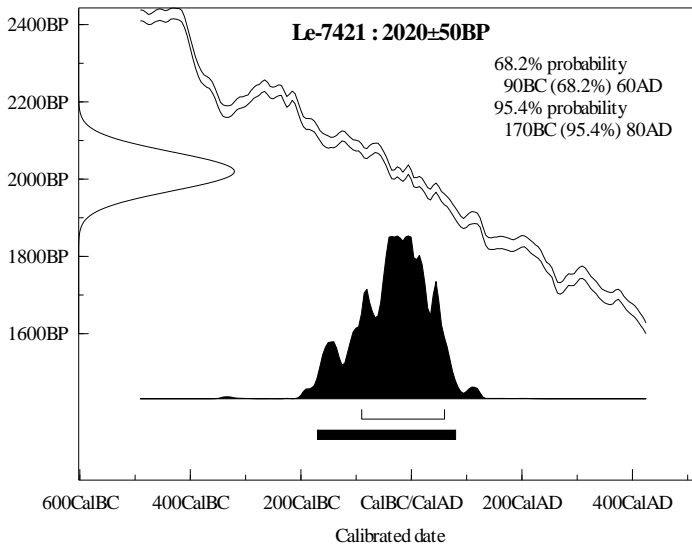
1 sigma cal BC 88 (38, 30, 21, 11, 1) cal AD 50
 cal BP 2037 (1987, 1979, 1970, 1960, 1950) 1900
 2 sigma cal BC 168 (38, 30, 21, 11, 1) cal AD 80
 cal BP 2117 (1987, 1979, 1970, 1960, 1950) 1870

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 90–75 (2039–2024) 60 – cal AD 31 (2009–1919) cal AD 38–53 (1912–1897)	0.096 0.809 0.094
95.4 (2 sigma)	cal BC 166–126 (2115–2075) 124 – cal AD 78 (2073–1872)	0.075 0.925

Интервалы калиброванного календарного возраста:

11. Le-7422. Ханкаринский дол. Курган №8. Кости лошади. 2170±50 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 200 (Stuiver et al., 1998a)
 cal BP 2149

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):
 one Sigma cal BC 354–290 (2303–2239)

257–249 (2206–2198)
 232–216 (2181–2165)
 213–166 (2162–2115)
 125–125 (2074–2074)
 two Sigma cal BC 382–86 (2331–2035)
 83–53 (2032–2002)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

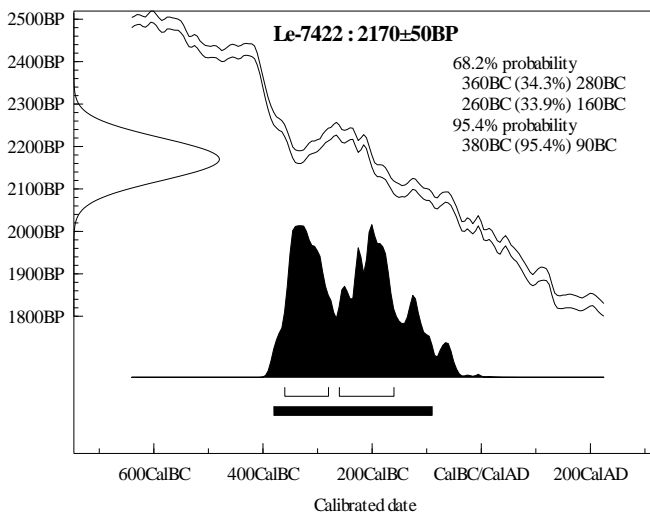
1 sigma cal BC 354 (200) 125
 cal BP 2303 (2149) 2074

2 sigma cal BC 382 (200) 53
 cal BP 2331 (2149) 2002

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
 from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 356–287 (2305–2236)	0.450
	258–245 (2207–2194)	0.062
	233–163 (2182–2112)	0.453
	129–121 (2078–2070)	0.036
95.4 (2 sigma)	cal BC 377–266 (2326–2215)	0.403
	264–91 (2213–2040)	0.584
	72–62 (2021–2011)	0.013

Интервалы калиброванного календарного возраста:

12. Le-7621. Ханкаринский дол. Курган №7. Проба-1. 2080±90 лет.
Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 91, 74, 61 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 2040, 2023, 2010

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 201 – cal AD 4 (2150–1946)

cal AD 8–21 (1942–1929)

two Sigma cal BC 378 – cal AD 87 (2327–1863)

cal AD 101–123 (1849–1827)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 201 (91, 74, 61) cal AD 21

cal BP 2151 (2040, 2023, 2010) 1929

2 sigma cal BC 378 (91, 74, 61) cal AD 123

cal BP 2328 (2040, 2023, 2010) 1827

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 326–325 (2275–2274)	0.003
	202 – cal AD 24 (2151–1926)	0.994
	cal AD 44–46 (1906–1904)	0.003
95.4 (2 sigma)	cal BC 363–269 (2312–2218)	0.129
	262 – cal AD 82 (2211–1868)	0.867
	cal AD 109–115 (1841–1835)	0.004

13. Le-7623. Ханкаринский дол. Курган №7. Проба-2. 2070±30 лет.
Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 87, 81, 54 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 2036, 2030, 2003

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 153–134 (2102–2083)

115–43 (2064–1992)

6–4 (1955–1953)

two Sigma cal BC 172–17 (2121–1966)

14 – cal AD 1 (1963–1949)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 153 (87, 81, 54) 4

cal BP 2102 (2036, 2030, 2003) 1953

2 sigma cal BC 172 (87, 81, 54) cal AD 1

cal BP 2121 (2036, 2030, 2003) 1949

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 149–134 (2098–2083)	0.120
	115–43 (2064–1992)	0.863
	6–4 (1955–1953)	0.018
95.4 (2 sigma)	cal BC 170–36 (2119–1985)	0.901
	33–18 (1982–1967)	0.046
	13 – cal AD 0 (1962–1950)	0.053

Автором монографии проводились раскопки в Центральном Алтае памятника скифской эпохи Яломан-III (Тишкин, Дашковский, 2003). Получены два результата.

14. СОАН-5503. Яломан-III. Проба взята от части деревянного погребального внутримогильного сооружения кургана №2. Представлен такой показатель – 2450±40 лет. Калибровочные данные выглядят следующим образом:

Reference Calibrated age(s) cal BC 536, 532, 520 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 2485, 2481, 2469

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 760–681 (2709–2630)
666–634 (2615–2583)
591–578 (2540–2527)
557–409 (2506–2358)
wo Sigma cal BC 778–402 (2727–2351)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 760 (536, 532, 520) 409
cal BP 2709 (2485, 2481, 2469) 2358
2 sigma cal BC 778 (536, 532, 520) 402
cal BP 2727 (2485, 2481, 2469) 2351

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 758–685 (2707–2634)	0.349
	659–646 (2608–2595)	0.062
	585–584 (2534–2533)	0.004
	543–479 (2492–2428)	0.314
	470–446 (2419–2395)	0.113
95.4 (2 sigma)	444–411 (2393–2360)	0.158
	cal BC 761–679 (2710–2628)	0.275
	670–610 (2619–2559)	0.146
	596–407 (2545–2356)	0.579

15. СОАН-5504. Яломан-III. Образец отобран из того же кургана №2, но из другой части сохранившегося деревянного внутримогильного сооружения. Результат – 2385±60 лет. Калибровочные данные такие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 405 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 2354

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 536–534 (2485–2483)
519–396 (2468–2345)
two Sigma cal BC 762–677 (2711–2626)
671–608 (2620–2557)
599–378 (2548–2327)
266–264 (2215–2213)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 536 (405) 396
cal BP 2486 (2354) 2346
2 sigma cal BC 762 (405) 264
cal BP 2712 (2354) 2214

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 756–717 (2705–2666)	0.160
	711–704 (2660–2653)	0.027
	539–528 (2488–2477)	0.044
	523–393 (2472–2342)	0.769
95.4 (2 sigma)	cal BC 762–677 (2711–2626)	0.212
	672–607 (2621–2556)	0.086
	602–377 (2551–2326)	0.700
	266–264 (2215–2213)	0.002

2.3. Хуннско-сяньбийско-жужанское время

1. Комплекс керамических печей на Юстыде (Кубарев, Журавлева, 1986). По образцу древесины и древесного угля из печи 1 раскопа I получен такой показатель 1830±40 лет. Калибровочные данные, выполненные автором монографии, выглядят следующим образом:

Reference Calibrated age(s) cal AD 182, 188, 215 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 1768, 1762, 1735

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal AD 129–241 (1821–1709)
two Sigma cal AD 80–259 (1870–1691)
282–290 (1668–1660)
298–321 (1652–1629)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal AD 129 (182, 188, 215) 241

cal BP 1821 (1768, 1762, 1735) 1709

2 sigma cal AD 80 (182, 188, 215) 321

cal BP 1870 (1768, 1762, 1735) 1629

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal AD (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal AD 133–164 (1817–1786) 166–231 (1784–1719)	0.329 0.671
95.4 (2 sigma)	cal AD 82–258 (1868–1692) 283–288 (1667–1662) 300–320 (1650–1630)	0.943 0.006 0.050

2. При проведении раскопок на поселении Тыткескень-VI были обнаружены остатки кострища. По отобранному образцу углей получена радиоуглеродная дата, которая указала на интересующий нас период. **СОАН-2988**. 1970±105 лет.

Reference Calibrated age(s) cal AD 28, 41, 50 (Stuiver et al., 1998a)

cal BP 1922, 1909, 1900

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 89–77 (2038–2026)

57 – cal AD 130 (2006–1820)

two Sigma cal BC 345–323 (2294–2272)

225–225 (2174–2174)

203 – cal AD 256 (2152–1694) cal AD 302–318 (1648–1632)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 89 (cal AD 28, 41, 50) cal AD 130

cal BP 2039 (1922, 1909, 1900) 1820

2 sigma cal BC 345 (cal AD 28, 41, 50) cal AD 318

cal BP 2295 (1922, 1909, 1900) 1632

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 112 – cal AD 134 (2061–1816) cal AD 161–169 (1789–1781) 198–208 (1752–1742)	0.960 0.019 0.021

95.4 (2 sigma) cal BC 348–319 (2297–2268)	0.014
228–222 (2177–2171)	0.002
205 – cal AD 259 (2154–1691)	0.968
cal AD 282–290 (1668–1660)	0.004
298–321 (1652–1629)	0.012

При исследовании могильника Яломан-II (Тишкин, Горбунов, 2003) автором монографии были отобраны образцы из групп курганов, разных по времени сооружения. В результате получены данные, демонстрирующие целый ряд абсолютных показателей. В настоящее время памятник Яломан-II является наиболее хорошо датированным комплексом булан-кобинской культуры. Особенно это касается ранней группы курганов, отнесенных к усть-эдиганскому этапу (II в. до н.э. – I в. н.э.). Даты получены для следующих объектов: №23а, 49, 51, 52, 57, 61, 62. По некоторым из них имеется несколько показателей. Другая группа объектов (№31, 32, 33) относится к верх-уймонскому этапу булан-кобинской культуры (2-я половина IV – 1-я половина V вв. н.э.).

3. СОАН-5499. Яломан-II. Проба взята от части деревянного перекрытия могилы кургана №23а. 2000±55 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal AD 2, 14, 16 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 1948, 1936, 1934
cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):
one Sigma cal BC 48 – cal AD 67 (1997–1883)
two Sigma cal BC 164–129 (2113–2078)
121 – cal AD 93 (2070–1857) cal AD 97–126 (1853–1824)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 48 (cal AD 2, 14, 16) cal AD 67

cal BP 1998 (1948, 1936, 1934) 1883

2 sigma cal BC 164 (cal AD 2, 14, 16) cal AD 126

cal BP 2114 (1948, 1936, 1934) 1824

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma) cal BC 51 – cal AD 71 (2000–1879)		1.000
95.4 (2 sigma) cal BC 161–130 (2110–2079)		0.039
119 – cal AD 91 (2068–1859)		0.915
cal AD 98–126 (1852–1824)		0.046

4. СОАН-5500. Яломан-II. Образец взят от фрагмента деревянной колоды кургана №49. 2100±45 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 146, 142, 113 (Stuiver et al., 1998a)
 cal BP 2095, 2091, 2062
 cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):
 one Sigma cal BC 196–192 (2145–2141)
 175–47 (2124–1996)
 two Sigma cal BC 348–320 (2297–2269)
 227–222 (2176–2171)
 205–17 (2154–1966)
 13 – cal AD 1 (1962–1949)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 196 (146, 142, 113) 47
 cal BP 2145 (2095, 2091, 2062) 1996
 2 sigma cal BC 348 (146, 142, 113) cal AD 1
 cal BP 2297 (2095, 2091, 2062) 1949

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
 from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 171–86 (2120–2035)	0.749
	83–52 (2032–2001)	0.251
95.4 (2 sigma)	cal BC 349–318 (2298–2267)	0.045
	228–221 (2177–2170)	0.007
	206–15 (2155–1964)	0.919
	15 – cal AD 2 (1964–1948)	0.028

5. COAH-5501. Яломан-II. Проба взята от деревянного перекрытия кургана №49. 2220±50 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 354, 291, 256 (Stuiver et al., 1998a)
 251, 232, 217, 213
 cal BP 2303, 2240, 2205, 2200, 2181, 2166, 2162
 cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):
 one Sigma cal BC 381–200 (2330–2149)
 two Sigma cal BC 396–166 (2345–2115)
 126–124 (2075–2073)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 381 (354, 291, 256, 251, 232, 217, 213) 200
 cal BP 2330 (2303, 2240, 2205, 2200, 2181, 2166, 2162) 2149
 2 sigma cal BC 396 (354, 291, 256, 251, 232, 217, 213) 124
 cal BP 2345 (2303, 2240, 2205, 2200, 2181, 2166, 2162) 2073

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 375–373 (2324–2322)	0.013
	364–346 (2313–2295)	0.138
	322–268 (2271–2217)	0.409
	263–226 (2212–2175)	0.285
	224–203 (2173–2152)	0.156
95.4 (2 sigma)	cal BC 392–170 (2341–2119)	1.000

6. COAH-5502. Яломан-II. Образец древесины взят из могилы кургана №52. 2045±35 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 44 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 1993

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 91–70 (2040–2019)

62–35 (2011–1984)

34–17 (1983–1966)

13 – cal AD 1 (1962–1949)

two Sigma cal BC 167 – cal AD 28 (2116–1922)

cal AD 41–50 (1909–1900)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 91 (44) cal AD 1

cal BP 2040 (1993) 1949

2 sigma cal BC 167 (44) cal AD 50

cal BP 2116 (1993) 1900

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 94 – cal AD 2 (2043–1948)	0.993
	cal AD 14–16 (1936–1934)	0.007
95.4 (2 sigma)	cal BC 165–128 (2114–2077)	0.102
	122 – cal AD 27 (2071–1923)	0.886
	cal AD 42–48 (1908–1902)	0.011

7. COAH-5048. Яломан-II. Проба представляла собой кости лошади из могилы кургана №52. 2060±40 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 50 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 1999

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 150–134 (2099–2083)
 115–38 (2064–1987)
 30–21 (1979–1970)
 11–1 (1960–1950)
 two Sigma cal BC 196–193 (2145–2142)
 174 – cal AD 27 (2123–1923) cal AD 43–48 (1907–1902)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 150 (50) 1
 cal BP 2099 (1999) 1950
 2 sigma cal BC 196 (50) cal AD 48
 cal BP 2145 (1999) 1902

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
 from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 149–134 (2098–2083)	0.096
	115–38 (2064–1987)	0.734
	31–21 (1980–1970)	0.077
	11–1 (1960–1950)	0.093
95.4 (2 sigma)	cal BC 173 – cal AD 25 (2122–1925)	0.996
	cal AD 43–47 (1907–1903)	0.004

8. СОАН-4982. Яломан-II. Проба представляла собой кости лошади из могилы кургана №51. 2025±35 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 39, 28, 23 (Stuiver et al., 1998a)
 9, 2
 cal BP 1988, 1977, 1972
 1958, 1951

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 50 – cal AD 4 (1999–1946)
 cal AD 7–22 (1943–1928)
 two Sigma cal BC 112 – cal AD 34 (2061–1916)
 cal AD 36–60 (1914–1890)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 50 (39, 28, 23, 9, 2) cal AD 22
 cal BP 1999 (1988, 1977, 1972, 1958, 1951) 1928
 2 sigma cal BC 112 (39, 28, 23, 9, 2) cal AD 60
 cal BP 2061 (1988, 1977, 1972, 1958, 1951) 1890

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
 from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 86–83 (2035–2032)	0.031
	53 – cal AD 24 (2002–1926)	0.946
	cal AD 44–46 (1906–1904)	0.023
95.4 (2 sigma)	cal BC 150–134 (2099–2083)	0.021
	114 – cal AD 35 (2063–1915)	0.901
	cal AD 35–63 (1915–1887)	0.077

9. СОАН-5049. Яломан-II. Проба представляла собой кости человека из погребения в могиле-1 кургана №33. Получен следующий показатель: 1990±35 лет. Калибровочные данные такие:

Reference Calibrated age(s) cal AD 4, 8, 21 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 1946, 1942, 1929

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 40–27 (1989–1976)

24–9 (1973–1958)

2 – cal AD 34 (1951–1916) cal AD 36–56 (1914–1894)

two Sigma cal BC 51 – cal AD 81 (2000–1869)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 40 (cal AD 4, 8, 21) cal AD 56

cal BP 1989 (1946, 1942, 1929) 1894

2 sigma cal BC 51 (cal AD 4, 8, 21) cal AD 81

cal BP 2000 (1946, 1942, 1929) 1869

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 39–28 (1988–1977)	0.140
	23–9 (1972–1958)	0.161
	2 – cal AD 33 (1951–1917)	0.478
	cal AD 37–55 (1913–1895)	0.221
95.4 (2 sigma)	cal BC 87–81 (2036–2030)	0.007
	54 – cal AD 83 (2003–1867)	0.980
	cal AD 105–116 (1845–1834)	0.013

10. СОАН-4981. Яломан-II. Образец, состоявший из человеческих костей погребенного в могиле-2 кургана №33. 2020±30 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 38, 30, 21 (Stuiver et al., 1998a)

11, 1

cal BP 1987, 1979, 1970

1960, 1950

% area enclosed	cal AD (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal AD 364–365 (1586–1585) 383–585 (1567–1365) 585–597 (1365–1353)	0.003 0.954 0.043
95.4 (2 sigma)	cal AD 247–646 (1703–1304)	1.000

12. Le-7433. Яломан-II. Курган №51. Кости. 1900±60 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal AD 86, 102, 122 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 1864, 1848, 1828

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal AD 31–39 (1919–1911)
53–135 (1897–1815)
156–174 (1794–1776)
194–210 (1756–1740)

two Sigma cal BC 38–29 (1987–1978)
22–10 (1971–1959)
1 – cal AD 243 (1950–1707)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal AD 31 (86, 102, 122) 210
cal BP 1919 (1864, 1848, 1828) 1740
2 sigma cal BC 38 (cal AD 86, 102, 122) cal AD 243
cal BP 1988 (1864, 1848, 1828) 1707

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal AD 30–40 (1920–1910) 52–140 (1898–1810) 149–177 (1801–1773) 191–212 (1759–1738)	0.058 0.677 0.150 0.115
95.4 (2 sigma)	cal BC 39–27 (1988–1976) 23–9 (1972–1958) 2 – cal AD 244 (1951–1706)	0.012 0.016 0.972

13. Le-7434. Яломан-II. Курган №52. 2110±80 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 161, 130, 120 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 2110, 2079, 2069

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 347–321 (2296–2270)
 227–223 (2176–2172)
 204–40 (2153–1989)
 26–24 (1975–1973)
 8–3 (1957–1952)
 two Sigma cal BC 381 – cal AD 64 (2330–1886)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 347 (161, 130, 120) 3
 cal BP 2297 (2110, 2079, 2069) 1953
 2 sigma cal BC 381 (161, 130, 120) cal AD 64
 cal BP 2331 (2110, 2079, 2069) 1886

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
 from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 348–319 (2297–2268)	0.107
	227–222 (2176–2171)	0.017
	205–39 (2154–1988)	0.831
	28–23 (1977–1972)	0.016
	9–2 (1958–1951)	0.028
95.4 (2 sigma)	cal BC 364–268 (2313–2217)	0.180
	263 – cal AD 30 (2212–1920)	0.809
	cal AD 40–51 (1910–1899)	0.012

Кроме приведенных данных есть и другие, которые дублируют уже проанализированные образцы, но другим методом, для реализации которого отбирались очень маленькие пробы (автор благодарен Г.И. Зайцевой за содействие в получении этих данных).

14. GU-14916. Яломан-II. Курган №51. Фрагмент войлока (подкладка кожаного ремня). 2065±35 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 85, 84, 52 (Stuiver et al., 1998a)
 cal BP 2034, 2033, 2001

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 151–134 (2100–2083)
 115–40 (2064–1989)
 26–24 (1975–1973)
 9–2 (1958–1951)
 two Sigma cal BC 173 – cal AD 4 (2122–1946)
 cal AD 9–20 (1941–1930)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 151 (85, 84, 52) 2
 cal BP 2100 (2034, 2033, 2001) 1951
 2 sigma cal BC 173 (85, 84, 52) cal AD 20
 cal BP 2122 (2034, 2033, 2001) 1930
 cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
 from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 150–134 (2099–2083)	0.122
	115–40 (2064–1989)	0.802
	27–24 (1976–1973)	0.023
	9–2 (1958–1951)	0.053
95.4 (2 sigma)	cal BC 171 – cal AD 3 (2120–1947)	0.988
	cal AD 12–18 (1938–1932)	0.012

15. GU-14918. Яломан-II. Курган №57. Фрагмент деревянной подкладки золотой бляхи (украшения головного убора). 2060±35 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 50 (Stuiver et al., 1998a)
 cal BP 1999
 cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):
 one Sigma cal BC 110–39 (2059–1988)
 28–22 (1977–1971)
 10–2 (1959–1951)
 two Sigma cal BC 171 – cal AD 5 (2120–1945)
 cal AD 6–23 (1944–1927)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 110 (50) 2
 cal BP 2059 (1999) 1951
 2 sigma cal BC 171 (50) cal AD 23
 cal BP 2120 (1999) 1927
 cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
 from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 146–137 (2095–2086)	0.063
	114–38 (2063–1987)	0.781
	30–21 (1979–1970)	0.065
	11–1 (1960–1950)	0.091
95.4 (2 sigma)	cal BC 170 – cal AD 4 (2119–1946)	0.979
	cal AD 9–20 (1941–1930)	0.021

16. GU-14919. Яломан-II. Курган №62. Фрагмент костяной наклад-
ки на лук. 2040±35 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 43, 6, 4 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 1992, 1955, 1953

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 90–76 (2039–2025)

58–16 (2007–1965)

14 – cal AD 2 (1963–1948)

two Sigma cal BC 165–128 (2114–2077)

122 – cal AD 30 (2071–1920)

cal AD 40–51 (1910–1899)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 90 (43, 6, 4) cal AD 2

cal BP 2039 (1992, 1955, 1953) 1948

2 sigma cal BC 165 (43, 6, 4) cal AD 51

cal BP 2114 (1992, 1955, 1953) 1899

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 92–68 (2041–2017)	0.209
	64 – cal AD 3 (2013–1947)	0.753
	cal AD 12–17 (1938–1933)	0.038
95.4 (2 sigma)	cal BC 164–130 (2113–2079)	0.078
	120 – cal AD 29 (2069–1921)	0.898
	cal AD 41–50 (1909–1900)	0.024

17. GU-14923. Яломан-II. Курган №51. Фрагмент деревянной чаши.
2080±35 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal BC 91, 74, 61 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 2040, 2023, 2010

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 166–126 (2115–2075)

124–44 (2073–1993)

two Sigma cal BC 198–188 (2147–2137)

181–17 (2130–1966)

14 – cal AD 1 (1963–1949)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

cal AD 158–172 (1792–1778)	0.012
198–208 (1752–1742)	0.010

19. GU-14925. Яломан-II. Курган №31. Фрагмент костяной накладки на лук. 1700±35 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal AD 344, 370, 379 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 1606, 1580, 1571

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal AD 260–280 (1690–1670)

292–297 (1658–1653)

322–406 (1628–1544)

two Sigma cal AD 244–424 (1706–1526)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal AD 260 (344, 370, 379) 406

cal BP 1690 (1606, 1580, 1571) 1544

2 sigma cal AD 244 (344, 370, 379) 424

cal BP 1706 (1606, 1580, 1571) 1526

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal AD (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal AD 261–278 (1689–1672)	0.188
	295–295 (1655–1655)	0.009
	324–333 (1626–1617)	0.082
	335–399 (1615–1551)	0.722
95.4 (2 sigma)	cal AD 255–309 (1695–1641)	0.282
	315–421 (1635–1529)	0.718

20. GU-14920. Яломан-II. Курган №32. Фрагмент роговой пряжки. 1715±35 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal AD 264, 272, 340 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 1686, 1678, 1610

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal AD 258–284 (1692–1666)

286–301 (1664–1649)

319–390 (1631–1560)

two Sigma cal AD 241–418 (1709–1532)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal AD 258 (264, 272, 340) 390

cal BP 1692 (1686, 1678, 1610) 1560

2 sigma cal AD 241 (264, 272, 340) 418
 cal BP 1709 (1686, 1678, 1610) 1532
 cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
 from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal AD (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal AD 259–282 (1691–1668)	0.255
	290–298 (1660–1652)	0.087
	321–384 (1629–1566)	0.658
95.4 (2 sigma)	cal AD 245–408 (1705–1542)	1.000

Опубликована серия калиброванных радиоуглеродных дат, полученная по костям из погребений памятника Верх-Уймон (Соенов, Трифанова, Вдовина, Черепанов, 2005). Калибровка и аналитика полученных результатов была осуществлена к.г.-м.н. Л.А. Орловой (Лаборатория геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии СО РАН).

21. COAH-5386 – 257 – (419) – 559 гг. н.э.

22. COAH-5387 – 344 – (429) – 559 гг. н.э.

23. COAH-5388 – 441 – (599) – 652 гг. н.э.

24. COAH-5389 – 415 – (538) – 639 гг. н.э.

25. COAH-5390 – 362 – (434, 525) – 600 гг. н.э.

26. Le-7647. Яломан-II. Курган №30. 1620±60 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal AD 425 (Stuiver et al., 1998a)
 cal BP 1525

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal AD 387–534 (1563–1416)

two Sigma cal AD 259–282 (1691–1668)

289–299 (1661–1651)

321–564 (1629–1386)

569–580 (1381–1370)

588–597 (1362–1353)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal AD 387 (425) 534

cal BP 1563 (1525) 1416

2 sigma cal AD 259 (425) 597

cal BP 1691 (1525) 1353

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal AD (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal AD 388–533 (1562–1417)	1.000
95.4 (2 sigma)	cal AD 259–282 (1691–1668)	0.037

290–298 (1660–1652)	0.010
321–564 (1629–1386)	0.938
571–578 (1379–1372)	0.007
588–597 (1362–1353)	0.008

2.4. Тюркское время

Имеются результаты анализа образцов, взятых В.Д. Кубаревым (1978) при исследовании тюркских оградок на комплексе Дьер-Тебе около с. Кокоря в Кош-Агачском районе. В публикации Л.А. Орловой (1995) кратко изложены обстоятельства их обнаружения. Эти данные приведены в единую систему:

1. СОАН-1136. Дьер-Тебе. Оградка №4, уголь. 1025±25 лет.

Reference Calibrated age(s) cal AD 1017 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 933

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):
one Sigma cal AD 996–1022 (954–928)
two Sigma cal AD 981–1029 (969–921)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:
1 sigma cal AD 996 (1017) 1022

cal BP 954 (933) 928

2 sigma cal AD 981 (1017) 1029

cal BP 969 (933) 921

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal AD (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal AD 997–1021 (953–929)	1.000
95.4 (2 sigma)	cal AD 978–1035 (972–915)	0.998
	1145–1145 (805–805)	0.002

2. СОАН-1137. Дьер-Тебе. Оградка №4, дерево. 1690±50 лет.

Reference Calibrated age(s) cal AD 362, 366, 383 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 1588, 1584, 1567

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):
one Sigma cal AD 259–281 (1691–1669)
290–298 (1660–1652)
321–418 (1629–1532)
two Sigma cal AD 240–435 (1710–1515)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal AD 259 (362, 366, 383) 418		
	cal BP 1691 (1588, 1584, 1567) 1532	
2 sigma cal AD 240 (362, 366, 383) 435		
	cal BP 1710 (1588, 1584, 1567) 1515	
cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)		
from probability distribution (Method B):		
% area enclosed	cal AD (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal AD 261–279 (1689–1671)	0.161
	294–296 (1656–1654)	0.014
	323–415 (1627–1535)	0.824
95.4 (2 sigma)	cal AD 237–441 (1713–1509)	0.971
	449–466 (1501–1484)	0.012
	484–489 (1466–1461)	0.003
	501–509 (1449–1441)	0.006
	518–529 (1432–1421)	0.008

3. COAH-1671. Юстыд-ХII, курган №28. Древесина. 1345±25 лет.

Reference Calibrated age(s) cal AD 664 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 1286

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal AD 659–686 (1291–1264)

two Sigma cal AD 650–692 (1300–1258)

702–710 (1248–1240)

753–758 (1197–1192)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal AD 659 (664) 686

cal BP 1291 (1286) 1264

2 sigma cal AD 650 (664) 758

cal BP 1300 (1286) 1192

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal AD (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal AD 659–686 (1291–1264)	1.000
95.4 (2 sigma)	cal AD 645–694 (1305–1256)	0.869
	698–715 (1252–1235)	0.079
	750–763 (1200–1187)	0.052

Для увеличения необходимых сведений автором подготовлен и отправлен в лабораторию ИИМК образец костей из памятника Усть-Бийке-III (Le-7435). Получен следующий результат:

4. Le-7435. Усть-Бийке-III. Курган №5. Кости лошади. 1600±70 лет.
Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal AD 430 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 1520

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal AD 396–540 (1554–1410)

two Sigma cal AD 259–282 (1691–1668)

290–298 (1660–1652)

321–619 (1629–1331)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal AD 396 (430) 540

cal BP 1554 (1520) 1410

2 sigma cal AD 259 (430) 619

cal BP 1691 (1520) 1331

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal AD (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal AD 388–542 (1562–1408)	1.000
95.4 (2 sigma)	cal AD 260–280 (1690–1670)	0.027
	292–297 (1658–1653)	0.005
	322–604 (1628–1346)	0.963
	610–616 (1340–1334)	0.005

Кроме этого, в недавно опубликованной монографии Г.В. Кубарева (2005, с. 139) представлены еще четыре показателя, калибровка которых также выполнена автором монографии по единой использованной программе:

5. СОАН-5914. Юстыд-ХII, курган №29. Древесина. 1300±30 лет.

Reference Calibrated age(s) cal AD 689 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 1261

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal AD 670–721 (1280–1229)

745–769 (1205–1181)

two Sigma cal AD 660–777 (1290–1173)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal AD 670 (689) 769

cal BP 1280 (1261) 1181

2 sigma cal AD 660 (689) 777

cal BP 1290 (1261) 1173

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal AD (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal AD 676–695 (1274–1255)	0.281
	695–719 (1255–1231)	0.377
	746–767 (1204–1183)	0.342
95.4 (2 sigma)	cal AD 663–733 (1287–1217)	0.639
	736–774 (1214–1176)	0.361

6. СОАН-5916. Юстыд, скальное погребение. Древесина. 1365±45 лет.

Reference Calibrated age(s) cal AD 661 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 1289

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal AD 645–685 (1305–1265)

two Sigma cal AD 604–719 (1346–1231)
746–767 (1204–1183)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal AD 645 (661) 685

cal BP 1305 (1289) 1265

2 sigma cal AD 604 (661) 767

cal BP 1346 (1289) 1183

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal AD (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal AD 623–628 (1327–1322)	0.039
	638–691 (1312–1259)	0.901
	703–708 (1247–1242)	0.030
	754–757 (1196–1193)	0.030
95.4 (2 sigma)	cal AD 601–724 (1349–1226)	0.899
	740–772 (1210–1178)	0.101

7. СОАН-5920. Калбак-Таш, курган №2. Древесина. 1120±25 лет.

Reference Calibrated age(s) cal AD 899, 920, 958 (Stuiver et al., 1998a)
cal BP 1051, 1030, 992

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal AD 892–978 (1058–972)

two Sigma cal AD 886–987 (1064–963)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal AD 892 (899, 920, 958) 978
 cal BP 1058 (1051, 1030, 992) 972
 2 sigma cal AD 886 (899, 920, 958) 987
 cal BP 1064 (1051, 1030, 992) 963

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
 from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal AD (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal AD 895–904 (1055–1046) 912–925 (1038–1025) 937–976 (1013–974)	0.164 0.195 0.641
95.4 (2 sigma)	cal AD 886–988 (1064–962)	1.000

8. СОАН-5921. Уландрык-I, курган №10. Кость. 1460±35 лет.

Reference Calibrated age(s) cal AD 605, 610, 616 (Stuiver et al., 1998a)
 cal BP 1345, 1340, 1334

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal AD 563–591 (1387–1359)
 596–642 (1354–1308)
 two Sigma cal AD 539–657 (1411–1293)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal AD 563 (605, 610, 616) 642
 cal BP 1387 (1345, 1340, 1334) 1308

2 sigma cal AD 539 (605, 610, 616) 657
 cal BP 1411 (1345, 1340, 1334) 1293

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)
 from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal AD (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal AD 564–572 (1386–1378) 577–589 (1373–1361) 597–642 (1353–1308)	0.110 0.148 0.742
95.4 (2 sigma)	cal AD 542–653 (1408–1297)	1.000

2.5. Кыргызское время

1. СОАН-5858. Чинета-II, курган №12. Образец в виде обугленной древесины. 1300±45 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal AD 689 (Stuiver et al., 1998a)
 cal BP 1261

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal AD 664–730 (1286–1220)
 737–774 (1213–1176)
 two Sigma cal AD 655–781 (1295–1169)
 792–807 (1158–1143)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal AD 664 (689) 774
 cal BP 1286 (1261) 1176

2 sigma cal AD 655 (689) 807
 cal BP 1295 (1261) 1143

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal AD (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal AD 668–723 (1282–1227) 741–771 (1209–1179)	0.647 0.353
95.4 (2 sigma)	cal AD 651–782 (1299–1168) 790–824 (1160–1126) 842–859 (1108–1091)	0.936 0.045 0.019

2. Le-7424. Чинета-II, курган №10. Уголь. 1100±70 лет. Калибровочные данные следующие:

Reference Calibrated age(s) cal AD 904, 910, 976 (Stuiver et al., 1998a)
 cal BP 1046, 1040, 974

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal AD 887–1004 (1063–946)
 1007–1017 (943–933)

two Sigma cal AD 776–1035 (1174–915)
 1145–1145 (805–805)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal AD 887 (904, 910, 976) 1017
 cal BP 1063 (1046, 1040, 974) 933

2 sigma cal AD 776 (904, 910, 976) 1145
 cal BP 1174 (1046, 1040, 974) 805

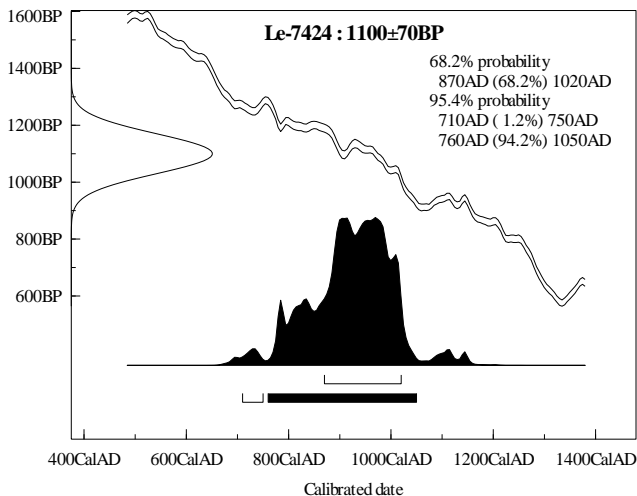
cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal AD (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal AD 785–786 (1165–1164) 882–1019 (1068–931)	0.004 0.996

95.4 (2 sigma) cal AD 724–739 (1226–1211)	0.009
772–1039 (1178–911)	0.979
1103–1115 (847–835)	0.006
1142–1150 (808–800)	0.006

Интервалы калиброванного календарного возраста:

III. Памятники Алтая эпохи поздней древности, раннего и развитого средневековья*

Аржано-майэмирское время (бийкенская археологическая культура). Сведения о перечисленных ниже памятниках приведены в ряде изданий (Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, Дашковский, 2004). Они дополнены новыми данными. Большинство материалов введено в научный оборот либо готовится к изданию: Айрыдаш-I (Суразаков, 1990); Айрыдаш-IV (Кочеев, 2000); Алагаил и Боротал (Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985); Ак-Алаха-II (Полосьмак, 1993); Бийке (Тишкин, 1996; Тишкин, Горбунов, 2005); Бойтыгем-II (Абдулганеев, 1994); Большой Яломан-I (Могильников, Суразаков, 1994); Верх-Еланда-I (Кирюшин, Неверов, Степанова, 1990); Верхний Тельтехмень-IV (Степанова, 1997); Кара-Коба-II (Посредников, 1980; Степанова, 1996); Каракол (Кубарев, 1998); Карасу-I (Могильников, 1986); Карасу-II (Могильников, 1986); Карбан-I (Демин, Гельмель, 1992); Кер-Кечу (Могильников, 1986); Кок-су-I (Сорокин, 1974); Коо-I (Васютин, Садовой, 1999); Кор-Кобы-I (Суразаков, 1990; Ларин,

* Указанные в данном разделе сноски полностью не отражены в библиографическом списке монографии, они носят самостоятельный характер.

Суразаков, 1992); Кош-Тал-I (Суразаков, 1994); Курай-III (Евтюхова, Киселев, 1941; Марсадалов, 1981); Курту-II (Сорокин, 1966); Кызык-Телань-I (Суразаков, 1983; Могильников, Суразаков, 1994, 2003; Ларин, Суразаков, 1994; Суразаков, Тишкин, 2003, 2007); Кызык-Телань-II (Суразаков, 2001); Кызыл-Джар-IX (Могильников, 1986); Нижний Тоботой-I (Посредников, 1980); Нижний Тюмечин-II (Посредников, 1980; Степанова, 1996); Партизанская Катушка (Шульга П.И., Шульга Н.Ф., 1999); Первый Межелик (Марсадалов, 1981); Песчаная-I (Елин, Могильников, 1993); Покровский Лог-IV (Шульга П.И., Шульга Н.Ф., 1999); Сальдьяр-I (Ларин, 1994); Сальдьяр-II (Могильников, Суразаков, 1994); Семисарт-I (Марсадалов, 2001); Тогусхан-I (Кирюшин, Тишкин, 1997); Тогусхан-IV (Кирюшин, Тишкин, 1997); Тыткескенъ-I (Кирюшин, Тишкин, 1997); Тыткескенъ-VI (Кирюшин, Тишкин, 1997; Кирюшин, Кунгуров, Тишкин, Матренин, 2006); Усть-Бийке-III (Тишкин, Горбунов, 2005); Усть-Бийке-Ша (Тишкин, Горбунов, 2005); Усть-Бийке-IV (Тишкин, Горбунов, 2005); Усть-Куюм (Сосновский, 1941; Берс, 1974; Марсадалов, 1981; Степанова, 1996); Чоба-VII (Ларин, Суразаков, 1994); Элекмонар-II (Степанова, 1996); Яломан-II (обследования А.А. Тишкина); Яломанские ворота (Черемисин, 1993) и др.

Пазырыкское время (пазырыкская археологическая культура): Агафонов Лог-1 (Деревянко, Агаджанян и др., 1998); Айрыдаш-I (Суразаков, 1990); Айрыдаш-II (Ларин, 1990); Айрыдаш-III Кочеев, 1990); Айрыдаш-IV (Кочеев, 1990); Ак-Алаха-1 (Полосьмак, 1997); Ак-Алаха-3 (Полосьмак, Молодин, 2000; Полосьмак, 2001); Ак-Алаха-5 (Полосьмак, Молодин, 2000; Полосьмак, 2001); Ак-Кара-Бом; Ак-Кем (Погожева, 1978); Ак-Кообы-II; Акташ (Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985); Алагаил (Могильников, Суразаков, 1980); Ала-Гаил-III (Кубарев, 1980, 1990); Алферовский (Суразаков, 1982); Арагол (Марсадалов, 1997); Аргут-I (Сорокин, 1966, 1969); Барангол (Бородовский, 2000); Барбургазы-I (Кубарев, 1992); Барбургазы-II (Кубарев, 1992); Башадар (Руденко, 1960; Марсадалов, 1997); Белый Бом-II (Владимиров, Шульга, 1984); Берел (Самашев, Жумабекова, Сунгатай, 1999; Самашев, Фаизов, Базарбаева, 2001 и др.); Бертек-I (Молодин, Соловьев, 1994); Бертек-10 (Молодин, Мыльников, 1994); Бертек-12 (Молодин, Мыльников, 1994); Бертек-27 (Молодин, Соловьев, 1994); Бийке (Тишкин, Тишкина, 1996; Тишкин, Горбунов, 2005); Бике-I (Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990); Бике-III (Кубарев, Черемисин, Слюсаренко, 1992); Большой Берельский курган (Радлов, 1989; Сорокин, 1962, 1969); Большой Катандинский курган (Радлов, 1989; Захаров, 1926; Гаврилова, 1957); Большой Яломан-II (Могильников, Суразаков, 1994); Боочи (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003); Боочи-I (Мамадаков, 1987); Боротал, Алагаил, Тербедок (Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985); Боротал-II (Могильников, Суразаков, 1980); Боротал-III (Могильников, Суразаков, 1980); Бураты-I (Кубарев, Кочеев, 1983); Бураты-IV (Кубарев, Кочеев, 1983); Верх. Еланда-II (Степанова, Неверов, 1994); Верх-Тельтехмень-I (Степанова, 1997); Верх-Кальджин-I (Полосьмак, Молодин,

2000; Молодин и др., 2004); Верх-Кальджин-II (Полосьмак, Молодин, 2000; Молодин и др., 2004); Гурдуба (Миронов, 1999); Джолин-I (Кубарев, 1991); Джолин-II (Кубарев, 1991); Дялян (Тетерин, 1992); Елангашский могильник (Кубарев, Гребенщиков, 1979); Ело-II (Шульга, 1998); Ирбисту-II (Суразаков, 1982); Каинзарах; Кайнду (Неверов, Степанова, 1990); Кальджин-I (Полосьмак, Молодин, 2000; Молодин и др., 2004); Кальджин-VI (Полосьмак, Молодин, 2000; Молодин и др., 2004); Кальджин-VIII (Полосьмак, Молодин, 2000; Молодин и др., 2004); Кара-Коба-II (Могильников, 1983); Каракол-I (Суразаков, 1982); Каракольский курган (Киселев, 1951); Карасу-I (Могильников, Елин, 1995); Карасу-II (Могильников, 1994); Каратас-11 (Полосьмак, Молодин, 2000; Молодин и др., 2004); Кара-Тенеш (Погожева, 1981); Карбан (Уманский, 1992); Кастахта (Степанова, 1987; Мамадаков, Неверов, 2001); Катанда-3 (Мамадаков, 1995); Катанда-II (Руденко, 1960); Кер-Кечу (Могильников, 1988); Кок-Су-1 (Сорокин, 1974); Кок-Эдиган (Худяков, Миронов, 1997; Антонова, Худяков, 1999); Коркечу (Кубарев, 1985); Кош-Тал-I (Суразаков, 1993); Курай-II (Киселев, 1951); Курай-V (Киселев, 1951); Курота-I (Киселев, 1951); Курота-III (Киселев, 1951); Курту-V (Сорокин, 1966); Кутургунтас (Молодин, 2000; Полосьмак, 2001); Кызык-Телань-I (Суразаков, 1983, 1989); Кызыл (Кочеев, Суразаков, 2003); Кызыл-Джар-I (Могильников, 1983); Кызыл-Джар-II (Могильников, 1983); Кызыл-Джар-III (Могильников, 1983); Кызыл-Джар-IV (Могильников, 1983); Кызыл-Джар-V (Могильников, 1983); Кызыл-Джар-VIII (Могильников, 1983); Кызыл-Таш (Соенов, Эбель, 1998); Кырлык-1 (Бородаев, Мамадаков, 1985); Кырлык-2 (Мамадаков, 1995); Малталу-IV (Кубарев, 1992); Междуречье рек Тете и Актру (Кубарев, 1985); Мойнак-II (Полосьмак, Молодин, 2000); Мухор-Тархата-I (Ларин, Могильников, Суразаков, 1994); Нижняя Соору (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003); Ороктой (Худяков, Скобелев, Мороз, 1990); Ороктой-Эке (Худяков, Скобелев, Мороз, 1990); Пазырык (Руденко, 1948, 1952, 1953 и др.; Грязнов, 1937, 1950 и др.); Салдам (Худяков, 1995); Сары-Кобы (Суразаков, 1982); Себестей (Каммарт, Хюле, Буржуа, Миккелсен, 1998); Семисарт-II (Владимиров, Шульга, 1984); Солдин (Худяков, 1995; Миронов, 1999); Солдин-Эке (Миронов, 1999); Таалай (Погожева, 1978); Талда (Марсадалов, 1997); Талдура-I (Могильников, Елин, 1982); Талдура-II (Могильников, Елин, 1983); Ташанта-I (Кубарев, 1987); Ташанта-II (Кубарев, 1987); Ташанта-III (Кубарев, 1987); Тургунда (Кубарев, 1992); Туэкта (Евтюхова, Киселев, 1941; Киселев, 1951; Руденко, 1960); Тыткескень-I (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003); Тыткескень-VI (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003); Тянгыс-Тыт (Худяков, Миронов, 1998); Узунтал-I (Савинов, 1993); Узунтал-III (Савинов, 1993); Узунтал-V (Савинов, 1993); Узунтал-VI (Савинов, 1993); Уландрык-I (Кубарев, 1987); Уландрык-II (Кубарев, 1987); Уландрык-III (Кубарев, 1987); Уландрык-IV (Кубарев, 1987); Уландрык-V (Кубарев, 1987); Улита (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003); Урмулык (Суразаков, 1997); Усть-Бийке-III (Тишкин, Горбу-

нов, 2005); Усть-Кожолу-II (Кочев, 1991); Усть-Чоба-I (Соловьев, 1999); Усть-Эдиган (Худяков, 1993, 1998); Ханкаринский дол (Дашковский, Тишкин, Тур, 2005); Чеба-V (Киреев, Алехин, Фуршатов, 1990); Черный Ануй-3 (Бородавский, 1995); Чичке-I (Мамадаков, Марсадалов, Кирюшин, Шамшин, 1999); Чичке-II (Мамадаков, Марсадалов, Кирюшин, Шамшин, 1999); Чоба-VI (Ларин, Кочев, 1999); Чолтух (Худяков, Миронов, 1998); Шибе (Грязнов, 1928; Баркова, 1978, 1979, 1980; Мамадаков, Цыб, 1993); Эликмонар (Кочеев, 1999); Юстыд-XII (Кубарев, 1991); Юстыд-XIII (Кубарев, 1991); Юстыд-I (Кубарев, 1991); Юстыд-III (Кубарев, 1991); Юстыд-XXII (Кубарев, 1991); Ябоган-II (Кочеев, Суразаков, 1994); Яконур (Грязнов, 1940); Яломан-III (Тишкин, Дашковский, 2003); Яломанская Бельда (Владимиров, Ким, Мамадаков, 1990) и др.

Хуннско-сяньбийско-жужанское время (булан-кобинская археологическая культура): Айрыдаш-I (Суразаков, 1990, 2002); Ак-Кол-I (Молодин, 1997; Молодин, Полосьмак, Новиков и др., 2004); Балыктыюль (Сорокин, 1977; Илюшин, Сулейменов, 1997); Белый Бом-II (Глоба, 1983); Берель (Радлов, 1989; Гаврилова, 1965; Сорокин, 1969); Бийке (Тишкин, Тишкина, 1996); Бике-I (Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990); Боочи (Мамадаков, 1990); Бош-Ту (Мамадаков, 1990; Могильников, Суразаков, 1995); Булан-Кобы-IV (Мамадаков, 1985, 1987, 1990, 1995); Верх-Еланда-II (Неверов, Степанова, 1990); Верх-Уймон (Соенов, Трифанова, Вдовина, Черепанов, 2005); Дялян (Тетерин, 1991); Кальджин-6 (Молодин, 1997; Молодин, Полосьмак, Новиков и др., 2004); Кальджин-8 (Молодин, 1997; Молодин, Полосьмак, Новиков и др., 2004); Кам-Тытугом (скальное) (Худяков, Эбель, Кочеев, 1998); Карбан-I (Контев, 1991); Катанда-3 (Гаврилова, 1965); Катанда-I (Гаврилова, 1965); Кок-Паш (Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003); Кокса (Гаврилова, 1965); Курайка (Соенов, Эбель, 1998); Кызыл (Кочеев, Суразаков, 2003); Пазырык (Гаврилова, 1965); Сальдыр-II (Могильников, Суразаков, 1997); Сары-Бел (Соенов, 1999, 2000); Семисарт-I (Марсадалов, 2001); Тыткескень-VI (Кирюшин, Тишкин, Мамадаков, 1992); Улита (Мамадаков, 1990); Улуг-Чолтух (Худяков, 1992, 1997, 1998, 2002, 2003); Урочище Балчикова-3 (Шульга, Горбунов, 2002); Усть-Бийке-III (Тишкин, Горбунов, 1999, 2005); Усть-Эдиган (Худяков, Скобелев, Мороз, 1990); Чендек (Соенов, Эбель, 1992, 1996; Киреев, Кудрявцев, Вайнбергер, 1992); Ябоган-III (Могильников, Суразаков, 2003); Яломан-II (Тишкин, Горбунов, 2002, 2003) и др.

Тюркское время (тюркская археологическая культура): Ак-Алаха-I (Молодин и др., 2004); Ак-Кообы (Кубарев В.Д., 1984); Бажынты (Суразаков, 1979, 1982); Балтарган (Худяков, Кочеев, Моносов, 1996); Балык-Соок-I (Кубарев В.Д., 1987; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003); Барбургазы-I (Кубарев В.Д., 1992); Барбургазы-II (Кубарев Г.В., 1997); Берель (Гаврилова, 1965); Бертек-27 (Савинов, 1994); Бертек-34 (Савинов, 1994); Бертек-54 (Молодин и др., 2004); Бертек-55 (Молодин и др., 2004); Бертек-63 (Молодин и др., 2004); Беш-Озек (Кочеев, Худяков, 1993); Бике-I (Куба-

рев В.Д., Киреев, Черемисин, 1990); Бике-III (Кубарев Г.В., 1994); Бирюзовая Катунь-I (Кирюшин К.Ю., Кондрашов, Семибратов, Силантьева, Терехина, 2005); Богдо-Ула-19 (Молодин и др., 2004); Большой Яломан-II (Могильников, Суразаков, 1994); Боочи-I (Мамадаков, 1997); Боротал-I (Кубарев В.Д., 1985); Верх-Еланда-I (Кирюшин, Неверов, Степанова, 1990); Верх-Еланда-II (Неверов, Степанова, 1990); Верх-Кальджин-11 (Молодин и др., 2004); Верх-Кальджин-12 (Молодин и др., 2004); Верхний мост-2 (Молодин и др., 2004); Гора 2338-7 (Молодин и др., 2004); Горно-Алтайск (Киреев, 1993); Два древнетюркских кургана (Кубарев В.Д., 1988); Джолин-I (Кубарев В.Д., 1985, 1986); Дялян (Митько, Тетерин, 1992); Жана-Аул (Худяков, Кочеев, 1997); Загал (Худяков, Лхагвасурэн, 2002); Кадрин (Кубарев Г.В., 1998); Калбак-Таш (Кубарев Г.В., 1992, 2005); Кальджин-VIII (Молодин, Новиков, Соловьев, 2003; Молодин и др., 2004); Каменный Лог (Соенов, Трифанова, Вдовина, Яжанкина, 2002); Карагем (Кубарев В.Д., 1980); Кара-Коба-I (Могильников, 1981, 1990, 1994, 1997); Кара-Коба-II (Могильников, 1983); Каратас-9 (Молодин и др., 2004); Катанда-I (Захаров, 1926; Гаврилова, 1965); Катанда-II (Захаров, 1926; Гаврилова, 1965); Катанда-III (Мамадаков, Горбунов, 1997); Кок-Паш (Васютин, 1985); Кокса (Гаврилова, 1965); Коо-I (Васютин, 1985; Васютин, Илюшин, Елин, 1986); Кудыргэ (Руденко, Глухов, 1927; Гаврилова, 1965); Курай-I (Евтюхова, Киселев, 1941; Киселев, 1951); Курай-II (Евтюхова, Киселев, 1941; Киселев, 1951); Курай-III (Евтюхова, Киселев, 1941; Киселев, 1951); Курай-IV (Евтюхова, Киселев, 1941; Киселев, 1951); Курай-V (Евтюхова, Киселев, 1941; Киселев, 1951); Курай-VII (Евтюхова, Киселев, 1941; Киселев, 1951); Курота-I (Киселев, 1951; Могильников, Куйбышев, Елин, 1992); Курота-II (Суразаков, 1990); Кырлык-II (Бородаев, Мамадаков, 1985); Пазырык (Гаврилова, 1965); Песчаная-II (Елин, Могильников, 1993); Скальное захоронение (Кубарев В.Д., 1988); Талдуаир-I (Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 1995; Кубарев Г.В., 1995); Талдура-I (Могильников, Елин, 1983); Ташанта-II (Кубарев В.Д., 1985); Тая (Кубарев В.Д., 1980); Туекта (Евтюхова, Киселев, 1941; Киселев, 1951; Гаврилова, 1965); Тыткескень-VI (Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998); Тюргун (Кубарев В.Д., 1980); Тянгыс-Тыт (Худяков, Борисенко, 1998); Узунтал-I (Савинов, 1973, 1982, 1987); Узунтал-V (Савинов, 1973, 1982); Узунтал-VI (Савинов, 1973, 1982); Узунтал-VIII (Савинов, 1973, 1982); Укок-53 (Молодин и др., 2004); Укок-56 (Молодин и др., 2004); Укок-58 (Молодин и др., 2004); Урочище Балчикова-III (Шульга, Горбунов, 2002); Усть-Бийке-III (Тишкин, Горбунов, 1999, 2005); Усть-Карасу (Васютин, 1985); Усть-Ороктой (Тетерин, 1991); Усть-Чоба-I (Соловьев, 1999); Усть-Эдиган (Худяков, 1992); Чаганбургазы (Кубарев В.Д., 1980); Чоба-VII (Ларин, Суразаков, 1994); Чобурак-I (Бородовский, 1994); Чулышман-I-VI (Илюшин, 1985); Шибэ (Гаврилова, 1965; Мамадаков, Цыб, 1993); Юстыд-VIII (Кубарев В.Д., 1988); Юстыд-XII (Кубарев В.Д., 1978; Кубарев Г.В., 1994, 2005); Юстыд-XIV (Кубарев В.Д.,

1980; Кубарев Г.В., 1995, 2005); Ябоган-I (Кочеев, Суразаков, 1994); Яконур (Грязнов, 1940; Тишкин, Горбунов, 2003) и др.

Кыргызское время (кыргызская археологическая культура): Ак-Таш (Кулемзин, 1970; Кызласов, 1983; Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985); Бийке (Тишкин, Тишкина, 1996; Тишкин, Горбунов, 2005); Бажынты (Суразаков, 1982); Верхнее Прииртышье (Арсланова, 1972); Гилево-I-V (Могильников, 2001, 2002); Гилево-IX (Могильников, 2001, 2002); Гилево-XV (Могильников, 2001, 2002); Кара-Коба-I (Могильников, 1990); Кок-Эдиган (Худяков, 1996, 2000); Корболиха-II (Могильников, 2001, 2002); Корболиха-VIII (Могильников, 2001, 2002); Коргон-I (Дашковский, 2001); Михайловка (Тишкин, 1991); Новифирсово-VII (Алехин, 1990); Сростки-I (Неверов, 1991; Сергеев, 1998; Савинов, 1998); Узунтал-XIII (Савинов, 1980); Чинета-II (Тишкин, Дашковский, 2002; Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2005; Горбунов, Дашковский, Тишкин, 2005 и др.); Яконур (Грязнова, 1940; Худяков, 1990) и др.

Монгольское время (археологическая культура монгольского времени): Ак-Алаха (Полосьмак, 1994); Бертек-20 (Молодин, Соловьев, 1994). Бичикту-Бом (Берс, Худяков, 1994); Верх-Еланда-I (Кирюшин, Неверов, Степанова, 1990); Кудыргэ (Гаврилова, 1965); Талдуаир-I (Кубарев, 1995); Тожон (Кочеев, 1983); Усть-Бийке-III (Тишкин, Горбунов, 2005); Элекмонар-II (Неверов, Степанова, 1990); Яконур (Грязнов, 1940; Гаврилова, 1965; Могильников, 1981; Худяков, 1997) и др.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 37–43.

Абдулганеев М.Т. Поселение Майма-1 и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 165–171.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадииков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. – С. 52–77.

Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. О соотношении афанасьевской и майэмирской культур // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 33–36.

Абдулганеев М.Т., Тишкин А.А. Погребальные комплексы скифского времени левобережья низовьев Катунь // Древности Алтая: Известия лабораторий археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. – С. 99–111.

Аванесова Н.А., Кызласов Л.Р. Памяти М.П. Грязнова // СА. – 1985. – №4. – С. 277–283.

Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. – М.: Наука, 1980. – 335 с.

Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата: Пер. с древнеперс. – М.: Дружба народов, 1992. – 207 с.

Авеста в русских переводах (1861–1996): Пер. с древнеперс. – СПб.: Журнал «Нева», Летний Сад, 1998. – 480 с.

Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 году) // Известия Императорской Археологической комиссии. – Петроград, 1916. – Вып. 62. – 94 с.

Адрианов А.В. Очерки Минусинского края // Сибирский торгово-промышленный календарь. – Томск: Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1904. – С. 1–62.

Акишев К.А. Курганы Иссык: Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978. – 131 с.

Акишев К.А., Акишев А.К. Проблемы хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1979. – С. 38–63.

Алексеев А.Ю. Периодизация истории Европейской Скифии: традиция и современное состояние // История и культура древних и средневековых обществ. Вып. 4: Проблемы археологии. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. – С. 118–126.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – 416 с.

Алексеев В.П. К палеоантропологии Горного Алтая в эпоху раннего железа // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 175–178.

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтая эпохи железа // Советская антропология. – 1958. – №1. – С. 45–49.

Алехин Ю.П. История исследований памятников раннего железного века лесостепного Алтая в предреволюционный период // *Историография и источники опыта освоения Сибири*. Вып. 1: Досоветский период. – Новосибирск, 1988. – С. 46–48.

Алехин Ю.П. Енисейские кыргызы на Юго-Западном Алтае // *Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии*. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – С. 62–75.

Алехин Ю.П. Из истории исследования памятников раннего железного века лесостепного Алтая // *Археология Сибири: историография*. – Омск: Омск. ун-т, 1995. – Ч. II. – С. 53–68.

Алехин Ю.П. Рудный Алтай в древности и средневековье // *Серебряный венец России: Очерки истории Змеиногорска*. – Барнаул: Б.и., 1999. – С. 17–65.

Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротчаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынша. – М.: Логос, 2000. – 368 с.: ил.

Амброс А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // *Степи Евразии в эпоху средневековья*. М.: Наука, 1981. С. 10–23.

Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. – Бишкек: Илим, 2001. – 582 с.

Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // *Поиск и раскопки в Казахстане*. – Алма-Ата, 1972. – С. 53–73.

Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII–VII вв. до н.э. из Восточного Казахстана // *В глубь веков*. – Алма-Ата, 1974. – С. 46–60.

Артамонов М.И. Возникновение кочевого скотоводства // *Проблемы археологии и этнографии*. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – Вып. 1. – С. 4–13.

Артюх Е.А. Алтайский период в научной деятельности В.В. Радлова: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Барнаул, 2006. – 24 с.

Атхарваведа. Избранное: Пер. с санскр. – М.: Наука, 1976. – 405 с.

Бабушкин А.П., Колмаков В.Б., Писаревский Н.П. У истоков марксистских концепций советской археологии (Формирование стадийного подхода к исследованию древних обществ в сер. 20-х – I пол. 30-х гг.) // *Методология и историография археологии Сибири*. – Кемерово: КемГУ, 1994. – С. 26–47.

Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.

Баркова Л.Л. Курган Шибе и вопросы его датировки // *АСГЭ*. – Л., 1978. – Вып. 19. – С. 37–44.

Баркова Л.Л. Погребение коней в кургане Шибе // *АСГЭ*. – Л., 1979. – Вып. 20. – С. 55–65.

Баркова Л.Л. Курган Шибе. Предметы материальной культуры из погребальной камеры // *АСГЭ*. – Л., 1980. – Вып. 21. – С. 48–58.

Баркова Л.Л. Изображение свернувшегося хищника на золотых пластинах из Майэмира // АСГЭ. – Л., 1983. – Вып. 24. – С. 20–31.

Баркова Л.Л. Предметы звериного стиля из коллекции П.К. Фролова // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. – С. 14–19.

Бартольд В.В. Кимаки. Статьи из энциклопедии ислама // Сочинения. – М.: Наука, 1968. – Т. V.

Баскаков Н.А. Три рунические надписи из с. Мендур-Соккон Горно-Алтайской автономной области // Советская этнография. – 1966. – №6. – С. 79–84.

Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – №4. – С. 73–84.

Беленицкий А.М., Пшеницына М.Н. Основные этапы жизни и деятельности М.П. Грязнова // Северная Азия от древности до средневековья. – СПб.: Б.и., 1992. – С. 5–9.

Белокобыльский Ю.Т. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований XVIII – первая треть XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 168 с.

Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 208 с.+ 2 вкл. (Труды Института востоковедения. Т. XLV).

Бернштам А.Н. К пересмотру формально-типологических схем // КСИИМК. – 1949. – Вып. XXIX.

Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. – 256 с.

Берс Е.М. Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Куюм // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск, 1974. – С. 18–31.

Берс Е.М., Худяков Ю.С. Погребение у с. Бичикту-Бом // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 63–71.

Библейская энциклопедия. – Российское Библейское Общество, 1996. – 352 с.

Бикерман Э. Хронология Древнего мира: Ближний Восток и античность. – М.: Наука, 1975. – 312 с.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 1. – 380 с.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Алматы: Жалын баспасы, 1998. – Т. 1. – LLXIV + 390 с.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Алматы: Жалын баспасы, 1998. – Т. 2. – 352 с.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Алматы: Жалын баспасы, 1999. – Т. 3. – 352 с.

Бобров В.В. С.А. Теплоухов и некоторые проблемы современной археологии // Методология и историография археологии Сибири. – Кемерово: КемГУ, 1994. – С. 69–79.

Бобров В.В. К проблеме историко-археологического развития в начале I тыс. до н.э. на территории Южной Сибири // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 20–23.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 224 с.

Боковенко Н.А. Динамика развития конской сбруи в скифское время на Алтае (к проблеме цикличности инноваций) // Преемственность и инновации в развитии древних культур. – Л., 1981. – С. 55–57.

Боковенко Н.А. Ранние кочевники по археологическим и этнографическим данным // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. – С. 50–53.

Боковенко Н.А. Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1986а. – С. 46–48.

Боковенко Н.А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986б. – 24 с.

Боковенко Н.А. Научный вклад М.П. Грязнова в скифо-сибирскую проблему // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск, 1987. – Ч. 1. – С. 26–27.

Боковенко Н.А. К проблеме происхождения всаднического погребального обряда Южной Сибири // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск, 1992. – Ч. 2. – С. 99–100.

Боковенко Н.А. К проблеме реконструкции конских уборов скифской эпохи Южной Сибири // Северная Азия от древности до средневековья. – СПб., 1992. – С. 123–125.

Боковенко Н.А. Проблемы генезиса погребального обряда раннекочевнической знати Центральной Азии // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. – СПб.: Б.и., 1994. – С. 41–48.

Боковенко Н.А. Хронология памятников кочевников раннескифского времени Южной Сибири и Центральной Азии // *Kimmerowie, scytowie, sarmaci*. – Krakow, 2004. – С. 53–69.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Памятники культуры древних тюрок в исследованиях В. Радлова // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Омск. ун-т, 2000. – С. 11–13.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Находки предметов искусства звероногого стиля в коллекции Н.К. Витзена // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2001. – Вып. 3. – С. 122–129.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск. – 2004. – №1. – С. 65–72.

Боровкова Л.А. Кушанское царство (по древним китайским источникам). – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2005. – 315 с.

Бородаев В.Б. Находки из Змеиногорска и их окрестностей, опубликованные в Археологическом атласе 1987 г. // Охрана и использование памятников горного дела и камнерезного искусства Алтайского края. – Барнаул: Б.и., 1986. – С. 94–98.

Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык-I и Кырлык-II в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 51–88.

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуни // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 75–82.

Быков Н.И., Быкова В.А., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Дендрохронологический и ксилотомический анализ древесины с Яломанского археологического комплекса // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 286–288.

Быков Н.И., Быкова В.А., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Дендрохронологический и анатомический анализ древесины из могильника Яломан-II (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – Т. X, ч. II. – С. 192–194.

Быков Н.И., Быкова В.А., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Результаты дендрохронологических исследований на юге Западно-Сибирской равнины и Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 243–246.

Вайнштейн С.И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. – Кызыл, 1958. – Вып. 6. – С. 217–237.

Вайнштейн С.И. Тува в эпоху первобытнообщинного строя // История Тувы. – М.: Наука, 1964. – Т. 1. – С. 18–34.

Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в западной Туве // ТКАЭЭ. – М., Л.: Наука, 1966а. – Т. II. – С. 292–347.

Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. – 1966б. – №3. – С. 60–81.

Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // Советская этнография. – 1976. – №4. – С. 42–61.

Вайнштейн С.И. В.В. Радлов и его труд «Из Сибири» // Радлов В.В. Из Сибири (Страницы дневника). – М.: Наука, 1989. – С. 640–682.

Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 296 с.

Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. – М.: Вост. лит., 1998. – 319 с.

Васильев Л.С. Древний Китай. Т. 2: Период Чуньцзо (VIII–V вв. до н.э.). – М.: Вост. лит., 2000. – 623 с.: карта.

Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – 2-е изд. – М.: Вост. лит., 2001. – 488 с.

Васильев С.А. К вопросу о происхождении сюжета «хищник, свернувшийся в кольцо» в скифском зверином стиле: Каталог изображений. – СПб.: Б.и., 2000. – 80 с.

Васильев С.С., Слюсаренко И.Ю., Чугунов К.В. Актуальные вопросы хронологии скифского времени Саяно-Алтая // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. – Кн. II. – С. 24–27.

Васютин А.С. Культовые памятники древних тюрков Горного Алтая (VII–X вв. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1983. – 16 с.

Васютин А.С. Раскопки древнетюркских памятников в Горном Алтае // Археологические открытия 1983 года. – М.: Наука, 1985. – С. 194–195.

Васютин А.С. О хронологической границе позднескифского времени на Горном Алтае // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. – С. 140–141.

Васютин А.С. Могильник Кудыргэ и кудыргинская культура // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – Ч. II. – С. 210–214.

Васютин А.С. Ранее Кудыргэ в древнетюркской эпохе Саяно-Алтая (культурно-исторические аспекты изучения) // Методология и историография археологии Сибири. – Кемерово: КемГУ, 1994. – С. 91–99.

Васютин А.С., Садовой А.Н. К проблеме реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения в раннескифское время (Восточный Алтай – могильник Коо-1) // // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 35–38.

Васютин А.С., Елин В.Н., Илюшин А.М. Новые находки предметов вооружения в древнетюркских оградках Горного Алтая // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 107–114.

Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н. Исследования в Восточном Алтае // Археологические открытия 1984 года. – М.: Наука, 1986. – С. 170.

Васютин С.А. Проблемы изучения социальной организации кочевников скифского времени Горного Алтая по материалам погребений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 31–35.

Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. – Л.: Худож. лит., 1940. – 620 с.

Викторова Л.Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. – М.: Наука, 1980. – 224 с.

Виргинский В.С. Петр Козьмич Фролов (1775–1839). – М.: Наука, 1968. – 190 с.

Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. – 1952. – №16. – С. 165–179.

Владимиров В.Н., Цыб С.В. Исследования в Горном Алтае // Археологические открытия 1979 года. – М.: Наука, 1980. – С. 196–197.

Воевода М.И., Ромащенко А.Г., Ситникова В.В., Шульгина Е.О., Кобзев В.Ф. Сравнение полиморфизма митохондриальной ДНК пазырыкцев и современного населения Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – №4. – С. 88–94.

Военное дело кочевников Центральной Азии в саяно-скифскую эпоху. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2005. – 232 с.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М.: Изд-во ГМВ, 1996. – 152 с.: ил.

Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1965. – 26 с.

Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. – Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэл, 1967. – 148 с.

Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). – Владивосток: Дальнаука, 1994. – 410 с.

Время мира: Альманах. Вып. 2: Структуры мира. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 520 с.

Гаврилова А.А. Раскопки второго Катандинского могильника (Работы Катандинского отряда Горно-Алтайской экспедиции) // СА. – 1957. – №XXVII. – С. 250–268.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.: Л.: Наука, 1965. – 146 с.

Галахов В.П., Назаров А.Н., Харламов Н.Ф. Колебания ледников и изменения климата в позднем голоцене по материалам исследований ледников и ледниковых отложений бассейна Актру (Центральный Алтай, Северо-Чуйский хребет). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 132 с.: ил.

Галахов В.П., Редькин А.Г., Назаров А.Н. Изменение климата и колебания ледников Алтая в среднем и позднем голоцене // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – Вып. 1. – С. 87–91.

Ганжа А.И. О понятии «археологическая культура» в советской археологии 40–60-х годов // Археология и методы исторических реконструкций. – Киев: Наукова Думка, 1985. – С. 74–84.

Гаркуша Ю.Н. Пазырыкская культура (проблема термина в историографическом аспекте) // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 301–303.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. – Уфа: Гилем, 2001. – 212 с.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX–XIV века). – Уфа: Гилем, 1998. – 336 с.

Гей А.Н. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – М.: Вост. лит., 1999. – С. 78–113.

Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии (у истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов). – Киев: Наукова думка, 1982. – 226 с.

Генинг В.Ф. Структура археологического познания. Проблемы социально-исторического исследования. – Киев: Наукова Думка, 1989. – 296 с.

Генинг В.В., Генинг В.Ф. Метод определения древних традиций ориентировок по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций. – Киев: Наукова думка, 1985. – С. 136–152.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. – Ч. 1. – 408 с.

Генинг В.Ф., Левченко В.Н. Археология древностей – период зарождения наук (конец XVII – 70-е годы XIX в.). – Киев: Ин-т археологии АН Украины, 1992. – 64 с.

Гесиод. Труды и дни (Земледельческая поэма) // О происхождении богов. – М.: Сов. Россия, 1990а. – С. 167–190.

Гесиод. О происхождении богов (Теогония) // О происхождении богов. – М.: Сов. Россия, 1990б. – С. 191–218.

Глушков И.Г. Теоретическая мысль в археологии во второй половине 20-х – начала 30-х годов // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. – С. 3–20.

Гольмстен В.В. Из области культуры древней Сибири (предварительное соображение) // ИГАИМК. Из истории докапиталистических формаций. – М.; Л., 1933. – Вып. 100. – С. 100–124.

Горбунов А.П., Самашев З.С., Северский Э.В. Вечная мерзлота – хранительница древностей. – Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2000. – 43 с.

Горбунов В.В. Реконструкция вооружения воинов Горного Алтая эпохи «великого переселения народов» // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. – Абакан: АГПИ, 1993. – С. 42–44.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 174 с.: ил.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 232 с.: ил.

Горбунов В.В. Сяньбийский доспех // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2005. – С. 201–223.

Горбунов В.В., Дашковский П.К., Тишкин А.А. Взаимодействие средневековых кочевников в северо-западной части Горного Алтая (по

материалам памятника Чинета-II) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 145–147.

Горбунов В.В., Демин М.А., Ситников С.М. Погребение воинов эпохи великого переселения народов на Верхнем Алее // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии: Труды гуманитарного факультета НГУ. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2004. – Сер. II. – Вып. 1. – С. 18–36.

Горбунов В.В., Исупов С.Ю. Монгольские шлемы с территории Алтая // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 135–143.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Вооружение населения Лесостепного Алтая в монгольское время (XIII–XIV вв.) // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. – С. 262–266.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Алтай как регион формирования тюркского этноса // Учение Л.Н. Гумилева и современность. – СПб.: НИИХимии СПбГУ, 2002а. – С. 174–180.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы. – Омск; Тобольск: Изд-во ОмГПУ, 2002б. – С. 43–46.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Археологические культуры Горного Алтая эпохи раннего и развитого средневековья // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Кн. II. – С. 227–229.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – №4. – С. 79–85.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Каменные изваяния тюркского времени на Яломанском археологическом комплексе // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Азбука, 2007. – С. 119–124.

Горелик М.В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие до н.э. – IV в. до н.э.). – М.: Наука, 1993. – 349 с.

Горелик М.В. Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Вост. лит., 1995. – С. 359–430.

Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы (по материалам исследований 1953–1960 гг.). – М.: Вост. лит., 1961. – 94 с. + прил. (96 рис. и 3 табл.).

Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник: к шестидесятилетию А.Н. Кононова. – М.: Наука, 1966. – С. 188–193.

Грач А.Д. Могильник Саглы-Бажи-II и вопросы археологии Тувы скифского времени // Советская археология. – 1967. – №3. – С. 215–233.

Грач А.Д. Алтай и Тува в скифское время // История Сибири. – Л.: Наука, 1968. – Т. I. – С. 227–233.

Грач А.Д. Новые данные о древней истории Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1970. – Вып. XIV. – С. 93–106.

Грач А.Д. Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1971. – Вып. XV.

Грач А.Д. Алды-бельская культура раннескифского времени в Туве // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск, 1975. – С. 249–251.

Грач А.Д. Древние кочевники в Центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.

Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем-III как источник по средневековой истории Тувы). – М.: Фундаментал-Пресс, 1998. – 84 с.

Гребнев И.Е., Васильев С.К. Лошади из памятников пазырыкской культуры Южного Алтая // Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы». – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 106–111.

Грин В. Периодизация в европейской и мировой истории // Время мира: Альманах. Вып. 2: Структуры мира. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001а. – С. 39–79.

Грин В. Периодизируя Всемирную историю // Время мира: Альманах. Вып. 2: Структуры мира. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001б. – С. 133–148.

Гринин Л.Е. Периодизация исторического процесса: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1996. – 25 с.

Гринин Л.Е. Производительные силы и исторический процесс. – М.: ТЕИС, 2000. – 267 с.

Грязнов М.П. Значение древесины в определении относительного возраста древних сооружений // Природа. – 1930а. – №2. – С. 224–227.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири / Общество изучения Сибири. – Новосибирск: Сов. Сибирь, 1930б. – Вып. 2. – 12 с.

Грязнов М.П. Пазырыкский курган. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 44 с.

Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет издания АН СССР). – М.; Л., 1939. – Т. 2. – С. 399–411.

Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. – Л., 1940. – Вып. I. – С. 17–21.

Грязнов М.П. Пазырык – погребение племенного вождя на Алтае: Дис. ... докт. ист. наук. – Л., 1945. – 593 с. (Архив ИА. Р. 2. №346).

Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. – М.; Л., 1947. – Вып. 18. – С. 9–17.

Грязнов М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // КСИИМК. – 1949. – Вып. 26. – С. 110–119.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. – 92 с.: ил.

Грязнов М.П. Из далекого прошлого Алтайского края. – Барнаул: Б.и., 1950. – 20 с.+7 табл.

Грязнов М.П. Археологические исследования территории одного древнего поселка (раскопки Северо-алтайской экспедиции в 1949 г.) // КСИИМК. – М., 1951. – Вып. XL. – С. 105–113.

Грязнов М.П. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби // КСИИМК. – М., 1952. – Вып. 48. – С. 93–102.

Грязнов М.П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ АН. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Вып. XXIV. – С. 19–29.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 162 с. + прил. – (МИА. №48).

Грязнов М.П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИЭ. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – Вып. 26. – С. 21–28.

Грязнов М.П. К хронологии древнейших памятников эпохи ранних кочевников // Успехи среднеазиатской археологии. – Л.: Наука, 1975а. – Вып. 3. – С. 9–12.

Грязнов М.П. Некоторые вопросы хронологии ранних кочевников в связи с материалами кургана Аржан // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. – Л.: Б.и., 1975б. – С. 6–10.

Грязнов М.П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. – М., 1978. – №154. – С. 9–18.

Грязнов М.П. О едином процессе развития скифо-сибирских культур // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. – Кемерово: КемГУ, 1979. – С. 4–7.

Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 62 с.

Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. – Кемерово: КемГУ, 1983. – С. 3–18.

Грязнов М.П. С.А. Теплоухов и его роль в истории сибирской археологии // Источники и историография: археология и история. – Омск: Омск. ун-т, 1988. – С. 69–75.

Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 161–178.

Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н., Миняев С.С., Пшеницына М.Н., Худяков Ю.С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – 168 с.

Гудсблом Й. История человечества и долговременные социальные процессы: к синтезу хронологии и фазеологии // Время мира: Альманах. Вып. 2: Структуры мира. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – С. 117–132.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 495 с.: ил.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – 2-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2002 – 560 с.: ил. – (Библиотека истории и культуры).

Гумилев Л.Н. Хунну. Хунны в Китае. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 624 с.: ил. – (Библиотека истории и культуры).

Гуркин С.В. О предках кыпчаков и кимаков // Донская археология. – 2000. – №3–4. – С. 6–23.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. Вып. 1: Археологические памятники сунну. – СПб.: АзиатИКА, 1995. – 287 с.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. Вып. 2: Археологические памятники сунну. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. – 176 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Прогресс, Унверс, 1994. – Т. 2. – 780 с.

Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. – 191 с.

Дашковский П.К. Основные проблемы изучения поселений скифской эпохи Горного Алтая // Поселения: среда, культура, социум. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – С. 183–185.

Дашковский П.К. Некоторые проблемы и направления изучения скифской эпохи Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. – №4. – С. 66–74.

Дашковский П.К. Коргон-I – новый памятник культуры енисейских кыргызов в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001а. – С. 16–23.

Дашковский П.К. Основные аспекты изучения этнокультурной ситуации в Горном Алтае в VI–II вв. до н.э. // Проблемы изучения древней и средневековой истории. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001б. – С. 82–89.

Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Горного Алтая скифского времени: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2002. – 24 с.

Дегтярев С.И. Археологическая культура как репрезентация локальной структуры // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 152–153.

Демин М.А. Чудские копи Алтая по литературным источникам XVIII века // 250 лет горного производства на Алтае. – Барнаул: Полиграфист, 1977. – С. 27–30.

Демин М.А. Из истории первых известий археологии Алтая // Древняя история Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1980. – С. 131–138.

Демин М.А. История археологического изучения Алтая (дооктябрьский период): Автореф. ... дис. канд. ист. наук. – Новосибирск, 1981. – 22 с.

Демин М.А. Вопрос об этнической принадлежности древних обитателей Алтая в трудах дореволюционных исследователей // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. – Новосибирск: НГПИ, МП РСФСР, 1983. – С. 3–9.

Демин М.А. Русские рудно-поисковые партии XVIII – начала XIX вв. о древних горных разработках Алтая // Охрана и использование памятников истории горного дела и камнерезного искусства Алтайского края. – Барнаул: Б.и., 1986. – С. 93–94.

Демин М.А. Первооткрыватели древностей. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. – 120 с.

Демин М.А. Вклад местных отделений Географического общества в археологическое изучение Алтая в конце XIX – начале XX в. // Географические проблемы Алтайского края. – Барнаул, 1991. – Ч. 1. – С. 23–25.

Демин М.А., Гельмелъ Ю.И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: БГПИ, 1992. – С. 28–34, 170–175.

Демин М.А., Ситников С.М. Некоторые новые находки раннескифского времени с берегов Гилевского водохранилища // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 43–47.

Демин М.А., Ситников С.М. Могильник Чекановский Лог-10 – новый памятник развитой бронзы и раннескифского времени Юго-Западного Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. – №4. – С. 59–66.

Деревянко А.П., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф. и др. Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – 176 с.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – Ч. 1. – 262 с.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники долины Бертек // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 16–38.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др. Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). – Новосибирск: Наука, 1994. – 224 с.

Деревянко Е.И. Очерки военного дела племен Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 225 с.

Дмитриева Е.Н., Левашова В.П. Материалы из раскопок сибирских бугровщиков // СА. – 1965. – №2. – С. 225–236.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1990. – 162 с.

Древнекитайская философия: В 2-х т. – М.: ПринТ, 1994. – Т. 2. – 384 с.

Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др. – Новосибирск: Наука, 1994. – 224 с.

- Древние курганы Алтая. – Горно-Алтайск: Ак чечек, 1998. – 128 с.
- Дьяконов И.М. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. – М.: Вост. лит., 1994. – 384 с.
- Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок 1963, 1965 гг.) // Труды ТКАЭЭ. – Л.: Наука, 1970. – Т. III. – С. 80–209.
- Дэвлет М.А. Д.А. Клеменц как археолог // СА. – 1963. – №4. – С. 3–9.
- Дэвлет М.А. А.В. Адрианов и изучение петроглифов Тувы и Западных Саян // История археологических исследований Сибири. – Омск: Омск. ун-т, 1990. – С. 41–64.
- Дэвлет М.А. А.В. Адрианов. Материалы к биографии // Вопросы истории археологических исследований Сибири. – Омск: Омск. ун-т, 1992. – С. 93–103.
- Дэвлет М.А. 140 лет со дня рождения исследователя Алтая А.В. Адрианова (1854–1920) // Страницы истории Алтая. 1994: Библиографический указатель. – Барнаул: Алтай, 1993. – С. 91–101.
- Дэвлет М.А. А.В. Адрианов как исследователь Алтая // Алтайский сборник. – Барнаул, 1997. – Вып. XVIII. – С. 113–134.
- Дэвлет М.А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 68 с.: ил.
- Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология / Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С. и др. – СПб.: Теза, 2005. – 290 с.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. – М., 1941. – Вып. XVI. – С. 75–117.
- Елизаренкова Т.Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М.: Наука, 1999. – С. 426–543.
- Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Мир вещей по данным Ригvedы // Ригведа. Мандалы V–VIII. – М.: Наука, 1999. – С. 487–525.
- Елин В.Н. Восточный Алтай в предтюркское время (хронология и культурная принадлежность памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1987. – 19 с.
- Елин В.Н. Наконечники стрел из памятников предтюркского времени Восточного Алтая // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. – С. 157–168.
- Елин В.Н. Кок-пашский тип археологических памятников предтюркского времени в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. – С. 119–136.
- Елин В.Н. О формировании археологических культур гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 76–77.

Елин В.Н. О формировании населения гунно-сарматского времени на Алтае // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 132–134.

Елин В.Н., Васютин А.С. Новые материалы предтюркского времени из Восточного Алтая // Проблемы археологии степей Евразии: Советско-венгерский сборник. – Кемерово: КемГУ, 1984. – С. 35–39.

Елин В.Н., Васютин А.С. Воинское погребение предкудыргинское время на могильнике Кок-Паш из Восточного Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. – С. 149–157.

Елин В.Н., Могильников В.А. Исследования курганов Беш-Озек // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – Ч. II. – С. 218–220.

Ерасов Б.С., Аванесова Г.А. Проблемы анализа диады Центр–периферия цивилизаций: Обзор // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост. Б.С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 180–183.

Ефремов С.А. Погребальный обряд алтайских племен в XI–XIV вв. // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 2002. – Т. 5. – С. 99–109.

Жигулин В.Д. Периодизация и исторический источник // Периодизация всемирной истории. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. – С. 5–19.

Жук А.В. Палеоэтнология Санкт-Петербурга – Петрограда. Из преддистории научного становления М.П. Грязнова // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Омск. ун-т, 1987. – Ч. 1. – С. 18–21.

Жук А.В. Организация археологических исследований в Западной Сибири 1860–1920-е годы: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Барнаул, 1995а. – 29 с.

Жук А.В. Археологи Русского музея в Сибири: 1920-е годы // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Омск. ун-т, 1995б. – Ч. 1. – С. 35–38.

Жук А.В. Дебют ИКСа // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Омск. ун-т, 1997. – С. 53–56.

Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: Учеб. пособие. – М.: Вост. лит., 2002. – 247 с.: ил.

Жумаганбетов Т.С. Проблемы формирования и развития древнетюркской системы государственности и права. VI–XII вв. – Алматы: Жеті жарғы, 2003. – 432 с.

Завитухина М.П. Об одном архивном документе по истории Сибирской коллекции Петра I // СГЭ. – Л., 1974. – Вып. 39. – С. 34–36.

Завитухина М.П. Собрание М.П. Гагарина 1716 года в Сибирской коллекции Петра I // АСГЭ. – Л., 1977а. – Вып. 18. – С. 41–51.

Завитухина М.П. К вопросу о времени и месте формирования Сибирской коллекции Петра I // Культура и искусство петровского времени: Публикации и исследования. – Л.: Аврора, 1977б. – С. 63–69.

Заднепровский Ю.А. Номады Северной Центральной Азии после вторжения Александра // Заднепровский Ю.А. Древние номады Центральной Азии. – СПб., 1997а. – С. 10–29.

Заднепровский Ю.А. Пути миграции юечжей по новым археологическим данным // Заднепровский Ю.А. Древние номады Центральной Азии. – СПб., 1997б. – С. 73–79.

Замоторин И.М. Относительная хронология пазырыкских курганов // СА. – 1952. – №1. – С. 21–30.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). – СПб.: Эллипс ЛТд, 1994. – 224 с.

Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки академика В.В. Радлова в 1865 г. (верховья Катуня) // Труды ГИМ. – М., 1926. – Вып. 1. – С. 71–106.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 184 с.

Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. – 276 с.

Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1967.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 338 с. + вкл.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). – М.: Наука, 1988. – 94 с.

Иванов Вяч.Вс. Реконструкция структуры, символики и семантики индоевропейского погребального обряда // Исследования в области балтославянской духовной культуры. Погребальный обряд. – М., 1990.

Илюшин А.М. Исследования в долине р. Чульшман // Археологические открытия 1983 года. – М.: Наука, 1985. – С. 204.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Раскопки археологических памятников в долине реки Улаган в 1987–1988 гг. // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. – №2. – С. 93–103.

Иностранцев К. Хунну и гунны (разбор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов). – 2-е изд., доп. – Л.: Ленинград. ин-т живых восточных языков, 1926. – 152 с. – (Труды тюркологического семинария. №13).

Институт археологии сегодня: Сборник научных биографий. – М.: Б.и., 2000. – 248 с.

Исмагилов Р.Б. О некоторых тенденциях развития современной отечественной скифологии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата: Наука, 1989. – С. 265–283.

Исмагилов Р.Б. Ранние скифы и Центральная Азия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1993. – 18 с.

Исследователи Алтайского края. XVIII – начало XX века: Биобиблиографический словарь. – Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2000. – 280 с.

История Древнего мира / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. – 3-е изд-е, испр. и доп. – М.: Наука, 1989. – Кн. 1: Ранняя древность. – 470 с. с карт. – Кн. 2: Расцвет древних обществ. – 572 с. с карт. – Кн. 3: Упадок древних обществ. – 407 с.

История и математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов. – М.: КомКнига, 2006. – 168 с.

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. – Алма-Ата: Наука, 1977. – Т. 1. – 479 с.

История монгалов / Дж. дель Плано Карпини. Путешествие в Восточные страны. – 3-е изд. / Г. де Рубрук. Книга Марко Поло. – 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. – М.: Мысль, 1997. – 460 с.: ил. (Путешествие и путешественники).

История Республики Алтай / Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск: Б.и., 2002. – Т. 1. – 360 с.

История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. I: Древняя Сибирь. – Л.: Наука, 1968. – 454 с.

Кадырбаев А.Ш. Политическое положение Горного Алтая в XV–XVI вв. // История Республики Алтай / Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск: Б.и., 2002. – С. 233–235.

Камбалов Н.А., Сергеев А.Д. Первооткрыватели и исследователи Алтая. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1968. – 72 с.

Каменецкий И.С. Археологическая культура – ее определение и интерпретация // Советская археология. – 1970. – №2. – С. 18–36.

Ким А.Р. Расогенетические связи населения Горного Алтая в первой половине I тыс. н.э. // Тюркология-88. – Фрунзе: Илим, 1988. – С. 581–582.

Киреев С.М. О северной границе горноалтайских погребений скифского времени с восточной ориентировкой // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. – С. 119–122.

Киреев С.М. Погребения быстринской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 54–58.

Киреев С.М. Работы на Майминском комплексе в 1990–1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ; ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 55–56.

Киреев С.М. Погребение тюркского воина из Горно-Алтайска // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – Ч. II. – С. 230–235.

Киреев С.М. Роль миграционных процессов в сложении быстринской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 118–120.

Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В. Археологические исследования в Уймонской долине // Проблемы сохранения, использова-

ния и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 59–61.

Кирюшин Ю.Ф. Скифские памятники Средней Катуни // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). – Кемерово: Б.и., 1989. – Ч. I. – С. 53–56.

Кирюшин Ю.Ф. Вклад М.П. Грязнова в изучение древней истории Алтая // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Омск. ун-т, 1992. – Ч. I. – С. 6–9.

Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Неверов С.В. Аварийные раскопки на Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ; ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 26–29, 101–102.

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. – №3. – С. 165–175.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Матренин С.С. Завершение работ на погребально-поминальном комплексе Тыткескень-VI // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 353–357.

Кирюшин Ю.Ф., Мамадаков Ю.Т. Хуннское влияние на этногенез населения Горного Алтая в конце I тыс. до н.э. // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. – Улан-Удэ: Олзон, 1996. – Ч. I. – С. 43–44.

Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Курганный могильник Верх-Еланда-I в Горном Алтае // Археологические исследования на Катуни. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 224–242.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. О культурной принадлежности погребальных комплексов скифского времени Средней Катуни // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 291–293.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 292 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Признаки погребального обряда скифских памятников Средней Катуни // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – С. 102–106.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 234 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – 232 с., ил.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Основные этапы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 70–75.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Материалы эпохи ранней бронзы, полученные М.П. Грязновым с памятника Чудацкая Гора в Верхнем Приобье // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. – Кн. I. – С. 153–155.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескень-VI на Средней Катуни // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: БГПИ, 1992. – С. 125–130, 222–226.

Киселев С.В. Тагарская культура // Труды секции археологии РАНИОН. – М., 1928. – Т. IV.

Киселев С.В. Из работ Алтайской экспедиции Государственного исторического музея в 1934 г. // Советская этнография. – 1935. – №1. – С. 97–106.

Киселев С.В. Курайская степь и Старо-Бардинский район // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. – М.; Л., 1941. – С. 298–304.

Киселев С.В. Алтай в скифское время (майэмирская культура) // Вестник древней истории. – 1947. – №2. – С. 157–172.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 364 с. (МИА. №9).

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.

Китова Л.Ю. Эволюционно-этнологические концепции С.А. Теплоухова // Методология и историография археологии Сибири. – Кемерово: КемГУ, 1994. – С. 57–68.

Китова Л.Ю. Значение Саяно-Алтайской экспедиции и исследований С.В. Киселева в изучении археологических памятников Сибири // Археолого-этнографический сборник. – Кемерово: КемГУ, 2003. – С. 10–38.

Кладова В.П. Адрианов Александр Васильевич // Исследователи Алтайского края XVIII – начала XX в. – Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2000. – С. 5–7.

Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л.: ЛФ ЦЭНДИСИ АН СССР, ЛНИАО, 1991. – 448 с.

Клейн Л.С. Феномен советской археологии. – СПб.: Фарн, 1993. – 128 с. + 12 с. ил.

Клейн Л.С. Концепция времени и археология. Структурно-семиотическое исследование // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2005. – Т. 2. – С. 11–64.

Клеменц Д. Древности Минусинского музея: Памятники металлических эпох. – Томск: Типография «Сибирской газеты», 1886. – 182 с. + табл.

Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племени Түрк (Ашина) // МИА. – М.: Наука, 1965. – №130. – С. 278–281.

Кляшторный С.Г. Россия и тюркские народы: евразийский аспект // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. – М.: Вост. лит., 2003. – С. 5–26.

Кляшторный С.Г., Мокеев А.М., Мокрынин В.П. Основные этапы этногенеза киргизского народа // Тюркология-88. – Фрунзе: Илим, 1988. – С. 42–44.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. – СПб.: Фарн, 1994. – 165 с. – (Тюркские народы России).

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юечжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. – С. 169–177.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. – 346 с. (Исторические исследования).

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 320 с – (Orientalia).

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 368 с. – (Orientalia).

Ковалев А.А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ; Чита: Изд-во Бурят. ун-та, 2002. – С. 103–131.

Ковалев А.А., Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Грушин С.П., Варенов А.В., Омаров Г., Сунгатай С. Изучение археологических памятников в Восточном Казахстане // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 183–190.

Ковешникова Е.А. Периодизация и хронология археологических памятников Сибири и Дальнего Востока в конце XIX века // Методология и историография археологии Сибири. – Кемерово: КемГУ, 1994. – С. 99–106.

Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ. – Вып. 4. – С. 242–258.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 75–106.

Комиссаров С.А. Сяньбэй – «племя единорога» // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. – Улан-Удэ: Олзон, 1996. – Ч. I. – С. 31–33.

Контев А.В. Раскопки позднегуннских погребений урочища Карбан (Горный Алтай) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. – Красноярск: Изд-во КГПИ, 1991. – Т. 2. – С. 54–55.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 221 с.: табл.

Коновалов П.Б. О происхождении и ранней истории Хунну // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. – Улан-Удэ: Олзон, 1996. – Ч. I. – С. 58–63.

Косинцев П.А. Лошади Горного Алтая в скифское время // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 264–267.

Кочеев В.А. Погребение II тыс. н.э. у с. Ело // Археологические исследования в Горном Алтае. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 153–162.

Кочеев В.А. Курганы могильника Айрыдаш-III // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 210–224.

Кочеев В.А. Охранные раскопки Горно-Алтайского музея в 1989 году // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Б.и., 1991. – С. 91–93.

Кочеев В.А. Раннескифские памятники Средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ; ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 51.

Кочеев В.А. Некоторые вопросы миграционных процессов в I тыс. до н.э. в Горном Алтае // Палеодемография и миграционные процессы Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 95–97.

Кочеев В.А. Курганный могильник Айрыдаш-IV на Средней Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 134–137.

Кочеев В.А. Раннескифские курганы могильника Айрыдаш-IV в Горном Алтае // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. – №4. – С. 21–30.

Кочеев В.А. Оружейный комплекс раннескифского времени Горного Алтая (проблема реконструкции военного дела) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. – №7. – С. 110–30.

Кочеев В.А., Ларин О.В., Худяков Ю.С. Раскопки могильника Межелик // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Алтай, 1995. – Вып. V. – Ч. I. – С. 88–89.

Кочеев В.А., Суразаков А.С. Курганы могильников Ябоган-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 70–81, 241–255.

Кочеев В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в бассейне р. Коир // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. – №10. – С. 70–83.

Кочеев В.А., Худяков Ю.С. Палаш из Беш-Озек // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – Ч. II. – С. 239–242.

Кравцова М.Е. История культуры Китая. – СПб.: Лань, 1999. – 416 с.

Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). – Владивосток: Дальнаука, 1992а. – 240 с.

Крадин Н.Н. Некоторые аспекты иерархии социального пространства у кочевников Евразии // Пространство и время в архаичных культурах. – М., 1992б. – С. 26–28.

Крадин Н.Н. Характерные черты кочевых империй // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. – Улан-Удэ: Олзон, 1996. – Ч. I. – С. 120–123.

Крадин Н.Н. Общественный строй Жужаньского каганата // История и археология Дальнего Востока: к 70-летию Э.В. Шавкунова. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000. – С. 80–94.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2001. – 312 с.

Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 106 с.

Крюков М.В. Текст и ритуал: опыт интерпретации китайской эпохи Инь-Чжоу. – М., 2000.

Кубарев В.Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 86–98.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда // Археологические открытия 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 242–244.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.

Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 69–91.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 231 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 136–148.

Кубарев В.Д. Археологические исследования у бома Коркечу (Центральный Алтай) // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 130–137.

Кубарев В.Д. Работы Восточноалтайского отряда // Археологические открытия 1984 года. – М.: Наука, 1986. – С. 182–183.

Кубарев В.Д. Открытия в долине р. Урсул // Археологические открытия 1985 года. – М.: Наука, 1987. – С. 250–251.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.

Кубарев В.Д. Археологические памятники истоков Чуи // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. – С. 107–145.

Кубарев В.Д. История изучения археологических памятников Средней Катунь // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 7–22.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 270 с.

Кубарев В.Д. Курган скифского времени в устье реки Тургунды // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992а. – С. 79–91.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлогема. – Новосибирск: Наука, 1992б. – 220 с.

Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 25–36.

Кубарев В.Д. Древние кочевники Восточного Алтая: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 1997. – 30 с.

Кубарев В.Д. Погребение раннескифского времени на р. Каракол // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 74–77.

Кубарев В.Д. Бике-I, III: погребальные памятники скифской эпохи Средней Катунь // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. – №7. – С. 120–145.

Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В. Курганы Чуйской степи // Сибирь в древности. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 61–75.

Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 101–109.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 43–95.

Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Курганы урочища Бураты // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 90–109.

Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. Раскопки на р. Талдуаир // Археологические открытия 1994 года. – М.: Наука, 1995. – С. 281.

Кубарев В.Д., Слюсаренко И.Ю. Расписные сосуды из курганов урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 185–192.

Кубарев В.Д., Худяков Ю.С., Бородовский А.П., Черемисин Д.В., Мельников В.П. Археологические исследования на средней Катунь // ALTAICA. – 1992. – №1. – С. 43–49.

Кубарев Г.В. Древнетюркское погребение с р. Чуи // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ; ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 91–92.

Кубарев Г.В. Древнетюркский кенотаф из Бике-III // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 82–86.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1997. – 18 с.

Кубарев Г.В. К этнополитической ситуации на территории Алтая в VI–XI вв. н.э. // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – С. 290–298.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 400 с.

Кубарев Г.В., Кубарев Д.В. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – №4. – С. 64–82.

Кудрявцев П.И. К итогам изучения бронзового века Алтая // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 37–39.

Кудрявцева О.М. К вопросу об определении понятия «археологическая культура» в современной советской археологии // Археология и методы исторических реконструкций. – Киев: Наукова Думка, 1985. – С.84–91.

Кунгуров А.Л. Реконструкция погребального обряда и предметов материальной культуры грунтового могильника монгольского времени у с. Усть-Алейка // Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1991. – С. 161–168.

Курманкулов Ж. Погребение воина раннетюркского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1980. – С. 191–197.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 128 с.: ил. (САИ. Вып. ЕЗ-18).

Кызласов И.Р. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии: История и культура. – М.: Вост. лит., 2001. – С. 243–270.

Кызласов И.Р. Дополнительные исследования рунических надписей горы Ялбак-Таш. Строка XVII // Археология и этнография Алтая / Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2004. – Вып. 2. – С. 84–87.

Кызласов Л.Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // Вестник Моск. ун-та: Сер. историко-филологическая. – 1958. – №4. – С. 71–99.

Кызласов Л.Р. Тува в период Тюркского каганата (VI–VIII вв.) // Вестник Моск. ун-та. Сер. IX: Исторические науки. – 1960а. – №1. – С. 51–75.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960б. – 198 с.

Кызласов Л.Р. Начало сибирской археологии // Историко-археологический сборник. – М., 1962. – С. 43–52.

Кызласов Л.Р. Этапы средневековой истории Тувы // Вестник Моск. ун-та. Сер. IX: История. – 1964. – №4. – С. 66–92.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 212 с.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М., 1979. – 207 с., 156 ил.

Кызласов Л.Р. Киселев Сергей Владимирович (1905–1962 гг.) // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. – №11. – С. 20–22.

Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М.: Вост. лит., 1997. – 319 с.

Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 1961. – 392 с.

Ларин О.В. Исследования на могильнике Сальдяр // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск: Б.и., 1994. – С. 17–18.

Ларин О.В., Кочеев В.А. Могильник Чоба-VI на Средней Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 161–163.

Ларин О.В., Суразаков А.С. Раскопки на Кор-Кобы-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 56–78.

Ларин О.В., Суразаков А.С. Раскопки могильника Чоба-VII // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 86–90.

Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1971 гг. – СПб., 1992. – 464 с.

Левашов Е.А. Мировая топонимика. Прилагательные от географических названий: Словарь-справочник. – СПб: Дмитрий Буланин, 2003. – 532 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. – М.: Вост. лит., 1996. – 396 с.: ил.

Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской Киргизской степи. – Новосибирск: Наука, 1993. – 415 с.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М.: Наука, 1972. – 270 с.

Литвинский Б.А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. – М.: Наука, 1984. – С. 4–28.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. – М.: Вост. лит., 2001. – Т. 2. – 528 с.

Литвинский Б.А., Погребова М.Н., Раевский Д.С. К ранней истории саков Восточного Туркестана // Народы Азии и Африки. – 1985. – Вып. 5. – С. 65–74.

Лю Маоцай: Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках / Ин-т востоковедения РАН. – М., 2002. – 126 с. – (Бюллетень Общества востоковедов. Прил. 1).

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мифа и мифы образов. – М., 1996. – 416 с.

Маковский М.М. Семиотика языковых культов // Вопросы языкознания. – 2002. – №6.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 447 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1969. – 108 с.

Малолетко А.М. Алтайский горный округ в Малую ледниковую эпоху (1550–1850) // Актуальные вопросы истории Сибири: Третья науч-

ные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 116–124.

Максименков Г.А. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 48–58.

Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. – С. 173–191.

Мамадаков Ю.Т. О памятниках первой половины I тыс. н.э. в Горном Алтае // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. – С. 197–203.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: Автореф. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 19 с.

Мамадаков Ю.Т. О роли миграций в демографических процессах в Горном Алтае в гунно-сарматское время // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994а. – С. 129–132.

Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994б. – С. 58–63.

Мамадаков Ю.Т. Курганы скифского могильника Кырлык-II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Б.и., 1995а. – Вып. V, ч. 1. – С. 81–87.

Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки могильника Катанда-3 // Проблемы охраны, использования и изучения культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995б. – С. 125–131.

Мамадаков Ю.Т. Колющее оружие булан-кобинского населения // Актуальные проблемы сибирской археологии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 75–78.

Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки у с. Боочи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – Вып. VIII. – С. 150–153.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. – №2. – С. 115–129.

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 196–205.

Мансфельд Г. Опыт периодизации скифских древностей // Российская археология. – 1992. – №3. – С. 108–112.

Марсадалов Л.С. Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае (по раскопкам Г.П. Сосновского и Г.П. Сергеева) // АСГЭ. – Л., 1981. – Вып. 22. – С. 11–22.

Марсадалов Л.С. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // АСГЭ. – Л., 1984. – Вып. 25. – С. 90–98.

Марсадалов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1985. – 16 с.

Марсадалов Л.С. Керамические сосуды в памятниках Горного Алтая VIII–VI вв. до н.э. // Проблемы археологии степной Евразии. – Кемерово: КемГУ, 1987а. – Ч. II. – С. 62–66.

Марсадалов Л.С. Две группы памятников кочевников Алтая VIII–VII вв. до н.э. // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Омск. ун-т, 1987б. – С. 101–104.

Марсадалов Л.С. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // АСГЭ. – Л., 1988. – Вып. 29. – С. 65–81.

Марсадалов Л.С. О дате большого Берельского кургана // СГЭ. – Л., 1988. – Вып. 53. – С. 24–26.

Марсадалов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. – 100 с.

Марсадалов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талдура). – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1997а. – 56 с.

Марсадалов Л.С. Об этногенезе пазырыкцев Алтая // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Омск. ун-т, 1997б. – С. 77–80.

Марсадалов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удил, псалий и пряжек коня на Алтае в VIII–V веках до н.э. // снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 5–24.

Марсадалов Л.С. Пазырыкский феномен и попытки его объяснения // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 104–107.

Марсадалов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ... докт. культурологии. – СПб., 2000а. – 56 с.

Марсадалов Л.С. Планиграфия могильников Горного Алтая VI–IV вв. до н.э. // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Омск. ун-т, 2000б. – С. 69–72.

Марсадалов Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. – СПб.: ГЭ, 2001. – 184 с.: ил. (Материалы СААЭ ГЭ. Вып. 4).

Марсадалов Л.С. Новые исследования на ритуальном центре в долине реки Юстыд (Юго-Восточный Алтай) // История и культура Востока Азии / Ин-т археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 2002. – Т. II. – С. 104–108.

Марсадалов Л.С. Еще раз о последовательности сооружения Пазырыкских и Бертекских курганов // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Кн. II. – С. 93–103.

Марсадалов Л.С. О необходимости и возможности создания единой хронологической шкалы памятников кочевых племен степей Евразии I-го тыс. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. – Краснодар: Б.и., 2004. – С. 69–85.

Марсадалов Л.С. Глиняные сосуды Горного Алтая VIII–III веков до н.э. // Археология и этнография Алтая / Институт алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2004. – Вып. 2. – С. 37–51.

Марсадалов Л.С., Зайцева Г.И. Соотношение радиоуглеродных и археологических датировок для малых и средних курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 108–115.

Марсадалов Л.С., Зайцева Г.И., Лебедева Л.М. Корреляция дендрохронологических и радиоуглеродных определений для больших курганов Саяно-Алтая // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. – СПб.: Б.и., 1994. – С. 141–156.

Марсадалов Л.С., Зайцева Г.И., Семенцов А.А., Лебедева Л.М. Возможности радиоуглеродного датирования для привязки плавающей шкалы больших курганов Саяно-Алтая к календарному времени // Радиоуглерод и археология. – СПб., 1996. – Вып. 1. – С. 24–32.

Мартынов А.И. Скифо-сибирское единство как историческое явление // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово, 1980. – С. 11–20.

Мартынов А.И. О древней государственности у народов Южной Сибири // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. – Кемерово, 1986. – С. 28–33.

Мартынов А.И. О концепции закономерностей исторических взаимоотношений обществ древнего мира и степной Евразии // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). – Новочеркасск, 1989а. – С. 148–157.

Мартынов А.И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата, 1989б. – С. 284–292.

Мартынов А.И., Алексеев В.П. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. – Кемерово, 1986. – 144 с.

Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С. Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. – С. 147–172.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. – Л.: Наука, 1976. – 191 с.

Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии. – 2-е изд., доп. – Самара: СамГПУ, 1996. – 103 с.

Матвеев А.В. Известия о «бугровании» в Западной Сибири и проблемы происхождения сибирской коллекции Петра I // Вопросы истории археологических исследований Сибири. – Омск: Омск. ун-т, 1992. – С. 161–179.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введение, пер. и комм. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1984. – 486 с.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Пре-дисл., пер. и прим. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1968. – 177 с.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Предисл., пер. и прим. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1973. – Вып. 2. – 172 с.

Матренин С.С. Разработка схемы классификации погребальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005а. – Вып. 1. – С. 105–119.

Матренин С.С. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005б. – Вып. 2. – С. 35–51.

Матренин С.С. К вопросу о выделении типов погребений Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005в. С. 93–98.

Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2005г. – 23 с.

Матюшин Г.Н. Археологический словарь. – М.: Просвещение, 1996. – 304 с.: ил.

Матюшенко В.И. Сибирская археология в 1940–1950-е годы. – Омск: Омск. ун-т, 1994. – 101 с.

Матюшенко В.И. 300 лет истории сибирской археологии. – Омск: Омск. ун-т, 2001а. – Т. I. – 179 с.

Матюшенко В.И. 300 лет истории сибирской археологии. – Омск: Омск. ун-т, 2001б. – Т. II. – 173 с.

Матюшенко В.И., Швыдка Н.П. Михаил Петрович Грязнов. Истоки научной школы // История археологических исследований в Сибири. – Омск: Омск. ун-т, 1990. – С. 77–90.

Махортных С.В. Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. – Киев: Шлях, 2003. – 140 с.: ил.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV вв. – М.: Наука, 1966. – 183 с.

Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // Российская археология. – 1992. – №3. – С. 86–107.

Мейтарчиян М.Б. Погребальные обряды зороастрийцев. – М.; СПб.: Ин-т востоковедения, Летний сад, 2001. – 248 с.: ил., вкл.

Мелюкова А.И., Мошкова М.Г. Введение // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 5–8.

Мещанинов И.И. О доисторическом переселении народов // Вестник Коммунистической академии. – 1928. – Т. 29 (3). – С. 190–238.

Мещанинов И.И. О применении лингвистического материала при исследовании вещественных памятников // Сообщения ГАИМК. – 1932. – №1–2. – С. 6–12.

Мещанинов И.И. Проблемы классификации языков и народов в освещении яфетического языкознания // Советская этнография. – 1933. – №2. – С. 74–83.

- Мещанинов И.И. Новое учение о языке. – Киев: Б.и., 1949. – 72 с.
- Миняев С.С. Дырестуйский могильник: Вып. 3: Археологические памятники сунну. – СПб.: АзиатИКА, 1998. – 233 с.: ил.
- Миронов В.С. Особенности погребальных комплексов пазырыкской культуры в долине рек Эдиган и на сопредельных территориях // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. – С. 35–41.
- Миронов В.С. Культура населения Средней Катуни в скифское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.
- Митько О.А., Тетерин Ю.В. Древнетюркское погребение могильника Дялян // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ; ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 85–86.
- Михайлов Н.Н., Редькин А.Г. Плоскогорье в позднеледниковое и послеледниковое время // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 13–28.
- Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981а. – С. 29–43.
- Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981б. – С. 190–193.
- Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981в. – С. 194–200.
- Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-I, VIII – памятники пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983а. – С. 3–39.
- Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983б. – С. 40–71.
- Могильников В.А. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983в. – С. 52–89.
- Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986а. – С. 35–67.
- Могильников В.А. К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1986б. – С. 29–32.
- Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. – С. 60–107.
- Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. – С. 137–185.
- Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 254–273.

Могильников В.А. Курган 2 могильника Карасу-II и некоторые аспекты внешних контактов населения Алтая второй половины I тыс. до н.э. // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск: АКИН, 1994. – С. 35–39.

Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 94–116, 257–280.

Могильников В.А. Об истоках генезиса древнетюркской культуры // Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. – Самара: Б.и., 1996. – С. 24–30.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. – М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, 1997а. – 195 с.

Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997б. – С. 187–234.

Могильников В.А. К характеристике раннего железного века северо-западных предгорий Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 134–138.

Могильников В.А. Курганы с трупосожжениями в северо-западных предгорьях // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 77–139.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. – М.: Наука, 2002. – 362 с.: ил.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Карасу-I // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1995. – №1. – С. 102–118.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 127–153.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура-I // КСИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1982. – Вып. 170. – С. 103–109.

Могильников В.А., Куйбышев А.В., Елин В.Н. Раскопки в Куроте // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГПИ; ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 83–84.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил // СА. – 1980. – №2. – С. 180–191.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Большой Яломан-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 38–48.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки курганов гуннского времени у с. Малая Иня в Горном Алтае // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи / Ин-т археологии РАН. – М., 1995. – С. 62–74.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки Второго Сальдярского могильника // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. – С. 126–144.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Ябоган-III // Археология и этнография Алтая / Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2003а. – Вып. 1. – С. 26–63.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Исследование курганов долины Кызык-Телань // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003б. – №11. – С. 35–37.

Молодин В.И. Бронзовый век Южной Сибири – современное состояние проблемы // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 25–33.

Молодин В.И. Могильники Кальджин-6 и Ак-кол-1 на плоскогорье Укок и их культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – Т. III. – С. 230–232.

Молодин В.И. Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000а. – №4. – С. 131–142.

Молодин В.И. Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия: Научно-популярные очерки. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2000б. – 192 с., ил.

Молодин В.И. Культурно-хронологическая характеристика погребального комплекса кургана №3 памятника Верх-Кальджин-II // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000в. – С. 86–119.

Молодин В.И., Мыльников В.П. Могильник Бертек-10 // Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. – Новосибирск, 1994. – С. 70–76.

Молодин В.И., Мыльников В.П. Могильник Бертек-12 // Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. – Новосибирск, 1994. – С. 76–88.

Молодин В.И., Новиков А.В. Исследование могильника пазырыкской культуры на плоскогорье Укок (памятник Кальджин-6) // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 33–35.

Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-VIII // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – №2. – С. 71–86.

Молодин В.И., Новиков А.В., Черемисин Д.В. Археологические памятники долины Мойнак и ближайших окрестностей (Горный Алтай. Плоскогорье Укок) // Археология вчера, сегодня, завтра. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1995. – С. 121–160.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слосаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – 256 с. (Вып. 3: Материалы по археологии Сибири).

Молодин В.И., Соловьев А.И. Могильник Бертек-1 // Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 60–70.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Могильник Бертек-27 // Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 88–94.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Могильник Бертек-20 // Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 127.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Позднее средневековье // Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 152–156.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. – Новосибирск: Изд-во археологии и этнографии СО РАН, 2004. – 184 с.

Мосс М.М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии: Пер. с фр. – М., 1996. – 360 с.

Мошкова М.Г. Предисловие // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 5–8.

Муральт Е.Г. Скифские древности, хранящиеся в Императорском Эрмитаже // Записки Императорского Археологического общества. – СПб., 1853. – Т. V. – С. 205–216.

Мэнэс Г. Материалы по традиционной похоронной обрядности захчинов МНР конца XIX – начала XX в. // Традиционная обрядность монгольских народов. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 112–126.

Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики) / В.И. Молодин, М.И. Воевода, Т.А. Чикишева и др. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 286 с. – (Вып. 1: Интеграционные проекты СО РАН).

Неверов С.В. Костяные пряжки сросткинской культуры (VIII–X вв. н.э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. – С. 192–206.

Неверов С.В. Удила средневековых хакасов на Алтае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. – Барнаул: БГПИ, 1991. – С. 141–145.

Неверов С.В. Удила второй половины I-го тыс. н.э. Верхнего Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: БГПУ, 1992. – С. 141–154, 234–238.

Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–X вв. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 129–151.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Древнетюркские поминальные оградки Средней Катуня // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. – С. 167–170.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 176–178.

Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т. Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. – С. 121–135.

Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Новые материалы курганов конца I – начала II тыс. н.э. Средней Катуни // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990а. – С. 120–123.

Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катуни. – Новосибирск: Наука, 1990б. – С. 242–270.

Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 143 с.

Нестеров С.П., Милотин К.И. Средневековые памятники под горой Карали-Ярык // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – С. 156–177.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках / Изд-во Ин-та географии СО РАН. – Владивосток; Иркутск, 2004. – 306 с.: ил.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 384 с.

Обручев В.А. Путешествия Потанина. – М.: Мол. гвардия, 1953. – 190 с.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 223 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1990. – 917 с.

Окладников А.П. Сибирская археология на современном этапе // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 5–29.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). – М.: Наука, 1991. – 256 с.

Ольховский В.С. Храм святилища Байте-III (к семантике формы) // Миф 7. – София, 2001. – С. 219–232.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. – Новосибирск, 1995. – Ч. II. С. 207–232.

Папин Д.В. Проблемы социогенеза древних обществ эпохи поздней бронзы степной полосы Западной Сибири // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Ч. 1. – С. 292–294.

Периодизация всемирной истории: Учеб. пособие. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1984. – 224 с.

Петров К.И. Очерк происхождения киргизского народа. – Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1963.

Плетнева С.А. Введение // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 5–8.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. – 350 с.

Плетнева С.А. Древности черных клубуков. – М.: Наука, 1973. – 96 с. – (САИ. Вып. Е1–19).

Плотников Ю.А. О возможности сохранения энеолитического населения Горного Алтая вплоть до раннего железного века // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 17–18.

Погодин Л.И. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. – Омск: Омск. ун-т, 1998. – 84 с.

Погожева А.П. Погребения ранних кочевников на западе Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 68–73.

Погожева А.П. Раскопки могильников ранней бронзы и ранних кочевников на Алтае // Археологические открытия 1980 года. – М.: Наука, 1981. – С. 205–206.

Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха неолита и бронзы Горного Алтая. – Барнаул: Азбука, 2006. – Ч. 1. – 234 с.

Погрехова М.Н. О принципах датировки скифской архаики // Российская археология. – 1993. – №2. – С. 84–97.

Погрехова М.Н., Раевский Д.С. Ранний железный век // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Вост. лит., 1988. – С. 156–189.

Погрехова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток: К истории становления скифской культуры. – М.: Наука, 1992. – 260 с.

Подольский М.Л. Культура и история (в поисках системы координат) // Теория и методология архаики: I. Стратиграфия культуры; II. Что такое архаика: Материалы теоретического семинара. – СПб.: МАЭ РАН, СПбГУ, 2003. – Вып. 3. – С. 7–14.

Подосинов А.В. EX ORIENTE LUX! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 720 с.

Поздняков Д.В. Антропологический тип населения Лесостепного Алтая (по материалам могильника Телеутский Взвоз-I // Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 168–199.

Поздняков Д.В. Антропологический состав населения Западной и Южной Сибири во второй половине I тыс. н.э. – первой половине II тыс. н.э.: Автореф. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 22 с.

Полосьмак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке // ALTAICA. – 1993. – №3. – С. 21–31.

Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994а. – 125 с.

Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). – Новосибирск: Наука, 1994б. – С. 137–144.

Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура: Реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 1997. – 54 с.

Полосьмак Н.В. Пазырыкские аналогии в могильниках Синьцзяна // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 337–341.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.: ил.

Полосьмак Н.В., Молодин В.И. Могильники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – №4. – С. 66–87.

Попова И.В., Фролов Я.В., Гусельникова М.В. Алтайский государственный краеведческий музей. Музейный хронограф. 1823–1945 гг. // Краеведческие записки. – Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2003. – Вып. 5. – С. 7–58.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.

Пшеницына М.Н., Боковенко Н.А. Основные этапы жизни и творчества Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) // Степи Евразии в древности и средневековья. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. – Кн. I. – С. 19–23.

Радлов В.В. Из Сибири (страницы дневника). – М.: Наука, 1989. – 718 с.

Раев Б.А. Пазырык и «Хохлач»: некоторые параллели // Скифо-сибирский мир. – Кемерово: КемГУ, 1984. – С. 134–135.

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен: Опыт реконструкции скифской мифологии. – М.: Наука, 1977. – 216 с.

Раевский Д.С. О логике построения раннескифской хронологии // Российская археология. – 1993. – №2. – С. 79–84.

Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана: Зороастрийская мифология. – СПб.: Нева: Летний сад, 1998. – 559 с.

Рахимов Р.Р. Мужские объединения у узбеков и таджиков Ферганской долины // Социальная история народов Азии. – М.: Наука, 1975. – С. 33–46.

Рашид-ад-дин: Сб. летописей: В 3-х т. – М.: Ладомир, 2002: Репринтное воспроизведение издания. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1. – 316 с.

Рашид-ад-дин: Сб. летописей: В 3-х т. – М.: Ладомир, 2002: Репринтное воспроизведение издания. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 2–3. – 340 с.

Рец К.И., Юй Су-хуа. К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. – С. 42–55.

Ригведа. Мандалы I–IV. – М.: Наука, 1989. – 758 с.

Ригведа. Мандалы V–VIII. – М.: Наука, 1999а. – 743 с.

Ригведа. Мандалы IX–X. – М.: Наука, 1999б. – 560 с.

Розен М.Ф. О поисковых исследовательских работах на Алтае в XVIII в. по материалам архива АН СССР в Ленинграде // 250 лет горного производства на Алтае. – Барнаул: Полиграфист, 1977. – С. 23–26.

Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. – М.: Рольф, 2001. – 368 с.

Розов Н.С. Предисловие // Время мира: Альманах. Вып. 2: Структуры мира. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001а. – С. 7–15.

Розов Н.С. На пути к обоснованным периодизациям всемирной истории // Время мира: Альманах. Вып. 2: Структуры мира. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001б. – С. 222–305.

Рубрук Г. Путешествие в Восточные страны // История монголов / Дж. Дель Плано Карпини. Путешествие в Восточные страны. – 3-е изд. / Г. де Рубрук. Книга Марко Поло. – 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. – М.: Мысль, 1997. – С. 86–189.

Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во ГЭ, 1948. – 64 с.

Руденко С.И. Горно-алтайские находки и скифы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 268 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.

Руденко С.И. К вопросу о датировке и историко-культурной оценке горно-алтайских курганов // СА. – 1957. – Т. XXVII. – С. 301–306.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с. + СХХVI табл.

Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тыс. до н.э.). – М., 1961а. – 68 с.

Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по отделению этнографии: Географическое общество СССР. – Л., 1961б. – Ч. 7. – С. 2–15.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 52 с. + 27 табл. (САИ. Вып. Д3-9).

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 206 с.

Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. – Л., 1927. – Вып. III, 2. – С. 37–52.

Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. – М.: Языки рус. лит., 1997. – 800 с.

Савинов Д.Г. Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X–XII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1974. – 22 с.

Савинов Д.Г. К выделению ранних и поздних элементов в культуре пазырыкского времени // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. – Л.: ЛОИА АН СССР, 1975. – С. 49–52.

Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. – М., 1978. – Вып. 154. – С. 48–55.

Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. – С. 53–72.

Савинов Д.Г. Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1980. – Вып. 1. – С. 161–167.

Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 146–162.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 102–122.

Савинов Д.Г. Погребальные сооружения южносибирских племен конца I тыс. до н.э. // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. – Новосибирск: НГПИ, МП РСФСР, 1983. – С. 21–30.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 175 с.

Савинов Д.Г. Скифские курганы Узунтала // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1986. – С. 10–13.

Савинов Д.Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 1987а. – 54 с.

Савинов Д.Г. Погребения в каменных ящиках в Южной Сибири конца I тыс. до н.э.: возрождение традиции или миграции // Смены культур и миграции в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987б. – С. 37–40.

Савинов Д.Г. Парный кенотаф древнетюркского времени // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987в. – С. 80–89.

Савинов Д.Г. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. – С. 93–96.

Савинов Д.Г. К изучению этнополитической истории народов Южной Сибири в скифскую эпоху // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 4: Историческая этнография. – СПб., 1993а. – С. 128–135.

Савинов Д.Г. «Ранние кочевники» в исследованиях М.П. Грязнова и современное состояние проблемы // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Омск. ун-т, 1993б. – Ч. I. – С. 76–80.

Савинов Д.Г. Погребения скифского времени в долине Узунтал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Б.и., 1993в. – С. 4–18.

Савинов Д.Г. Тува раннескифского времени «на перекрестке» культурных традиций (алды-бельская культура) // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит – средневековье). – СПб.: Б.и., 1994а. – С. 76–92.

Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994б. – 215 с.

Савинов Д.Г. Могильник Бертек-27 // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск: Наука, 1994в. – С. 88–94.

Савинов Д.Г. Могильник Бертек-34 // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск: Наука, 1994г. – С. 104–123.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994д. – 208 с.

Савинов Д.Г. Д.А. Клеменц и минусинская археология // Пигмалион музейного дела в России (К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца). – СПб.: Лань, 1998а. – С. 111–119.

Савинов Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки М.Н. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998б. – С. 175–190.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2002. – 204 с.: ил.

Савинов Д.Г. К проблеме выделения позднего этапа Окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005а. – Вып. 1. – С. 28–34.

Савинов Д.Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии // Степные империи древней Евразии / С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005б. – С. 181–330.

Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С. BEREL-BEREL: Альбом. – Алматы: Б.и., 2000. – 56 с.

Самашев З., Жумабекова Г., Ермолаева А., Омаров Г. Раннесакские наконечники стрел из Казахстанского Алтая // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. – С. 155–160.

Самашев З.С., Жумабекова Г.С., Сунгатай С. Новые исследования на могильнике Берель в Восточном Казахстане // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 159–164.

Самашев З.С., Фаизов К.Ш., Базарбаева Г.А. Археологические памятники и палеопочвы Казахского Алтая. – Алматы: Издат. группа ОФ «Берел», 2001. – 108 с.

Самашев З.С., Франкфорт А.-П., Ермолаева А.С., Жумабекова Г.С., Гий Э., Сунгатай С., Жетигбаев Ж.М., Омаров Г.К. Исследования культуры древних кочевников Казахстанского Алтая // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. – Алматы, 1998. – С. 174–202.

Сарианиди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. – М.: Наука, 1983. – 159 с.: ил.

Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тилля-тепе. – М.: Наука, 1989. – 240 с.

Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. – Краснодар: Б.и., 2004. – 242 с.

Сергеев С.М. Курганные погребения близ с. Сростки Бийского округа: Краткая характеристика // Сохранение и изучение культурного на-

следея Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – Вып. IX. – С. 187–190.

Символы буддизма, индуизма, тантризма. – М., 1999.

Скаков А.Ю., Эрлих В.Р. О хронологии «кimmerийских» и раннескифских древностей // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского / Ин-т археологии РАН. – М., 2005. – С. 201–227.

Скобелев С.Г. Хронологическая и этнокультурная принадлежность могильника Усть-Эдиган // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 74–76.

Скорый С.А. Скифы в Днепровской правобережной лесостепи / Ин-т археологии НАН Украины. – Киев, 2003. – 161 с. + ил.

Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – №1. – С. 122–130.

Смирнов К.Ф. Савроматы. – М.: Наука, 1964. – 360 с.

Смирнова Г.И. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры // Российская археология. – 1993. – №2. – С. 104–118.

Соенов В.И. Классификация наконечников стрел гунно-сарматского времени из Верхней Катунь // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1995. – №3. – С. 97–100.

Соенов В.И. Погребальный обряд населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1997. – 22 с.

Соенов В.И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998а. – С. 93–98.

Соенов В.И. Костяные подпружные пряжки гунно-сарматского времени Горного Алтая // Интеграция археологических и этнографических исследований. – СПб.; Омск, 1998б. – Ч. II. – С. 80–81.

Соенов В.И. Костяные гребни гунно-сарматского времени Горного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998в. – С. 165–167.

Соенов В.И. История Алтая (с древнейших времен до XII века). – Горно-Алтайск, 1999а. – 75 с.

Соенов В.И. Классификация бронзовых серег гунно-сарматского времени Горного Алтая // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. – Томск, 1999б. – С. 209–210.

Соенов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999в. – №4. – С. 134–152.

Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. – №5. – С. 48–62.

Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (Описание, систематика, анализ). – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. – 160 с.

Соенов В.И. Комплекс вооружения населения Верхней Катунь в гунно-сарматскую эпоху // *Снаряжение кочевников Евразии*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 52–55.

Соенов В.И., Исов А.В. К проблеме выделения андроновских погребений в Горном Алтае // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтая*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 125–126.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Черепанов М.А. Раскопки погребений гунно-сарматской эпохи на могильнике Верх-Уймон в 2003–2004 гг. // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтая*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – Вып. XIV. – С. 169–171.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И. Средневековое скальное захоронение в Каменном Логу // *Древности Алтая: Известия лаборатории археологии*. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. – № 9. – С. 117–124.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГПИ, 1992. – 116 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Охранные раскопки в Верх-Уймоне // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 157–158.

Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // *Гуманитарные науки в Сибири*. – 1996. – №3. – С. 115–118.

Соенов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-1 // *Известия лаборатории археологии*. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. – №2. – С. 103–115.

Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // *Древности Алтая: Известия лаборатории археологии*. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998а. – №3. – С. 113–135.

Соенов В.И., Эбель А.В. Раскопки курганов скифского времени на могильнике Кызыл-Таш // *Древности Алтая: Известия лаборатории археологии*. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998б. – №3. – С. 88–97.

Соловьев А.И. Исследования на могильнике Усть-Чоба-1 на средней Катунь // *Древности Алтая: Известия лаборатории археологии*. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайск, 1999. – №4. – С. 123–133.

Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // *Археологический сборник*. – Л.; М.: Сов. художник, 1966. – Вып. 8. – С. 39–60.

Сорокин С.С. Отчет Южно-Алтайской экспедиции Государственного Эрмитажа о работах 1966 г. // *Тезисы докладов научной сессии, посвященной работам ГЭ за 1966 г.* – Л., 1967а. – С. 49–51.

Сорокин С.С. Девять лет работы Южно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // *Тезисы докладов научной сессии Государственного Эрмитажа*. – Л., 1967б. – С. 71–74.

Сорокин С.С. Материалы к археологии Горного Алтая // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. – Барнаул: Б.и., 1969а. – Вып. 8. – С. 71–88.

Сорокин С.С. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // ТГЭ. – Л., 1969б. – Т. X. – С. 208–236.

Сорокин С.С. Цепочка курганов времен ранних кочевников на правом берегу р. Кок-Су (Южный Алтай) // АСГЭ. – Л., 1974. – Вып. 16. – С. 62–91.

Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. – Л., 1977. – Вып. 18. – С. 57–67.

Социальная структура ранних кочевников Евразии / Под ред. Н.Н. Крадина, А.А. Тишкина, А.В. Харинского. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – 312 с.

Степанова Н.Ф. Куюмский тип памятников VIII–VI вв. до н.э. // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1986. – С. 79–81.

Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кастахта // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. – С. 168–183.

Степанова Н.Ф. Охранные раскопки на Усть-Куюмском могильнике // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 115–119.

Степанова Н.Ф. Раскопки в устье р. Эдиган // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. – №2. – С. 61–73.

Степанова Н.Ф. К вопросу о терминологии и типологии керамики раннего железного века Горного Алтая // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 137–145.

Степанова Н. Ф. Керамика раннего железного века и средневековья с поселения Малый Дуган // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999а. – Вып. X. – С. 166–169.

Степанова Н.Ф. О своеобразии памятников скифского времени Средней Катунь // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999б. – Т. V. – С. 509–513.

Степанова Н.Ф. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2000. – 25 с.

Степанова Н.Ф. К вопросу о кара-кобинской культуре скифского времени Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т. IX. – Ч. I. – С. 484–487.

Степанова Н.Ф. О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры скифской эпохи Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 267–274.

Степанова Н.Ф., Неверов С.В. Курганный могильник Верх-Еланда-II // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 11–24.

- Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – 304 с.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – 464 с.
- Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – 494 с.
- Субботин А.В. Динамика развитой тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2001. – 32 с.
- Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху великого переселения народов. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2004. – 172 с.
- Суразаков А.С. Раскопки в Горном Алтае // Археологические открытия 1978 года. – М.: Наука, 1979. – С. 274.
- Суразаков А.С. Горный Алтай в конце I тыс. до н.э. // Вопросы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1980. – Вып. 1. – С. 193–202.
- Суразаков А.С. Исследования у с. Куюс в Горном Алтае // Археологические открытия 1980 года. – М.: Наука, 1981. – С. 214.
- Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. – С. 121–136.
- Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань-I (к вопросу о выделении кара-кобинской культуры) // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 42–52.
- Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в конце VI – начале II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1985. – 22 с.
- Суразаков А.С. Об этногенезе населения Горного Алтая рубежа бронзы и скифского времени // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1988. – С. 168–171.
- Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1989. – 216 с.
- Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 197–200.
- Суразаков А.С. Раскопки памятников Курота-II и Кор-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. – С. 56–96.
- Суразаков А.С. Памятники Горного Алтая первой половины и середины первого тысячелетия (кудыргинская культура) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1992. – С. 92–97.
- Суразаков А.С. Кош-Тал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Б.и., 1993. – С. 25–45.

Суразаков А.С. Некоторые материалы эпохи раннего железа из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. – №2. – С. 85–93.

Суразаков А.С. Горный Алтай в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. // История Республики Алтай / Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск: Б.и., 2002. – Т. 1. – С. 177–184.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Памятник Кызык-Телань-I в Горном Алтае и его планиграфические особенности // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – Кн. I. – С. 191–198.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. – Барнаул: Азбука, 2007. – 232 с.: ил.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек: Айбек, 1996. – 256 с.: ил.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Иртышского междуречья в системе культур раннесакского времени восточной части степной Евразии // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1: Древние эпохи. – Астана: KULTEGIN, 2003а. – С. 157–179.

Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. – Челябинск: Рифей, 2003б. – 68 с.: ил.

Таиров А.Д. Раннесакские боевые пояса // Российская археология. – 2004. – №1. – С. 140–145.

Тайлор Э.Б. Первобытная культура: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1989. – 574 с.

Тангад Д. Заметки о похоронных обычаях в западных районах МНР // Традиционная обрядность монгольских народов. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 127–133.

Татаро-монголы в Азии и Европе. – М.: Наука, 1970. – 476 с.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. – Л.: Государственный Русский музей, 1927. – Т. III, вып. 2. – С. 57–112.

Теплоухов С.А. Древнеметаллические культуры Минусинского края // Природа. – 1929а. – №6. – Стб. 539–551.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. – Л., 1929б. – Т. IV. – Вып. 2. – С. 41–62.

Тетерин Ю.В. Могильник Дялян – новый памятник предтюрокского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. – С. 155–157.

Тетерин Ю.В. Средневековые памятники у р. Ороктой в долине средней Катуны // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. – Барнаул: БГПИ, 1991. – С. 151–153.

Тетерин Ю.В. Курганы раннего железного века у р. Ороктой в долине средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАИПИ; ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 65–66.

Тетерин Ю.В. Демографическая ситуация в Горном Алтае в конце I тыс. до н.э. // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 126–129.

Тетерин Ю.В. Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. – С. 131–135.

Тетерин Ю.В. Гривны гунно-сарматской эпохи Южной Сибири // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. – №6. – С. 107–115.

Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2004. – Вып. 1. – С. 37–82.

Тихонов И.Л. Палеоэтнологическая школа в Санкт-Петербургском университете (этапы формирования) // Археология Сибири: историография. – Омск: Омск. ун-т, 1995. – С. 43–67.

Тишкин А.А. Некоторые итоги археологических исследований курганов северо-западных предгорий Алтая // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. – Барнаул: Б.и., 1991. – С. 16–19.

Тишкин А.А. Некоторые аспекты культурно-хронологического решения проблемы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994а. – С. 124–127.

Тишкин А.А. Каменные стелы из курганного могильника Бийке на р. Катунь // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск: АКИН, 1994б. – С. 46–49.

Тишкин А.А. Археологические памятники в Змеиногорском районе // Археологические открытия 1994 года. – М.: Наука, 1995. – С. 308.

Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996а. – С. 20–54.

Тишкин А.А. Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1996б. – 28 с.

Тишкин А.А. К вопросу о возможности выделения контактных культур // Горный Алтай и Россия – 240 лет. – Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1996в. – С. 26–28.

Тишкин А.А. Сооружение курганов на могильнике Бийке в Горном Алтае // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996г. – С. 11–13.

Тишкин А.А. Ориентация погребенных людей в курганах раннескифского времени Горного Алтая // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. – СПб.: Вичи, 1996д. – С. 50–54.

Тишкин А.А. Начальный этап накопления сведений об археологических находках раннескифского времени на Алтае // Алтайский сборник. – Барнаул: Алтай, 1997а. – Вып. XVIII. – С. 241–250.

Тишкин А.А. Погребальный обряд населения раннескифского времени Алтая // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997б. – С. 131–132.

Тишкин А.А. Разработка методики поиска на Алтае погребальных комплексов монгольского времени // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск; СПб.: Омск. ун-т, 1998. – Ч. II. – С. 101–103.

Тишкин А.А. Украшения раннескифского времени из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 194–198.

Тишкин А.А. И.-Р. Аспелин – исследователь древностей Сибири: (Краткий биобиблиографический очерк) // Актуальные вопросы истории Сибири: Вторые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000а. – С. 66–72.

Тишкин А.А. Изучение М.П. Грязновым памятников монгольского времени на Алтае // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2000б. – С. 108–110.

Тишкин А.А. Бийкенское святилище в Горном Алтае // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000в. – С. 210–215.

Тишкин А.А. Проблемы изучения населения монгольского времени лесостепной зоны Алтая // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. I: Археология. Этнология. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000г. – С. 169–173.

Тишкин А.А. Методика отбора проб для радиоуглеродного и дендрохронологического датирования: Учеб.-метод. пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001а. – 40 с.

Тишкин А.А. Изучение археологических памятников монгольского времени на Алтае // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001б. – С. 82–84.

Тишкин А.А. О пребывании И.-Р. Аспелина на Алтае // Актуальные вопросы истории Сибири: Третьи научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001в. – С. 124–130.

Тишкин А.А. Предметы вооружения монгольского времени из окрестностей Бийска // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 143–149.

Тишкин А.А. О соотношении бийкенской и майэмирской археологических культур Алтая раннескифского времени // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003а. – Кн. II. – С. 164–166.

Тишкин А.А. Археологические, изобразительные и письменные свидетельства о женских головных уборах монгольского времени // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Наука-Омск, 2003б. С. 125–128.

Тишкин А.А. Культурно-хронологические схемы как отражение основных этапов освоения Алтая и сопредельных территорий // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003в. – С. 203–209.

Тишкин А.А. О необходимости междисциплинарного изучения материалов гунно-сарматского времени Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004а. – С. 296–300.

Тишкин А.А. Особенности этнокультурного развития населения Алтая в монгольское время // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004б. – С. 122–128.

Тишкин А.А. Погребальный комплекс монгольского времени на памятнике Кармацкий в Верхнем Приобье // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Алматы; Омск: Наука, 2004в. – С. 271–274.

Тишкин А.А. Создание схем исторического развития древних и средневековых народов Алтая // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2004г. – С. 32–37.

Тишкин А.А. Опыт изучения на Алтае археологических микрорайонов // Археологические микрорайоны Северной Евразии / ОФ ОИИФиФ СО РАН. – Омск: Изд-во Омск. ун-т, 2004д. – С. 89–93.

Тишкин А.А. Проблемы выделения керамического комплекса раннескифского времени в Горном Алтае // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005а. –Т. 2. – С. 169–178.

Тишкин А.А. Материалы к изучению социогенеза населения Горного Алтая монгольского времени // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005б. – Ч. 1. – С. 317–322.

Тишкин А.А. Проблема происхождения бийкенской культуры Алтая раннескифского времени и выделение основных этапов ее развития // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005в. – Ч. 1. – С. 322–327.

Тишкин А.А. Роль С.В. Киселева в создании культурно-хронологических схем истории Южной Сибири // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск: РИО КГПУ, 2005г. – С. 255–257.

Тишкин А.А. Возможности реконструкции женской одежды хуннского времени по археологическим материалам из Горного Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005д. – С. 195–201.

Тишкин А.А. Керамические сосуды из курганов хуннского времени могильника Яломан-II // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005е. – С. 129–135.

Тишкин А.А. Об одном моменте в изучении культуры кочевников Горного Алтая раннескифского времени // Древние кочевники Центральной Азии (история культуры, наследие). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005ж. – С. 41–44.

Тишкин А.А. Об использовании естественно-научных методов при археологических исследованиях: некоторые сведения о радиоуглеродном методе и рекомендации по отбору проб // Методика археологических исследований Западной Сибири. – Омск: Фаворит, 2005з. – С. 202–219.

Тишкин А.А. Элита в древних и средневековых обществах скотоводов Евразии: перспективы изучения данного явления на основе археологических материалов // Монгольская империя и кочевой мир. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005и. – Кн. 2. – С. 43–56.

Тишкин А.А. Результаты и перспективы междисциплинарного изучения крупных археологических комплексов Алтая // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005к. – Вып. 1. – С. 196–200.

Тишкин А.А. Новые и известные находки каменных стел и изваяний скифского времени на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005л. – Вып. XIV. – 171–179.

Тишкин А.А. Китайские зеркала из памятников ранних кочевников Алтая // Россия и АТР. – 2006а. – №4. – С. 111–115.

Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологическая концепция и этнокультурная история): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Барнаул, 2006б. – 54 с.

Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологическая концепция и этнокультурная история): Дис. ... докт. ист. наук. – Барнаул, 2006в. – 486 с.

Тишкин А.А. Археологические обследования на Алтае и в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006г. – Т. XII, ч. I. – С. 498–492.

Тишкин А.А. Алтай в период раннего средневековья (историко-культурная панорама и результаты археологических исследований) // Средневековая археология евразийских степей. – Казань: Изд-во Ин-та истории АН РТ, 2007а. – Т. I. – С. 3–8.

Тишкин А.А. Радиоуглеродное датирование памятников Алтая периода раннего средневековья (тюркская и кыргызская культуры) // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. – СПб.: Теза, 2007б. – 283–290.

Тишкин А.А. Китайские изделия в материальной культуре кочевников Алтая (2-я половина I тыс. до н.э.) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. – Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007в. С. 176–184.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раскопки на Алтае // Археологические открытия 1997 года. – М.: Эдиториал УРСС, 1999а. – С. 316–318.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Материалы исследования памятника Усть-Бийке-III в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999б. – Т. V. – С. 520–526.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002а. – №9. – С. 82–91.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002б. – Т. VIII. – С. 456–461.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003а. – Т. IX, ч. I. – С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003б. – №10. – С. 107–117.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Безынвентарные погребения эпохи средневековья в Восточном Казахстане // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Алматы; Омск: Наука, 2004. – С. 271–274.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005а. – Ч. 1. – С. 327–333.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005б. – 200 с. + вкл.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. – 2006. – №3. – С. 31–40.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс вооружения «эпохи великого переселения народов» из Горного Алтая (по материалам могильника Яломан-II) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 164–172.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Снаряжение кочевников как этнокультурный и хронологический показатель // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 6–10.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 276 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Яломанский археологический микрорайон в Горном Алтае // Археологические микрорайоны

Северной Евразии. – Омск: Изд-во Омск ун-та; ОФ ОИИФиф СО РАН, 2004. – С. 93–97.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 126 с.: ил.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Системный подход при изучении археологических находок // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск: РИО КГПУ, 2005а. – С. 227–229.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Реконструкция уздечных наборов булан-кобинской культуры (по материалам памятника Яломан-II) // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005б. – С. 118–122.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Классификация погребальных сооружений скифской эпохи Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. – №2. – С. 19–24.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Значение лошади в культуре населения Горного Алтая скифской эпохи // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск, 1998а. – Т. I. – С. 581–591.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Ориентация и положение погребенных людей в курганах скифской эпохи Горного Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998б. – С. 77–83.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Погребения человека с конем в курганах пазырыкской культуры // История и культура народов Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем. – Горно-Алтайск: Универ-Принт, 1998в. – С. 16–19.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Комплекс археологических памятников около с. Чинета в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 468–471.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье: Мат. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003а. – Кн. 2. – С. 166–168.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003б. – 430 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Исследование памятников пазырыкской культуры на Чинетинском и Яломанском комплексах в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003в. – Т. IX, ч. I. – С. 494–497.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая: Учеб. пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 238 с. + вкл.

Тишкин П.К., Дашковский П.К. Этнокультурная ситуация на Алтае в скифскую эпоху // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. – М.: ИА РАН, 2005а. – С. 248–267.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. О государственности «пазырыкцев» // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005б. – Вып. 1. – С. 50–59.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Результаты радиоуглеродного датирования памятников пазырыкской культуры Ханкаринский дол и Яломан-III // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. – СПб.: Теза, 2007а. – С. 291–299.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. К дискуссии о культурно-хронологическом разграничении на Алтае захоронений скифской эпохи в каменных ящиках // Алтай-Саянская горная страна и соседние территории в древности. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007б. – С. 13–22.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – Т. X. – Ч. I. – С. 410–415.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Новые объекты эпохи средневековья на Чинетинском археологическом комплексе в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI. – Ч. I. – С. 476–479.

Тишкин А.А., Кунгуров А.Л., Семибратов А.Л. Аварийный памятник Усть-Алейка-Клуб в Калманском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – Вып. XIV. – С. 44–47.

Тишкин А.А., Леонова И.Ю. Особенности погребальных конструкций бийкенской археологической культуры и их семантика // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 363–371.

Тишкин А.А., Леонова И.Ю. Погребальная практика носителей бийкенской культуры Алтая: семантика археологического комплекса // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2005. – Т. 2. – С. 279–294.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Начало изучения комплекса деревянных изделий булан-кобинской культуры Алтая // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 159–165.

Тишкин А.А., Пилипенко С.А. Опыт реконструкции женских головных уборов монгольского времени // V Конгресс этнографов и антропологов России. – М.: УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2003. – С. 233.

Тишкин А.А., Тишкина Т.В. Результаты археологического исследования курганного могильника Бийке в Горном Алтае // Горный Алтай и Россия – 240 лет. – Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1996. – С. 34–38.

Тишкин А.А., Тишкина Т.В. Деятельность Н.С. Гуляева в Обществе любителей исследования Алтая (1891–1902 гг.) // Гуляевские чтения. – Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 1998. – Вып. 1. – С. 124–130.

Тишкин А.А., Тишкина Т.В. Путешествия Н.С. Гуляева в «Киргизскую степь» // Алтайский архивист: информационно-методический бюллетень. – Барнаул: Азбука, 2000. – С. 18–23.

Тишкин А.А., Хаврин С.В. Предварительные результаты спектрального анализа изделий из памятника гуно-сарматского времени Яломан-II (Горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 300–306.

Тишкин А.А., Хаврин С.С. Использование рентгенофлуоресцентного анализа в археологических исследованиях // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – Вып. 2. – С. 74–86.

Тишкин А.А., Хаврин С.В., Френкель Я.В. Бусы хуннского времени (по материалам раскопок памятника Яломан-II в Горном Алтае) // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 212–215.

Тишкина Т.В. Некоторые проблемы организации изучения археологических памятников Алтая в 1860–1920-х гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – Вып. VIII. – С. 27–30.

Тишкина Т.В. Деятельность АО РГО в 1924–25 годах в связи с приездом на Алтай С.И. Руденко и М.П. Грязнова // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 191–193.

Тишкина Т.В. Гуляев Николай Степанович // Исследователи Алтайского края XVIII – начала XX в. – Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2000а. – С. 68–70.

Тишкина Т.В. Гуляев Степан Иванович // Исследователи Алтайского края XVIII – начала XX в. – Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2000б. – С. 70–72.

Тишкина Т.В. Менье // Барнаул: Энциклопедия. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000в. – С. 183–184.

Тишкина Т.В. Николай Степанович Гуляев (1851–1918 гг.) (первая половина жизненного пути) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 134–145.

Тишкина Т.В. Деятельность краеведческих организаций Алтая в 1918–1931 гг. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 230 с.

Тишкина Т.В. Археологические коллекции Н.С. Гуляева в собраниях музеев России // Известия Алт. гос. ун-та. Сер.: История, политология. – 2007. – №4/2. – С. 152–156.

- Тойнби А. Дж. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
- Топоров В.Н. Квадрат // Мифы народов мира. – М., 1997. – Т. 1. – С. 630.
- Топоров В.Н., Мейлах М.Б. Круг // Мифы народов мира. – М., 1997. – Т. 2. – С. 18–19.
- Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. – М., 1994.
- Тохтасьев С.Р. К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и Малой Азии // Российская археология. – 1993. – №2. – С. 89–97.
- Трифанова С.В. Серьги из памятников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во Алт. ун-та, 2004а. – №12. – С. 92–95.
- Трифанова С.В. Классификация серег гунно-сарматского времени Саяно-Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004б. – С. 306–310.
- Трифанова С.В. Классификация гривен Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005а. – С. 201–205.
- Трифанова С.В. Реконструкция украшений головы из курганов Айрыдаша // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005б. – С. 95–105.
- Трифанова С.В. Нашивные бляшки из памятников из памятников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005в. – С. 139–144.
- Тур С.С. Краниологические материалы из раннескифских могильников Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения раннескифского времени. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – С. 136–147.
- Тур С.С. Об уралоидном компоненте в антропологическом составе населения Горного Алтая скифского времени // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 203–205.
- Тур С.С. Антропологический состав населения Средней Катунки скифского времени (внутригрупповой анализ) // Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 137–169.
- Тур С.С., Рыкун М.П. Краниологические материалы пазырыкской культуры из могильников урочища Кызыл-Джар // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – №12. – С. 32–49
- Уманский А.П. Археологические раскопки К.Ф. Ледебера в Горном Алтае (1826) // УЗ ГАНИИИЯЛ. – Горно-Алтайск: Б.и., 1964. – Вып. 6. – С. 35–52.
- Уманский А.П. Безмолвные стражи алтайских степей // Алтай: Альманах. – Барнаул, 1966. – №2 (37). – С. 93–116.

Уманский А.П. Итоги археологических исследований на территории Алтайского края за 50 лет Советской власти // Известия Алтайского отдела Географического общества СССР. – Барнаул, 1969. – Вып. 10. – С. 84–107.

Уманский А.П. Первые сведения о юго-западных районах современного Алтайского края в русских документах // Серебряный венец России: Очерки истории Змеиногорска. – Барнаул: Б.и., 1999. – С. 66–72.

Упанишады: Пер. с санскр. – М.: Вост. лит., 2000. – 782 с.

Учение Л.Н. Гумилева и современность. – СПб.: НИИХимииСПбГУ, 2002. – 337 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. – М. Изд-во Моск. ун-та, 1966. – 274 с.

Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В., Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 320 с.

Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 128 с.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. – М.: Знак, 2004. – 320 с. (Studia historica).

Фролов Я.В. Археологическая и этнографическая коллекция Барнаульского музея в XIX в. // Краеведческие записки. – Барнаул: Алтай, 2001. – Вып. 4. – С. 57–66.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Ракурс, 1994. – 170 с.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. – М.: Наука, 1971. – 169 с.

Хазанов А.М. О периодизации истории кочевников евразийских степей // Проблемы этногеографии Востока. – М., 1973.

Хисматуллин А.А., Крюкова В.Ю. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. – СПб., 1997. – 272 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. – Новосибирск: Наука, 1982. – 237 с.

Худяков Ю.С. Вооружение древних тюрок Горного Алтая // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 3–27.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986а. – 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение племен Горного Алтая первой половины I тыс. н.э. // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986б. – С. 81–99.

Худяков Ю.С. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. – С. 186–201.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 336 с.

Худяков Ю.С. Охранные раскопки в зоне затопления Катунской ГЭС в 1990 году // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. – С. 153–155.

Худяков Ю.С. Хронология могильника Усть-Эдиган // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. – С. 158–160.

Худяков Ю.С. Мумифицированное захоронение из могильника Усть-Эдиган // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 118–135.

Худяков Ю.С. Охранные работы Катунского отряда в зоне затопления Катунской ГЭС в 1988–1991 гг. // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 82–85.

Худяков Ю.С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1993а. – С. 107–148.

Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири II в. до н.э. – V в. н.э. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993б. – 89 с.

Худяков Ю.С. Палеодемографические аспекты изучения могильника Усть-Эдиган // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 134–136.

Худяков Ю.С. Енисейские кыргызы на Алтае и Прииртышье // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. – Новосибирск, 1995. – Т. II. – С. 58–61.

Худяков Ю.С. Хунны в Саяно-Алтае // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. – Улан-Удэ: Олзон, 1996. – Ч. I. – С. 40–42.

Худяков Ю.С. Новые находки хуннского времени из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. – С. 145–155.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. – №2. – С. 28–37.

Худяков Ю.С. Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998а. – №3. – С. 97–112.

Худяков Ю.С. Зеркала могильника Усть-Эдиган // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998б. – №3. – С. 135–143.

Худяков Ю.С. Раскопки аварийных объектов на памятниках Кок-Эдиган и Чоба-Бильдыр в Горном Алтае // Сохранение и изучение куль-

турного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998в. – С. 167–169.

Худяков Ю.С. Керамика хуннского времени из долины р. Эдиган // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998г. – С. 206–211.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Усть-Эдиган в 1990 году // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово; Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998д. – С. 160–206.

Худяков Ю.С. Предметный комплекс из памятников кыргызов XI–XII вв. в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 161–171.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002а. – Т. VIII. – С. 472–478.

Худяков Ю.С. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002б. – С. 79–87.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003а. – Т. IX. – Ч. I. – С. 504–509.

Худяков Ю.С. Реконструкция женского костюма кочевников хуннского времени Горного Алтая // Археология и этнография Алтая / Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2003б. – Вып. 1. – С. 78–88.

Худяков Ю.С. Кок-Эдиган – новый памятник кыргызской культуры в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая / Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2003в. – Вып. 1. – С. 99–109.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – 152 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских номадов в II–V вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. – Новосибирск: Новосиб. ун-т, 2005. – С. 19–55.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тянгыс-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – Т. IV. – С. 369–373.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1997. – №3. – С. 10–18.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1996. – №3. – С. 46–53.

Худяков Ю.С., Лхагвасурэн Х. Находки из древнетюркского погребения в местности Загал в Монгольском Алтае // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. – №8. – С. 94–105.

Худяков Ю.С., Миронов В.С. Археологические исследования на могильнике Кок-Эдиган // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – Т. III. – С. 310–313.

Худяков Ю.С., Миронов В.С. Раскопки курганов пазырыкской культуры в долине р. Эдиган в 1998 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 374–378.

Худяков Ю.С., Миронов М.В. Раскопки курганов пазырыкской культуры на памятниках Кок-Эдиган и Тянгыс-Тыт в 1999 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 537–541.

Худяков Ю.С., Мороз М.В. Коллекция оружия из могильника Усть-Эдиган // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 177–185.

Худяков Ю.С., Мороз М.В. Коллекция керамической посуды из могильника Усть-Эдиган // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: БГПИ, 1992. – С. 131–134, 227–228.

Худяков Ю.С., Плотникова А.В., Миронов В.С. Раскопки могильника Ак-Кара-Бом // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 424–428.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 95–150.

Худяков Ю.С., Цвэндорж Д. Новые находки хуннских луков в Гобийском Алтае // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 126–132.

Худяков Ю.С., Эбель А.В., Кочеев В.А. Лук и стрелы из погребения на реке Кам-Тытугом в Горном Алтае // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 279–288.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. – №5. – С. 37–48.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Керамическая посуда культуры сяньби // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ; Чита: Изд-во Бурят. ун-та, 2002. – Вып. 1. – С. 138–142.

Цвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 51–87.

Цыб С.В. Возникновение «теории стадиальности» в советской археологической науке // Вопросы историографии Сибири и Алтая. – Барнаул: БГПИ, 1988. – С. 172–188.

Черемисин Д.В. Разведки на Катунь // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – Ч. I. – С. 140–144.

Чернецов В.Н. Рец. на работу С.И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время // СЭ. – 1954. – №2. – С. 183–187.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 272 с. – (МИА. №88).

Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 132–136.

Чикишева Т.А. Характеристика палеоантропологического материала памятников Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 157–174.

Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения пазырыкской культуры Горного Алтая // Новейшие археологические и этнографические открытия. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. – С. 249–252.

Чикишева Т.А. К вопросу об антропологическом сходстве населения пазырыкской культуры и сакской этнокультурной общности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – Т. III. – С. 314–320.

Чикишева Т.А. Особенности динамики антропологического состава населения Горного Алтая в древности (от эпохи неолита до нашей эры) // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 631–643.

Чикишева Т.А. Вопросы происхождения кочевников Горного Алтая эпохи раннего железа по данным антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – №4. – С. 107–121.

Чикишева Т.А. Население Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики) / В.И. Молодин, М.И. Воевода, Т.А. Чикишева и др. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 63–120. – (Интеграционные проекты СО РАН; вып. 1).

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – №3. – С. 116–131.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. – 184 с.

Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. – М.: Наука, 1976. – 103 с. + табл.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. – М.: ИА РАН, 1997. – 98 с. (+вкл).

Чугунов К.В. Датировка больших Пазырыкских курганов – новый виток старой дискуссии // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – Ч. 1. – С. 167–169.

Чугунов К.В. Аржан – источник // Аржан: Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. – СПб.: Славия, 2004. – С. 10–39.

Шевченко О.В. Начало творческого пути М.П. Грязнова: исследование истории ранних кочевников // Вопросы истории археологических исследований Сибири. – Омск: Омск. ун-т, 1992. – С. 78–84.

Шер Я.А. О статье И.Н. Медведской «Периодизация скифской архаики и древний Восток» // РА. –1993. – №2. – С. 98–100.

Шилз Э. О соотношении центра и периферии // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост. Б.С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1998. С. 171–176.

Шмидт О.Г. Археологические исследования С.И. Руденко в Северной Евразии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 24 с.

Шпенглер О. Закат Европы. – Новосибирск: Наука, 1993. – 592 с.

Шталь И.В. Греческий архаический эпос: космос, боги, люди // О происхождении богов. – М.: Сов. Россия, 1990. – С. 5–20.

Шульга П.И. К вопросу о культуре скотоводов Горного Алтая в VI–II вв. до н.э. // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1986. – С. 20–23.

Шульга П.И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). – Кемерово: КемГУ, 1989. – Ч. II. – С. 41–44.

Шульга П.И. Поселения раннего железного века в Горном Алтае: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1990. – 18 с.

Шульга П.И. Поселение Элекмонар-4 на Средней Катуні // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1995. – №1. – С. 59–75.

Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на Средней Катуні // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 106–123.

Шульга П.И. О сакском влиянии на Алтай в раннескифское время // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Омск. ун-т, 1997. – С. 193–196.

Шульга П.И. О происхождении и раннем этапе развития пазырыкской культуры // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998а. – Т. I. – С. 702–712.

Шульга П.И. Раннескифская упряжь в VII – начале VI вв. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998б. – С. 25–49.

Шульга П.И. Курган кара-кобинского типа на реке Урсул // Актуальные вопросы истории Сибири: Научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998в. – С. 272–278.

Шульга П.И. Поселение Партизанская Катущка на Катуні // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998г. – С. 146–164.

Шульга П.И. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 245–250.

Шульга П.И. О содержании понятия «майэмирская культура» и этнокультурной ситуации в северо-западных предгорьях Алтая в раннескифское время // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Омск. ун-т, 2000. – С. 148–150.

Шульга П.И. Третий тип погребений пазырыкской культуры // Актуальные вопросы истории Сибири: Третьи научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 98–102.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 204 с.

Шульга П.И. Могильник Гилево-10 как памятник финала раннескифского времени // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 521–527.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 112–130.

Шульга П.И., Шульга Н.Ф. Три раннескифских кургана из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 250–255.

Щапова Ю.Л. Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель. – М.: КомКнига, 2005. – 192 с.

Эбель А.В. Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1998. – 23 с.

Эйзенштадт Ш. Структура отношений центра и периферии в имперских и имперско-феодальных режимах // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост. Б.С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1998. С. 176–180.

Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. – М.: Ладомир, 1999. – 488 с.

Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С. Хуннское оружие дистанционного боя из могильника Эгин-Гол в Северной Монголии // Вестник НГУ. – 2003. – Т. 2. – Вып. 3. – С. 43–53.

Эрлих В.А. Творческие интересы М.П. Грязнова: некоторые статистические данные // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Омск. ун-т, 1993. – Ч. I. – С. 102–106.

Юнусалиев Б.М. Проблема формирования общенародного киргизского языка // Вопросы языкознания. – 1955. – №3.

Юрченко А. Империя и космос. Опыт интерпретации средневекового описания империи Чингисхана // Ab Imperio. – 2002. – №1. – С. 107–184.

Яремчук О.А. Некоторые проблемы изучения истории сяньбийских племен // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 169–175.

Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Чита, 2005. – 24 с.

Ярхо В.Н. Греческая литература архаического периода // История всемирной литературы. – М.: Наука, 1983. – Т. 1. – С. 312–342.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

Баяр Д. Алтан ургийн язгуутны нэгэн булшийг судалсан нь. – Уланбаатар хот, 2000. – 33-р тал, 31 зураг.

Нэй Мэнгу дицой сяньбэй муцзандэ фасянь юй яньцзю [Находки и исследования сяньбийских могильников во Внутренней Монголии] / Под ред. Вэй Цзянь. – Пекин: Кэсюэ яизбаньшэ, 2004. – XVIII, 335 + 28 цв. ил. + 24 ил.

Misra V.D., Misra B.B. Megalithic Cultures of the Adwa Valley // Pragdhara. – 2002. – №12. – P. 133–143, pl. 53–68.

Sarianidi V. Bactrian Gold. – Leningrad: Aurora Art Publishers, 1985. – 260 p.

Thapar B.K., Sharma A.K. Indian megaliths in asian context. – New Delhi, 1994. – 56 p.+pl.

Zakharov A.A. Materials of the archaeology of Siberia: Dr. V.V. Radloff's excavations in Berel Steppe // Eurasia Septentrionalis antique. – Helsinki, 1928. – Т. 3.

Список сокращений

АГКМ – Алтайский государственный краеведческий музей (г. Барнаул).

АГПИ – Абаканский государственный педагогический институт.

АГУ (ныне АлтГУ) – Алтайский государственный университет.

АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию (г. Горно-Алтайск).

АН СССР – Академия наук Советского Союза.

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.

БГПИ – Барнаульский государственный педагогический институт.

Б.и. – без издательства.

БКМ – Бийский краеведческий музей.

БНЦ – Бурятский научный центр.

ВГО – Всероссийское географическое общество.

ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт (ныне – ГАГУ).

ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.

ГАИГИ – Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований (быв. ГАНИИИЯЛ, ныне – Институт алтаистики им. С.С. Суразакова).

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.

ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

ГАРКМ – Горно-Алтайский республиканский краеведческий музей (ныне – НМРА).

ГИМ – Государственный исторический музей.

ГМВ – Государственный музей Востока.

ГРМ – Государственный Русский музей.

ГЭ – Государственный Эрмитаж.

Д. – дело.

ДВГУ – Дальневосточный государственный университет.

ДонНУ – Донецкий национальный университет.

ИА – Институт археологии.

ИИМК – Институт истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург).

ИИФиФ – Институт истории, филологии и философии.

ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.

КСИА – Краткие сообщения ИА.

КСИИМК – Краткие сообщения ИИМК.

КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии.

ЛГУ – Ленинградский государственный университет.

ЛНИАО – Ленинградское научно-исследовательское археологическое объединение.

ЛФ ЦЭНДИСИ – Ленинградский филиал Центра научно-технической деятельности, исследований и социальных инициатив.

МАЭ – Музей антропологии и этнографии.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

МП РСФСР – Министерство просвещения Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

НГПИ – Новосибирский государственный педагогический институт (ныне – НГПУ).

НГУ – Новосибирский государственный университет.

НМРА – Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина (быв. ГАРКМ).

ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет.

Оп. – опись.

РА – Российская археология.

РАН – Российская академия наук.

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников.

Св. – свод.

СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.

СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа.

СО – Сибирское отделение.

Стб. – столбец.

СЭ – Советская этнография.

ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа.

ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция.

ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

УЗ – Ученые записки.

Ф. – фонд.

ЦХАФ АК – Центр хранения архивных фондов Алтайского края (г. Барнаул).

SUMMARY

A.A. Tishkin

MAKING OF PERIODIZATIONAL AND CULTURAL AND CHRONOLOGICAL SCHEMES: HISTORICAL EXPERIENCE AND MODERN CONCEPTION OF STUDY OF ANCIENT AND MEDIEVAL NATIONS OF ALTAY

The task of cultural and chronological schemes making is set before researchers of regions of Eurasia. It is based on the study of different sources and fixed historical processes that reflex objective regularity. Such a task is actually modern for territories where nations existed that did not have writing and recreation of past times is mainly based on archaeological materials. Besides, there are attempts to make numerous materials into a whole on a higher level of world history structure comprehension. It is important to take into account the experience of such predecessors for more effective solving of modern problems of the given theme.

However, there are many questions about place and time of one or another historical event in rather a generalized and linear system. The present experience of historical periodizations is mainly based on centrism of Europe that is a one-sided approach and it makes it difficult to perceive events and processes of societies' development in other parts of the world. Cultures that did not have writing are the weakest in the context. The author suggests the way of such practice overcoming through a step-by-step realization of the present data generalizations and making of cultural and chronological schemes synchronized with historical indicators. Such schemes would give an opportunity to solve difficult problems of Eurasian history scheme of organization. Solving of this problem demands much time and force. The problem cannot be solved in the very near future, but the work is in the process in many regions and there are material results. It is important to understand the already formed ways of the past dividing into definite cultural and chronological pieces.

The author adhered to the next system correspondence when making the cultural and chronological scheme of the Altay study: epoch, period, time, culture, stage. Epochs (antiquity and the Middle Ages) reflex the highest level of generalization and perception the known numerous data. They include rather significant in time and content periods (early, developed and late antiquity; early, developed and late Middle Ages) in the frames of which cultural and chronological pieces appeared and were named by the known ethnic or agreed (according to significant sites) sign: Early Scythian (Early Saks or Arzhan-Mayemir) time, pazyryk, Khunn-Syanbiisk-Zhuzhansk («Gunn-Sarmat»), Turks, Kyrgyz and Mongolian times. There are stages in each archaeological culture singled out for Altay. Such an approach is one of traditional forms of modern historical mentality. It demonstrates the different stages of the fixed event (the process of formation, forming, growth, modification, transformation and decay) that reflex

the content of any objective periodization. When stating the data there were used close in meaning terms and concepts borrowed from other schemes and conceptions. Let us bring everything into line for more concrete understanding of the situation: epoch of late antiquity – the Early Iron Age (epoch of early iron) – Scythian and «Gunn-Sarmat» time – epoch of early nomads; epoch of early and developed Middle Ages – the Late Iron Age – Turks, Kyrgyz and Mongolian time – epoch of late nomads. Experience of the work showed no contradictions in the formed and used meanings.

The «triple» principle was not strictly adhered to in the given cultural and chronological scheme. Not every singled out community had representative data and historical development of cultures shows variety of changes reasons and existence forms. However, we agree that triple structure is the basic profound core of any periodization especially in the very beginning of comprehension stages of sufficient knowledge because «...every phenomenon has its beginning (period of appearance or forming), period of growth (time of the highest concentration of its peculiarities) and the end (period of dispersing or decay or, on the contrary, period of the last elevation of «creative power» bearers of cultural tradition») (Savinov, 2005, p. 28).

An attempt of making a comprehensive cultural and chronological conception for the study of Altay nations history during 2200 years was undertaken for the first time in the monograph. Existence of different sources about the given periods and numerous unsolved problems of private character left its mark upon formulations of a common character. The got results make stable basis for the further data systematization and researches intensification.

Great experience of periodization schemes making was thoroughly analyzed for the realization of the planned goal. Many generations of foreign researches and researches of our country worked at methodological, pragmatic and other approaches to the mankind history structure. Consideration of such data and system of making of cultural and chronological schemes in archaeology gave an opportunity for modern survey of questions of terms order and their relations. As the result, there formed rather a logical and understandable chain of common, private and individual designations of historical process that reflex characteristics of chronological frames based on traditional Eurasian system (Antiquity, the Middle Age, New, Modern time) and on classical scheme of «three ages».

Generalization of accumulated data of all marked periods was made upon the worked out methodic and methodological approaches. As the result of system order principal the next scheme of staged development of the marked cultures of Altay took shape was briefly characterized.

The Late Antiquity

(The Early Iron Age; VIII century B.C. – V century A.D.)

– Arzhan-Mayemir time: **Biike culture** and its stages: kurtus (end of IX – first half of VIII centuries B.C.); semisart (second half of VIII – first half of

VII centuries B.C.); boitygem (second half of VII – second and third quarter of VI centuries B.C.);

– Pazyryk time: **Pazyryk culture** and its stages: bashadar (second half of VI – first half of V centuries B.C.); kyzyldzhar (second half of V – third quarter of IV centuries B.C.); shibe (last quarter of IV – III centuries B.C.);

– Khunnu-Syanbi-Zhuzhan time: **Bulan-Koby culture** and its stages: ust-edigan (II century B.C. – I century A.D.); belo-bom (II – I half of IV century A.D.); verkh-uimon (second half of IV – first half of V centuries A.D.).

The Early and Developed Middle Ages (The Late Iron Age; VI–XIV centuries A.D.)

– Turk time: **Turk culture** and its stages: kyzyldzhar (second half of V – first half of VI centuries); kudyrga (second half of VI – first half of VII centuries); katanda (second half of VII – first half of VIII centuries); tükta (second half of VII – first half of IX centuries); kurai (second half of IX – first half of X century); baltarga (second half of X – XI centuries);

– Kyrgyz time: **Kyrgyz culture** and its stages: yakonur (second half of IX – first half of X centuries); ak-tash (second half of X – XI centuries);

– Mongol time: **Mongolian time culture** and its stages: verkh-elanda (XII century A.D.); ust-biike (XII – XIV centuries).

The typological method was the basic approach while realizing researches complex. It was directed to complexes dividing and their classifying with the help of generalized model. This method is traditionally used in archaeology with the purpose of comparative study as separate categories of subjects, buildings and things and their totality. It especially concerns the development of concrete types of goods in time and space. Connections, functions, relations and level of objects organization were revealed during the work. The realized approach gave an opportunity to reveal the regularity of cultural development of nomadic cattle-breeding communities. Chronology of the material complex was defined with the help of a wide range of analogies a part of which was dated radio-carbonic and dendro-chronological methods. It is necessary to mark usage of synchronization for establishing the chronological correspondence of the singled out stages with the dated historical events and processes. Work on the results gathering is represented in the book appendix. The gathering was made in different laboratories of radio-carbonic analysis of samples that were taken from the sites of Altay. A part of precised data was got with the help of special program worked out in the laboratory of Washington University. Author's elaborations are accumulated in the book. They found their reflection in numerous articles, monographs, dissertations and teaching aids.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Раздел I. ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО СТРУКТУРИРОВАНИЯ ИСТОРИИ	
Глава 1. Периодизации в исторической науке: европейский опыт и некоторые методологические проблемы	10
Глава 2. Накопление сведений по древней и средневековой истории Южной Сибири и первые попытки обобщения археологических материалов	30
Глава 3. Культурно-хронологические схемы изучения истории Алтая, разработанные в советский период (1920–1990 гг.) и в последующее время	43
Раздел II. СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ АЛТАЯ	
Глава 1. Бийкенская культура (аржано-майэмирское время): выделение, основные характеристики и вопросы происхождения.....	79
Глава 2. Пазырыкская культура (пазырыкское время): современные проблемы и их решения	123
Глава 3. Булан-кобинская культура (хуннуско-сяньбийско-жужанское время): содержание и исторический контекст	158
Глава 4. Культуры Алтая раннего и развитого средневековья (тюркское, кыргызское и монгольское время): процессы формирования и этапы развития	185
Заключение.....	235
Приложение.....	240
Библиографический список	289
Список сокращений.....	350
Summary.....	352

Научное издание

Алексей Алексеевич Тишкин

**СОЗДАНИЕ ПЕРИОДИЗАЦИОННЫХ И КУЛЬТУРНО-
ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ СХЕМ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
И СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ
И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ АЛТАЯ**

Монография

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Технический редактор: А.А. Тишкин
Дизайн обложки: С.Н. Кисленко

*Для оформления обложки использована репродукция картины
красноярского художника Н.И. Рыбакова «Белый берег»
(из каталога выставок: N. RYBAKOV. PAINTING.
NEW COLLECTION. Красноярск, 2004)*

Подписано в печать 12.11.2007. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 20,5. Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а